Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 12 2022 Декабрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт государства и права РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2022

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 12 2022 December

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of State and Law of the RAS, 2022
© Editorial Board of "State and Law", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 12, 2022

Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей?
(Размышления над книгой А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»)
Ильгам Рагимов, Чингиз Абдуллаев, Азер Джафаров, Шахла Самедова, Ханлар Аликперов 7

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Автономия религиозных организаций и свобода вероисповедания в условиях распространения COVID-19 (опыт России и Италии)
И.А. Пибаев 27

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Суд и нотариат: перспективы онтологического единства
Е.В. Михайлова 38

Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства
С.В. Бурмагин, П.К. Барабанов 45

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира
В.Н. Плигин 54

Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право»)
С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов 59

Эволюция принципа верховенства права в истории цивилизации
А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т.
А.С. Луньков 68

* * *

Надотрасль как новый элемент системы права
М.А. Соколова 71

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Неустойка (пеня) в случае просрочки исполнения обязательств поставщика в Законе о контрактной системе: особенности регулирования
А.В. Габов, В.А. Лаптев 78

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Понятийный аппарат экологического права в работах О.И. Крассова (К юбилею ученого)
И.А. Игнатьева 86

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Система административного права: актуальная трактовка
А.А. Гришковец 92

Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации
А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев 99

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Семейное насилие как негативное социальное явление современного общества
Н.В. Летова 106

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики
О.Л. Солдаткина 112

В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора в национальном законодательстве и международных договорах государств – членов Евразийского экономического союза
Н.Ю. Ерпылева, Д.М. Максимов 119

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 100-летию Уголовного кодекса РСФСР: ретроспективный анализ понятия преступления первых лет советской власти
В.Е. Батюкова 131

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Коллективное и индивидуальное познание в деятельности правоприменителя
В.А. Болдырев, К.Г. Сварчевский 139

Вещное право в отражении зарубежной цивилистики
Л.В. Щенникова 145

Особенности оспаривания решений собраний
А.В. Пушкина 152

Защита права педагога на частную жизнь: поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов
Л.В. Борисова 158

Решение суда в системе гражданского процессуального права
К.А. Лебедь 164

Связь условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах
Г.Н. Уткин 169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»)
В.М. Баранов, Н.В. Кроткова, М.В. Баранова 173

Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР)
Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко 186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О воссоединении юридической науки и практики посредством комплексного праворегулирования в Российской Федерации
Ю.Н. Туганов 193

Авторский указатель за 2022 год 197

CONTENTS

Number 12, 2022

The Nuremberg Trials: the triumph of justice or the trial of the victors?
(Reflections on the book by A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace")
Ilgam Ragimov, Chingiz Abdullayev, Azer Jafarov, Shakhla Samedova, Khanlar Alikperov 7

LAW AND RELIGION

Autonomy of religious organizations and freedom of religion in the context
of the spread of COVID-19 (experience of Russia and Italy)
I.A. Pibaev 27

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

Court and notaries: perspectives of ontological unity
E.V. Mikhailova 38

Legal models of changing charges in court: comparative legal analysis
of the procedures of Russian and foreign legal proceedings
S.V. Burmagin, P.K. Barabanov 45

DISCUSSIONS AND DEBATES

A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace
V.N. Pligin 54

Law at the bifurcation point: discussion of the conceptual study military problems
of International Law (Discussion in the format of the "Round Table" based
on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" Volume III
of the monograph "Military Law")
S.O. Gavrilov, I.N. Glebov, S.G. Chukin, I.V. Kholikov, P. Yu. Naumov 59

The evolution of the principle of the Rule of Law in the history of civilization
A.N. Savenkov. State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols.
A.S. Lunkov 68

* * *

Superbranch of law as a new element of the legal system
M.A. Sokolova 71

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Penalty in the event of delay in the performance of obligations by the supplier
in the Law on the contract system: regulation features
A.V. Gabov, V.A. Laptev 78

ENVIRONMENTAL LAW

The conceptual apparatus of Environmental Law in the works of O.I. Krassov
(To the anniversary of the scientist)
I.A. Ignateva 86

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

System of Administrative Law: actual interpretation
A.A. Grishkovets 92

Law enforcement policy in the field of countering administrative tort:
the main trends and issues of modernization
A. Yu. Sokolov, O.A. Lakaev 99

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Family violence as a negative social phenomenon of modern society
N.V. Letova 106

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Improving the law enforcement functions of executive authorities to ensure information security as a direction of modern Russian legal policy
O.L. Soldatkina 112

IN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Categories of foreign investments and foreign investor in the national legislation and international treaties of the member states of the Eurasian Economic Union
N. Yu. Erpyleva, D.M. Maksimov 119

PAGES OF HISTORY

To the 100th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR: a retrospective analysis of the concept of crime of the first years of Soviet power
V.E. Batyukova 131

SCIENTIFIC REPORTS

Collective and individual cognition in the activity of a law enforcer
V.A. Boldyrev, K.G. Svarchevsky 139
Property law in the reflection of foreign Civil Law
L.V. Shchennikova 145
Features of challenging decisions of meetings
A.V. Pushkina 152
Protection of the teacher's right to private life: search for the optimal balance of personal and public interests
L.V. Borisova 158
Court decision it the system of Civil Procedural Law
K.A. Lebed 164
Relationship of conditional and unconditional in the characteristic of law in Eastern legal cultures
G.N. Utkin 169

SCIENTIFIC LIFE

Dynamism and stability of legislation: dialectics of functioning of science, practice, technology (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Changes in legislation (doctrine, practice, technique)")
V.M. Baranov, N.V. Krotkova, M.V. Baranova 173
Empire and federation as forms of social organization in the context of retrospective and theoretical and legal analysis (To the 100th anniversary of the formation of the USSR)
N.S. Nizhnik, L.A. Nudnenko 186

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

On the reunification of legal science and practice through comprehensive legal regulation in the Russian Federation
Yu. N. Tuganov 193

The author index for 2022 197

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 7–26
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 7–26

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ТОРЖЕСТВО ПРАВОСУДИЯ ИЛИ СУД ПОБЕДИТЕЛЕЙ?
(Размышления над книгой А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»)

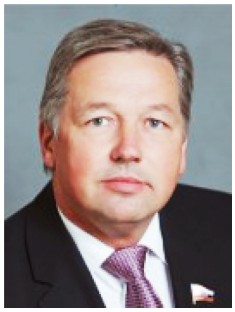
© 2022 г. Ильгам Рагимов[1, *], Чингиз Абдуллаев[2, **], Азер Джафаров[3, *], Шахла Самедова[4, ****], Ханлар Аликперов[5, *****]**

[1]Ассоциация юристов Черноморско-Каспийского региона
[2]Союз писателей Азербайджана;
Краковский университет
[3]Министерство юстиции Азербайджанской Республики
[4]Бакинский государственный университет
[5]Центр правовых исследований

**E-mail: professorilhamragimov@gmail.com*
***E-mail: chingizabdullaev@mail.ru*
****E-mail: az_jafarov@yahoo.co.uk*
*****E-mail: shahlats@mail.ru*
******E-mail: xan_alikperov@hotmail.com*

Поступила в редакцию 14.10.2022 г.

Краткая информация об авторе монографии «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»



Савенков Александр Николаевич родился 29 марта 1961 г. в г. Ливны Орловской области. В 1985 г. окончил военно-юридический факультет Военного института Министерства обороны СССР. С 1985 по 1994 г. – следователь, помощник военного прокурора, военный прокурор в гарнизонах Забайкальского военного округа; с 1994 по 1997 г. проходил службу в Главной военной прокуратуре Российской Федерации; с 1997 по 2002 г. возглавлял военные прокуратуры Московского, Приволжского и Сибирского военных округов; с 2002 по 2006 г. – заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – главный военный прокурор; с 2009 по 2013 г. – член Совета Федерации Федерального Собрания РФ; с 2014 по 2016 г. – заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации – начальник Следственного департамента МВД России; с 2017 г. по настоящее время – директор Института государства и права Российской академии наук.

Член-корреспондент РАН, член Президиума РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-полковник юстиции в отставке.

Аннотация. В статье на основе монографии члена-корреспондента РАН А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» анализируются исторические, геополитические, правовые и другие аспекты организации и проведения Международного военного трибунала над главными нацистскими преступниками, исследуются политико-правовая и морально-нравственная значимость его итогов для дальнейшего укрепления мира на Земле и предотвращения глобальных войн, предупреждения преступлений против мира и безопасности человечества, развития международного права и т.д.

Основываясь на результатах исследования А.Н. Савенкова, изучения архивных материалов Нюрнбергского процесса и других источников по данной проблематике, авторы считают, что:

• за всю историю судопроизводства, пожалуй, не было суда, подобного Нюрнбергскому процессу. Его уникальность заключается в том, что он является первым случаем в истории правосудия (*sui generis*), когда на скамье подсудимых оказались свыше 20 высокопоставленных чиновников, входивших в высшее политическое и военное руководство отдельно взятого государства-агрессора, виновных как в планировании, подготовке и развязывании мировой войны, так и в совершении в ходе нее массовых преступлений против мира и человечества;

• историческая ценность Международного военного трибунала видится и в том, что его итоги оказали огромное влияние на ход мировой истории, очертили базовые контуры новой архитектуры послевоенного мироустройства и миропорядка на Земле, заложили основы международного уголовного правосудия и т.д., а сам Трибунал стал символом победы добра над злом;

• Нюрнбергский процесс показал, что за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, совершенные в ходе агрессивной войны, государства-победители вправе учредить в отношении политических и военных руководителей поверженного государства специальный суд (*ad hoc*) с универсальной юрисдикцией, определить перечень конкретных преступлений (в том числе обладающих уголовно-правовой ретроактивностью), подсудных ему, предусмотреть особую процедуру отправления правосудия, установить виды наказания для виновных и их сроки, порядок и форму исполнения приговора суда и т.д.;
• отказ учредителей Международного военного трибунала предать суду высших государственных и военных чиновников гитлеровской Германии на основе национальных законов стран, на территории которых ими были совершены многочисленные жуткие преступления, не совместимые с природой человека, был обусловлен тем, что нормы уголовного законодательства ни одного из этих государств (как, впрочем, и международного права того времени) не охватывали в полной мере всю специфику объективных и субъективных свойств многих совершенных нацистскими преступниками варварских злодеяний против человечности, в силу чего говорить о данной категории чудовищных деяний, унесших жизни десятков миллионов безвинных людей, как о классических формах или видах преступлений, посягающих на права и свободы отдельных граждан или государств, не представлялось возможным даже на уровне института аналогии в праве;
• принимая во внимание неустранимые противоречия между нормами национального и международного права, с одной стороны, и беспрецедентными по своей сути злодеяниями, совершенными нацистскими преступниками в массовом порядке, – с другой, страны-победительницы во Второй мировой войне как носители верховной власти в Германии (в связи с утратой ею правосубъектности) 8 августа 1945 г. приняли единственно возможное решение в сложившейся ситуации:
1) учредить открытый Международный военный трибунал с универсальной юрисдикцией для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси;
2) на основе международных договоров и соглашений, базовых ценностей естественного права, общепризнанных принципов уголовного и уголовно-процессуального права, с учетом отдельных положений англосаксонской и романо-германской правовых систем принять Устав Международного военного трибунала, нормы которого должны: **а)** определять полномочия и процедуры данного судебного органа; **б)** содержать уголовно-правовое определение понятий «преступная организация», «преступление против мира», «военное преступление» и «преступление против человечности»; **в)** предусмотреть процессуальные гарантии для подсудимых и их защитников; **г)** закрепить положение, согласно которому должностное положение подсудимого (будь то глава государства или иной ответственный государственный чиновник) не является основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания и т.д.;
• в процессе работы над Уставом Международного военного трибунала в нем широко была применена и доктрина *должного* (надзаконного) права, которое в отличие от *сущего* основано на таких имманентных свойствах духовного бытия человека, как справедливость и свобода духа, нравственность и здравый смысл и т.д. Самобытность *надзаконного права* проявляется и в том, что оно свободно от каких бы то ни было внешних определений и директивных установок, не обременено политическими и идеологическими догмами;
• по своей природе Устав Нюрнбергского трибунала является не нормативным правовым актом в традиционном смысле этого понятия, а специальным международным *прескриптивным* актом, обладающим силой закона, принятым 8 августа 1945 г. представителями глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции в виде приложения к Лондонскому соглашению «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси»;
• в приговоре Международного военного трибунала впервые на глобальном уровне субъектом преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности были признаны юридические лица – элитная гвардия (СС), Служба безопасности (СД), Тайная государственная полиция (гестапо) и Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСРПГ). Вместе с тем в нем не все преступления, совершенные высокопоставленными чиновниками и учреждениями нацистской Германии в ходе Второй мировой войны, нашли свое отражение или должную правовую оценку;
• ожидания мирового сообщества от Нюрнбергского процесса были оправданы лишь частично, так как в те годы многие в мире считали, что всех нацистских преступников надо подвергнуть смертной казни без суда и следствия. Лишь твердая позиция СССР и его настойчивые требования к союзническим державам о необходимости предания их суду предотвратили дальнейшую внесудебную расправу над ними;
• Международный военный трибунал в Нюрнберге нельзя рассматривать как «*суд победителей» над поверженными*. Его следует воспринимать как уникальный судебно-правовой феномен в истории человечества – Правосудие переходного периода на переломном этапе в новейшей истории человечества.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, нацистские преступники, Устав МВТ, преступления против мира и человечества, надзаконное право, правосудие, обвинитель, подсудимый, защитник, приговор, наказание, исполнение приговора.

Цитирование: *Рагимов И., Абдуллаев Ч., Джафаров А., Самедова Ш., Аликперов Х.* Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? (Размышления над книгой А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») // Государство и право. 2022. № 12. С. 7–26.

DOI: 10.31857/S102694520023298-8

THE NUREMBERG TRIALS: THE TRIUMPH OF JUSTICE OR THE TRIAL OF THE VICTORS? (Reflections on the book by A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace")

© 2022 Ilgam Ragimov[1, *], Chingiz Abdullayev[2, **], Azer Jafarov[3, *], Shahla Samedova[4, ****], Khanlar Alikperov[5, *****]**

[1]Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region
[2]The Union of Writers of Azerbaijan;
Krakow University
[3]Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan
[4]Baku State University
[5]Legal Research Center

**E-mail: professorilhamragimov@gmail.com*
***E-mail: chingizabdullaev@mail.ru*
****E-mail: az_jafarov@yahoo.co.uk*
*****E-mail: shahlats@mail.ru*
******E-mail: xan_alikperov@hotmail.com*

Recieved 14.10.2022

Abstract. The article analyzes historical, geopolitical, legal and other aspects of the organization and conduct of the International Military Tribunal on the basis of the monograph by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace". over the main Nazi criminals, the political, legal and moral significance of its results for the further strengthening of peace on Earth and the prevention of global wars, the prevention of crimes against the peace and security of mankind, the development of International Law, etc. are investigated.

Based on the results of A.N. Savenkov's research, the study of archival materials of the Nuremberg Trials and other sources on this issue, the authors believe that:

• in the entire history of legal proceedings, there has probably never been a court like the Nuremberg Trials. Its uniqueness lies in the fact that it is the first case in the history of justice (*sui generis*) when more than 20 high-ranking officials, who were part of the highest political and military leadership of a single aggressor state, found themselves in the dock, guilty of both planning, preparing and unleashing a world war, and committing during it mass crimes against peace and humanity;

• the historical value of the International Military Tribunal is also seen in the fact that its results had a huge impact on the course of world history, outlined the basic contours of the new architecture of the post-war world order and world order on Earth, laid the foundations of international criminal justice, etc., and the Tribunal itself became a symbol of the victory of good over evil;

• the Nuremberg Trials showed that for crimes against peace, war crimes and crimes against humanity committed during an aggressive war, the victorious States have the right to establish a special court (*ad hoc*) with universal jurisdiction against the political and military leaders of the defeated State, to determine a list of specific crimes (including those with criminal retroactivity), those under his jurisdiction, to provide for a special procedure for the administration of justice, to establish the types of punishment for the perpetrators and their terms, the order and form of execution of a court sentence, etc.;

• the refusal of the founders of the Ministry of Internal Affairs to bring to trial the highest state and military officials of Nazi Germany on the basis of the national laws of the countries on whose territory they committed numerous terrible crimes incompatible with human nature was due to the fact that the norms of criminal legislation of none of these states (as, indeed, International Law of that time) did not they fully covered all the specifics of the objective and subjective properties of many barbaric crimes committed by Nazi criminals against humanity, therefore, it was not possible to talk about this category of monstrous acts that claimed the lives of

tens of millions of innocent people as classic forms or types of crimes that infringe on the rights and freedoms of individual citizens or states, even at the level of the institution of analogy in law;
• taking into account the irremediable contradictions between the norms of national and International Law, on the one hand, and the essentially unprecedented atrocities committed by Nazi criminals on a massive scale, on the other, the victorious countries in World War II as bearers of supreme power in Germany (due to the loss of its legal personality) on August 8, 1945 we made the only possible decision in the current situation:
1) to establish an open International Military Tribunal with universal jurisdiction for the prosecution and punishment of the main war criminals of the European Axis countries;
2) on the basis of international treaties and agreements, the basic values of natural law, generally recognized principles of Criminal and Criminal Procedure Law, taking into account certain provisions of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems, adopt the Statute of the Ministry of Internal Affairs, the norms of which should: **a)** determine the powers and procedures of this judicial body; **b)** contain a criminal definition of the concepts of "criminal organization", "crime against peace", "war crime" and "crime against humanity"; **c)** provide procedural guarantees for the defendants and their defenders; **d)** to fix the provision according to which the official position of the defendant (be it the head of state or another responsible state official) is not a basis for exemption from liability or mitigation of punishment, etc.;
• in the process of working on the Statute of the Ministry of Internal Affairs, the doctrine of *due* (supervisory) law was widely applied in it, which, unlike what *exists*, is based on such immanent properties of a person's spiritual being as justice and freedom of spirit, morality and common sense, etc. The originality of *supervisory right* is also manifested in the fact that it is free from any whatever the external definitions and directives, it is not burdened with political and ideological dogmas;
• by its nature, the Charter of the Nuremberg Tribunal is not a normative legal act in the traditional sense of the term, but a special international *prescriptive* act with the force of law, adopted on August 8, 1945 by representatives of the heads of government of the USSR, the USA, Great Britain and France in the form of an annex to the London Agreement "On the Prosecution and Punishment of the main War Criminals of European Countries axes";
• in the verdict of the International Military Tribunal, for the first time at the global level, legal entities were recognized as the subject of crimes against peace, war crimes and crimes against humanity – the Elite Guard (SS), the Security Service (SD), the Secret State Police (Gestapo) and the National Socialist Workers' Party of Germany (NSRPG). At the same time, not all crimes committed by high-ranking officials and institutions of Nazi Germany during the Second World War were reflected or properly assessed in it;
• the expectations of the world community from the Nuremberg Trials were only partially justified, since in those years many in the world believed that all Nazi criminals should be put to death without trial. Only the firm position of the USSR and its insistent demands to the allied powers about the need to bring them to trial prevented further extrajudicial reprisals against them;
• the International Military Tribunal in Nuremberg cannot be regarded as a *"court of victors" over the defeated*. It should be perceived as a unique judicial and legal phenomenon in the history of mankind – Transitional Justice at a critical stage in the modern history of mankind.

Key words: Nuremberg Tribunal, Nazi criminals, the Statute of the Ministry of Internal Affairs, crimes against peace and humanity, supervisory right, justice, prosecutor, defendant, defender, sentence, punishment, execution of sentence.

For citation: *Ragimov, I., Abdullayev, Ch., Jafarov, A., Samedova, Sh., Alikperov, Kh. (2022)*. The Nuremberg Trials: the triumph of justice or the trial of the victors? (Reflections on the book by A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 7–26.

* * *

Вместо пролога. Казалось бы, о Нюрнбергском процессе написано огромное число работ, в которых достаточно подробно рассмотрены практически все грани этого уникального примера правосудия в истории человечества. Но это только на первый взгляд, поскольку после знакомства с монографией одного из видных представителей современной российской правовой науки, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»[1] становится очевидно, что в ней затронуты такие глубинные пласты Международного военного трибунала, которые ранее не были предметом специального исследования не только в существующих крупных работах по историографии Нюрнбергского трибунала, но даже на уровне отдельной научной статьи. Помимо этого издание этой замечательной книги оправдано как минимум еще по трем причинам.

Во-первых, в наши дни многим авторам свойственна идеализация первого Международного военного трибунала, созданного *ad hoc*[2], хотя он *не является камертоном*

[1] *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. – 760 с.

[2] Напомним, что это латинский термин, употребляемый в международном праве в отношении органов, создаваемых для выполнения определенных (обычно временных) функций. В отличие от действующего на постоянной основе Международного уголовного суда (1998) Нюрнбергский трибунал (1945), как и Токийский трибунал (1946), Трибунал по бывшей Югославии (1993), Трибунал по Руанде (1994), были созданы *ad hoc*.

правосудия в его нынешнем понимании. Он был прежде всего органом правосудия переходного периода, нацеленным на поиск правды и справедливости в бесконечных пространствах зла Второй мировой войны и в условиях чрезвычайных бедствий, постигших человечество в первые годы после завершения величайшей кровавой трагедии XX века. Поэтому при всех его исторических, политических и юридических достоинствах он не был свободен от отдельных недостатков правового и нравственного характера.

Достаточно в этой связи сослаться, к примеру, на его вердикт, в котором не все преступления, совершенные высокопоставленными чиновниками и институциональными структурами нацистской Германии в ходе Второй мировой войны, нашли свое отражение или должную правовую оценку.

Во-вторых, монография А.Н Савенкова – одно из тех исключений в череде многочисленных произведений о Нюрнбергском процессе, где дана исторически более достоверная и юридически безупречная оценка событиям, происходившим во Дворце правосудия немецкого города Нюрнберг с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., где вершился суд над главными нацистскими преступниками, виновными в совершении бесчисленного количества чудовищных преступлений против мира и человечества в ходе Второй мировой войны.

В-третьих, до издания этой книги в российской юридической литературе не было фундаментальных работ, в которых бы в таком многоуровневом формате и со столь развернутой архитектоникой исследования широкого комплекса теоретико-правовых, геополитических и нравственных аспектов организации и деятельности Нюрнбергский трибунал был бы предметом специального рассмотрения[3].

И последнее. Еще со времен Тота Атланта известно, что «невозможно испить до дна чашу мудрости. Для этого одной земной жизни недостаточно»[4]. Сказанное в полной мере относится и к анализируемой монографии.

Как показывает историография Нюрнбергского процесса, невзирая на то что с момента завершения правосудия над главными нацистскими преступниками прошло более 75 лет, с каждым годом в мире, в том числе и в России, издается все больше и больше новых книг, в которых их авторы порой доводят до читателя ранее неизведанные грани Международного военного трибунала. И этот процесс приобрел в последние годы перманентный характер.

Поэтому вполне возможно, что через несколько десятилетий будущее поколение исследователей Международного военного трибунала найдет в монографии А.Н. Савенкова отдельные изъяны. И это закономерно, так как наука, в том числе и уголовно-правовая, как это отмечается в научной литературе, не стоит на месте, а развивается по спиралевидному принципу, где новый виток эволюции опирается на достижения и промахи предыдущих исследовательских витков (спиральная динамика), в силу чего любая теория, какой бы она ни казалась нам сегодня совершенной, завтра может быть изменена, дополнена или опровергнута.

Исходя из этой парадигмы, проф. А.Н. Савенков в рассматриваемой сфере сделал неизмеримо больше, чем это было возможно, с учетом как достижений современной историографии Нюрнбергского процесса, так и тех существующих архивных документов, которые находятся в открытом доступе.

* * *

Общая характеристика работы. На суд читателей вынесен богатый по содержанию и обширный по предмету исследования научный труд, на создание которого у проф. А.Н. Савенкова ушло почти два десятилетия кропотливой работы по сбору и анализу сотен архивных документов, нормативных и директивных актов различных стран мира времен Первой и Второй мировых войн, научной и мемуарной литературы, других исторических и современных источников информации[5] о Нюрнбергском трибунале, его Уставе и Приговоре, значительная часть которых впервые была переведена на русский язык.

Как видно из введения, причины, побудившие автора обратиться к историческим, политическим, идеологическим, правовым и аксиологическим истокам организации и деятельности Международного военного трибунала, объясняются тем, что, невзирая на достаточно внушительный перечень литературы исследовательского, документального, мемуарного и иного жанра о Нюрнбергском трибунале, «природа и характер юридических аспектов его деятельности остаются малоизученными» (с. 17, 27). В силу этого сегодня порой сложно однозначно дать оценку отдельным событиям, происходившим во Дворце правосудия немецкого города Нюрнберг с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., где вершился суд над главными нацистскими преступниками.

Рассматриваемая проблема усугубляется еще и тем, что в последние десятилетия в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья было издано немало работ, в которых предприняты попытки принизить историческую значимость Нюрнбергского процесса[6], «по-новому интерпретировать его роль и значение» (с. 27). Не способствует формированию объективной историографии Нюрнбергского процесса и тот очевидный факт, что на протяжении длительного времени «его изучение превратилось в удел историков и политологов, что не может не вызывать беспокойства, так как, по существу, нередко ведет к подмене юридического значения результатов Нюрнберга их историко-политической интерпретацией» (с. 21).

Решение этих, как и многих других концептуальных проблем, связанных как с предысторией Второй мировой войны, так и с учреждением по итогам ее окончания Нюрнбергского процесса, является средоточием анализируемого исследования. Речь в первую очередь идет о масштабной реконструкции философских, теоретико-правовых

[3] Естественно, этот вывод рецензентов ни в коей мере не принижает значимость блестящих исследований российских историков, публицистов, мемуаристов, драматургов и т.д. о Международном военном трибунале (А. Александров, А. Звягинцев, Н. Лебедева, А. Полторак, А. Чаковский и др.), многие из которых, в том числе талантливый драматург и писатель А.Г. Звягинцев, десятилетиями неутомимо занимаются кропотливой работой хранителя и пропагандиста исторической памяти о Нюрнберге.

[4] *Дорель М.* Изумрудные скрижали Тота Атланта. Скрижаль № XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://key999.ru/text/izum_skr/01.htm (дата обращения: 01.08.2022).

[5] В том числе многочисленных нормативных актов, приказов, инструкций и т.д., подписанных как Гитлером, так и другими высокопоставленными политическими и военными должностными лицами гитлеровской Германии в преддверии и в ходе Второй мировой войны, включая приказ от 10 октября 1941 г. «О поведении войск в восточном пространстве», подписанный Адольфом Гитлером и командующим группой армий «Юг» Гердом фон Рундштедтом, который обязывал солдат искоренить азиатское и еврейское влияние на Европу.

[6] См., напр.: *Усовский А.В.* Антинюрнберг. Главная ложь XX века. 2020 (Честная история Второй мировой).

и морально-нравственных воззрений, положенных в основу Устава Международного военного трибунала и организации его деятельности. А.Н. Савенков справедливо считает, что «отсутствие должного внимания к комплексному исследованию различных аспектов Нюрнбергского трибунала в отечественной литературе грозит не только возможным отставанием от развития правовой мысли, но и отсутствием своевременного и эффективного реагирования на фальсификации установленных Трибуналом фактов и истории в целом» (с. 17). Учитывая это, автор, прежде чем приступить к рассмотрению юридических аспектов проблем организации и проведения Нюрнбергского процесса, предваряет свое исследование ретроспективным анализом широкого спектра исторических, правовых, геополитических, аксиологических и других вопросов, охватывающих ключевые моменты международных отношений в период с 1919 по 1946 г. как в мире в целом, так и в Европе в частности, которые в конечном счете привели к Нюрнбергскому трибуналу.

Такая масштабная историческая реконструкция с высоким уровнем аутентичности тем геополитическим процессам, которые перманентно происходили в мире в рассматриваемый период, позволила А.Н. Савенкову в последующих разделах работы показать деструктивную внешнюю политику некоторых стран мира по вопросам международной безопасности, что в итоге и привело к образованию в центре Европы нацистского государства во главе с национал-социалистами, что стало точкой отсчета для неприкрытой агрессивной политики гитлеровской Германии в отношении других государств.

Так, абстрагируясь от существующих шаблонов и стереотипов по данной проблеме, отягощенных к тому же многочисленными вольными интерпретациями и амбивалентными рассуждениями, привнесенными в последние десятилетия в историографию Нюрнбергского процесса, проф. А.Н. Савенков взглянул на деятельность Трибунала с иного ракурса. Это позволило ему не только решительно «отвергнуть наветы на Нюрнбергский трибунал лиц, жаждущих переписать мировую историю, экстраполировать его уроки на современные попытки реванша неонацизма»[7] и т.д., но и выявить и подробно рассмотреть ряд ранее неизведанных пластов этого исторического Суда, которые в работе освещены настолько убедительно, что отдельные грани анализируемой в ней проблемы воспринимаются в абсолютно иной плоскости (например, проблемы придания обратной силы нормам, зафиксированным в Уставе Международного военного трибунала, или обоснование неприменения в нем принципа “nullum crimen sine lege” и т.д.).

В книге подробно изучен обширный перечень других компонентов в правовом механизме деятельности Международного военного трибунала, в том числе принципы и нормы его Устава, процесс выработки дефиниций преступлений против мира и человечества, военных преступлений и преступлений против человечности, вопросы формулировок пунктов обвинения[8], процессуальные права подсудимых и их защитников и т.д.

Отрадно, что все эти (как, впрочем, и многие другие) исследовательские вопросы рассмотрены в ней сквозь призму высоких стандартов научной этики и презумпции уважения к правде. Выбор стези беспристрастности и объективности в изложении и интерпретации фактов о Международном военном трибунале позволил проф. А.Н. Савенкову[9] не обходить молчанием и не сглаживать острые углы деятельности Нюрнбергского процесса, в том числе и некоторые огрехи его приговора, а дать им полноценную объективную оценку, свободную от досужих домыслов и конъюнктурных предпосылок политического, идеологического и иного характера. *Все это повышает* концептуальную значимость анализируемого произведения, укрепляет веру читателя в его достоверность и объективность.

Исследование носит трансдисциплинарный характер, в силу чего при анализе тех или иных вопросов организации и деятельности Нюрнбергского трибунала автор порой вынужден выходить за рамки сугубо правовых аспектов предмета исследования. Это объясняется тем, что без широкого использования достижений смежных отраслей науки (философии, истории, политологии и т.д.) крайне сложно не только раскрыть объективную правду о Международном военном трибунале, но и разрубить существующий «гордиев узел» данной проблемы, который до него другие исследователи пытались лишь развязать.

С целью выработки оптимальных путей решения столь сложных вопросов А.Н. Савенков исследует деятельность Нюрнбергского трибунала и его вердикт на концептуальном, ретроспективном, нормативном, аксиологическом и международно-правовом уровнях с использованием диалектического, компаративистского, аксиоматического, кросскультурного и других методов научного познания. При этом комплекс вопросов, связанных с Нюрнбергским судебным процессом, он в проблемном поле своего исследования рассматривает не только с позиции современных достижений правовой, исторической и других отраслей науки, накопленного опыта и существующих исследований в этой сфере и т.д., но и сквозь призму тех политико-правовых, социально-экономических, идеологических и нравственных реалий, которые господствовали в мире в тот период.

Столь системный и многоуровневый подход к исследованию позволил автору в ходе работы над книгой вычленить и детально рассмотреть *главные* (геополитические, идеологические, экономические и т.д.) и *сопутствующие* (разобщенность международного сообщества, милитаристский дух в некоторых странах Европы, нарастающая в них динамика культивации реваншизма[10] и антисемитизма[11] и т.д.) предпосылки начала Второй мировой войны и организации по ее завершении военного трибунала в Нюрнберге.

---

[7] *Бабурин С.Н., Голик Ю.В.* А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира // Государство и право. 2022. № 6. С. 186.

[8] Обвинительное заключение содержало четыре пункта: а) преступления против мира; б) преступления против человечности; в) нарушение законов и обычаев войны (военные преступления); г) заговор с целью совершения данных преступных деяний.

[9] Следует отметить, что это не первое масштабное исследование А.Н. Савенкова в рассматриваемой сфере. Он – автор и других философско-правовых исследований по данной проблематике (см.: *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022; *Савенков А.Н., Звягинцев А.Г.* Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. М., 2021; и др.).

[10] Достаточно в этой связи обратить внимание на текст политической песни «*Хорст Весселя*» (Horst-Wessel-Lied), которая с 1929 г. была маршем штурмовых отрядов Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСРПГ), а с 1930 по 1945 г. – официальным гимном НСРПГ. В ней есть и такая строка: *«Повсюду наши флаги будут реять скоро»*.

[11] После Первой мировой войны этот термин трактовался нацистами как биологическая борьба двух мировоззрений, носителями которых были две расы – «арийская» и «семитская». Антисемитизм был одним из ключевых идеологических положений НСРПГ. Нацисты считали, что сосуществование немцев и евреев невозможно (см. подр.: *Михман Д.* Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 2001. Т. 1. С. 71).

А.Н. Савенков с невероятной гибкостью вместил в одну книгу как подробное описание характерной для 1919–1939 гг. многовекторной палитры межгосударственных отношений между странами Европы, Дальнего Востока и Северной Америки, также ставших одним из триггеров Второй мировой войны, так и комплексный анализ Устава Нюрнбергского трибунала, его принципов и норм. В ней с достаточной полнотой рассмотрены и многие проблемные вопросы политического, правового и организационного характера, которые перманентно возникали в работе Международного военного трибунала, проанализирован механизм формирования Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, раскрыта суть правовых позиций судей и прокуроров от США, СССР, Великобритании и Франции по главным пунктам обвинения, предъявленным подсудимым, и т.д.

Монография насыщена историческими фактами и редкими архивными документами, ссылками на многие фундаментальные исследования и мемуарные труды по проблемам организации и деятельности Нюрнбергского процесса. Все это не только повышает философско-правовую значимость рецензируемой работы, но и позволяет вникнуть в сущностное содержание той или иной авторской мыслеформы, высказанной в ней. Заслуживают одобрения как подробный анализ позиций отдельных участников и научных консультантов советской, английской, американской и французской делегаций на Нюрнбергском судебном процессе по тем или иным организационным, уголовно-правовым и процедурным вопросам, так и содержательные авторские комментарии к ним. К примеру, из книги читатель узнает о существенных расхождениях во взглядах между юристами стран, которые принимали участие в научно-консультативном сопровождении работы Международного военного трибунала, по отдельным принципам и нормам Устава Трибунала, процедуре отправления правосудия и его регламента, уголовно-правовой трактовке понятий «агрессия», «заговор» и т.д.

Все эти нюансы судебного процесса автор доводит до читателя в доступной форме, попутно показывая непосредственный вклад и советских экспертов в решение различных вопросов правового характера, которые возникали как при принятии Устава Международного военного трибунала, так и в процессе его работы.

Одной из иллюстраций сказанному может стать дискуссия между судьями Трибунала Андре Доннедье (Франция) и И.Т. Никитченко (СССР), возникшая вокруг теории заговора. В результате этих полемик в конечном счете Трибунал принял позицию советской стороны, благодаря чему Высокий суд в Нюрнберге признал, что в преступных действиях подсудимых был предварительный заговор (с. 356). Судя по книге, такие интересные с позиции теории права дебаты между участниками процесса были повседневным явлением в деятельности Трибунала.

К сожалению, ограниченные рамки рецензии не позволяют остановиться на каждом из них даже тезисно. Поэтому кратко рассмотрим лишь еще одну из таких дискуссий. Так, описывая яростные споры между американскими учеными Лемкиным и Лаутерпахтом по вопросам трактовки понятия «геноцид», автор показывает, что Лаутерпахт не только не одобрил концепцию геноцида, но и приложил максимум лоббистских усилий для того, чтобы конкретный пункт данного обвинения не попал в материалы судебного дела[12] (с. 207). Как пишет проф. А.Н. Савенков, именно «в таком разнообразии мнений готовилась концепция международного уголовного процесса против главных военных нацистских преступников. И это было впервые в истории» (с. 206, 207).

Перелистывая эту страничку рецензируемой монографии, считаем уместным привести здесь слова акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Лисицына-Светланова о том, что «представленные в работе теоретические дебаты являются настоящим кладезем мысли, формируют у читателя представление о том, насколько трудно воплощать научные идеи в жизнь, ценой которых является справедливое возмездие особо опасным преступникам»[13].

Не менее значимым достоинством книги представляются включенные в ее содержание текст Приговора Международного военного трибунала, обновленная версия библиографии по данному международному судебному процессу, Особое мнение члена Трибунала И.Т. Никитченко и введенный в научный оборот большой массив новых библиографических источников по рассматриваемой проблематике. Наличие этих приложений и новых литературных источников предоставляет читателю возможность на основе первоисточников сопоставить существующие взгляды специалистов как по проблемам легитимности учреждения Нюрнбергского трибунала, так и его Устава, обнаружить сходство и выявить расхождения в их оценках его вердикта и т.д.[14]

Монография насыщена информацией о конвенциях, межгосударственных соглашениях и иных международно-правовых актах в сфере международного сотрудничества по вопросам обеспечения мира и безопасности человечества[15]. Ценность их использования в тексте рецензируемой работы видится в том, что, помимо всего прочего, знакомство с этими документами обогащает представление читателя о тернистом пути становления международного права и развития сотрудничества между странами по предотвращению захватнических войн, нарушений законов и обычаев войны, причем как до Второй мировой войны, так и после ее окончания.

---

[12] Забегая вперед, отметим, что, хотя термин «геноцид» в тексте Устава Международного военного трибунала и не был прямо предусмотрен, тем не менее его признаки были указаны в системе преступлений против человечности.

[13] *Лисицын-Светланов А.Г.* Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) // Государство и право. 2022. № 7. С. 45.

[14] К примеру, после знакомства с этими материалами, в том числе и монографией проф. А.Н. Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев» (М., 1944), становится очевидно, что утверждения некоторых авторов о том, что именно США придумали основные правовые новеллы Нюрнбергского процесса, более чем преувеличены, если учесть, что многие принципиальные формулировки и уголовно-правовые конструкции, закрепленные в нормах Устава Международного военного трибунала, были заимствованы из этой работы (к примеру, институт агрессии, преступление против мира, понятие соучастия в разработке общего плана или заговора с целью ведения агрессивной войны и т.д.). О международной значимости этого фундаментального труда свидетельствует хотя бы тот факт, что 12 декабря 1945 г. Комиссия ООН по расследованию военных преступлений опубликовала библиографию юридической литературы о военных преступлениях во Второй мировой войне, в которую была включена и указанная работа проф. А.Н. Трайнина, ставшая в ней единственным научным трудом советских ученых-юристов (с. 191).

[15] Речь, в частности, идет о Трианонском договоре, Версальском, Лозаннском, Севрском, Сен-Жерменском мирных договорах, Пакте Келлога-Бриана, Нейиском договоре и т.д.

Еще одним несомненным достоинством книги являются ее высокая читабельность и предельная ясность, простота и лаконичный язык изложения, умение автора ставить точку в своих суждениях в нужном месте. Этому во многом способствуют как строгая логическая последовательность постановки проблем и безупречные авторские суждения по ним, изложенные в лучших традициях русской словесности, так и оригинальный жанр повествования, в котором строгий академический стиль гармонично переплетен с приемами каприччио. Такой эклектический подход позволил автору при подготовке монографии, с одной стороны, ясно донести до читателя свои взвешенные мысли, а с другой – вырваться на бескрайние просторы вольных суждений и раскрепощенных представлений, на лоне которых А.Н. Савенков выработал доступную форму доведения до читателя своих представлений о Нюрнбергском судебном процессе, его Уставе и вердикте, событиях, происходящих как во время отправления правосудия над главными нацистскими преступниками, так и после его завершения[16].

Высокая читабельность работы в немалой степени обусловлена как ее композиционным изяществом, так и особым методом изложения авторской позиции, когда, к примеру, базисные компоненты той или иной проблемы проф. А.Н. Савенков настолько расщепляет на составные части, что читателю не составляет труда вникнуть в суть рассматриваемого вопроса и распознать причины, его породившие. Немалую роль в притягательности анализируемой монографии играют и содержательные авторские отступления, в которых он с безупречной логикой суждения и подкупающей последовательностью излагает свое видение процессов, связанных с вопросами организации и проведения Нюрнбергского процесса, концентрируясь при этом на их юридических, онтологических и аксиологических нюансах. Иллюстрацией этому могут стать крайне интересные антиномические суждения автора о роли позитивного права в теоретико-философском пособничестве национал-социализму и террористическому режиму нацистов, его влиянии на моральный упадок германского общества и т.д.[17] Так, по его мнению, «посредством позитивного права в национал-социализме были созданы “безнравственные” и “преступные” законы, и этим самым юридический позитивизм помог легально трансформировать Веймарскую республику в террористический режим Третьего рейха» (с. 78).

Все эти лингвистические особенности, умноженные на индивидуальность стиля изложения печатного слова, не только задают работе максимально высокую исследовательскую планку и повышают уровень проникновения в глубинные пласты ее содержания, но и помогают читателю на ассоциативно-дискурсивном уровне подобрать ключ к целостному восприятию философских и правовых сторон тех или иных суждений автора, ясно представить суть и логику его размышлений о тех или иных процессах, которые наблюдались в мире как до учреждения Международного военного трибунала, так и после его завершения.

Столь оригинальная манера повествования о сложнейших исторических, геополитических, правовых и нравственных проблемах подсознательно приковывает читателя к тексту, не позволяет ему оторваться от книги, знакомство с которой не только приумножает его знания о богатом наследии Нюрнбергского процесса, но и открывает перед ним широкую палитру слабоизученных сторон этого уникального примера торжества правосудия в переходный период.

Другая постоянная величина анализируемой монографии заключается в том, что она свободна от силлогистики и линейных суждений, избитых формулировок и пространных рассуждений по незначительным вопросам. Работа написана в духе “sine ira et studio” (без гнева и пристрастия), в силу чего в ней удачно сочетается объективный анализ сложного теоретического материала с высокой юридической культурой, строгий подход к изложению авторской позиции и корректный тон полемики с другими исследователями.

Завершая общую характеристику рецензируемой монографии, следует отметить, что она адресована не только ученым и практикам в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, международного и естественного права.

Полагаем, что эта масштабная научно-исследовательская работа будет в одинаковой мере представлять несомненный интерес для философов и историков, социологов и политологов, а также для всех, кто интересуется историей Нюрнбергского трибунала.

* * *

Исторические предпосылки учреждения Нюрнбергского трибунала. Переходя к анализу содержательной части монографии, считаем необходимым подробно остановиться на ***гл. 1***, которая, судя по предмету ее исследования, не только вводит читателя в суть проблематики исследования, но и является «становым хребтом» книги, ее стержневой основой, на которой зиждутся другие главы книги.

Композиционно этот раздел работы построен на дедуктивном методе – «от общего к частному». Поэтому если допустить просчет в понимании сути авторских суждений по тем или иным вопросам, рассмотренным в указанной главе книги, то в последующих ее разделах сущность других его мыслей может быть воспринята в искаженной форме, так как непрерывно вводимые автором в оборот новые факты и суждения, утверждения и мыслеформы и т.д. часто развивают, дополняют либо уточняют его взгляды, высказанные им в гл. 1. В силу чего без этого крайне информативного раздела монографии осмысление сути и значения организации и проведения Международного военного трибунала над главными нацистскими преступниками стало бы для читателя затруднительным либо повисло в воздухе, так как развернутые ответы на многие вопросы, которые непременно появляются при чтении трех других разделов, содержатся именно в указанной главе работы.

Аккумулирование в одной главе результатов подробного исследования широкого круга проблем, связанных с предысторией Нюрнбергского процесса, позволило А.Н. Савенкову убедительно продемонстрировать, что Международный военный трибунал был неминуемым финалом тех крайне сложных и противоречивых геополитических процессов, которые происходили в Европе в период с 28 июня 1919 г.

[16] К примеру, Фултонская речь У. Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури, США) и ее роль в развязывании холодной войны против СССР и его союзников после Второй мировой войны, которая также упоминается в книге (с. 353, 354).

[17] Видимо, здесь автор имеет в виду нюрнбергский Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести» (1935 г.), события «Хрустальной ночи» (еврейский погром 9–10 ноября 1938 г.) и т.д.

(подписан Версальский мирный договор[18]) по 27 сентября 1940 г. (заключены Мюнхенское соглашение в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., Берлинский пакт между тремя державами оси – Германией, Италией и Японией с целью завоевания мирового господства и установления нового порядка[19]).

Как показано в книге, все эти годы в Германии вынашивался план мести странам Европы и США за унизительные условия подписанного ею в 1919 г. Компьенского перемирия[20]. Дело в том, что глубокие противоречия, сложившиеся в начале XX столетия, так и не нашли своего решения в ходе Первой мировой войны. Кроме того, страны германской коалиции оказались еще более ущемленными как в экономических, так и в территориальных вопросах. Все это зафиксировано и в решениях Парижской мирной конференции стран-победительниц, к работе которой государства германского блока не были допущены. Поэтому после подписания Компьенского перемирия в Германии стал нарастающими темпами разгораться фитиль реваншизма[21], культивироваться нацистская идея о превосходстве арийской расы над другими нациями и народами. Наряду с этим с каждым годом в Германии все отчетливее выпячивалось ее стремление стереть с лица Земли целые народы (евреев, цыган и т.д.), кардинально изменить национальный состав Европы и т.д.

Как верно указано в монографии, тяжелым грузом на процесс возрастания реальной опасности новой мировой войны стала ошибочная и во многом волюнтаристская внешняя политика Великобритании, ее экспансионистское стремление превзойти другие государства, изменить расстановку сил в континентальной части Европы в свою пользу, желание натравить Германию на СССР[22] и таким путем нанести сокрушительный военный, экономический и политический ущерб Советскому Союзу (с. 340). Свое губительное влияние на развязывание Второй мировой войны оказали как политика умиротворения Франции, двурушничество Болгарии, Венгрии, Хорватии и других стран Европы, ставших в ходе Второй мировой войны сателлитами фашистской Германии, так и некоторые финансовые круги США, которые с 1923 г. посредством швейцарских банков щедро снабжали Гитлера и национал-социалистическую партию марками и фунтами, а после его прихода к власти в 1933 г. вкладывали огромные инвестиции в модернизацию промышленности Германии, усиление ее вооруженных сил и т.д.[23]

Словом, Великобритания[24] в угаре ненависти к СССР при попустительстве США[25], Франции и других стран сыграла зловещую роль и в приходе к власти Гитлера, и в милитаризации Германии, что в итоге и привело к началу Второй мировой войны, пламя которой со временем охватило и их самих[26].

Говоря о причинах прихода к власти Гитлера, популяризации в Европе фашистской идеологии национал-социализма, укреплении его авторитета в мире и развязывании

---

[18] Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., подвел итоги Первой мировой войны, в котором Германия была объявлена единственным виновником ее развязывания. Наряду с этим в ст. 227 Договора германский император Вильгельм II Гогенцоллерн был «подвергнут публичному обвинению» в качестве «виновного в высшем оскорблении международной морали и священного авторитета договоров». Отметим, что Советская Россия не была приглашена участвовать в выработке и подписании договора (с. 48, 51, 53, 57).

[19] Знакомство с содержанием этого пакта показывает, что его словесная конструкция состояла главным образом из нацистских нарративов. При этом под понятием «новый порядок» в нем понимались притязания его подписантов на насильственное подчинение чужих стран и народов.

[20] На недопустимость унижения поверженного государства и немыслимой суровости требований к Германии, перечисленных в Версальском мирном договоре, указывал премьер-министр Англии Ллойд Джордж. Так, в своем секретном меморандуме премьер-министру Франции Клемансо о росте революционных настроений в Европе от 22 марта 1919 г. он пророчески писал: «Можно лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень пятистепенной державы, однако, если, в конце концов, *Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 года, она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены*. Поэтому я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть главную причину будущей войны в том, что германский народ, который достаточно проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств... Предложение комиссии по польским делам о передаче 2100 тыс. немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, *должно рано или поздно привести к новой войне на Востоке Европы*» (см.: Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.Org/ru/nodes/157718-iz-sekretnogo-memoranduma-premier-ministra-anglii-lloyd-dzhordzha-premier-ministru-frantsii-klemanso-o-roste-revolyutsionnyh-nastroeniy-v-evrope-22-marta-1919-g (дата обращения: 22.09.2022)).

[21] Как писал У. Черчилль, «Германию можно разоружить, разбить ее военную систему вдребезги, срыть ее крепости; Германия может обнищать, ей можно навязать неисчислимые платежи; она может стать добычей внутренних распрей; но все это кончится через десять или пятнадцать лет. Несокрушимая мощь “всех германских племен” воспрянет снова, и снова заблестят и загорятся негаснущие огни воинственной Пруссии» (см.: *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 кн. Кн. 1. От войны до войны (1919–1939). Нью-Йорк, 1954. С. 14, 15).

[22] В отличие от Великобритании, которая была нацелена на разрушение Союза ССР, США не были сторонниками разрушения СССР, но стремились к максимальному экономическому, технологическому, военному и т.д. его ослаблению, так как ясно понимали, что разрушение советской системы станет началом отсроченного во времени конца капиталистической системы, что и наблюдается в мире с начала 90-х годов прошлого столетия (об этом см. подр.: *Фурсов Андрей*. Закрытый доклад мировых элит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: URL: https://www.facebook.com/watch (дата обращения: 11.09.2022)).

[23] К примеру, такой гигант автомобильной промышленности США, как концерн «Форд», полностью перешел на обслуживание немецкого военно-промышленного комплекса, а американская нефтяная корпорация Standard Oil снабжала Германию нефтью, в том числе и в ходе Второй мировой войны, через Канарские острова. Достаточно отметить, что только в 1944 г. Standard Oil ежемесячно поставила в Германию через Канарские острова 48 тыс. т американской нефти (см.: там же).

[24] Как пишет А.Н. Савенков, в начале мая 1945 г. – всего через несколько дней после взятия Берлина Красной Армией – Черчилль приказал сотрудникам своего объединенного штаба планирования в военном ведомстве разработать операцию «Немыслимое» – масштабное наземное, воздушное и военно-морское наступление на Советский Союз (с. 287).

[25] Достаточно сказать, что в 1938 г. журнал «Таймс» признал Гитлера человеком года и в превосходных степенях хвалил его, называл великим демократом Европы и борцом за мир, оправдывал оккупацию Австрии и Чехословакии и т.д. (см. подр.: Вот кто дал Гитлеру деньги на войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www. facebook.com/watch?v=316416720114240 (дата обращения: 17.08.2022)).

[26] Уместно вспомнить массированную бомбардировку Лондона и других городов Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 г. по 10 мая 1941 г. («*Лондонский блиц*»), повлекшую гибель более 40 тыс. граждан, уничтожение огромного количества гражданских и промышленных объектов этой страны; стремительную оккупацию Франции гитлеровской Германией на долгих четыре года и ее позорную капитуляцию перед нацистами 22 июня 1940 г. («*Шестинедельная война*»); вероломное нападение Японии на Военно-морской флот США в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 г. («*День позора США*»), повлекшее за собой разгром линейных сил американского Тихоокеанского флота и подрыв Военно-морских и Военно-воздушных сил США на Тихом океане.

Второй мировой войны, нельзя не отметить и нелицеприятную роль Римско-Католической Церкви и ее главы Пия XII (в миру Эуджению Пачелли), активно сотрудничавшего с нацистами в годы войны и испытывавшего патологическую ненависть к Советскому Союзу с момента восшествия на Священный престол.

Как показывают многочисленные исследования по этому вопросу, в течение десятилетий, прошедших после Октябрьской революции в России, Ватикан неизменно брал на себя роль передового отряда мировых сил в борьбе с коммунизмом. Пий XII с энтузиазмом отнесся к приходу Гитлера к власти, а 13 марта 1933 г. публично заявил, что «видит в Гитлере крупнейшего государственного деятеля – борца против коммунизма. В конечном счете оголтелый антикоммунизм толкнул понтифика в объятия Муссолини и Гитлера. К примеру, Пий XII всеми средствами пытался воспрепятствовать конфликту между странами "оси" и так называемыми западными демократиями с тем, чтобы направить фашистскую агрессию против СССР»[27]. Он «не протестовал, когда гитлеровская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Данию, Голландию, Францию, Норвегию, Югославию, Грецию, установила там кровавый "новый порядок" и проводила "германизацию" оккупированных территорий»[28]. Понтифик не вмешался, когда римских евреев отправляли в Освенцим и т.д. В тех условиях это фактически означало солидарность с фашизмом, который боролся с коммунизмом и тем самым, с точки зрения Пия XII, «делал богоугодное дело»[29].

В гл. 1 проф. А.Н. Савенков на основе исторических документов и неопровержимых фактов убедительно показывает, что в 1930-х годах у международного сообщества были реальные возможности остановить агрессивные устремления Гитлера по порабощению других народов и установлению нацистского господства в мире и тем самым предотвратить Вторую мировую войну. Так, по свидетельству одного из главных акторов Второй мировой войны У. Черчилля, «никогда еще не было войны, которую было так легко предупредить, как эту, изуродовавшую и то, что оставалось миру от предыдущей. В 1935 году Франция без помощи своих прежних союзников могла бы вторгнуться в Германию и снова оккупировать ее почти без серьезных боев»[30]. Однако «период между мировыми войнами был заполнен претензиями на мировое господство; удовлетворением политических и военных амбиций европейских государств; нескрываемой подготовкой к новой войне и целенаправленной политикой игнорирования мирных инициатив Советского Союза» (с. 13). В силу этого Франция и Великобритания не препятствовали актам агрессии Германии в марте и сентябре 1938 г., что позволило ей беспрепятственно реоккупировать сперва Рейнскую зону, затем уничтожить Чехословакию, потом напасть на Польшу, что и стало триггером начала Второй мировой войны.

Об этом свидетельствуют и документы Международного военного трибунала. К примеру, по свидетельству подсудимого Иоахима фон Риббентропа, военное вмешательство со стороны Франции и Великобритании поставило бы Германию в критическое положение, но они не препятствовали актам агрессии в марте и сентябре 1938 г. (с. 340).

Окончательный удар по коллективной безопасности в Европе был нанесен 30 сентября 1938 г., когда в Мюнхене представителями Англии, Франции, Германии и Италии было подписано соглашение, известное в историографии как «Мюнхенский сговор», которое «послужило отправной точкой неприкрытой агрессии гитлеровской Германии в отношении соседних европейских государств»[31].

Предвидя трагические последствия этого сговора, СССР в русле своих обязательств готов был оказать Чехословакии помощь, но при условии, что одновременно такая помощь будет оказана Францией и Великобританией. Но они отвергли помощь Советского Союза, так как полагали, что замыслы нацистов направлены только на обеспечение судьбы немецкого меньшинства, и надеялись, что существует предел германским притязаниям (с. 340). Этим самым Великобритания и Франция как крупные европейские державы не только похоронили надежды на организацию эффективной системы коллективной безопасности в Европе, но и создали реальные условия для порабощения нацистской Германией многих стран Европы[32].

По мнению автора, всего этого могло и не быть, если бы после подписания Версальского мирного договора страны Антанты не увлеклись хищническим дележом богатства поверженной кайзеровской Германии[33], а занялись бы реализацией данного Договора в части, предусматривающей организацию и проведение международного суда над бывшим германским императором[34] и другими лицами, виновными в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Ведь по Договору предполагалось создание

---

[27] *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1978. С. 225.

[28] *Сенин Кирилл.* Ангел или демон: Ватикан откроет тайные архивы о «папе Гитлера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://iz.ru/853237/kirill-senin/angel-ili-demon-vatikan-otkroet-tainye-arkhivy-o-pape-gitlera (дата обращения: 10.09.2020).

[29] Ватикан и гитлеровская Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http: //www.hrono.ru/dokum/194_dok/ 1943vatican.php (дата обращения: 05.09.2022). Видимо, за эти деяния Пия XII во время Второй мировой войны ряд еврейских организаций 10 лет назад выступил с осуждением попыток Ватикана запустить процесс его беатификации (см.: *Сенин Кирилл.* Указ. соч.).

[30] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 19.

[31] *Пивовар Е.И.* Почему мюнхенский сговор можно назвать началом войны? // Российское историческое общество // https://historyrussia.org/ob-obshchestve/istoriya.html (дата обращения: 20.09.2022).

[32] В частности, премьер-министр Великобритании *Чемберлен поверил Гитлеру, который при встрече с ним 23 сентября 1938 г.* заверил его, что это было (Чехословакия) его последней территориальной целью в Европе, и что он не хочет включать в Империю население другой расы, кроме германской. Чемберлен лелеял надежду умиротворить Гитлера, перевоспитать его и привести на путь благодати (см. подр.: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 325).

[33] Страны-победительницы в ультимативной форме потребовали немедленно интернировать германский военный флот, передать представителям Антанты 5000 тяжелых и полевых орудий, 3000 минометов, 25 000 пулеметов, 1700 самолетов, 500 паровозов, 150 000 железнодорожных вагонов, 5000 автомобилей. Антанта начала уничтожение станового хребта Германского государства. Германия теряла все свои колониальные владения общей площадью 2 952 700 кв. км с населением 10 176 000 человек, которые позднее были поделены между державами-победительницами в качестве подмандатных территорий Лиги Наций. В целом Германия теряла 13.5% территории. Эти потери лишали Германию 10% ее производственных мощностей, 20% объемов добычи каменного угля, 75% запасов железной руды и 26% выплавки чугуна. Помимо этого, Германия в течение 1919 и 1920 гг. и первых четырех месяцев 1921 г. обязывалась уплатить странам Антанты контрибуцию на сумму 20 млрд золотых марок – в основном в виде физических активов (угля, 371 тыс. голов скота, из них – 140 тыс. дойных коров), золотого запаса, а также отдать все крупные торговые суда, пятую часть речного флота. По репарациям отбиралось 150 тыс. товарных вагонов, 10 тыс. вагонов пассажирских и 5 тыс. паровозов (с. 53–55).

[34] 9 ноября 1918 г. в Германии произошла Ноябрьская революция, в результате которой монархия была свергнута, а Вильгельм II бежал в Нидерланды.

специального трибунала из пяти судей, каждый из которых назначается одной из следующих пяти держав: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Италия и Япония. Но когда Нидерланды отказались выдать бывшего кайзера, представители союзников посчитали вопрос закрытым (с. 55).

Таким образом, из-за отсутствия четкой политической воли стран-победительниц в Первой мировой войне бывший германский император Вильгельм II избежал судебного преследования и наказания (до своей смерти в 1941 г. он жил в Нидерландах) за развязывание Первой мировой войны. Более того, как пишет А.Н. Савенков, союзники отказались и от попыток осудить других немецких военных преступников, возложив эту миссию на правительство Веймарской республики.

В конце 1922 г., когда в Лейпциге в Уголовной палате Имперского суда Германии начались такие процессы, «они – ставшие "первопроходцами" в международном уголовном праве – потерпели фиаско: ни обвиняемые, ни свидетели в большинстве своем не явились в суд. Из списка стран Антанты, включавшего в себя около 900 фамилий немецких высокопоставленных чиновников – от бывшего наследного принца до ведущих германских генералов – 888 человек были оправданы. Остальные получили небольшие тюремные сроки, а несколько из осужденных сбежали из тюрьмы» (с. 56).

Такая вопиющая историческая безнаказанность высшего политического и военного руководства Германии, виновного в развязывании Первой мировой войны и совершении многочисленных преступлений против мира и безопасности человечества, обернулась величайшей катастрофой для всего мира – зарождением в центре Европы национал-социализма, приведшего человечество ко Второй мировой войне с ее колоссальными человеческими жертвами и невиданными материальными потерями[35].

* * *

Приоритет духа закона над буквой закона. Глава 2 книги открывает читателю захватывающий обзор существующих теоретико-прикладных споров вокруг Международного военного трибунала. Их анализ показывает, что сегодня, пожалуй, нет других вопросов в историографии Нюрнбергского процесса, вокруг которых велись бы столь бесконечные дискуссии, чем вопросы учреждения Нюрнбергского трибунала и принятия его Устава.

Считаем, что автор поступил правильно, сделав эти проблемы предметом отдельного раздела своего исследования, в рамках которого на основе большого количества работ, опубликованных за последние 75 лет о Нюрнбергском процессе, он подробно анализирует позицию как тех, кто признает легитимность Международного военного трибунала и его Устава, так и тех (условно назовем их «анти-Нюрнберги»), кто ставит под сомнение нормативные основы организации и деятельности Нюрнбергского судебного процесса. Знакомство с содержанием критических замечаний, высказанных анти-Нюрнбергами в адрес организаторов Международного военного трибунала и авторов его Устава, показывает, что если убрать из них пафос и софистику, то «в сухом остатке» обнаружим пять юридически составляющих дискуссионных вопросов, на основе которых они строят свои критические суждения. Так, квинтэссенция манифеста анти-Нюрнбергов заключается, как они считают, в том, что:

- страны антигитлеровской коалиции не обладали мандатом Лиги Наций на учреждение Международного военного трибунала, хотя этот высший коллективный международный орган функционировал до 20 апреля 1946 г.[36];
- создавая Нюрнбергский трибунал, его учредители нарушали принцип действия уголовного закона во времени и пространстве, в силу чего наделение Трибунала экстерриториальностью и специальной юрисдикцией выходило за рамки общепризнанных принципов уголовного и уголовно-процессуального права;
- перечисленные в Уставе преступления необоснованно наделены ретроактивностью, так как это вступает в противоречие с универсальным принципом "Nullum crmen, nulla poena sine lege";
- в обвинительном заключении и приговоре Трибунала подсудимым были вменены деяния, которые в момент их совершения не признавались преступлением законами стран, на территории которых они были содеяны;
- суд над представителями высшего политического и военного руководства поверженной Германии был предвзятым и отличался обвинительным уклоном, в силу чего его нельзя назвать правосудием. Поэтому Нюрнбергский судебный процесс – это суд победителей над поверженными[37].

Все перечисленные выше аргументы оппонентов[38] в монографии достаточно аргументированно опровергнуты проф. А.Н. Савенковым, что само по себе является весьма нетривиальной исследовательской задачей.

Другая отличительная линия его контраргументов заключается в том, что они построены не только на базовых началах уголовного и уголовно-процессуального права, положений международных конвенций и договоров и т.д., но

[35] Только на территории СССР нацисты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий, лишили крова около 25 млн человек. Колоссальные разрушения были нанесены промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, медицинской и социальной сферам (см. об этом подр.: *Звягинцев А.* Приговор нацистским преступникам вынесли 70 лет назад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rg.ru/2016/11/01/prigovor-nacistskim-prestupnikam-vynesli-70-let-nazad.html (дата обращения: 21.09.2022)).

[36] Можно подумать, что когда в 1998 г. 120 стран учредили Международный уголовный суд и утвердили его Устав, они запрашивали на то официальное разрешение ООН. Как показывают его учредительные документы, «Суд устанавливает отношения с Организацией Объединенных Наций посредством соглашения, одобряемого Ассамблеей государств – участников настоящего Статута и впоследствии заключаемого Председателем Суда от имени Суда» (ст. 2 Римского статута).

[37] Подобный протестный тренд наблюдается и в других аргументах анти-Нюрнбергов. К примеру, А.В. Усовский утверждает, что «в руководстве Третьего рейха никакого заговора для развязывания мировой войны, совершения преступлений против мира и т.д. в действительности не существовало. На самом деле, Национал-социалистическая Германия не готовила мировую войну. Ее готовили совсем другие действующие лица мировой политики». Поэтому они считают, что «Международный военный трибунал – это месть и попытка навечно скрыть от возмездия подлинных виновников Второй мировой войны» (см.: *Усовский А.В.* Указ. соч. С. 8). Учитывая несостоятельность подобных «доводов» против Нюрнбергского процесса, мы не сочли возможным останавливаться на них.

[38] Анализ содержания их аргументов показывает, что они в своем большинстве реципированы из выступлений защитников подсудимых в Международном военном трибунале. В этом легко убедиться, если ознакомиться с: Нюрнбергский процесс: защитительные речи адвокатов: сб. архивных документов / сост. И.С. Яртых. М., 2008.

и на отдельных положениях таких малоисследованных в теории права философско-правовых доктрин, как «преимущество права над законом», «законное ожидание граждан», «приоритет духа закона над буквой закона» и т.д.

Читая ответы автора на аргументы анти-Нюрнбергов, нельзя не заметить и логико-психологическую особенность, использованную им в качестве фона для своих содержательных ответов на их выпады. Так, А.Н. Савенков свой жесткий отпор (естественно, в рамках научной этики) критикам Международного военного трибунала предваряет кратким экскурсом в историю формирования нормативных основ Нюрнбергского процесса, из которого видно, в каких сложных условиях, ожесточенных спорах и бесконечных дискуссиях рождался Устав, его принципы и нормы. Причем всему этому предшествовала достаточно долгая организационная и аналитическая работа известных правоведов (из числа экспертов) того времени, осуществивших многочисленные ретроспективные исследования по изучению исторического наследия по вопросам предания суду руководителей государств за развязывание агрессивной войны (с. 162).

Так, специалистами, делегированными четырьмя странами-победительницами во Второй мировой войне в рабочую группу по формированию нормативных основ деятельности Нюрнбергского трибунала, велись интенсивные поиски трактатов в рассматриваемой сфере, которые могли бы стать для них ориентиром для выявления оптимальных путей создания Статута Международного военного трибунала. В качестве таковых были взяты работы великих умов прошлого – Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, И. Бентама и др. При их анализе было установлено, что, к примеру, Руссо, «прославляя устройство тогдашней Германской империи, служившей противовесом остальным великим державам, рекомендовал введение в Европе одной большой федерации, в которой должен существовать и постоянный суд. Кант утверждал, что международное право должно покоиться на федерации свободных государств, между государствами должна существовать постоянная и правильная связь, не уничтожающая, однако, их самостоятельности. По мнению Бентама, вечный мир будет значительно обеспечен вследствие учреждения между народами общего суда для решения возникающих между ними споров»[39].

Как видим, в произведениях этих мыслителей речь идет лишь об идее создания международного права и международного суда, в силу чего в них нет конкретики относительно, к примеру, процедуры учреждения такого суда, выработки его нормативных основ, перечня преступлений, подсудных ему, и т.д.

Экспертами рабочей группы были изучены работы и швейцарского юриста Л.Г. Гюстава, в которых он в 1873 г. набросал контуры принципов международного права, предложил примерную доктринальную модель его кодификации и т.д. В поле зрения разработчиков Устава была и докторская диссертация декана юридического факультета Московского университета графа Л.А. Камаровского «О международном суде», защищенная им в 1881 г. и ставшая этапной вехой в зарождении доктрины международного уголовного правосудия, а также многотомный труд по международному праву немецкого правоведа Л. Оппенгейма[40], изданный в 1905 г.

Но, увы, и в этих произведениях эксперты не нашли оптимальных ответов на многие острые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы, перманентно возникавшие перед ними в ходе разработки концептуальных параметров Устава. Загвоздка была в том, что их авторы в своих интеллектуальных построениях исходили из средневекового принципа *«короли подсудны только Богу»*. К примеру, Оппенгейм утверждал, что «международное правонарушение не является преступлением, поскольку государство-правонарушитель как суверенное государство не может быть наказано, хотя в отношении него может быть применено принуждение для получения возмещения за причиненный вред» (с. 163). Как пишет А.Н. Савенков, мнение Оппенгейма отражало общепринятую в то время правовую мысль: «Закон наций – это закон между государствами, а не над ними. Поэтому нарушения международного права, включая агрессивную войну и нарушения законов войны, не могли составлять преступления, поскольку над государствами не было власти определять или применять уголовную ответственность» (с. 164).

Помимо научных трактатов, в распоряжении экспертов было и несколько исторических примеров как состоявшихся судов над поверженными в войнах главами государств (например, децимация византийского императора Алексея V Дука крестоносцами в 1205 г.; казнь последнего законного наследника императорского дома Гогенштауфенов 29 октября 1268 г. в Неаполе за развязывание войны и т.д.), так и неудавшихся попыток победителей в той или иной войне привлечь к суду и наказать побежденного в военных сражениях руководителя той или иной страны (к примеру, попытки привлечения к суду и наказания низложенного императора Франции Наполеона Бонапарта, фиаско Лейпцигского процесса 1921 г. стран Антанты после Первой мировой войны).

Однако и эти исторические примеры не стали панацей в решении тех сложных проблем, которые стояли перед разработчиками Устава. В частности, «недостаток этих примеров заключался в том, что все они были следствием не коалиционных войн» (с. 163).

Не стали серьезным подспорьем и международные конвенции, соглашения и договоры, существующие на момент разработки Устава. В них содержалось лишь упоминание о недопустимости нарушений законов и обычаев войны, но при этом не говорилось об ответственности глав государства за развязывание войны.

Эксперты, работающие над проектом Устава, не смогли использовать в полной мере и законодательство, действующее в период Второй мировой войны в различных государствах, в том числе и в тех, которые были оккупированы нацистами. Что же касается наличия в уголовных кодексах этих государств норм об уголовной ответственности за умышленное убийство и другие виды посягательств на жизнь и здоровье личности, в том числе и совершенных при отягчающих обстоятельствах, то и они не могли быть приняты за основу при разработке перечня преступлений, подлежащих включению в Устав, поскольку не учитывали ту бесконечно широкую гамму юридически значимых объективных и субъективных свойств изуверств, совершенных нацистами во время Второй мировой войны в массовом порядке.

И это понятно – ни один законодатель не мог даже гипотетически допустить возможность совершения ЧЕЛОВЕКОМ столь чудовищных преступлений, которые в корне не совместимы не только с человеческой природой и всеми догмами христианской веры, но и с генетическим кодом

[39] Цит. по: *Камаровский Л.А.* О международном суде. М., 1881. С. 406.

[40] См.: *Оппенгейм Л.Ф.Л.* Международное право. Т. I. Мир. 1905; 2-е изд. 1912; т. II. Война и нейтралитет. 1906; 2-е изд. 1912.

даже самых кровожадных хищников. Поэтому в те годы ни в одном государстве не существовало уголовного законодательства, нормы которого хотя бы приблизительно охватывали своей диспозицией чудовищные злодеяния нацистов (например, крайне мучительное умерщвление десятков тысяч детей, женщин и стариков в газовых камерах; сожжение целых населенных пунктов на оккупированных территориях вместе с их многочисленными жителями и т.д.), в силу чего говорить о данной категории бесчеловечных деяний, унесших жизни десятков миллионов безвинных людей, как о классических формах или видах преступлений, посягающих на права и свободы отдельных граждан или государств, не представлялось возможным даже на уровне института аналогии в праве.

Эти, как и многие другие патовые ситуации, систематически возникающие в деятельности рабочей группы, мотивировали разработчиков Устава на выработку в нем неординарных решений и оригинальных юридических конструкций. В результате такого творческого подхода в окончательную редакцию Устава были включены принципиально новые формы и виды преступлений, которые в целом охватывали все юридически значимые признаки варварства, проявленного нацистами против суверенных государств и их граждан во время Второй мировой войны.

Как известно, часть этих правовых новелл ранее не была известна ни теории уголовного права, ни правоприменительной практике того времени. Речь идет о таких деяниях, как преступления против мира, преступления против человечности, обладающие ретроактивностью[41].

Определенным стимулом для принятия разработчиками Устава столь неординарных решений стала позиция голландского юриста Г. Гроция, который в 1625 г. писал: «Сообщество или его правители могут нести ответственность за преступление подданного, если они знали об этом и не предотвращали его, когда могли и должны были предотвращать это» (с. 318).

Этот краткий анализ критических замечаний анти-Нюрнбергов[42], а также концептуально выверенных ответов на них проф. А.Н. Савенкова[43] показывает, что оппоненты Международного военного трибунала в своих представлениях о Нюрнбергском судебном процессе допустили ряд концептуальных просчетов.

Так, обвиняя организаторов Международного военного трибунала в неправомочности его учреждения, они не приняли во внимание, что после полного разгрома немецко-фашистских захватчиков в Германии образовался вакуум власти, так как прежнее руководство страны полностью утратило правосубъектность[44]. Поэтому носителем верховной власти в Германии стали страны-победительницы во Второй мировой войне, которые в полном соответствии с международным *Соглашением о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси*[45] и с одобрения Контрольного совета в Германии как органа верховной власти в оккупированной Германии учредили Международный военный трибунал и утвердили его Устав[46].

Поэтому считаем, что эти директивные решения стран-победительниц не противоречили действующим в те годы международным конвенциям и не выходили за рамки правового поля того периода[47].

Теперь несколько слов о легитимности Устава и содержащегося в нем ряда преступлений, обладающих ретроактивностью (*law, ex post facto*), что вызвало в стане анти-Нюрнбергов негативную реакцию. Представляется, что неадекватный их подход к оценке Устава Нюрнбергского процесса обусловлен тем, что, во-первых, выдвигая обвинения против разработчиков Устава, они исходят из реалий сегодняшнего дня и достижений современной правовой науки, которые, естественно, в корне отличаются от той исключительно сложной общественно-политической и беспрецедентной социально-психологической обстановки, сложившейся после Второй мировой войны во многих странах мира, в которых широкая общественность систематически и настойчиво требовала от политического руководства своих стран зеркального возмездия нацистским преступникам.

Это справедливое требование людей, многие из которых испытали на себе и своих близких ужасные последствия неописуемого варварства нацистов, в международном праве называется «законное (разумное) ожидание граждан»[48] и признается одним из фундаментальных прав человека. В силу этого политическое руководство Великобритании, США, СССР, Франции не имело права в те смутные времена игнорировать столь настойчивые и массовые призывы своих граждан. В противном случае возникли бы не только электоральные риски, но и прямая угроза внесудебной расправы над нацистами.

Дело в том, что (об этом пишет и автор) сразу после капитуляции фашистской Германии большинство людей во многих странах мира, в особенности в тех, которые долгое время находились под оккупацией гитлеровской Германии, требовали всех нацистских преступников подвергнуть смертной казни без суда и следствия. И это угроза была реальная, если вспомнить самосуд над диктатором Бенито

---

[41] Было бы ошибочно утверждать, что все преступления, предусмотренные в Уставе, ранее не были известны международному праву. Это не так. В нем была предусмотрена уголовная ответственность и за действия, которые раньше также в международных актах признавались преступными (к примеру, нарушение законов и обычаев войны), но вопрос об их уголовной наказуемости в них не был решен (с. 356).

[42] Чтобы не загружать текст персонифицированными персонажами, мы не будем перечислять имена оппонентов Нюрнбергского трибунала, так как, во-первых, их достаточно много, а во-вторых, в этом нет необходимости, поскольку все они указаны в обсуждаемой монографии.

[43] Примечательно, что при этом проф. А.Н. Савенков не отмахивается от тех или иных аргументов анти-Нюрнбергов, причем какими бы они ни были каверзными.

[44] 23 мая 1945 г. в Мюрвике было арестовано имперское правительство Германии во главе с Карлом Дёницем и Иоганном Людвигом Шверин фон Крозигом.

[45] По Акту о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. и Декларации союзных государств от 5 июня правительства СССР, США, Великобритании и Франции взяли на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагало германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство (власть).

[46] В подчинении Контрольного совета находилась Межсоюзническая комендатура, осуществлявшая властные полномочия в разделенном на четыре оккупационных сектора Берлине.

[47] К примеру, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и т.д.

[48] Это означает, что граждане вправе: а) рассчитывать, что государство будет последовательно и добросовестно выполнять принятые на себя обязательства; б) ожидать, что государство обеспечит им минимум правовой защиты (см.: *Барбук А.* Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // Белорус. журнал междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 3. С. 23–30).

Муссолини и его любовницей Кларой Петаччи со стороны гарибальдийских партизан[49] (с. 246).

Во-вторых, ахиллесова пята анти-Нюрнбергов заключается в том, что они свои доводы строят, исходя исключительно из буквы закона, игнорируя при этом его дух как ключ к познанию нравственно-правовой сущности онтологии права, его гносеологического естества и аксиологического смысла. Между тем если руководствоваться этими философско-правовыми категориями, то станет очевидно, что дух позитивного права превалирует над буквой, которая есть лишь средство внешнего проявления закона. Поэтому в случае коллизии между ними дух закона имеет приоритет над буквой закона.

В-третьих, оппоненты Устава Международного военного трибунала не учитывают и тот очевидный факт, что, как это было указано выше, в период его разработки в мире не существовало такого уголовного закона, нормы которого хотя бы приблизительно охватывали все злодеяния нацистских преступников на оккупированных территориях. В силу этого в данных условиях страны-победительницы во Второй мировой войне как носители верховной власти в Германии 8 августа 1945 г. приняли единственно возможное решение в сложившейся ситуации: учредить Международный военный трибунал и принять его Устав, в котором сформулировать составы преступлений, охватывающие все чудовищные деяния главных нацистских преступников, и наделить их обратной силой действия.

Все это можно было осуществить только на основе естественного (*должного*) права, которое в отличие от *сущего* основано на таких имманентных свойствах духовного бытия человека, как справедливость и свобода духа, нравственность и здравый смысл и т.д., причем безотносительно ко времени и пространству. Как писал Б.Н. Чичерин, «разумность, нравственность и здравый смысл, имеющие свои собственные корни в духовной природе человека, являются мерилом и руководством для положительного законодательства»[50].

Не случаен, видимо, в этой связи и тот факт, что к Уставу Нюрнбергского трибунала позже присоединились еще 19 стран, а его принципы были утверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» (с. 302, 304). Помимо этого, Устав первого Международного военного трибунала стал основой для принятия в послевоенный период многих конвенций по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе и Конвенции ООН о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г., Женевской конвенции о защите жертв войны 1949 г. и т.д.

Наконец, использованная в Уставе доктрина должного права стала ядром разработанного в 1946 г. немецким философом права Г. Радбрухом всемирно известного учения о надзаконном праве, в котором и с юридической точки зрения, и с позиции общечеловеческих ценностей справедливость ставится выше любого писаного закона. И если закон не отвечает критериям справедливости или вступает в противоречие с этим имманентным свойством бытия человека, то такой закон признается неправовым и не подлежит применению[51].

Этот не полный перечень исторической и политико-правовой значимости Устава Нюрнбергского трибунала свидетельствует, что он не только соответствует всем параметрам легитимного нормативного акта, но и внес неоценимый вклад в формирование и последующее развитие международного уголовного права, стал основой для учреждения Международного уголовного суда в Гааге и принятия его Статута, в котором тоже немало новелл, ранее не известных ни теории права, ни судебной практике.

Что же касается вопроса экстерриториальности Международного военного трибунала, то отметим, что, во-первых, как известно, политика есть искусство возможного (Отто Бисмарк).

Во-вторых, принцип экстерриториальности судебного преследования нацистских преступников касался исключительно главных военных преступников гитлеровской Германии (свыше 20 подсудимых), которые были осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Что же касается немецко-фашистских должностных лиц и чиновников низшего звена, виновных в преступлениях против мира и человечества, нарушении законов и обычаев войны и т.д., то все они были осуждены в других странах, где совершали свои злодеяния или были задержаны. Так, в СССР было осуждено 17 175 нацистских преступников, в Чехословакии – 16 000, Австрии – 13 625, ГДР – 12 874, ФРГ и Западном Берлине – 6465, Польше – 5385, Франции – 4891, Нидерландах – 204, Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурге вместе взятых – 303. В США были осуждены 1517 человек. Американская военная юстиция провела в послевоенное время в том же Дворце правосудия в Нюрнберге еще 12 процессов против 176 генералов, хозяев монополий, дипломатов, врачей-изуверов. В английской зоне оккупации прошла череда судов над бывшими охранниками концлагерей. Всего в западных зонах через суды прошли 5025 человек, 806 из них были приговорены к смерти, казнены 486 осужденных[52].

В-третьих, без такого решения деятельность Трибунала была бы полностью парализована, страны-победительницы во Второй мировой войне вынуждены были бы создавать более чем в 20 странах, ранее оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, военные трибуналы для судебного преследования и наказания главных нацистских преступников, совершивших на территории этих государств многочисленные бесчеловечные деяния.

В-четвертых, нецелесообразность такого варианта решения вопроса выражалась в том, что он предполагал необходимость отправления правосудия над нацистскими преступниками в несколько этапов и в разных странах. В частности, в этом случае потребовалось бы поочередное этапирование в эти страны в течение нескольких лет более 20 захваченных союзными войсками представителей высшего политического и военного руководства гитлеровской Германии, заключенных под стражу. А это было сопряжено с риском как побега заключенных, так и нападения на

[49] По мнению историков, решение учинить самосуд над Муссолини был принят Комитетом освобождения Северной Италии и согласован с английскими спецслужбами, которые опасались, что дуче может в суде над ним рассказать всю подноготную своей переписки с Черчиллем, в которой последний побуждал Муссолини сменить союзников (см.: *Окунев Дмитрий*. «Целься в грудь»: как расстреляли Муссолини // Газета.Ru. 2020. 28 апр.).

[50] *Чичерин Б.Н.* Философия права: избр. тр. СПб., 1997. С. 70.

[51] См.: *Радбрух Г.* Законное неправо и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.

[52] См.: Процессы над военными преступниками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://encyclopedia. ushmm.org/content/ru/article/war-crimes-trials-abridged-article (дата обращения: 27.09.2022).

конвой[53] с целью их освобождения или совершения над ними самосуда со стороны местных жителей[54]. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что за суровое наказание военных преступников выступали представители церкви, женщины, общественные организации, СМИ, политические деятели и т.д. по всему миру[55].

В-пятых, проведение судебного преследования и наказания нацистских преступников на территории стран, где они совершали свои злодеяния, было сопряжено и с другими неизбежными организационными проблемами. К примеру, сложно было бы в послевоенных руинах найти в этих государствах подходящее для функционирования Международного суда, его аппарата, сторон обвинения и защиты, технического персонала, представителей СМИ и т.д. помещение, которое вмещало бы более 300 человек (в зале заседания Нюрнбергского процесса было 350 мест, из них 250 было отведено для СМИ), имело специальные камеры для содержания подследственных, технические средства, обеспечивающие синхронный перевод выступающих на заседаниях Трибунала, и т.д. Словом, в случае учреждения Трибунала для уголовного преследования и наказания главных нацистских преступников на основе принципов территориальности, действия закона во времени и т.д. возникла бы реальная опасность оказаться в крайне сложной ситуации, которую в шахматах называют *«цугцванг»* (принуждение к ходу).

Эти, как и многие другие, разумные аргументы в своей совокупности легли в основу принятия в те годы императивного решения о придании Нюрнбергскому процессу экстерриториальности.

Теперь несколько слов относительно злобных обвинений анти-Нюрнбергов в «необъективности» Нюрнбергского процесса, а судей Трибунала – в «предвзятости» и «обвинительном уклоне» и т.д. Читая их, складывается такое впечатление, что анти-Нюрнберги не полностью ознакомились с Уставом Международного военного трибунала и многочисленными приговорами в отношении других нацистских преступников, вынесенными национальными судами других стран в мае–декабре 1945 г. В противном случае они обнаружили бы, что, во-первых, в Уставе немало положений, посвященных процессуальным гарантиям подсудимых, которые в нем закреплены в разд. 4 «Процессуальные гарантии для подсудимых». Так, ст. 16 этого раздела Устава предусматривает для подсудимых различные процессуальные гарантии, обеспечивающие справедливый суд над ними: а) при любом предварительном допросе и на суде подсудимый имел право давать любые объяснения по обстоятельствам выдвинутых против него обвинений; б) предварительный допрос подсудимого и судебное заседание должны были вестись или переводиться на язык, который подсудимый понимает; в) подсудимый имел право защищаться в суде лично или при помощи защитника, а также представлять в суде доказательства в свою защиту и подвергать перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного обвинением; г) в обвинительный акт включались все подробности, детально излагающие обвинение против подсудимого; д) копии обвинительного акта и всех документов, направляемых вместе с обвинительным актом, переведенные на язык, который подсудимый понимает, должны были передаваться ему заблаговременно до начала суда и т.д. (с. 311).

Во-вторых, о какой предвзятости судей и обвинительном уклоне суда может идти речь, если решением Международного военного трибунала трое из подсудимых (Шахт, Папен, Фриче) были полностью оправданы, четверо приговорены к лишению свободы на срок от десяти до двадцати лет и т.д.

Если сравнить приговор Нюрнбергского трибунала с итоговыми решениями национальных судов стран Европы (Норвегия, Румыния, Чехословакия, Финляндия, Франция и др.) в отношении различных категорий военных преступников гитлеровской Германии, вынесенными еще до начала работы Международного военного трибунала, то станет очевидно, что его вердикт был не только объективным, но и чрезмерно гуманным, за что судьи Нюрнбергского трибунала по сей день подвергаются жесткой критике (с. 314–318).

Наконец, «тот факт, что четыре Великие Державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих плененных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму» (с. 329).

Естественно, было бы ошибочно утверждать, что в работе Нюрнбергского процесса не было определенных недостатков, пробелов или коллизий, в том числе как при формировании его Устава и отправлении правосудия, так и в ходе постановления приговора, о чем немало сказано в монографии[56].

Но могло ли быть так, чтобы их не было? Ответ однозначен: НЕТ, не могло, даже гипотетически, так как в человеческом обществе никогда не было, нет и не может быть ни закона, ни уголовного судопроизводства, ни приговора суда, которые были бы абсолютно безупречными. Как показывает анализ истории правосудия и кодификации позитивного права, огрехи в этой (да и не только в ней) сфере неизбежны. Они были во все времена и остаются непреходящей червоточиной и сегодня.

Неотвратимость ошибок, пробелов и коллизий, особенно их скрытых форм, в процессе законотворчества и судопроизводства обусловлена тем, что повседневное бытие природы и общества достаточно многолико и непредсказуемо, наполнено неожиданностями и тайнами, а их неисчерпаемая энергия и безграничные возможности a priori всегда окажутся куда более объемнее и богаче, чем лучшее творение

---

[53] К примеру, в Нюрнберге во время работы Трибунала уцелевшие эсэсовцы не раз грозились проникнуть в зал суда и взять в заложники обвинителей и судей (см.: *Звягинцев А.* Указ. соч.).

[54] При этом характерно, что призывы к самосуду над нацистскими преступниками исходили не только от рядовых граждан, но и ответственных руководителей стран-победительниц во Второй мировой войне. К примеру, в марте 1943 г. госсекретарь США К. Хэлл заявил, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство». А тогдашний президент США Ф. Рузвельт не только не возражал соратникам, но и фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он отметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом». Такого же мнения был и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который это пытался навязать Сталину, но тот твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!» (см.: там же).

[55] См.: *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса / отв. ред. А.И. Полторак. М., 1975.

[56] Достаточно в этой связи внимательно прочитать, к примеру, Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко относительно приговора Суда (с. 635–661).

человеческого гения, в том числе в сфере законотворчества и отправления правосудия. Поэтому даже мудрейший из мудрейших законодателей и судей, гениев преступностиведения и светил судебного права не в состоянии учесть все нюансы (в том числе сюрпризы) естественной и социальной жизни, равно как и предвидеть появление в среднесрочной или долгосрочной перспективе принципиально новых форм и видов преступлений. Помимо этого, нет и не было в истории человечества, к примеру, бинокулярной лупы, посредством которой судья мог бы заглянуть в глубинные пласты внутреннего мира подсудимого для формирования базовых параметров оптимальной меры уголовно-правового воздействия на него, как и волшебных весов, с помощью которых он с филигранной точностью мог бы определить конкретный вид наказания и отмерить его срок, достаточные для нравственного воскрешения осужденного.

Все это, увы, невозможно и в обозримом будущем, если учесть, что *должное* не всегда совпадает с *сущим*[57], так как «мир есть “вещь-в-себе”, а то, что мы познаем, обусловлено врожденными a priori чувственностью, рассудком и разумом». И здесь вопрос вовсе не в издержках той или иной отрасли права либо в компетентности судьи или законодателя. Дело в том, что подобные метаморфозы пока что находятся за пределами предметного поля права и когнитивных возможностей Homo sapiens, поскольку источники объяснения их бытия гнездятся в иных плоскостях познания. Отсюда одна из причин того, что с момента зарождения правосудия и его нормативных основ человечеству так и не удалось создать ни совершенный правовой акт на длительную перспективу, ни супероптимальный алгоритм отправления правосудия.

Завершая анализ содержания гл. 2 монографии, отметим, что после знакомства с аргументами анти-Нюрнбергов и контраргументами проф. А.Н. Савенкова становится очевидным, что и учреждение Международного военного трибунала, и принятие его Устава были осуществлены в полном соответствии с непреходящими ценностями должного права в его диалектическом единстве с нравственно-правовым предначертанием уголовного и уголовно-процессуального права.

* * *

Момент истины в финале Нюрнбергского процесса. Последние две главы монографии посвящены организационным, правовым и процедурным вопросам организации судебного разбирательства в Международном военном трибунале и его Приговору. Учитывая органическую взаимосвязь предмета исследования этих разделов книги, мы сочли возможным рассмотреть данные аспекты Нюрнбергского судебного процесса под единым заголовком.

Как видно из содержания ***гл. 3***, путь от принятия решения учредить Международный военный трибунал для уголовного преследования и наказания высокопоставленных чиновников, входивших в высшее политическое и военное руководство нацистской Германии, виновных как в планировании, подготовке и развязывании мировой войны, так и в совершении массовых преступлений против мира и человечества, до первого судебного заседания в Международном военном трибунале был достаточно тернистым и длинным, а промежуток между этими двумя событиями измеряется несколькими годами. Учитывая это, проф. А.Н. Савенков, прежде чем описать ход судебного процесса над главными нацистскими преступниками в Нюрнберге, предварительно знакомит читателя с широкомасштабной подготовительной работой, которая осуществлялась во многих странах мира еще в ходе Второй мировой войны.

Так, читатель узнает, что еще с середины 1942 г. в Великобритании, США, СССР и Франции (со стороны временного правительства) начался процесс по документированию массовых злодеяний нацистов на оккупированных территориях для их представления специальному международному трибуналу, перед которым должны были предстать главные должностные лица Третьего рейха для решения вопроса об их уголовной ответственности и наказании (с. 243). Для этих целей 20 октября 1942 г. в Лондоне была создана «Комиссия по расследованию военных преступлений» (United Nations War Crimes Commission, UNWCC) из представителей 17 государств, которая к июню 1945 г. собирала улики и имена 36 529 подозреваемых (с. 243).

Широкая подготовительная работа шла и в СССР. К примеру, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, материалы которой были впоследствии учтены в ходе Нюрнбергского процесса в качестве доказательств совершенных гитлеровцами преступлений на территории Советского Союза.

Одновременно Постановлением Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1943 г. № 299 на освобожденных от оккупантов территориях стали создаваться республиканские краевые и областные комиссии по документированию преступлений нацистских захватчиков. К октябрю 1945 г. были подготовлены списки, включающие около 7000 лиц. Наряду с этим была проделана гигантская работа по сбору и фиксации доказательств вины гитлеровских захватчиков в совершении различных злодеяний на оккупированных территориях СССР.

Важным шагом к подготовке будущего судебного процесса над нацистскими преступниками стала инициированная Советским Союзом Декларация правительств СССР, США, Великобритании от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». В ней устанавливалось, что все германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, виновные в зверствах, убийствах, массовых казнях или в истреблении населения, будут переданы в страны, в которых были совершены эти их действия, для того, чтобы они могли быть преданы суду и наказаны в соответствии с законом освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Декларация 1943 г. утвердила не только принцип ответственности гитлеровских преступников, но и принцип их подсудности. В то же время в отношении главных нацистских преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом, было принято решение об их наказании совместным решением правительств-союзников.

Благодаря такой предварительной гигантской работе по выявлению и фиксации массовых преступлений против мира и человечества, совершенных нацистскими преступниками, стало возможным начало работы Нюрнбергского судебного процесса: 18 октября 1945 г. состоялось открытое распорядительное заседание Международного военного трибунала

[57] См.: *Кант И.* Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности. М., 1999.

в Берлине в целях принятия обвинительного заключения. Заседание вел член Международного военного трибунала от Советского Союза И.Т. Никитченко.

Международный военный трибунал был сформирован на паритетных началах из представителей четырех великих держав: от СССР – заместитель Председателя Верховного Суда Союза ССР, генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко, от США – бывший генеральный прокурор страны, член Федерального верховного суда Ф. Биддл, от Великобритании – главный судья лорд Д. Лоренс, от Франции – профессор уголовного права А.Д. де Вабр. Были назначены и заместители членов Трибунала. Председательствующим на первом процессе был избран лорд Д. Лоренс (с. 306).

Аналогичным образом организовывалось и обвинение в рамках созданного Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. Главными обвинителями были: от СССР – прокурор Украинской ССР Р.А. Руденко, от США – член Федерального верховного суда Р. Джексон, от Великобритании – генеральный прокурор и член Палаты общин Х. Шоукросс, от Франции – министр юстиции Франсуа де Ментон, которого затем сменил Огюст Шампетье де Риб. Помимо главных обвинителей обвинение поддерживали (представляли доказательства, допрашивали свидетелей и подсудимых) их заместители и помощники.

Права и обязанности главных обвинителей при подготовке процесса устанавливались ст. 15 Устава Международного военного трибунала, предусматривавшей возможность предварительного расследования и сбора доказательств, но не определявшей в полном объеме процессуальный порядок производства необходимых следственных действий. По умолчанию такой порядок соблюдался в применении уголовно-процессуальных норм национальных юрисдикций. Согласно названной правовой норме, к числу обязанностей главных обвинителей относились: а) расследование, сбор и представление до или во время судебного процесса всех необходимых доказательств; б) производство предварительного допроса всех необходимых свидетелей и подсудимых; в) подготовка обвинительного акта для утверждения; г) назначение уполномоченных для выполнения таких обязанностей, какие будут им поручены; д) выступление в качестве обвинителей в суде; е) производство других действий, которые окажутся необходимыми для целей подготовки и проведения судебного разбирательства (с. 310).

Международному военному трибуналу были преданы 24 обвиняемых. Обвинительное заключение на немецком языке было вручено каждому из них, находившемуся в заключении (за исключением Бормана), по крайней мере за 30 дней до начала процесса. В нем подсудимым вменялось в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимые обвинялись в участии в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений (с. 430).

В обвинительном заключении также ставился вопрос о признании преступными организациями правительство, Генеральный штаб и Верховное командование вермахта (ОКВ) нацистской Германии, руководство Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСРПГ), охранные отряды (СС), включая службу безопасности (СД), штурмовые отряды (СА), государственную тайную полицию (гестапо).

Нюрнбергский процесс был открытым и гласным в самом широком смысле. За 316 дней его работы состоялось 403 открытых судебных заседания. В зал суда было выдано более 60 тыс. пропусков, многие из них – немцам. Стенограммы процесса составили почти 40 томов, содержащих более 20 тыс. страниц. Процесс велся одновременно на четырех языках – русском, английском, французском и немецком. Прессу и радио в суде ежедневно представляли около 250 корреспондентов. Подсудимые использовали свои процессуальные гарантии и права в полном объеме, без каких-либо ограничений. Их защищали 27 адвокатов, которым помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей (с. 345).

В этой же главе работы большое место отведено вступительным речам главных обвинителей от Великобритании, США, СССР и Франции, многие из которых отличаются не только своей содержательностью, но и глубокими философско-правовыми мыслями, существенно обогатившими как общую теорию права, так и уголовное и уголовно-процессуальное право (например, речь представителя США Р. Джексона, главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко[58]).

В ходе судебного процесса порой проявлялись политические и идеологические устремления главных обвинителей и судей Трибунала. К примеру, как пишет проф. А.Н. Савенков, «ни одна из делегаций не воспользовалась возникавшими время от времени непростыми ситуациями, чтобы представить политику правительств союзных стран в неблагоприятном свете. Так было при обсуждении аншлюса Австрии, Мюнхенского сговора, так по большей части было и в моменты, когда всплывали вопросы о советско-германских отношениях 1939–1941 годов. 11 марта 1946 года Руденко в письме Р. Джексону указал, что разделяет его точку зрения о необходимости солидарно принимать меры к решительному устранению всяких попыток со стороны обвиняемых и их защитников использовать судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу» (с. 349).

«Обвинители от США и Великобритании, представляя материалы об аннексии Чехословакии, характеризовали действия Англии и Франции в период Мюнхенской конференции 1938 года как предотвращение начала войны. В то же время они стремились избежать этой темы и нередко прерывали показания подсудимых и свидетелей, когда те ее затрагивали. Помимо этого, в Трибунале вовсе не прозвучал вопрос о военной необходимости и законности массированных “ковровых бомбардировок” городов Германии, произведенных авиацией союзников на завершающем этапе войны. Попытки стороны защиты поднимать перечисленные выше вопросы строго пресекались судом» (с. 350).

В книге рассмотрены и другие не менее интересные эпизоды судебного разбирательства преступлений главных нацистских преступников. Так, автор указывает, что в ряде случаев взгляды членов Трибунала по концептуальным вопросам международного права не совпадали, например, по проблемам таких понятий, как «общий план или заговор», «преступления против человечности», вопросы о признании преступными организациями гитлеровское правительство, Верховное командование и Генштаб и т.д.

В целом Нюрнбергский судебный процесс прошел успешно. После почти 11 месяцев судебного разбирательства

[58] Чего нельзя сказать про речь главного государственного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса, произнесенную им на заседании Трибунала 4 декабря 1945 г., которая отличалась не только излишней эмоциональностью, патетикой и пафосом, но и банальным присвоением Великобританией достижений советской уголовно-правовой науки. Так, не обременяя себя и Суд аргументами, советское определение агрессии от 1933 г. он выдает за детище комитета по вопросам безопасности Конференции по разоружению и часть проекта конвенции, представленного Британией в том же году (с. 336).

30 сентября – 1 октября 1946 г. Трибунал объявил свой вердикт, который вызвал в мире неоднозначную реакцию. Этим вопросам посвящена завершающая ***гл. 4*** монографии.

Как видно из приложения, Приговор состоял примерно из 300 страниц, в силу чего невозможно даже тезисно рассмотреть все те факты, документы, показания свидетелей, подсудимых и их защитников, на основе которых Трибунал вынес свой вердикт. Поэтому остановимся лишь на некоторых ключевых его положениях. Во-первых, из 24 обвиняемых, преданных суду, реальное наказание понесли лишь 19 из них, так как двое покончили жизнь самоубийством в камере[59], один (Густав Крупп) был признан невменяемым, трое были оправданы, а один (Мартин Борман) – приговорен к смертной казни заочно[60].

Во-вторых, политические и правовые реалии того времени позволили многим высокопоставленным нацистским преступникам уйти от ответственности за свои злодеяния. Так, «в США был опубликован скандальный доклад о жизни многих деятелей Третьего рейха, нашедших после войны прибежище в Америке. Перебравшиеся за океан фашисты и их пособники, как выяснилось, были очень востребованы в ЦРУ и военно-промышленном комплексе. Сколько всего нацистов перетекло после войны в США, не называется, но дается понять – счет идет на тысячи. И это не первое свидетельство того, что “цитадель демократии” на протяжении многих лет укрывала немало нацистских преступников»[61].

В-третьих, не все преступления верхушки Третьего рейха были включены в обвинительное заключение, в силу чего не нашли своей правовой оценки в Приговоре Международного военного трибунала. Речь, в частности, идет о таких злодеяниях гитлеровской Германии, как трагедия белорусской деревни Хатынь, где фашисты сожгли 149 человек; массовые убийства в великолукских деревнях Санники и Андрюково в марте и октябре 1942 г. (погибли 385 и 360 жителей соответственно).

В-четвертых, в Приговоре Трибунала нет правовой оценки и «нюрнбергских законов» 1935 г. о чистоте арийской расы, согласно которым внешне здоровые братья, сестры и дети наследственно неполноценных людей могли вступать лишь в такие браки, которые будут бездетными. При вступлении в брак стал обязательным обмен справками о наследственных особенностях семей. Насильственная стерилизация «некачественного человеческого материала» приобрела массовый размах. Решение о стерилизации принимали специальные суды «наследственного здоровья». Этой унизительной процедуре подвергались те, кого сочли страдавшими слабоумием, шизофренией, эпилепсией, врожденной слепотой или глухотой, а также тех, кто «не признавал общественно принятых норм поведения», «не был в состоянии вести рентабельное хозяйство» или «не осознавал ответственности за воспитание детей». Слабоумными могли посчитать и детей, например, не успевающих в школе или страдающих какими-то детскими болезнями. С середины 30-х годов и до 1945 г. принудительной стерилизации подверглось от 360 до 450 тыс. немцев. Однако жертвами нацизма эти люди так и не были признаны, а никто из врачей, работавших в судах наследственного здоровья, не понес наказания[62].

В-пятых, оправдание Международным военным трибуналом подсудимых Ганса Фриче, Франца фон Папена и Ялмара Шахта, назначение Рудольфу Гессу, Вальтеру Функу и Эриху Редеру пожизненного тюремного заключения, неоправданно мягкое наказание Карлу Дёницу и т.д. во многих странах мира вызвали не только гневное осуждение, но и протесты среди участников Нюрнбергского процесса. Об этом красноречиво свидетельствует Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко относительно приговора. Сказанное можно повторить и в отношении непризнания Трибуналом и ряда государственных учреждений гитлеровской Германии, непосредственно участвовавших в планировании, подготовке и развязывании Второй мировой войны, печальных событий «Хрустальной ночи» (еврейский погром 9–10 ноября 1938 г.) и т.д.

Словом, этот далеко не полный перечень недостатков Приговора показывает, что момент истины финала Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками оказался, мягко говоря, крайне амбивалентным...

* * *

Заключение

Традиционно в научной среде принято, что «любая рецензия должна заканчиваться выводом о теоретической и (или) практической значимости проделанной автором работы»[63]. Отталкиваясь от этой научной традиции и основываясь на анализе как содержания рецензируемой монографии проф. А.Н. Савенкова, так и исторических документов, других репрезентативных источников в рассматриваемой сфере, можно однозначно утверждать: страны-победительницы во Второй мировой войне смогли на руинах этой невиданной для всего человечества трагедии и в хаосе послевоенной Германии (к примеру, Нюрнберг практически полностью был разрушен в ходе войны) создать необходимые условия для проведения открытого судебного разбирательства чудовищных преступлений, совершенных в массовом порядке государственными и военными руководителями поверженной гитлеровской Германии в ходе Второй мировой войны, обеспечить Международный военный трибунал всеми необходимыми ресурсами для отправления правосудия над главными нацистскими преступниками и назначить им справедливое наказание.

Поэтому, возвращаясь к вопросу, поставленному в заголовке данной рецензии (*«является ли Нюрнбергский процесс образцом торжества правосудия или он суд победителей?»*), можно однозначно сказать: Международный военный трибунал в Нюрнберге нельзя рассматривать как «суд победителей» *над поверженными*. Его следует воспринимать как уникальный судебно-правовой феномен в истории

[59] Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 г., а Герман Геринг – 15 октября 1946 г. (принял цианистый калий за два часа до казни через повешение). Яд, спрятанный в авторучке, передал ему американский солдат из службы охраны Герберт Ли Стиверс (об этом см. подр.: Тайна самоубийства Германа Геринга, возможно, раскрыта // Известия. 2005. 7 февр.).

[60] После самоубийства Гитлера он становится его официальным преемником и фактически первым лицом Третьего рейха. Борман принимает решение прорываться из окруженного Берлина вместе с последними обитателями бункера. В ночь с 1 на 2 мая группа покидает бункер и направляется в западном направлении. Через некоторое время Борман получает ранение осколком снаряда, попавшего в танк. Понимая, что из Берлина ему не выбраться, он раскусывает ампулу с цианистым калием. В конце 1972 г. берлинские рабочие прокладывают дорогу и обнаруживают останки мужчины в солдатской шинели. Их удается идентифицировать. Прокуратура официально заявляет, что этот погибший – Мартин Борман. В 1998 г. удается окончательно установить, что останки, найденные в Берлине, действительно принадлежат Мартину Борману (см.: Идентификация Бормана: где и когда умер личный секретарь фюрера. «Нераскрытые тайны»: где и когда умер Мартин Борман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.m24.ru/articles/SSSR/07042014/41724 (дата обращения: 22.09.2022)).

[61] *Звягинцев А.* Указ соч.

[62] См. подр.: *Лебедева Н.С.* Указ. соч.

[63] *Лисицын-Светланов А.Г.* Указ. соч.

человечества – Правосудие переходного периода на переломном этапе в новейшей истории человечества.

* * *

Естественно, как и в любом другом масштабном фундаментальном научном исследовании, в монографии члена-корр. РАН А.Н. Савенкова есть отдельные изъяны. Но они настолько незначительные, частные и во многом спорные, что мы не сочли нужным открывать дискуссию вокруг них со страниц нашей рецензии на эту прекрасную работу, которая, вне всяких сомнений, будет встречена читателями с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.Н., Голик Ю.В.* А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира // Государство и право. 2022. № 6. С. 186.
2. *Барбук А.* Защита законных ожиданий и прямое применение международного права // Белорус. журнал междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 3. С. 23–30.
3. Ватикан и гитлеровская Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http: //www.hrono.ru/dokum/194_dok/1943vatican.php (дата обращения: 05.09.2022).
4. Вот кто дал Гитлеру деньги на войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: URL: https://www.facebook.com/watch?v=316416720114240 (дата обращения: 17.08.2022).
5. *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1978. С. 225.
6. *Дорель М.* Изумрудные скрижали Тота Атланта. Скрижаль № XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://key999.ru/text/izum_skr/01.htm (дата обращения: 01.08.2022).
7. *Звягинцев А.* Приговор нацистским преступникам вынесли 70 лет назад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rg.ru/2016/11/01/prigovor-nacistskim-prestupnikam-vynesli-70-let-nazad.html (дата обращения: 21.09.2022).
8. Идентификация Бормана: где и когда умер личный секретарь фюрера. «Нераскрытые тайны»: где и когда умер Мартин Борман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.m24.ru/articles/SSSR/07042014/41724 (дата обращения: 22.09.2022).
9. Из секретного меморандума премьер-министра Англии Ллойда Джорджа премьер-министру Франции Клемансо о росте революционных настроений в Европе. 22 марта 1919 г. // Электронная библиотека исторических документов // http://docs.historyrussia.Org/ru/nodes/157718-iz-sekretnogo-memoranduma-premier-ministra-anglii-lloyd-dzhordzha-premier-ministru-frantsii-klemanso-o-roste-revolyutsionnyh-nastroeniy-v-evrope-22-marta-1919-g (дата обращения: 22.09.2022).
10. *Камаровский Л.А.* О международном суде. М., 1881. С. 406.
11. *Кант И.* Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
12. *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса / отв. ред. А.И. Полторак. М., 1975.
13. *Лисицын-Светланов А.Г.* Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) // Государство и право. 2022. № 7. С. 45.
14. *Михман Д.* Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 2001. Т. 1. С. 71.
15. Нюрнбергский процесс: защитительные речи адвокатов: сб. архивных документов / сост. И.С. Яртых. М., 2008.
16. *Окунев Дмитрий.* «Целься в грудь»: как расстреляли Муссолини // Газета.Ru. 2020. 28 апр.
17. *Оппенгейм Л.Ф.Л.* Международное право. Т. I. Мир. 1905; 2-е изд. 1912; т. II. Война и нейтралитет. 1906; 2-е изд. 1912.
18. *Пивовар Е.И.* Почему мюнхенский сговор можно назвать началом войны? // Российское историческое общество // https://historyrussia.org/ob-obshchestve/istoriya.html (дата обращения: 20.09.2022).
19. Процессы над военными преступниками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/war-crimes-trials-abridged-article (дата обращения: 27.09.2022).
20. *Радбрух Г.* Законное неправо и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
21. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 13, 17, 21, 27, 51, 53–57, 78, 162–164, 191, 206, 207, 243, 246, 287, 302, 304, 306, 310, 311, 314–318, 325, 329, 336, 340, 345, 349, 350, 353, 354, 356, 430, 635–661.
22. *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., 2022.
23. *Савенков А.Н., Звягинцев А.Г.* Признать виновными. Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. М., 2021.
24. *Сенин Кирилл.* Ангел или демон: Ватикан откроет тайные архивы о «папе Гитлера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://iz.ru/853237/kirill-senin/angel-ili-demon-vatikan-otkroet-tainye-arkhivy-o-pape-gitlera (дата обращения: 10.09.2020).
25. Тайна самоубийства Германа Геринга, возможно, раскрыта // Известия. 2005. 7 февр.
26. *Усовский А.В.* Антинюрнберг. Главная ложь XX века. 2020 (Честная история Второй мировой). С. 8.
27. *Фурсов Андрей.* Закрытый доклад мировых элит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www. facebook. com/watch (дата обращения: 11.09.2022).
28. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 кн. Кн. 1. От войны до войны (1919–1939). Нью-Йорк, 1954. С. 14, 15, 19, 325.
29. *Чичерин Б.Н.* Философия права: избр. тр. СПб., 1997. С. 70.

REFERENCES

1. *Baburin S.N., Golik Yu. V.* A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace // State and Law. 2022. No. 6. P. 186 (in Russ.).
2. *Barbuk A.* Protection of legitimate expectations and direct application of International Law // Belarusian journal of the International Law and international relationships. 2002. No. 3. P. 23–30 (in Russ.).
3. The Vatican and Hitler's Germany [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1943vatican.php (accessed: 05.09.2022) (in Russ.).
4. That's who gave Hitler the money for the war [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.facebook.com/watch?v=316416720114240 (accessed: 17.08.2022) (in Russ.).
5. *Grigulevich I.R.* Papacy. Century XX. M., 1978. P. 225 (in Russ.).
6. *Dorel M.* Emerald tablets of Thoth Atlanta. Tablet No. XII [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://key999.ru/text/izum_skr/01.htm (accessed: 01.08.2022) (in Russ.).
7. *Zvyagintsev A.* Nazi criminals were sentenced 70 years ago [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://rg.ru/2016/11/01/prigovor-nacistskim-prestupnikam-vynesli-70-let-nazad.html (accessed: 21.09.2022) (in Russ.).
8. Identification of Bormann: where and when the Fuhrer's personal secretary died. "Unsolved mysteries": where and when Martin Borman died [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.m24.ru/articles/SSSR/07042014/41724 (accessed: 22.09.2022) (in Russ.).
9. From the secret memorandum of the Prime Minister of England Lloyd George to the Prime Minister of France Clemenceau on the growth of revolutionary sentiments in Europe. March 22,

1919 // Electronic library of historical documents // http://docs.historyrussia.Org/ru/nodes/157718-iz-sekretnogo-memoranduma-premier-ministra-anglii-lloyd-dzhordzha-premier-ministru-frantsii-klemanso-o-roste-revolyutsionnyh-nastroeniy-v-evrope-22-marta-1919-g (accessed: 22.09.2022) (in Russ.).

10. *Kamarovsky L.A.* On the International Court of Justice. M., 1881. P. 406 (in Russ.).
11. *Kant I.* Metaphysics of morality. Fundamentals of the Metaphysics of morality. M., 1999 (in Russ.).
12. *Lebedeva N.S.* Preparation of the Nuremberg Trial / res. ed. A.I. Poltorak. M., 1975 (in Russ.).
13. *Lisitsyn-Svetlanov A.G.* Theoretical foundations of International criminal justice in the work "Nuremberg: A Verdict for name of Peace" (Moscow: Prospect, 2021. – 760 pp.) // State and Law. 2022. No. 7. P. 45 (in Russ.).
14. *Mikhman D.* The catastrophe of European Jewry. Tel Aviv, 2001. Vol. 1. P. 71 (in Russ.).
15. The Nuremberg Trial: defense speeches of lawyers: collection of archival documents / comp. I.S. Yartykh. M., 2008 (in Russ.).
16. *Okunev Dmitry.* "Aim at the chest": how Mussolini was shot // Gazeta.Ru. 2020. 28 Apr. (in Russ.).
17. *Oppenheim L.F.L.* International Law. Vol. I. Peace. 1905; 2nd ed. 1912; vol. II. War and neutrality. 1906; 2nd ed. 1912 (in Russ.).
18. *Pivovar E.I.* Why can the Munich agreement be called the beginning of the war? // Russian Historical Society // https://historyrussia.org/ob-obshchestve/istoriya.html (accessed: 20.09.2022) (in Russ.).
19. Trials of war criminals [Electronic resource]. – Access mode: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/war-crimes-trials-abridged-article (accessed: 27.09.2022) (in Russ.).
20. *Radbrukh G.* Lawful wrong and law enforcement // Radbrukh G. Philosophy of Law. M., 2004 (in Russ.).
21. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021. P. 13, 17, 21, 27, 51, 53–57, 78, 162–164, 191, 206, 207, 243, 246, 287, 302, 304, 306, 310, 311, 314–318, 325, 329, 336, 340, 345, 349, 350, 353, 354, 356, 430, 635–661 (in Russ.).
22. *Savenkov A.N.* The Nuremberg Trial and the development of International criminal justice. M., 2022 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N., Zvyagintsev A.G.* To find guilty. The verdict of the International Military Tribunal in Nuremberg. M., 2021 (in Russ.).
24. *Senin Kirill.* Angel or demon: The Vatican will open secret archives about "Hitler's Pope" [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://iz.ru/853237/kirill-senin/angel-ili-demon-vatikan-otkroet-tainye-arkhivy-o-pape-gitlera (accessed: 10.09.2020) (in Russ.).
25. The mystery of Herman Goering's suicide may have been solved // News. 2005. 7 Febr. (in Russ.).
26. *Usovsky A.V.* AntiNuremberg. The main lie of the twentieth century. 2020 (The Honest History of the Second World War). P. 8 (in Russ.).
27. *Fursov Andrey.* Closed report of the world elites [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.facebook. com/watch (accessed: 11.09.2022) (in Russ.).
28. *Churchill U.* World War II: in 6 books. Book 1. From war to war (1919–1939). New York, 1954. P. 14, 15, 19, 325 (in Russ.).
29. *Chicherin B.N.* Philosophy of Law: elected works. SPb., 1997. P. 70 (in Russ.).

Сведения об авторах

РАГИМОВ Ильгам –
иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджана, Президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона

АБДУЛЛАЕВ Чингиз –
доктор юридических наук, народный писатель Азербайджана, Секретарь Союза писателей Азербайджана, профессор Краковского университета

ДЖАФАРОВ Азер –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджана, заместитель Министра юстиции Азербайджанской Республики

САМЕДОВА Шахла –
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Бакинского государственного университета

АЛИКПЕРОВ Ханлар –
доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований

Authors' information

RAGIMOV Ilgam –
Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Azerbaijan, President of the Association of Lawyers of the Black Sea – Caspian Region

ABDULLAYEV Chingiz –
Doctor of Law, People's Writer of Azerbaijan, Secretary of the Union of Writers of Azerbaijan, Professor at the University of Krakow

JAFAROV Azer –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Azerbaijan, Deputy Minister of Justice of the Republic of Azerbaijan

SAMEDOVA Shahla –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Baku State University

ALIKPEROV Khanlar –
Doctor of Law, Professor, Director of the Center for Legal Studies

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 27–37
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 27–37

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

АВТОНОМИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 (ОПЫТ РОССИИ И ИТАЛИИ)

© 2022 г. И. А. Пибаев

Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

E-mail: igor_pibayev@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2022 г.

Аннотация. Ситуация в мире, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции, заставила органы исполнительной власти во многих странах издавать акты, которые предусмотрели строгие ограничения конституционных прав, в частности свободы вероисповедания. Прежде всего речь о запрете проведения богослужений, религиозных обрядов и церемоний coram populo, использование усеченного формата проведения погребения с целью защиты общественного здоровья. Статья ставит целью исследовать меры, предпринимаемые государственными властями и религиозными организациями в России и Италии, оценить их обоснованность и соразмерность, исходя из стандартов Совета Европы. Особое внимание уделено анализу механизмов взаимодействия между органами власти различного уровня и религиозных лидеров с целью выработки приемлемых решений, выявлены сходства и отличия соответствующего правового регулирования в данных государствах. Автор статьи пытается дать ответ на вопрос о справедливом балансе конституционных ценностей в чрезвычайных условиях – охране общественного здоровья и способности проявлять свои религиозные убеждения внешними действиями (forum externum). Раскрывая влияние цифровых технологий на трансформацию богослужений и религиозных обрядов в условиях изоляции граждан, автор обращает внимание, что в Римско-Католической и Православной церквах «виртуальная вера» не может заменить евхаристическое общение в храме, что должно учитываться при разработке и применении нормативных правовых актов. В итоге автор приходит к выводу о важности поиска компромиссных решений и отмечает, что искажение понимания норм об автономности религиозных организаций и фундаментальных положений светского характера государства приводит к несоразмерному ограничению конституционных прав и свобод граждан: произвольному административному закрытию религиозных зданий, привлечению верующих и священнослужителей к уголовной и административной ответственности.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, свобода вероисповедания, автономия религиозных организаций, права человека, Европейский Союз.

Цитирование: *Пибаев И.А.* Автономия религиозных организаций и свобода вероисповедания в условиях распространения COVID-19 (опыт России и Италии) // Государство и право. 2022. № 12. С. 27–37.

DOI: 10.31857/S102694520017733-7

AUTONOMY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS AND FREEDOM OF RELIGION IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF COVID-19 (EXPERIENCE OF RUSSIA AND ITALY)

© 2022 I. A. Pibaev

Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin Moscow State University of Law, Kirov

E-mail: igor_pibayev@mail.ru

Received 16.03.2022

Abstract. The situation in the world caused by the spread of the new coronavirus infection forced the executive authorities in many countries to issue acts that provided for strict restrictions on constitutional rights, in particular, freedom of religion. First of all, we are talking about the prohibition of worship, religious rituals and coram populo ceremonies, the use of a truncated burial format in order to protect public health. The article aims to investigate the measures taken by state authorities and religious organizations in Russia and Italy, to assess their validity and proportionality, based on the standards of the Council of Europe. Particular attention is paid to the analysis of the mechanisms of interaction between the authorities of various levels and religious leaders in order to develop acceptable solutions, identified the similarities and differences of the relevant legal regulation in these states. Author of the article tries to answer the question of a fair balance of constitutional values in emergency conditions – the protection of public health and the ability to manifest one's religious beliefs through external actions (forum externum). Revealing the influence of digital technologies on the transformation of worship and religious rituals in conditions of isolation of citizens, the author draws attention to the fact that in the Roman Catholic and Orthodox Churches, "virtual faith" cannot replace Eucharistic communion in the temple, which should be taken into account when developing and applying regulatory legal acts. As a result, the author comes to the conclusion about the importance of finding compromise solutions and notes that the distortion of understanding of the norms on the autonomy of religious organizations and the fundamental provisions of the secular nature of the state leads to a disproportionate restriction of the constitutional rights and freedoms of citizens: the arbitrary administrative closure of religious buildings, the involvement of believers and clergymen in criminal proceedings. and administrative responsibility.

Key words: pandemic, coronavirus, freedom of religion, autonomy of religious organizations, human rights, European Union.

For citation: *Pibaev, I.A. (2022).* Autonomy of religious organizations and freedom of religion in the context of the spread of COVID-19 (experience of Russia and Italy) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 27–37.

Введение

Свобода вероисповедания является фундаментальным правом человека, нашедшим отражение во многих международных актах (ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 9 Европейской конвенции по правам человека), конституциях и национальных законах. В соответствии со ст. 9 § 2 Конвенции любое вмешательство в осуществление права на свободу вероисповедания должно соответствовать «насущной общественной необходимости в демократическом обществе»[1].

Распространение практически по всему миру коронавируса (COVID-19) в начале 2020 г. поставило многих политических и религиозных деятелей перед сложными вызовами и заставило по-новому взглянуть на механизмы реализации свободы вероисповедания. По всему миру в рамках противодействия распространению инфекции были введены масштабные меры ограничительного характера для посещения всех общественных мест, в том числе религиозных. Попробуем разобраться в этой важной проблеме, рассмотрев итальянский и российский опыт обеспечения баланса между сохранением возможности свободно исповедовать свою религию или убеждения в чрезвычайных условиях и охраной здоровья и общественным интересом.

1. Российская Федерация

Комплекс мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции на первом этапе начал реализоваться только в городе Москве. 5 марта 2020 г. указом Мэра Москвы[2] в соответствии с п/п. «б» п. 6 ст. 4[1] Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[3] (далее – Федеральный закон № 68-ФЗ) на территории г. Москвы был введен режим повышенной готовности. Вслед за Москвой подобные меры были введены практически во всех субъектах Российской Федерации[4], но никаких предписаний относительно функционирования религиозных объектов они не содержали.

17 марта 2020 г., когда в России количество зарегистрированных случаев заболевания коронавирусом достигло почти сотни, решением Священного Синода Русской Православной Церкви была утверждена Инструкция настоятелям приходов и подворий, игуменам и игумениям монастырей РПЦ в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции. Службы во всех храмах должны были проводиться с соблюдением требований санитарного характера: протирание спиртом лжицы после каждого «причастника», использование бумажных салфеток, одноразовых перчаток, запретили «прикладываться ко кресту» и др.[5] Было также предусмотрено временное приостановление деятельности воскресных школ и различных секций.

20 марта 2020 г. состоялось заседание рабочей группы при Государственном Совете РФ по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, по

[1] Обзор судебной практики Суда по вопросу свободы вероисповедания. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_religion_RUS.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

[2] См.: указ Мэра Москвы от 05.03.2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности». URL: https://rg.ru/2020/03/05/moscow-ukaz12-reg-dok.html (дата обращения: 08.04.2021).

[3] См.: СЗ РФ. 1994. № 35, ст. 3648.

[4] См.: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: https://npa.gov.spb.ru/SpbGovSearch/Document/37516.html; указ губернатора Кировской области от 17.03.2020 г. № 44 «О введении режима повышенной готовности». URL: https://doc.kirovreg.ru/upload/sed/2020/03/17/0.49219000%201584453767/44%20%D0%BE%D1%82%2017.03.2020.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

[5] Документ утвержден решением Священного Синода от 17.03.2020 г. (журнал № 30). URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5608607.html (дата обращения: 08.04.2021).

итогам которой высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны были проработать с руководством основных религиозных организаций введение возможных ограничений на время действия режима повышенной готовности.

На следующий день, 21 марта, в ряде средств массовой информации был размещен текст поручения губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Н.В. Комаровой с требованием закрыть все «культовые сооружения: православные и католические храмы, мечети и другие религиозные здания»[6]. Но 23 марта оперативный штаб заявил, что «информация не соответствует действительности», было лишь рекомендовано совершать службы без присутствия верующих[7].

24 марта 2020 г. управляющий делами Московской Патриархии митрополит Воскресенский Дионисий направил всем епархиальным архиереям РПЦ циркулярное письмо, в котором подчеркнул необходимость сообщать органам власти о принимаемых в храмах мерах по противодействию угрозе распространения инфекции. Письмо также содержало указание на то, что «вопрос об ограничении доступа в храмы для присутствия за богослужениями может быть рассмотрен в случае введения властями режима, ограничивающего... посещение публичных мест, таких как торговые учреждения, организации общественного питания и другие»[8].

29 марта 2020 г. на воскресной проповеди патриарх Кирилл призвал верующих по примеру Марии Египетской «возложить на себя подвиг не выходить из наших домов» на время пандемии коронавируса. В субъектах Российской Федерации, наиболее пострадавших от инфекции, службы стали проходить практически без присутствия верующих. Похожие меры были приняты и другими религиозными организациями.

18 марта 2020 г. вступил в силу приказ № 10[9] Духовного управления мусульман Российской Федерации, в соответствии с которым во всех московских соборных мечетях были приостановлены коллективные молитвы до 10 апреля 2020 г. включительно (5 апреля запрет был продлен до 30 апреля[10]). С 19 марта 2020 г. Совет улемов Духовного управления мусульман России постановил приостановить проведение коллективных и пятничных молитв во всех мечетях и молельных домах, указал совершать пятничный намаз в режиме online[11].

18 марта 2020 г. после распоряжения главного раввина России Берла Лазара о закрытии синагоги в г. Москве[12] Федерация еврейских общин России закрыла синагоги по всей стране. Определенные ограничения были введены Русской православной старообрядческой церковью, протестантскими церквями.

Полное понимание позиции властей г. Москвы разделила Римско-Католическая Церковь. 22 марта архиепископ Павел Пецци опубликовал письмо, которым «учитывая рекомендации правительства Москвы <...> начиная с 22.03.2020 года по 09.04.2020 года приостановил все публичные богослужения в Москве и Санкт-Петербурге». В остальных приходах разрешил совершать службы, только если «число людей, находящихся в храме, не превышает 30 человек; соблюдается дистанция между людьми не менее 2 метров, а все участники используют средства индивидуальной защиты (например, медицинские маски)»[13].

Вместе с тем между РПЦ и органами исполнительной власти г. Санкт-Петербурга возникли разногласия в вопросе о посещении верующими храмов в период действия «режима повышенной готовности».

Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 26 марта 2020 г. № 161 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 года № 121»[14] был введен в действие запрет на посещение до 10 апреля 2020 г. физическими лицами объектов (территорий) религиозных организаций, за исключением служителей и религиозного персонала указанных религиозных организаций (п. 2.3.4). Аналогичное решение 27 марта 2020 г. было принято главой Республики Карелия[15].

Вечером 26 марта Правовое управление Московской Патриархии РПЦ опубликовало комментарий, в котором указало на противоречие постановления Правительства Санкт-Петербурга ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и п. 2 ст. 3 Федерального закона от 19 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях»[16] – «право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено в целях защиты здоровья граждан только федеральным законом»[17]. Соответственно, акты органов власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органов, не являясь по своей природе федеральным законом, не могут ограничить право граждан на посещение религиозных зданий для участия в богослужениях.

Постановление Правительства Санкт-Петербурга содержало ссылку на п/п. «б» п. 6 ст. 4^1 Федерального закона № 68-ФЗ, который имеет отношение к функционированию органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в режиме повышенной готовности. Данная норма не может

---

[6] Комарова поручила закрыть все храмы и кальянные в ХМАО. URL: https://pravdaurfo.ru/news/186509-komarova-poruchila-zakryt-vse-hramy-i-kalyannye-v (дата обращения: 08.04.2021).

[7] См.: Власти Югры опровергли сообщения о закрытии храмов и мечетей. URL: https://ria.ru/20200323/1569014826.html (дата обращения: 08.04.2021).

[8] См.: Циркулярное письмо о принятии мер по противодействию угрозе распространения коронавирусной инфекции. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5612244.html (дата обращения: 08.04.2021).

[9] См.: Духовное управление уведомляет о приостановке коллективных молитв в Москве. URL: http://dumrf.ru/common/event/16845 (дата обращения: 08.04.2021).

[10] См.: Приостановка коллективных молитв в московском регионе продлена до 30 апреля. URL: http://dumrf.ru/common/event/16923 (дата обращения: 08.04.2021).

[11] См.: Богословское заключение № 1/20. URL: http://dumrf.ru/regions/77/documents/16848 (дата обращения: 08.04.2020).

[12] См.: Распоряжение главного раввина России Берла Лазара. URL: https://feor.ru/press-center/ravvin-lazar-zakryl-sinagogu-v-marinoj-roshhe/ (дата обращения: 08.04.2021).

[13] Письмо архиепископа об отмене публичных богослужений в Москве и Санкт-Петербурге и ограничении их в других городах от 20.03.2020 г. URL: https://cathmos.ru/pismo-arhiepiskopa-ob-otmene-publichnyh-bogosluzhenij-v-moskve-i-sankt-peterburge-i-ogranichenii-ih-v-drugih-gorodah/ (дата обращения: 08.04.2021).

[14] См.: Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга // http://www.gov.spb.ru. 26.03.2020.

[15] См.: Распоряжение главы Республики Карелия от 27.03.2020 г. № 182-р. URL: https://rg.ru/2020/03/27/kareliya-rasp182-reg-dok.html (дата обращения: 08.04.2021).

[16] См.: СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

[17] Правовое управление Московской Патриархии прокомментировало постановление Правительства Санкт-Петербурга, согласно которому запрещается посещение храмов. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5613196.html (дата обращения: 08.04.2021).

служить основанием для ограничения прав граждан, закрепленных в Конституции РФ.

3 апреля 2020 г. запрет был продлен до 30 апреля 2020 г. (правда, изменились пункт и формулировка – стал «2.1.11. Посещение *гражданами* объектов...»). Вместе с тем официальный сайт Санкт-Петербургской митрополии 26 марта распространил заявление, что «храмы Санкт-Петербургской епархии продолжат служение», несмотря на запрет властей[18].

В других субъектах Российской Федерации, например в Кировской области[19], правительством было принято решение в соответствии с абз. 4 ст. 6 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[20] (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ) на основании предписания главного санитарного врача Кировской области о введении ограничительных мероприятий (карантина) с 26 марта 2020 г. Нельзя не отметить, что изменения ограничительных мероприятий от 3 апреля 2020 г. содержали лишь «рекомендацию гражданам, проживающим на территории Кировской области, воздержаться от посещения религиозных объектов»[21]. Подобные нормы рекомендательного характера нашли отражение и в указе Мэра Москвы[22], и в постановлении Губернатора Московской области[23] от 26 марта 2020 г.

Риторика органов власти и церковного руководства изменилась после заражения ряда московских священнослужителей. 11 апреля 2020 г. главный государственный санитарный врач по городу Москве Е.Е. Андреева направила предписание о необходимости обеспечить «временное приостановление посещения гражданами территорий, зданий, принадлежащих и (или) подведомственных Управлению Московской Патриархии по городу Москве, за исключением священнослужителей, а также лиц, присутствие которых необходимо для совершения богослужений и функционирования культовых зданий, а также для проведения онлайн-трансляций богослужений». Исполняя данное предписание, все храмы РПЦ Москвы и Московской области были закрыты для доступа прихожан[24]. Примеру Московской епархии последовала и Санкт-Петербургская митрополия, опубликовав обращения Митрополита Варсонофия: «В период с 14 по 19 апреля во всех приходских и монастырских храмах епархии надлежит совершать богослужения без участия прихожан. В них могут находиться только клирики, певчие, церковные работники, волонтеры и съемочные группы, обеспечивающие трансляции»[25].

В остальных субъектах Российской Федерации главные государственные санитарные врачи (далее – Роспотребнадзор) либо дублировали «московский подход», либо проявляли изобретательность. В Республике Коми, Свердловской и Омской областях были изданы постановления «о дополнительных мерах / ограничительных мероприятиях», причем с различными формулировками. В Свердловской и Омской областях[26] было указано «не допускать до 30 апреля 2020 г. проведение массовых религиозных обрядов», а в Республике Коми[27] они были «запрещены» до 30 апреля 2020 г. с указанием на возможности присутствия священнослужителей и иных лиц, необходимых для функционирования культовых зданий. Во Владимирской области (с 13 по 20 апреля с возможным продлением)[28], Кемеровской области (с 13 по 30 апреля), Нижегородской области (с 13 по 19 апреля с возможным продлением)[29], Ростовской области (с 11 по 30 апреля) и Кировской области (с 15 по 24 апреля)[30], Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (с 13 по 19 апреля с возможным продлением)[31] были выданы предписания соответствующим епархиям (либо религиозным организациям всех вероисповеданий) с указанием «обеспечить временное приостановление посещения гражданами территорий, зданий.., принадлежащих и (или) подведомственных епархии.., за исключением священнослужителей, а также лиц, присутствие которых необходимо для совершения богослужений и функционирования культовых зданий, а также для проведения онлайн-трансляций богослужения».

---

[18] См.: Храмы Санкт-Петербургской епархии продолжат служение. URL: http://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=175749 (дата обращения: 08.04.2021).

[19] См.: постановление правительства Кировской области от 25.03.2020 г. № 122-П «О введении ограничительных мероприятий (карантина) на территории Кировской области». URL: https://rg.ru/2020/03/25/kirov-post122-reg-dok.html (дата обращения: 13.04.2021).

[20] См.: СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1650.

[21] См.: постановление правительства Кировской области от 03.04.2020 г. № 137-П «О внесении изменения в постановление Правительства Кировской области от 25 марта 2020 года № 122-П». URL: https://rg.ru/2020/04/04/kirov-post137-reg-dok.html (дата обращения: 13.04.2021).

[22] См.: указ Мэра Москвы от 26.03.2020 г. № 31-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ». URL: https://rg.ru/2020/03/26/moscow-ukaz31-reg-dok.html (дата обращения: 13.04.2021).

[23] См.: постановление Губернатора Московской от 26.03.2020 г. № 144-ПГ «О внесении изменений в постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области"». URL: https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-gubernatorom/postanovleniya/26-03-2020-10-37-04-postanovlenie-gubernatora-moskovskoy-oblasti-ot (дата обращения: 20.04.2021).

[24] См.: Циркулярное письмо митрополита Воскресенского Диониси от 11.04.2020 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5620438.html (дата обращения: 13.04.2021).

[25] Обращение о совершении богослужений в храмах Санкт-Петербургской епархии в дни вредоносного поветрия (Исх. № 353 от 13.04.2020 г.). URL: http://mitropolia.spb.ru/docs/o-sovershenii-bogosluzheniy-v-khramakh-eparkhii-v-dni-vredonosnogo-povetriya (дата обращения: 15.04.2021).

[26] См.: Омский Роспотребнадзор запретил посещать церкви. URL: https://bk55.ru/news/article/166989/print/ (дата обращения: 15.04.2021).

[27] См.: Постановление главного государственного санитарного врача по Республике Коми от 11.04.2020 г. URL: http://syktyvkar-eparchia.ru/news/rasporjazhenie/2020-04-11-1158 (дата обращения: 15.04.2021).

[28] См.: Предписание главного государственного санитарного врача по Владимирской области от 12.04.2020 г. № 15. URL: http://www.vladimir-city.ru/news/main/1056148/ (дата обращения: 15.04.2020).

[29] См.: Заявление пресс-службы Нижегородской епархии. URL: https://nne.ru/news/s-15-po-19-aprelya-vo-vseh-hramah-i-monastyryah-nizhegorodskoj-eparhii-bogosluzheniya-budut-sovershatsya-pri-uchastii-tolko-klira-hrama-a-takzhe-sotrudnikov-i-volonterov-prisutstvie-kotoryh-neobhodimo/ (дата обращения: 15.04.2021).

[30] См.: Вятская епархия временно отказалась от богослужений с прихожанами. URL: https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/vyatskaya-eparhiya-vremenno-otkazalas-ot-bogosluzhenij-s-prihozhanami-30488/ (дата обращения: 15.04.2021).

[31] См.: Циркулярное письмо митрополита Ханты-Мансийского и Сургутского Павла. URL: http://ugraeparhia.ru/tsirkulyarnoe-pismo-glavyi-hantyi-mansiyskoy-mitropolii-mitropolita-hantyi-mansiyskogo-i-surgutskogo-pavla/ (дата обращения: 15.04.2021).

В некоторых случаях были отмечены реакции муниципалитетов в виде принятия постановления администрацией муниципального образования о полном запрете проводить массовые религиозные мероприятия на территории Московской области без указания даты окончания запрета[32].

Реакция церковного руководства РПЦ не была однозначной, с одной стороны, например, глава Донской митрополии и губернатор Ростовской области в совместном видеообращении призвали верующих не посещать храмы[33], с другой – ряд епархий РПЦ не согласились с принимаемыми мерами. Сыктывкарская епархия сообщила, что будет оспаривать решение Роспотребнадзора в судебном порядке[34], в Кемерове митрополит Аристарх (Смирнов) уговорил губернатора не закрывать храмы, несмотря на предписание санитарного врача[35], а в Новосибирской области губернатор призвал верующих не посещать храмы, но обещал, что к ответственности тех, кто придет, привлекать не будут[36]. В итоге в 43 из 85 субъектов Российской Федерации доступ верующих в церкви на Пасху был официально закрыт[37].

Рассмотрим более подробно примененные нормы. Абзац 4 ст. 6 Федерального закона № 52-ФЗ закрепляет, что органы власти субъектов имеют право на введение и отмену на территории субъекта Российской Федерации ограничительных мероприятий (карантина) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей.

Часть 1 ст. 51 Федерального закона № 52-ФЗ со ссылкой на ст. 50 данного нормативного правового акта устанавливает право главного государственного санитарного врача и их заместителей «при выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний» выдавать физическим и юридическим лицам предписания о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Пункт 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона № 52-ФЗ наделяет главных государственных санитарных врачей и их заместителей полномочиями «при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, выносить *мотивированные постановления о введении (отмене) ограничительных мероприятий (карантина) в организациях и на объектах*».

Проанализировав практику принятия решений Роспотребнадзора в разных субъектах Российской Федерации, можно сделать вывод, что в некоторых из них указание проводить пасхальные богослужения РПЦ за «закрытыми дверями» понималось как «ограничительные мероприятия» (п. 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона № 52-ФЗ), а в других как «дополнительные санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия» (ч. 1 ст. 51 указанного Закона), что свидетельствует о противоречивом подходе правоприменителей и вызывает сомнения в «юридической чистоте» принятых решений.

Законодательство Российской Федерации предусматривает в сложных ситуациях, когда нельзя обойтись без ограничения прав граждан, возможность введения режима чрезвычайной ситуации и как особой меры – чрезвычайного положения. В условиях чрезвычайного положения Указом Президента РФ для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия (ч. 1 ст. 56 Конституции РФ). Вместе с тем в силу указания ч. 3 ст. 56 Конституции РФ право на свободу вероисповедания не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения. Хотя в условиях ЧП может быть ограничена свобода передвижения, что в конечном счете повлияет на возможность коллективного осуществления свободы вероисповедания, но в этом случае данные меры являются обоснованными и не противоречат Конституции РФ.

Кроме того, проведение богослужений (пусть даже с небольшим количеством людей) за «закрытыми дверями» (такое было требование властей) входит в противоречие с требованиями пожарной безопасности (п. 7.18 приказа МЧС России от 23.11.2016 г. № 615 «Об утверждении свода правил “Объекты религиозного назначения. Требования пожарной безопасности”»[38] и СП 1.13130.2009. Свод правил «Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы» (утв. приказом МЧС России от 25.03.2009 г. № 171[39]) (п. 4.2.7)).

Как отмечает С.В. Чугунов, «правильно было бы обратиться с рекомендациями к гражданам воздержаться от посещения религиозных объектов и разъяснениями обоснованности подобных мер. <...> Безусловно, забота о гражданах и их здоровье должны являться приоритетом в деятельности государственных органов. Но такая забота не может служить оправданием для ущемления конституционных прав и принятия решений, не основанных на законе»[40].

Тем более подобные требования Роспотребнадзора носят спорный и противоречащий Конституции РФ характер в свете действий органов власти Москвы, Московской области и иных субъектов Российской Федерации. Органы власти закрепили многочисленные исключения из нормы о временном приостановлении работы различных предприятий. Так, введение системы электронных пропусков в г. Москве 15 апреля 2020 г. повлекло массовые скопления людей при входе на станции метрополитена. Для многих верующих граждан вызов священника

[32] См.: постановление администрации города Ковров № 751 «О дополнительных санитарно-противоэпидемических мероприятиях». URL: http://kovrov-gorod.ru/press/news/18510.html (дата обращения: 15.04.2020).

[33] См.: Видеообращение губернатора В.Ю. Голубева и митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия. URL: https://www.donland.ru/activity/2648/ (дата обращения: 15.04.2021).

[34] См.: Православная общественность готовит иски. Сыктывкарская епархия посчитала «антиконституционным» санитарный запрет на посещение храмов. URL: https://7x7-journal.ru/news/2020/04/12/v-syktyvkarskoj-eparhii-soobshili-o-gotovyashihsya-sudebnyh-iskah-k-rospotrebnadzoru-vedomstvo-zapretilo-poseshat-hramy-do-30-aprelya (дата обращения: 15.04.2021).

[35] См.: Губернатор Кузбасса усилил меры профилактики COVID-19 в регионе. URL: https://ako.ru/news/detail/gubernator-kuzbassa-sergey-tsivilev-usilil-mery-profilaktiki-covid-19-v-regione (дата обращения: 08.04.2021).

[36] См.: Штрафы для верующих и петиции Путину. Региональные епархии РПЦ спорят с чиновниками из-за Пасхи. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php? SECTION_ID=521&ELEMENT_ID=8240 (дата обращения: 24.04.2020).

[37] См.: Пасха в самоизоляции: как встретить Светлое Воскресение Христово, оставшись дома? URL: https://www.rosbalt.ru/piter/2020/04/17/1838982.html (дата обращения: 24.04.2021).

[38] См.: Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2017. № 3.

[39] См.: Пожарная безопасность. 2009. № 4.

[40] Карантин и вера: возможно ли закрытие церквей? URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20200330/305644746.html (дата обращения: 08.04.2021).

к больному для совершения таинств, посещение храма несоизмеримо важнее, чем выгуливание собаки или покупка спиртного в магазине. Высказывалась озабоченность тем, что юридически храмы приравняли к «парикмахерским и фитнес-центрам»[41].

Если в сложившейся ситуации органы эпидемиологического надзора действительно заботились о населении и защите прав граждан, то непонятно, почему нельзя было проводить богослужения с определенным количеством людей, исходя из площади храма, с соблюдением социального дистанцирования (1.5 м), использованием масок и иных средств защиты и дезинфекции, тем более что количество людей, посещающих храмы, и так не являлось значительным в период карантина.

Нельзя не отметить жесткие меры в ограничении деятельности некоторых религиозных организаций.

Один прихожанин Церкви христиан веры евангельской в г. Брянске контактировал с братом и мамой, вернувшимися из Испании (не являющихся прихожанами церкви), которые с 14 марта должны были соблюдать «режим самоизоляции». Сам прихожанин никаких предписаний не получал и в воскресный день посетил богослужение. После подтверждения коронавируса у мамы прихожанина он подтвердился у пастора Михаила Бирюкова, а также нескольких прихожан. Сразу богослужения были переведены в онлайн-формат, а бывшие на службе самоизолировались. В отношении матери и сына было возбуждено уголовное дело по ст. 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил» УК РФ[42]. Но на этом дело не закончилось.

1 апреля 2020 г. постановлением Бежицкого районного суда г. Брянска местная религиозная организация Церковь христиан веры евангельской «Пробуждение» была привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.3 «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» КоАП РФ. Решением суда деятельность религиозной организации приостановлена на 90 суток[43].

Вместе с тем, когда в апреле в Москве заразилось несколько священников РПЦ, деятельность приходов[44] в судебном порядке не приостанавливалась. Считаем, что подобные административные меры не должны применяться – достаточно полной самоизоляции всех прихожан и священнослужителей.

Большинство юристов также сошлись во мнении, что ст. 6.3 КоАП РФ в отношении физических лиц следует применять только при индивидуальном карантине, назначенном по предписанию санитарного врача[45]. Кроме того, за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности следовало с 1 апреля 2020 г. применять ст. 20.6.1 «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения», которая содержит менее строгие виды наказания и позволяет учитывать степень опасности нарушения.

20 апреля 2020 г. был оштрафован на 15 тыс. руб. по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ епископ Орский Ириней после того, как сотрудник полиции обнаружил не во время пасхальной службы, а днем в храме Св. Георгия в Орске одну (!) прихожанку. В протоколе было указано, что в храме находилось лицо, «не включенное в перечень лиц, присутствие которых необходимо для совершения богослужения и функционирования культовых зданий», т.е. «храм открыт для посещения прихожанами»[46].

Экспертный совет Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений весьма точно подметил, что в сложившейся ситуации было бы правильным, если бы «сотрудники полиции получили соответствующее разъяснение от Министерства внутренних дел РФ о недопустимости необоснованного привлечения верующих к административной ответственности за посещение храмов при условии соблюдения необходимых мер защиты от заражения коронавирусной инфекцией»[47]. Полагаем, что нужно указать – не только верующих, но и руководителей религиозных организаций (священнослужителей).

* * *

Таким образом, можно сформулировать несколько выводов, касающихся реализации свободы вероисповедания в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции.

1. Свобода вероисповедания в индивидуальном аспекте в России, исходя из положений Конституции РФ, не может быть ограничена ни при введении режима повышенной готовности, ни при чрезвычайной ситуации или при действии чрезвычайного положения. Возможность коллективного осуществления свободы вероисповедания допускается ограничивать лишь в условиях чрезвычайного (военного) положения вследствие ограничения свободы передвижения и невозможности посещать религиозные объекты.

2. Исполнительные органы власти Российской Федерации не наделены полномочиями произвольно закрывать культовые здания, вмешиваясь в деятельность религиозной организации и прекращая совершение религиозных обрядов и церемоний. Это прерогатива самих религиозных организаций. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут лишь «рекомендовать гражданам

[41] Комментарий священника Павла Островского. URL: https://www.instagram.com/p/B_AbKEkHz_d/ (дата обращения: 16.04.2021).

[42] См.: Пастор из Брянска ответил на обвинения в заражении прихожан коронавирусом. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=521&ELEMENT_ID=8231 (дата обращения: 08.04.2020).

[43] См.: Постановление Бежицкого районного суда г. Брянска по делу № 5-61/2020. URL: https://bezhitsky-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=66124985&case_uid=159a7d4c-ad0b-4671-8ed5-71f22ed486de&delo_id=1500001 (дата обращения: 08.04.2021).

[44] См.: Храм иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (район Марьино), храм Рождества Пресвятой Богородицы в районе Крылатское; храм Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском; храм преподобного Симеона Столпника за Яузой (Таганский район Москвы); храм Св. ап. Андрея Первозванного в Метрогородке; храм Вознесения Господня на Гороховом Поле. URL: https://www.rbc.ru/society/09/04/2020/5e8f79129a79475c1f4efd94 (дата обращения: 08.04.2021).

[45] См.: В Москве начали штрафовать за нарушение самоизоляции. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/09/827689-shtrafovat-koronavirusa (дата обращения: 10.04.2021).

[46] Орский епископ оштрафован за незакрытие дверей Георгиевского храма на Пасху. URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2020/04/d42341/ (дата обращения: 26.04.2021).

[47] Заключение членов Экспертного совета Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений о правовой оценке действий по изменению режима функционирования зданий религиозного назначения (храмов) и посещению их верующими в условиях режима повышенной готовности и самоизоляции от 20.04.2020 г. URL: http://komitet2-22.km.duma.gov.ru/Novosti/item/22090507 (дата обращения: 10.04.2021).

воздержаться от посещения религиозных объектов», ограничение свободы вероисповедания находится вне сферы их компетенции.

3. Не оспаривая важность принятия мер по борьбе с коронавирусом, следует отметить, что в марте-апреле 2020 г. во многих субъектах Российской Федерации на основании постановлений / предписаний главных государственных санитарных врачей были введены меры, противоречащие международно-правовым стандартам, Конституции РФ и положениям Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ограничение деятельности религиозных организаций, прежде всего Русской Православной Церкви, без учета конкретной эпидемиологической ситуации и возможности поиска компромиссных решений привели к нарушению принципа автономности религиозных объединений и установленного запрета на вмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений.

4. Оптимальным выходом из сложившейся ситуации было достижение путем переговоров между органами власти субъектов Российской Федерации и епархиальными архиереями РПЦ (руководителями иных централизованных религиозных организаций) соглашений об установлении мер по обеспечению соблюдения санитарных правил и о введении ограничений в совершении богослужений на Страстной неделе, на Пасху и в иные дни.

5. Введение ограничений способствовало расширению использования всеми религиозными организациями цифровых технологий, прежде всего, в массовом использовании онлайн-трансляций богослужений, проведение священниками прямых эфиров-бесед в Instagram[48], а также расширению индивидуальной практики реализации свободы вероисповедания.

2. Италия

Италия – одно из самых пострадавших от коронавируса государств в Европе. Первые меры по предотвращению распространения инфекции были приняты властями Италии в феврале 2020 г.

Законодательным декретом президента Италии от 23 февраля 2020 г. «О срочных мерах по локализации и управлению эпидемиологической чрезвычайной ситуацией с COVID-19» была установлена возможность приостанавливать в районах, имеющих случаи заражения, собрания религиозного характера, даже если они проводятся в закрытых местах (п/п. «c» п. 2 ст. 1)[49].

Указом Председателя Совета министров Италии от 1 марта 2020 г. в Ломбардии и других северных регионах Италии до 8 марта 2020 г. было приостановлено проведение богослужений[50]. Из Рима по всем епархиям было разослано электронное письмо с предупреждением о возможном привлечении к уголовной ответственности за совершение службы в присутствии мирян. В этот же день в 11 часов 87-летний священник Антонио Лунги в деревне Кастелло д'Агонья (население чуть больше 1000 чел.) в провинции Павия (Ломбардия) в присутствии восьми человек совершил в приходской церкви службу. Несколько жителей, услышав звон колоколов, сообщили об этом мэру Уильяму Гривелю, который направил информацию карабинерам города Мортара, а те сообщили в прокуратуру. Священник оправдался тем, что не пользуется Интернетом и не мог прочесть электронное письмо, чтобы ознакомиться с предписаниями о запрете служб, тем самым смог избежать ответственности[51].

Пункт "I" ст. 1 Указа Председателя Совета министров Италии от 8 марта 2020 г. «О дальнейшей реализации положений законодательного декрета от 23 февраля 2020 года № 6, содержащий срочные меры в отношении локализации и ведения эпидемиологической ситуации в связи COVID-19» в регионе Ломбардия и 14 провинциях (Модена, Парма и др.) установил, что все «гражданские и религиозные церемонии, в том числе похороны, приостановлены»[52]. Статья 2 данного Указа распространяла данные меры на всю территорию Италии. Пункт "v" содержал указание на то, что в открытых местах для поклонения должны приниматься меры, исключающие массовое собрание людей, в частности, расстояние между ними должно было быть не менее одного метра.

8 марта 2020 г. Конференция епископов Италии опубликовала Декрет № 11/2020, содержащий указание о том, что служение Мессы и публичное причащение будет приостановлено по всей Италии в римско-католических церквях страны до 3 апреля 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. Духовенство может служить личные мессы (sine populo), и христианам-мирянам рекомендуется совершать духовное общение[53].

Принятые меры повлекли трансформацию служения Папы Римского: с 8 марта папа Франциск служил Мессу в папской библиотеке, которая транслировалась в сети Интернет, а 28 марта он прочел послание "Urbi et Orbi" на пустой площади Св. Петра, в то время как обычно там собираются толпы верующих со всех стран мира.

Следует отметить, что п. "h" ст. 1 Законодательного декрета президента Италии от 25 марта 2020 г. № 19 предусмотрел «ограничение *доступа* в места отправления культа», изменив положение п. "i" ст. 1 Указа Председателя Совета министров Италии от 8 марта 2020 г., закрепившего ограничения на «открытые» места отправления культа[54].

Употребление слова «открытые» действительно вводило в заблуждение, именно оно побудило викария Римской епархии кардинала Анджело де Донатиса издать 12 марта

---

[48] См. подр.: *Лученко К.* Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (1). С. 39–57. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57

[49] См.: Decreto-legge del 23 Febbraio 2020 Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19. URL: http://www.governo.it/it/provvedimento/provvedimento-a3401322202203/14166 (дата обращения: 03.04.2021).

[50] См.: Decreto del presidente del consiglio dei ministri 1 marzo 2020. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/03/01/20A01381/sg (дата обращения: 03.04.2020).

[51] См.: Fr. Antonio Lunghi reported to police in coronavirus-hit Northern Italy. URL: https://catholicismpure.wordpress.com/2020/03/06/fr-antonio-lunghi-reported-to-police-in-coronavirus-hit-northern-italy/ (дата обращения: 03.04.2021).

[52] См.: Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 8 marzo 2020. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/03/08/20A01522/sg (дата обращения: 03.04.2021).

[53] См.: Decreto "coronavirus": la posizione della CEI. URL: https://www.chiesacattolica.it/decreto-coronavirus-la-posizione-della-cei/ (дата обращения: 03.04.2021).

[54] См.: Decreto-legge 25 marzo 2020, n. 19 Misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19. (20G00035). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/03/25/20G00035/sg (дата обращения: 08.04.2021).

2020 г. Декрет № 446/20 о закрытии «приходских и не приходских церквей Римской епархии, а также вообще всех культовых зданий любого рода, открытых для публики»[55]. Впрочем, на следующий день декрет был изменен – «приходские церкви... были объявлены открытыми, чтобы избежать дезориентации и усиления чувства незащищенности»[56].

Сложность в поиске баланса между охраной общественного здоровья и совершением богослужений была вызвана также тем, что Римско-Католическая Церковь 12 апреля отмечала Пасху – главный христианский праздник, которому предшествует Страстная неделя.

19 марта 2020 г. Конгрегация богослужения и дисциплины таинств издала специальный указ «О Святой Пасхе», содержащий разрешение на празднование обрядов Пасхального Триденствия без присутствия верующих[57]. В связи с сохранением пандемической угрозы Конгрегация богослужения и дисциплины таинств указом от 25 марта 2020 г. детализировала указания от 19 марта: расписаны конкретные меры для каждого литургического момента Страстной недели; предложено отложить все процессии и другие обряды народного благочестия до 14 и 15 сентября 2020 г., а также отмечена важность информирования верующих епископами о времени начала торжеств, чтобы они могли объединиться в молитве в своих домах, в том числе с помощью электронных средств связи[58].

Руководствуясь указаниями Конгрегации богослужения и дисциплины таинств Конференция епископов Италии приняла Руководство для Страстной недели, в котором было указано, что по итогам переговоров между Генеральным секретарем Конференции и Председателем Совета министров Италии достигнуто соглашение о совершении богослужений в течение Страстной недели без физического присутствия верующих, но по крайней мере с участием, кроме священника, диакона, тех, кто служит у алтаря: также чтеца, кантора, органиста и, возможно, двух операторов для осуществления трансляции. Таким образом, как подчеркивается в руководящих принципах, можно обеспечить «минимальное достоинство празднования» для этих торжеств с соблюдением санитарных мер и межличностной дистанции в один метр[59].

Таким образом, диалог между органами публичной власти и Римско-Католической Церковью привел к удовлетворительному решению в вопросе о праздновании Пасхи.

Законодательный декрет от 25 марта 2020 г., закрепляя право Председателя Совета министров Италии «ограничивать доступ» к религиозным объектам, не предусмотрел запрета всем входить в церкви, фактически их закрывая. «Решение об ограничении, – подчеркивает Джакомо Рокки, – должно приниматься в соответствии с принципами адекватности и соразмерности риску, фактически присутствующему в конкретных частях национальной территории или в целом»: следовательно, ограничение должно быть обоснованным и может быть принято только в том случае, если это действительно необходимо для противодействия риску для здоровья от COVID-19»[60].

Представитель Конференции епископов Италии монсеньор Иван Маффеис пытался добиться разъяснения от Министерства внутренних дел Италии по следующим вопросам: «1. Можно ли ходить в церковь, заполнив форму “самосертификации” (итал.– autocertificazione), которая предусматривает возможность покидать дом в связи рабочими потребностями, ситуациями крайней необходимости или по состоянию здоровья? 2. Почему регистрация браков разрешена в коммуне, но не в церкви?»[61].

МВД Италии 27 марта 2020 г. опубликовало ответ: 1) в церкви браки также разрешены «в присутствии только новобрачных и свидетелей»; 2) доступ к церкви осуществлялся только в случае движений, определяемых доказанными потребностями в работе, или в ситуациях необходимости. Это означает, что вы можете ходить в церковь только по дороге, ведущей на работу, в супермаркет или аптеку[62]. Следовательно, согласно письму МВД Италии посещение религиозных объектов любых конфессий допустимо, только если человек идет сделать что-то признанное необходимым. Получалась парадоксальная ситуация – за человеком признано право идти покупать сигареты, но не ходить молиться в пустом храме, что очевидным образом противоречит религиозной свободе, гарантированной Конституцией Италии (ст. 7, 8), так как не позволяет учитывать духовные потребности человека.

В связи с этим 27 марта 2020 г. Ассоциация итальянских адвокатов «Адвокаты в Миссии» направила обращение к органам власти[63], указывая на неконституционность ряда положений законодательного декрета от 25 марта 2020 г.

Неоднозначность интерпретации норм на практике привела к тому, что в разных регионах Италии по-разному решался вопрос и о возможности религиозных шествий. Например, 12 марта 2020 г., когда уже действовали правительственные ограничения, дон Андреа Вене в Бибионе (регион Венеция), уведомив мэра и карабинеров, без всяких препятствий с их стороны поместил статую Мадонны в кузове небольшого грузовика и проехал с ней по городу, читая розарий[64].

Вместе с тем 30 марта 2020 г. был привлечен к административной ответственности дон Доменико Чирильяно из прихода в городе Рокка Империале (регион Калабрия). Его подвергли домашнему аресту на 14 дней и оштрафовали на сумму в размере 400 евро. Священник и его

[55] См.: Decreto del cardinale vicario Angelo De Donatis del 12 marzo 2020. URL: http://www.diocesidiroma.it/decreto-del-cardinale-vicario-angelo-de-donatis-del-12-marzo-2020/ (дата обращения: 08.04.2021).

[56] См.: Decreto del cardinale vicario Angelo De Donatis del 13 marzo 2020. URL: http://www.diocesidiroma.it/decreto-del-cardinale-vicario-angelo-de-donatis-del-13-marzo-2020/ (дата обращения: 08.04.2021).

[57] См.: Decreto in tempo di Covid-19 № 153/20. URL: https://diresom.net/2020/03/20/congregation-for-divine-worship-and-the-discipline-of-the-sacraments-decree-on-the-holy-easter/ (дата обращения: 08.04.2021).

[58] См.: Decreto della Congregazione per il Culto Divino e la Disciplina dei Sacramenti, 25.03.2020. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2020/03/25/0181/00409.html#ita (дата обращения: 08.04.2021).

[59] См.: Orientamenti per la Settimana Santa. URL: https://www.chiesadinapoli.it/wp-content/uploads/sites/2/2020/03/Orientamenti-per-la-Settimana-Santa-25-marzo-2020.pdf.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

[60] Come andare in chiesa senza violare la legge. URL: https://lanuovabq.it/it/come-andare-in-chiesa-senza-violare-la-legge (дата обращения: 09.04.2021).

[61] *Cascioli R.* Se il governo nega il diritto di andare in Chiesa. URL: https://lanuovabq.it/it/se-il-governo-nega-il-diritto-di-andare-in-chiesa (дата обращения: 09.04.2021).

[62] См.: ibid.

[63] См.: Attenta alla libertà religiosa. Correggete quel decreto. URL: https://lanuovabq.it/it/attenta-alla-liberta-religiosa-correggete-quel-decreto (дата обращения: 09.04.2021).

[64] См.: Il prete in Apecar per chi paga il prezzo più alto: gli anziani. URL: https://www.lanuovabq.it/it/il-prete-in-apecar-per-chi-paga-il-prezzo-piu-alto-gli-anziani (дата обращения: 09.04.2021).

прихожанин-помощник, используя защитные маски и соблюдая дистанцию, пронесли с целью защитить город от коронавируса по улицам города распятие, которое прославилось чудом кровоточения в 1691 г. и ежегодно использовалось в крестном ходе по улицам города[65]. Священник отказался выплачивать штраф, так как, по его мнению, это сделано для того, чтобы наказать церковь.

Только 3 апреля 2020 г. на официальном сайте Председателя Совета министров Италии появилось разъяснение, корректирующее письмо МВД Италии от 27 марта 2020 г.: «Доступ к местам отправления культа разрешен, если избегать скоплений людей и соблюдать расстояние между посетителями не менее одного метра. Можно посетить ближайшее к своему дому место поклонения. Наличие заполненной формы для выхода из дома является обязательным»[66].

Чрезвычайная ситуация с распространением COVID-19 в Италии по-новому поставила вопрос о приоритете конституционных ценностей. Итальянская система отношений между государством и религиозными объединениями отражена в ч. 2 ст. 7 и ч. 3 ст. 8 Конституции Италии. Двусторонняя система отношений одновременно гарантирует «равную религиозную свободу для всех» и «специфику каждой конфессии». Правовое положение Римско-Католической Церкви в Италии и регулирование религиозных свобод для католических верующих содержится в Соглашении от 18 февраля 1984 г. между Святым Престолом и Итальянской Республикой об изменении Латеранского соглашения 1929 г. (далее – Соглашение). Данное Соглашение, аналогичное международному договору, предусматривает для Римско-Католической Церкви ряд конкретных гарантий: «свобода организации, публичного отправления религиозных обрядов, осуществления церковного учительства и духовного служения, а также юрисдикции в церковных делах» (ст. 2)[67]. Статья 14 Соглашения закрепляет, что, если в будущем возникнут трудности при толковании или применении предыдущих положений, Святой Престол и Итальянская Республика поручат поиск дружественного решения назначенной ими совместной комиссии.

Однако, по мнению Николо Колианни, Соглашение «не имеет ничего общего с охраной здоровья, и, следовательно, органы власти могут издавать акты в одностороннем порядке без создания комиссии»[68].

Ученый подчеркивает, что независимо от отчуждающего эффекта, который вызывает предложение о создании совместной комиссии в разгар пандемии, чтобы решить, следует ли и в какой мере распространять меры ограничения на религиозные здания, факт состоит в том, что ст. 2 Соглашения относится не к осуществлению свободы вероисповедания католиками, а к «публичному отправлению религиозных обрядов» Церковью, именно как института. Следовательно, это не libertas fidelium (свобода вероисповедания), а libertas Ecclesiae (свобода Церкви), а она не нарушена: церкви остались открытыми, а священники могут служить мессы.

Критически оценивая его статью, Винченцо Пачилло[69] обращает внимание на два аспекта: 1) ничего не мешало провести собрание комиссии с помощью платформы Zoom для удаленной и безопасной встречи; 2) нарушение ст. 2 Соглашения касается католических верующих, так как приводит к нарушению канона 213 Кодекса канонического права[70], что говорит об ограничении свободы вероисповедания, в основе которой неразрывная связь между совершением таинств и исповеданием католической веры. Личная молитва не заменяет богатство и сложность религиозной жизни католических верующих. И самое главное замечание – Н. Колианни не смог обосновать причину, по которой акт, подпадающий под действие международного договора, был приостановлен в одностороннем порядке, а именно в той части, в которой он обеспечивает Римско-Католической Церкви свободу публичного отправления религиозных обрядов, – и это, конечно, в соответствии с ее собственными конфессиональными правилами – свобода, которая признается не как независимая ценность, а как полная реализация религиозной свободы католиков Италии.

С точки зрения государства принятые правительственные меры на первое место в иерархии конституционных интересов поставили защиту общественного здоровья (ст. 16, 32 Конституции Италии), пожертвовав основными правами и свободами, среди которых и право на свободу вероисповедания (ст. 19 Конституции Италии).

С точки зрения Римско-Католической Церкви даже в случае чрезвычайного положения в сфере здравоохранения принцип независимости и суверенности государства и Католической Церкви в принадлежащей каждому из них сфере, закрепленный в ст. 7 Конституции Италии, должен защищаться. Римско-Католическая Церковь утверждает в виде автономных религиозных положений: защиту права верующих на участие в таинствах и обязанность священников их совершать, необходимость молитвы в целом во времена эпидемии, приостановление церковных служб в соответствии и с рекомендациями властей. Хотя в католической доктрине закреплено, что в некоторых случаях гражданская власть может на законных основаниях ограничить осуществление свободы вероисповедания[71].

Совет Европы придерживается позиции, в соответствии с которой значительные ограничения общественной деятельности, включая доступ к общественным местам отправления культа, публичным собраниям и свадебным и похоронным церемониям, неизбежно могут привести к спорным жалобам согласно вышеуказанным положениям. Поэтому власти должны обеспечить, чтобы любое подобное ограничение, независимо от того, основано ли оно на

---

[65] См.: Lo multato per aver benedetto la città, ma non pagherò: vogliono punire la Chiesa. URL: https://lanuovabq.it/it/io-multato-per-aver-benedetto-la-citta-ma-non-paghero-vogliono-punire-la-chiesa (дата обращения: 09.04.2021).

[66] Decreto Io Restoa Casa, domande frequenti sulle misure adottate dal Governo. URL: http://www.governo.it/it/faq-iorestoacasa (дата обращения: 09.04.2021).

[67] См.: Accordo tra la Santa Sede e La Repubblica Italiana che apporta modificazioni al concordato lateranense. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19850603_santa-sede-italia_it.html (дата обращения: 13.04.2021).

[68] *Colaianni N.* La libertà di culto al tempo del coronavirus, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 7 del 2020. P. 33.

[69] См.: *Pacillo V.* La libertà di culto al tempo del coronavirus: una risposta alle critiche, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 8 del 2020. P. 92.

[70] Канон 213 – Верные Христу имеют право принимать от священных пастырей помощь из духовных благ Церкви, прежде всего из слова Божия и из таинств (см.: Кодекс канонического права. М., 2007. С. 113).

[71] Декларация "Dignitatis humanae" Второго Ватиканского собора о религиозной свободе (п. 7) утверждает, что критерий для легитимации вмешательства, ограничивающего осуществление религиозной свободы, заключается в соответствии общественному порядку (см.: *Giuseppe Dalla Torre.* Coronavirus. Gli ordini dati dallo Stato e gli ordini interni della Chiesa. URL: https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/gli-ordini-dati-dello-stato-e-lordine-interno-della-chiesa (дата обращения: 09.04.2021).

отступлениях, устанавливалось только законом с соблюдением соответствующих конституционных гарантий соразмерно преследуемой им цели[72].

По нашему мнению, ограничения в реализации свободы вероисповедания, которые были применены в Италии, допустимы, но не во всех случаях, а лишь когда это действительно было необходимо для охраны здоровья. Органы власти даже в условиях чрезвычайного положения не должны принимать решение о закрытии религиозных зданий (такие решения могут быть приняты лишь самими религиозными организациями), службы в них должны совершать с соблюдением всех санитарных рекомендаций, минимизирующих риск заражения (установление максимального количества присутствующих, исходя из площади здания, применения мер дезинфекции и др.). Необходимо придерживаться принципа верховенства закона даже в чрезвычайных условиях.

Нельзя не отметить некоторые положительные моменты введённых ограничений. «Пандемия в Италии, – отмечает Фабио Бальзамо, – способствовала явному ускорению в использовании цифровых инструментов для проведения религиозных обрядов[73] и сыграла значительную роль в замещении религиозными организациями органов власти в реализации социальной функции государства». Яркий пример – строительство полевого госпиталя для поддержки больницы Кремоны неправительственной евангелической организацией «Сумка Самаритянина», расположенной в США. Для этого по инициативе сенатора-евангелиста Лусио Малана в законодательном декрете от 17 марта 2020 г. № 18 предусмотрели ст. 13 – «путем отступления от общих правил (статьи 49 и 50 законодательного декрета президента от 31 августа 1999 года № 394) разрешено на весь период чрезвычайной ситуации с COVID-19 временное занятие медицинских профессий квалифицированным иностранным персоналом»[74]. Конференция епископов Италии, следуя примеру папы Франциска, который выделил 100 000 евро итальянским Каритасам, предоставила 10 млн евро 220 епархиальным Каритасам и 0.5 млн евро фонду Banco Alimentare Onlus для поддержки семей, оказавшихся в сложной ситуации.

Заключение

По результатам проведенного исследования допустимо формулирование нескольких выводов.

1. Вмешательство государства в деятельность религиозных объединений даже в условиях кризиса должно устанавливаться только законодательством (Федеральным конституционным законом, Федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации либо декретами президента Италии, имеющими силу закона) и быть необходимым и соразмерным.

2. Органы государственной власти в борьбе с инфекцией не могут закрыть культовые здания, прекращая совершение религиозных обрядов и церемоний. Это исключительно прерогатива самих религиозных организаций, что подтверждается практикой Италии и России. Иное понимание норм об автономности религиозных организаций и фундаментальных положений светского характера государства ведет к несоразмерному ограничению конституционных прав и свобод граждан. Важно отметить, что в России в отличие от Италии чрезвычайного положения объявлено не было, но принимаемые меры оказались практически идентичны. Противостояние пандемии коронавируса показало существование определенных внутренних противоречий в РПЦ, а конфликты православных епископов с властями субъектов Российской Федерации продемонстрировали некоторую напряженность в церковно-государственных отношениях.

3. Свобода вероисповедания предполагает право каждого человека в условиях ограничительных мероприятий (карантина) в России (если он не болен и не представляет угрозы) индивидуальной молитвы в храме (в Италии даже в условиях чрезвычайного положения) или участия в коллективных религиозных обрядах и церемониях с соблюдением мер предосторожности. Полагаем, что было бы уместным закрепить в нормативных правовых актах Российской Федерации (указы высших должностных лиц / постановления высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации), учитывая опыт Италии, дополнительную цель выхода из дома – посещение религиозных объектов (в том числе богослужений) при условии использования средств защиты от заражения коронавирусом.

4. Погребение человека в условиях пандемии в соответствии с его религиозными убеждениями в присутствии членов его семьи, а в их отсутствие иных близких людей должно гарантироваться государством. Изучение распространения новой коронавирусной инфекции показало, что в некоторых случаях религиозные собрания могут быть источником распространения инфекции и, следовательно, должны ограничиваться[75], но с соблюдением соответствующих конституционных гарантий.

5. Цифровые технологии значительным образом повлияли на трансформацию богослужений и религиозных обрядов. Практически все религиозные организации перешли в период действия ограничений к массовому использованию онлайн-трансляций богослужений (Zoom, YouTube и др.), онлайн-пожертвованиям за требы, проведению священниками прямых эфиров-бесед в Instagram, а также к расширению индивидуальной (или в малых группах – семье) практики реализации свободы вероисповедания (совершение домашних молитв, чтение Священного Писания). Следует отметить, что ряд платформ гарантируют полный доступ к контенту только после регистрации в социальной сети – это Instagram, Facebook, ВКонтакте, а некоторые ее не требуют и предоставляют доступ каждому, в частности платформа YouTube, которая часто используется для удаленного присутствия верующих при совершении религиозных обрядов.

6. Русская и Элладская православные церкви, Римско-Католическая Церковь (по крайней мере в Европе) по-разному отнеслись к ограничительным мерам в связи с пандемией. Можно предположить, что это связано с отсутствием концепции социальной этики в Русской Православной Церкви, которая хорошо развита в Римско-Католической Церкви.

---

[72] См.: Respecting democracy, rule of law and human rights in the framework of the COVID-19 sanitary crisis. A toolkit for member states. 7 April 2020. URL: https://www.coe.int/en/web/portal/-/coronavirus-guidance-to-governments-on-respecting-human-rights-democracy-and-the-rule-of-law (дата обращения: 15.04.2021).

[73] См.: *Balsamo F.* The loyal collaboration between state and religions at the testing bench of the COVID-19 pandemic. a perspective from Italy. URL: https://diresom.net/2020/03/27/the-loyal-collaboration-between-state-and-religions-at-the-testing-bench-of-the-covid-19-pandemic-a-perspective-from-italy/#_ftn11 (дата обращения: 08.04.2021).

[74] См.: Decree-law of 17 march 2020 No. 18. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/03/17/20G00034/sg (дата обращения: 09.04.2021).

[75] См.: *Fattori G.* Religious freedom at the time of coronavirus. URL: https://diresom.net/2020/04/06/3081/ (дата обращения: 15.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лученко К.* Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (1). С. 39–57. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57
2. *Balsamo F.* The loyal collaboration between state and religions at the testing bench of the COVID-19 pandemic. a perspective from Italy. URL: https://diresom.net/2020/03/27/the-loyal-collaboration-between-state-and-religions-at-the-testing-bench-of-the-covid-19-pandemic-a-perspective-from-italy/#_ftn11 (дата обращения: 08.04.2021).
3. *Cascioli R.* Se il governo nega il diritto di andare in Chiesa. URL: https://lanuovabq.it/it/se-il-governo-nega-il-diritto-di-andare-in-chiesa (дата обращения: 09.04.2021).
4. *Colaianni N.* La libertà di culto al tempo del coronavirus, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 7 del 2020. P. 33.
5. *Fattori G.* Religious freedom at the time of coronavirus. URL: https://diresom.net/2020/04/06/3081/ (дата обращения: 15.04.2021).
6. *Giuseppe Dalla Torre.* Coronavirus. Gli ordini dati dallo Stato e gli ordini interni della Chiesa. URL: https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/gli-ordini-dati-dello-stato-e-lordine-interno-della-chiesa (дата обращения: 09.04.2021).
7. *Pacillo V.* La libertà di culto al tempo del coronavirus: una risposta alle critiche, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 8 del 2020. P. 92.

REFERENCES

1. *Luchenko K.* Digitalization of liturgical practices during the coronavirus pandemic in the context of mediatization of Orthodoxy // State, religion, church in Russia and abroad. 2021. No. 39 (1). P. 39–57. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57 (in Russ.).
2. *Balsamo F.* The loyal collaboration between state and religions at the testing bench of the COVID-19 pandemic. a perspective from Italy. URL: https://diresom.net/2020/03/27/the-loyal-collaboration-between-state-and-religions-at-the-testing-bench-of-the-covid-19-pandemic-a-perspective-from-italy/#_ftn11 (accessed: 08.04.2021).
3. *Cascioli R.* Se il governo nega il diritto di andare in Chiesa. URL: https://lanuovabq.it/it/se-il-governo-nega-il-diritto-di-andare-in-chiesa (accessed: 09.04.2021).
4. *Colaianni N.* La libertà di culto al tempo del coronavirus, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 7 del 2020. P. 33.
5. *Fattori G.* Religious freedom at the time of coronavirus. URL: https://diresom.net/2020/04/06/3081/ (accessed: 15.04.2021).
6. *Giuseppe Dalla Torre.* Coronavirus. Gli ordini dati dallo Stato e gli ordini interni della Chiesa. URL: https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/gli-ordini-dati-dello-stato-e-lordine-interno-della-chiesa (accessed: 09.04.2021).
7. *Pacillo V.* La libertà di culto al tempo del coronavirus: una risposta alle critiche, in Stato, Chiese e pluralismo confessionale, Rivista telematica (https://www.statoechiese.it), n. 8 del 2020. P. 92.

Сведения об авторе

ПИБАЕВ Игорь Александрович –
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
610000 Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, д. 99

Authors' information

PIBAEV Igor A. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin University (MSAL);
99 Lenin str., 610000 Kirov Region, Kirov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 38–44
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 38–44

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

СУД И НОТАРИАТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

© 2022 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 27.08.2022 г.

Аннотация. Обращаясь к исследованиям истории возникновения нотариата в России, показана единая онтологическая сущность суда и нотариата. В настоящее время в ведении судов (как арбитражных, так и общей юрисдикции) находится целый ряд так называемых бесспорных дел. Это дела особого и приказного производств. Значительную их часть составляют дела об установлении юридических фактов, рассмотрение и разрешение которых производится судом вне рамок цивилистической процессуальной формы, а исключительно на основании представленных заявителем документов, обосновывающих заявленные требования. Многие ученые уже высказывали идею передать указанные дела из ведения судов в сферу нотариата. Однако следует иметь в виду, что нотариат – орган бесспорной юрисдикции, и нотариусы не вправе рассматривать споры о праве. При этом часть дел особого и приказного производства имеет спорный характер – например, дела о лишении или ограничении дееспособности гражданина; о недобровольном психиатрическом освидетельствовании, о взыскании алиментов и т.д. Поэтому необходимо разграничивать дела особого и приказного производств на спорные и бесспорные; нотариусам предлагается передать все дела об установлении юридических фактов. Предложено также расширить компетенцию нотариата путем включения в нее дел о внесении изменений в документы гражданина. Предложено установить обязательное нотариальное удостоверение всех внесудебных соглашений о примирении.

Ключевые слова: суд, нотариат, особое производство, приказное производство, дела об установлении юридических фактов, спор о праве.

Цитирование: *Михайлова Е.В.* Суд и нотариат: перспективы онтологического единства // Государство и право. 2022. № 12. С. 38–44.

DOI: 10.31857/S102694520023348-3

COURT AND NOTARIES: PERSPECTIVES OF ONTOLOGICAL UNITY

© 2022 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 27.08.2022

Abstract. Referring to the research on the history of the emergence of notaries in Russia, a single ontological essence of the court and notaries is shown. Currently, the jurisdiction of the courts (both arbitration and general jurisdiction) is a number of so-called “indisputable” cases. These are cases of special and order proceedings. A significant part of them are cases on the establishment of legal facts, the consideration and resolution of which is carried out by the court outside the framework of the civilistic procedural form, but solely on the basis of the documents submitted by the applicant substantiating the stated requirements. Many scientists have already expressed the idea to transfer these cases from the jurisdiction of the courts to the notaries. However, it should be borne in mind that the notary is a body of indisputable jurisdiction, and notaries are not entitled to consider disputes about the law. At the same time, some cases of special and writ proceedings are of a controversial nature – for example, cases of depriving or restricting the legal capacity of a citizen; on involuntary psychiatric examination, on the recovery of alimony, etc. Therefore, it is

necessary to distinguish between cases of special and writ proceedings into controversial and indisputable; notaries are invited to submit all cases of establishing legal facts. It is also proposed to expand the competence of the notary by including cases on amendments to the documents of a citizen. It is proposed to establish mandatory notarization of all out-of-court conciliation agreements.

Key words: court, notary, special proceedings, writ proceedings, cases on establishment of legal facts, dispute over law.

For citation: *Mikhailova, E.V. (2022).* Court and notaries: perspectives of ontological unity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 38–44.

Постановка проблемы. История возникновения российского нотариата. Нотариат занимает особое, ни с чем не сравнимое место в системе защиты частных и публичных прав в сфере гражданской юрисдикции. Природа его уникальна – это негосударственный орган, реализующий публично-правовые функции.

Функции нотариата также специфичны – он осуществляет превенцию в сфере гражданской юрисдикции. В силу этого задача нотариата – создание условий, при которых субъекты гражданских и связанных с ними правоотношений смогут беспрепятственно реализовать свои права, свободы и законные интересы. Нотариат – единственный юрисдикционный орган такого рода; превенцию в уголовно-правовой и административной сферах осуществляют правоохранительные органы, однако в их задачи не входит пресечение гражданско-правовых нарушений.

История появления нотариата в России большинством авторов связывается с введением в действие Русской правды и законов Ярослава Мудрого. Именно в этих нормативных актах впервые были закреплены правила наследования, а также основные способы регулирования гражданско-правовых отношений в Древней Руси[1].

Ученые отмечают, что обычай утверждать права на землю и на холопов впервые появился у духовенства, а позднее такие грамоты составляли дьяки и подьячие, состоявшие при присутственных местах.

После Судебной реформы 1864 г. крепостную часть отделили от судебных палат, а соответствующие обязанности возложили на нотариусов[2]. По свидетельству К.А. Корсика, в Вексельном уставе 1729 г. впервые упоминается должность нотариуса[3].

С точки зрения настоящего исследования важным представляется то, что нотариат выделился из «тяжебного производства», т.е. из судебной деятельности. Исследователи указывают, что нотариальное производство составляло часть дел судебного управления. В 1862 г. было решено вывести его из судебного производства и передать нотариусам, которые под наблюдением судебных мест стали заведовать совершением актов о различных обязательствах[4].

Таким образом, полномочия нотариата онтологически связаны с судебной деятельностью. При этом нотариат в отличие от суда – орган бесспорной юрисдикции.

Охранительное (особое) производство и нотариат. Впрочем, и в ведении судов остаются т.н. бесспорные дела. В Российской Империи их рассмотрение именовалось «охранительным производством», в настоящее время используется термин «особое производство».

Так, Е.А. Нефедьев писал, что в охранительном производстве в отличие от спорного порядка никакого притязания не заявляется, и возбуждается оно не вследствие нарушения права, а ради того, чтобы предупреждать нарушение прав посредством установления оснований их приобретения[5].

Собственно, именно эту цель преследуют и заявители, обратившиеся за совершением нотариального действия. Как указывали советские ученые, нотариат есть система государственных органов, к компетенции которых отнесено удостоверение наличия прав и фактов, имеющих юридическое значение, а также совершение действий, связанных с удостоверением указанных обстоятельств[6].

Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел особого производства продиктованы именно отсутствием в них спора о праве и, следовательно, сторон с противоположными юридическими интересами к делу. В.К. Пучинский указывал, что особое производство начинается заявлением, а не иском, и подает его заявитель, который ни к кому юридических претензий не имеет. Он лишь просит суд установить определенный юридический факт, либо признать наличие у него того или иного субъективного права[7].

Однако обратиться в суд с заявлением об установлении юридического факта можно не в любом случае. В соответствии со ст. 265 ГПК РФ суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов.

Во внесудебном порядке установить юридические факты возможно посредством обращения в уполномоченные государственные органы либо к нотариусу.

Нотариусы также имеют дело с бесспорными ситуациями. Например, удостоверяя сделку, они создают условия для последующей беспрепятственной реализации ее

[1] См.: *Галикеева И.Г.* Из истории развития нотариата в России // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 61, 62.

[2] См.: *Борисова Е.А.* История российского законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. 2017. № 7. С. 52–63.

[3] См.: *Корсик К.А.* Соотношение российского государства и нотариата: исторический аспект и тенденции его современного развития // Нотариальный вестник. 2020. № 12. С. 6–13.

[4] См.: Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1. Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 284, 285.

[5] См.: *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1903. С. 356.

[6] См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 364.

[7] См.: *Пучинский В.К.* Из творческого наследия: сб. тр. М., 2022. С. 46.

сторонами своих прав и законных интересов. Совершение других нотариальных действий также преследуют превентивную цель.

Перечень нотариальных действий, совершаемых нотариусами, содержится в ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Он исчерпывающий. Особого внимания заслуживают нотариальные действия, связанные с удостоверением юридических фактов (гл. 14). Так, нотариусы удостоверяют: факт нахождения гражданина в живых (ст. 82); факт нахождения гражданина в определенном месте (ст. 83); тождественность личности гражданина с лицом, изображенным на фотографии (ст. 84); тождественность подписи инвалида по зрению с факсимильным воспроизведением его подписи (ст. 84^1); факт возникновения права собственности на объекты недвижимого имущества в силу приобретательной давности (ст. 84^2); время предъявления документов (ст. 85).

В судебном порядке, по правилам особого производства, также устанавливаются факты, имеющие юридическое значение: например, признания гражданина безвестно отсутствующим или объявление его умершим (гл. 30 ГПК РФ); о признании движимой вещи бесхозяйной и признании на нее права собственности (гл. 33 ГПК РФ); восстановления прав по утраченным ценным бумагам (гл. 34 ГПК РФ); о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния (гл. 36 ГПК РФ) и др.

«Невооруженным» глазом видно, что и суд, и нотариат устанавливают однородные, схожие юридические факты. Что касается судебной процедуры их установления, то фактически она отсутствует: например, согласно положению ст. 278 ГПК РФ судья при подготовке дела к судебному разбирательству выясняет, кто может сообщить сведения об отсутствующем гражданине, а также запрашивает соответствующие организации по последнему известному месту жительства, месту работы отсутствующего гражданина, органы внутренних дел, службу судебных приставов, воинские части об имеющихся о нем сведениях. Иными словами, судья работает с документами и соответствующими органами власти в кабинете. Состязательный процесс не проводится; решение выносится на основании поступивших суду сведений. В данном случае трудно отнести деятельность суда к правосудию.

В литературе высказано противоположное мнение: так, некоторые авторы полагают, что процесс установления юридических фактов не сводится к простому поиску данных, а поиск истины всегда сопровождается анализом как сложившейся ситуации, так и правовых норм, их последствий, и т.д.[8] Однако отметим, что хотя и анализ ситуации, и поиск необходимой информации – несомненно, ответственный процесс, требующий профессиональной подготовки, но к процессуальной форме деятельности по отправлению правосудия отношения не имеет.

Р.Е. Гукасян полагал, что состязательность пронизывает все гражданское судопроизводство, в том числе и особое производство. Поскольку процессуальное законодательство предусматривает необходимость привлечения к участию в деле заинтересованного лица, то, по мнению ученого, тем самым подтверждается состязательный характер особого производства[9]. Однако все же трудно согласиться с этим подходом. Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, характеризуются отсутствием второй стороны, а следовательно, ни о какой состязательности в производстве по этим делам речи идти не может.

Согласимся с мнением В.В. Аргунова о том, что суд в делах об установлении юридических фактов ограничивается констатацией их наличия или отсутствия в отношении правового статуса конкретного заявителя[10].

Т.А. Онопко также отмечает, что при рассмотрении судом дел об установлении юридических фактов производится лишь констатация наличия или отсутствия искомых обстоятельств, которые имеют значение для реализации заявителем его прав и обязанностей[11].

Представляется, что в целях «разгрузки» судебной системы было бы целесообразно отнести к компетенции нотариата все дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в том числе те, которые рассматривает суд.

Следует отметить, что идея исключения определенных категорий гражданских дел из компетенции судов общей юрисдикции рассматривалась в трудах Н.А. Чечиной. Она указывала, что только при разграничении правил подведомственности, исключении их конкуренции, возможно обеспечить эффективную защиту гражданских прав и законных интересов. Дела, которые не требуют разрешения спора, могут быть рассматриваемы административными органами и нотариатом, а взыскания по ним должно осуществляться на основании бесспорного документа, предъявляемого кредитором. Должник же, в случае несогласия, вправе защищаться при помощи иска[12].

Это весьма разумный подход. По этому же принципу «устроено» приказное производство. Суд рассматривает заявленное требование в упрощенной процессуальной форме, без вызова противоположной стороны (должника). Последний же, получив копию приказа, может направить заявление о его отмене и уже в исковом производстве защищать свои права.

В первую очередь к компетенции нотариата следует отнести дела о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим; дела о признании движимой вещи бесхозяйной и признании на нее права собственности; о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам; о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния.

Рассматриваемый вопрос – о возможности передачи дел об установлении юридических фактов нотариусам – поднимался В.В. Аргуновым. Он же высказал обоснованное суждение о том, что для реализации этого предложения нужен конкретный «нотариальный» правовой механизм, с помощью которого будет обеспечиваться выполнение нотариусами их новых полномочий[13]. Вместе с тем трудно согла-

[8] См.: *Костуба А.В.* Процессуальные средства установления юридических фактов // Вестник Башкирского ун-та. 2015. Т. 20. № 3. С. 1144–1147.

[9] См.: *Гукасян Р.Е.* Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 187.

[10] См.: *Аргунов В.В.* Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2013. № 2. С. 62–70.

[11] См.: *Онопко Т.А.* Правоприменительная деятельность суда в производстве по установлению фактов, имеющих юридическое значение // Актуальные проблемы росс. права. 2009. № 3. С. 361–367.

[12] См.: *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 370.

[13] См.: *Аргунов В.В.* Указ. соч. С. 62–70.

ситься, что такой механизм в нотариальной деятельности в настоящее время отсутствует. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате достаточно детально регламентируют порядок и правила совершения нотариальных действий. Кроме того, что мешает ввести дополнительные правила?

Вместе с тем нельзя механически «изъять» все дела особого производства из судопроизводства и передать их нотариусам. Дело в том, что часть из них, несмотря на закрепление в рамках раздела о рассмотрении т.н. бесспорных дел, все же характеризуется наличием спора о праве.

В первую очередь это касается производства по делам об ограничении дееспособности гражданина, признании гражданина недееспособным, ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (гл. 31 ГПК РФ).

Несмотря на то что указанная категория дел традиционно рассматривается в порядке особого производства, согласиться с тем, что в них отсутствует спор о праве, нельзя. Тем более учитывая то, что гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, для предоставления ему судом возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей (ч. 1 ст. 284 ГПК РФ). Да и вряд ли можно представить кого-либо, кто не возражал бы против признания его недееспособным.

Например, гражданка И.Б. Делова, признанная судом недееспособной по причине установленного у нее психического расстройства в форме легкой умственной отсталости, которое не позволяет ей понимать значение своих действий и руководить ими в сфере гражданско-правовых отношений, охраны своих жилищных прав, семейно-брачных отношений, в сфере решения вопросов, относящихся к получению медицинской помощи, настолько явно находилась в состоянии правового спора и с судом, и с заявителем по ее делу (Санкт-Петербургское государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания «Психоневрологический интернат № 3»), что обратилась в Конституционный Суд РФ за защитой своих прав.

Конституционный Суд РФ сформулировал свою правовую позицию по данному делу, указав, что «при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей и вместе с тем не посягают на само существо права и не приводят к утрате его основного содержания (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П и др.)»[14].

Е.В. Васьковский, характеризуя охранительное производство, писал, что при их разборе судебные учреждения не утрачивают свой статус органов судебной власти и по этой причине должны руководствоваться общими началами процессуальной деятельности. При этом классик разграничивал дела охранительного производства на две группы: односторонние и двусторонние. При рассмотрении двусторонних охранительных дел (например, о вводе во владение, о выделе доли супруги и др.) требуется соблюдать принципы гражданского процесса, прежде всего равноправности[15].

Г.А. Гаджиев подчеркивает то обстоятельство, что признание гражданина недееспособным порождает ограничение его во многих правах в смысле ст. 55 Конституции РФ[16].

М.С. Шакарян писала, что, по ее мнению, понятие сторон процесса применимо к отдельным категориям дел особого производства, в частности тем из них, в которых оспаривается правовое состояние другого лица[17].

Таким образом, очевидно, что дела о лишении или ограничении дееспособности гражданина имеют спорный характер и должны рассматриваться по правилам искового производства.

Спорную правовую природу имеют также дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, в недобровольном порядке и психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке (гл. 35 ГПК РФ).

Поскольку нотариат – это орган бесспорной юрисдикции, передача ему дел, в которых присутствует спор о праве, недопустима. Нотариат не назван также в ст. 11 ГК РФ в числе субъектов, осуществляющих защиту субъективных гражданских прав и законных интересов.

Весьма продуктивной видится идея передать нотариусам дела о внесении изменений в документы граждан. Речь идет о наличии расхождений в написании имени, отчества или фамилии лица в различных документах (Геннадьевич и Геннадиевич; Наталья и Наталия и т.п.). Для устранения указанной проблемы гражданам необходимо обращаться в суд. Однако в данной ситуации речь идет именно об установлении юридического факта принадлежности документа конкретному лицу – и нотариусы могут осуществить необходимое действие. Кроме того, это будет способствовать снижению нагрузки на судебную систему.

Приказное производство и нотариат. Помимо сказанного определенным онтологическим единством обладают нотариальные действия и отдельные категории дел приказного производства.

Как и особое, приказное производство в юридической науке считается бесспорным. По обоснованному мнению Е.В. Слепченко, приказное производство характеризуется бесспорностью требований, которые связаны с денежными средствами или движимым имуществом, а сами требования подтверждаются письменными доказательствами (документами), обладающими высокой степенью достоверности[18].

---

[14] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» // СЗ РФ. 2012. № 29, ст. 4167.

[15] См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 414, 415.

[16] См.: *Гаджиев Г.А.* Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал росс. права. 2012. № 1. С. 10–21.

[17] См.: *Шакарян М.С.* Избр. труды. СПб., 2014. С. 631.

[18] См.: *Слепченко Е.В.* Упрощенный порядок рассмотрения гражданских дел // Ленинградский юрид. журнал. 2010. № 1. С. 114–129.

Так, судебный приказ выдается, если требование основано на нотариально удостоверенной сделке, или на сделке, совершенной в простой письменной форме; на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта (ст. 122 ГПК РФ).

Процедура вынесения судебного приказа характеризуется отсутствием судебного заседания, судья решает вопрос об обоснованности требования исходя из представленных заявителем доказательств, в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд. Должник, получивший судебный приказ, вправе с ним не согласиться и в установленный законом срок направить суду, вынесшему приказ, свои возражения. Судья, получив возражения должника, отменяет судебный приказ. В определении об отмене судебного приказа судья разъясняет взыскателю, что заявленное требование им может быть предъявлено в порядке искового производства (ст. 129 ГПК РФ).

Соответственно, было бы правильно передать вышеуказанные требования для разрешения нотариусам, тем более что у заинтересованных лиц всегда сохраняется возможность оспорить их решения в судебном, исковом, порядке. Эта мера будет эффективнее, нежели предложение о внедрении в российскую правовую систему «европейского приказного производства», которое заключается в упрощении, ускорении и сокращении судебных расходов и в свободном обращении европейского исполнительного листа[19].

И.В. Решетникова пишет, что дела приказного производства в силу их бесспорного характера было бы логично передать нотариусам, которые имеют право на совершение исполнительной надписи по ряду бесспорных требований. Она отмечает, что в СССР нотариальные органы придавали исполнительную силу долговым и платежным документам. В связи с этим ученый задает вопрос: возможно, стоит все бесспорные требования передать нотариусам для совершения по ним исполнительной надписи?[20]

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, скорее отрицательный. В компетенцию нотариата входят вопросы, связанные с установлением юридических фактов, и ни при каких условиях в нее не могут быть включены спорные вопросы.

Между тем в перечень дел, подлежащих разрешению в приказном производстве, включены как спорные, так и бесспорные требования. Например, дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей представляют собой фактически спор о праве.

М.А. Рожкова указывает, что «спор о праве» представляет собой сложный юридический состав, в котором обязательно наличие трех условий: нарушение субъективного права лица; предъявление обладателем нарушенного права требования к нарушителю; неисполнение нарушителем требования правообладателя[21].

Требование, основанное на нотариально удостоверенной сделке, или сделке, совершенной в простой письменной форме, фактически является частью этой сделки, вытекает из ее содержания и определяется, регулируется им, поэтому можно говорить, что, по сути, это вопрос установления юридического факта (является ли заявленное условие частью совершенной сделки).

Что же касается взыскания алиментов, то необходимо решить вопрос о наличии у заявителя указанного права, рассчитать размер подлежащих уплате алиментов. Кроме того, неуплата второй стороной алиментов – прямое свидетельство наличия спора.

В целом следует согласиться с мнением Д.Я. Малешина о том, что именно нотариат может содействовать устранению многих текущих проблем судебной системы. Целый ряд дел приказного и особого производств может быть передан нотариату, а перечень юридических фактов, подлежащих удостоверению нотариусом, должен быть расширен, как и перечень оснований для совершения нотариусом исполнительной надписи[22]. Особое же внимание следует обратить на то, что лишь «ряд» дел (а не все) особого и приказного производств могут быть переданы нотариусам.

Нотариат и внесудебное урегулирование споров. Онтологическое единство суда и нотариата позволяет говорить еще об одном направлении их взаимодействия.

Законодатель прикладывает много усилий для внесудебного примирения участников гражданско-правовых конфликтов. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18[23] установлен обязательный досудебный (претензионный) порядок урегулирования отдельных гражданских дел, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства.

Если целью закрепления этого порядка является разрешение максимально возможного числа правовых конфликтов в досудебном порядке, то необходимо предусмотреть такую форму примирения, которая в дальнейшем исключит возможность обращения «спорщиков» в суд с тождественным требованием.

Заключение сторонами спора гражданско-правового соглашения не будет препятствовать возбуждению в суде дела по тому же предмету и тем же основаниям. Как известно, наличие гражданско-правовых соглашений по предмету спора не является основанием ни для отказа в принятии судом искового заявления, ни для возвращения искового заявления.

Следовательно, для досудебного урегулирования следует применять такой механизм, который способен обеспечить, в случае необходимости, принудительное исполнение согласованных сторонами условий. Таким механизмом может выступить лишь нотариальное удостоверение соглашений о примирении. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривают возможность удостоверения лишь медиативных соглашений (ст. 59^1). Следует закрепить возможность нотариального удостоверения любых соглашений о примирении, включая те, которые стороны заключили самостоятельно, без посредника, путем переговоров.

Кроме того, требуется внести в гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство такое основание для отказа в принятии искового заявления, как наличие нотариально удостоверенного соглашения о примирении.

---

[19] См.: *Посулихина Н.С., Козырева А.Б.* Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (Часть 1) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 142–149.

[20] См.: *Решетникова И.В.* Способы оптимизации арбитражного процесса // Пермский юрид. альманах. 2020. № 3. С. 118–123.

[21] См.: *Рожкова М.А.* Понятие спора о праве гражданском // Журнал росс. права. 2005. № 4. С. 98–102.

[22] См.: *Малешин Д.Я.* Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбУ. Право. 2020. № 1. С. 67–86.

[23] См.: Росс. газ. 2021. 2 июля.

Выводы. История возникновения российского нотариата демонстрирует его онтологическое «родство» с судом. В ведение нотариата были переданы гражданские дела, ранее разрешавшиеся в судебном порядке. Однако принципиальное различие суда и нотариата заключается в том, что нотариат – орган бесспорной юрисдикции, в то время как основная деятельность суда связана с рассмотрением и разрешением правовых конфликтов.

«Юридическим атавизмом» можно считать рассмотрение судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение. В строгом смысле производство по этим делам не может быть охарактеризовано как судопроизводство. Решая вопрос об установлении юридического факта, суд действует вне рамок процессуальной формы, состязательный процесс не проводится, а в случае, если возникает спор о праве, заявление должно быть оставлено без рассмотрения.

Передача нотариусам «бесспорных» дел особого и приказного производства – единственный шаг, который с очевидностью будет способствовать разгрузке судебной системы.

Внесудебное примирение как обязательное условие для обращения в суд по ряду гражданских дел должно выступать надежной гарантией защиты прав участников правового конфликта, обладать свойством исполнимости – это достижимо при введении правил об обязательном нотариальном урегулировании внесудебных соглашений о примирении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргунов В.В.* Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса? // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2013. № 2. С. 62–70.
2. *Борисова Е.А.* История российского законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. 2017. № 7. С. 52–63.
3. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 414, 415.
4. Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов: в 2 т. Т. 1. Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 284, 285.
5. *Гаджиев Г.А.* Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал росс. права. 2012. № 1. С. 10–21.
6. *Галикеева И.Г.* Из истории развития нотариата в России // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 61, 62.
7. *Гукасян Р.Е.* Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 187.
8. *Корсик К.А.* Соотношение российского государства и нотариата: исторический аспект и тенденции его современного развития // Нотариальный вестник. 2020. № 12. С. 6–13.
9. *Костуба А.В.* Процессуальные средства установления юридических фактов // Вестник Башкирского ун-та. 2015. Т. 20. № 3. С. 1144–1147.
10. *Малешин Д.Я.* Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбУ. Право. 2020. № 1. С. 67–86.
11. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 364.
12. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1903. С. 356.
13. *Онопко Т.А.* Правоприменительная деятельность суда в производстве по установлению фактов, имеющих юридическое значение // Актуальные проблемы росс. права. 2009. № 3. С. 361–367.
14. *Посулихина Н.С., Козырева А.Б.* Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (Часть 1) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 142–149.
15. *Пучинский В.К.* Из творческого наследия: сб. тр. М., 2022. С. 46.
16. *Решетникова И.В.* Способы оптимизации арбитражного процесса // Пермский юрид. альманах. 2020. № 3. С. 118–123.
17. *Рожкова М.А.* Понятие спора о праве гражданском // Журнал росс. права. 2005. № 4. С. 98–102.
18. *Слепченко Е.В.* Упрощенный порядок рассмотрения гражданских дел // Ленинградский юрид. журнал. 2010. № 1. С. 114–129.
19. *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 370.
20. *Шакарян М.С.* Избр. труды. СПб., 2014. С. 631.

REFERENCES

1. *Argunov V.V.* Proceedings to establish facts of legal significance: in court or at a notary? // Herald of the Moscow University. Ser. 11 “Law”. 2013. No. 2. P. 62–70 (in Russ.).
2. *Borisova E.A.* History of the Russian legislation on notaries and notarial activity // Notarial Bulletin. 2017. No. 7. P. 52–63 (in Russ.).
3. *Vaskovsky E.V.* Textbook of Civil Procedure. M., 2003. P. 414, 415 (in Russ.).
4. The Great Reform: to the 150th anniversary of Judicial statutes: in 2 vols. Vol. 1. The Charter of Civil Proceedings / ed. by E.A. Borisova. M., 2014. P. 284, 285 (in Russ.).
5. *Gadzhiev G.A.* Economic efficiency, legal ethics and trust in the state // Journal of Russ. law. 2012. No. 1. P. 10–21 (in Russ.).
6. *Galikeeva I.G.* From the history of the development of the notary in Russia // The Rule of Law: theory and practice. 2015. No. 3 (41). P. 61, 62 (in Russ.).
7. *Ghukasyan R.E.* Selected works on civil procedure. M., 2008. P. 187 (in Russ.).
8. *Korsik K.A.* Correlation of the Russian state and the notary: historical aspect and trends of its modern development // Notary Bulletin. 2020. No. 12. P. 6–13 (in Russ.).
9. *Kostuba A.V.* Procedural means of establishing legal facts // Herald of the Bashkir University. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 1144–1147 (in Russ.).
10. *Maleshin D. Ya.* Assistance of the notary to judicial reform // Herald of the SPbU. Right. 2020. No. 1. P. 67–86 (in Russ.).
11. Scientific and practical commentary on the Civil Procedure Code of the RSFSR / ed. by R.F. Kallistratova, L.F. Lesnitskaya, V.K. Puchinsky. M., 1976. P. 364 (in Russ.).
12. *Nefediev E.A.* Textbook of Russian Civil Procedure. 3rd ed. M., 1903. P. 356 (in Russ.).
13. *Onopko T.A.* Law enforcement activity of the court in the proceedings to establish facts of legal significance // Actual problems of Russ. law. 2009. No. 3. P. 361–367 (in Russ.).
14. *Posulikhina N.S., Kozyreva A.B.* Alternative dispute resolution methods as a measure to reduce the burden on the courts: comparative legal research (Part 1) // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 8. P. 142–149 (in Russ.).

15. *Puchinsky V.K.* From the creative heritage: collection of works. M., 2022. P. 46 (in Russ.).

16. *Reshetnikova I.V.* Ways to optimize the arbitration process // Perm legal almanac. 2020. No. 3. P. 118–123 (in Russ.).

17. *Rozhkova M.A.* The concept of a dispute about Civil Law // Journal of Russ. law. 2005. No. 4. P. 98–102 (in Russ.).

18. *Slepchenko E.V.* Simplified procedure for consideration of civil cases // Leningradsky yurid. journal. 2010. No. 1. P. 114–129 (in Russ.).

19. *Chechina N.A.* Elected proceedings on Civil Procedure. SPb., 2004. P. 370 (in Russ.).

20. *Shakaryan M.S.* Elected proceedings. SPb., 2014. P. 631 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. – Doctor of Law, associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 45–53
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 45–53

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕДУР РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2022 г. С. В. Бурмагин[1, *], П. К. Барабанов[2, **]

[1]Волгоградский государственный университет
[2]Северодвинский городской суд Архангельской области

**E-mail: serburmagin@yandex.ru*
***E-mail: yavengarostov@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.

Аннотация. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации сохраняет актуальность проблема совершенствования процедуры изменения в ходе судебного разбирательства обвинения, предъявленного органом предварительного расследования, в сторону ухудшения положения обвиняемого. Авторы статьи в целях отыскания оптимальной правовой модели изменения в суде предъявленного обвинения в направлении его усиления или существенной корректировки, используя такие методы научного познания, как диалектический, формально-юридический, статистический и метод сравнительно-правового анализа, раскрывают недостатки применяемых в России процедур и, обращаясь к зарубежному опыту, проводят сравнительное исследование моделей правового регулирования порядка изменения обвинения в суде и их практической реализации в ряде европейских и азиатских стран, анализируют их с точки зрения обеспечения права обвиняемого на защиту и с учетом позиций Европейского Суда по правам человека. По результатам проведенного исследования сформулированы выводы о возможности и целесообразности модернизации применяемой в Российской Федерации модели изменения представленного в суд обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам путем замены существующего процессуального порядка на отвечающую требованиям соблюдения прав обвиняемого процедуру изменения прокурором под контролем суда исходного обвинения непосредственно в судебном заседании.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, прокурор, обвинение, право обвиняемого на защиту, возвращение дела прокурору, изменение обвинения, судебное разбирательство, зарубежный уголовный процесс.

Цитирование: *Бурмагин С.В., Барабанов П.К.* Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

DOI: 10.31857/S102694520023299-9

LEGAL MODELS OF CHANGING CHARGES IN COURT: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROCEDURES OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGAL PROCEEDINGS

© 2022 S. V. Burmagin[1, *], P. K. Barabanov[2, **]

[1]Volgograd State University
[2]Severodvinsk City Court of the Arkhangelsk Region

**E-mail: serburmagin@yandex.ru*
***E-mail: yavengarostov@mail.ru*

Received 14.02.2022

Abstract. In the criminal proceedings of the Russian Federation the problem of improving the procedure for changing the charges brought by the preliminary investigation body in the direction of worsening of the defendant's situation is relevant. The authors of this article, in order to find the optimal legal model for changing the criminal charge in court by increasing or significantly amending it while ensuring the right of the accused to defense and the fairness of the trial, using such methods of scientific knowledge as dialectical, formal legal, statistical and comparative legal analysis reveal shortcomings of existing Russian procedures, conduct comparative study of models of legal regulation of the issues of changing charges in court and their practical application in some European and Asian countries, analyze these models from the point of view of ensuring the right of the accused to defense and taking into account the positions of the European Court of Human Rights. According to the results of the conducted research the conclusions are made about the possibility and expediency of modernizing the model used in the Russian Federation for changing the charge submitted to the court to a more serious or significantly different in factual circumstances by replacing the existing procedural order with meeting the requirements of the rights of the accused procedure for changing the original charge by the prosecutor under the supervision of the court directly at the court session.

Key words: criminal procedure, court, prosecutor, prosecution, defendant's right to defence, return of case to prosecutor, change of charge, trial, foreign criminal procedure.

For citation: *Burmagin, S.V., Barabanov, P.K. (2022).* Legal models of changing charges in court: comparative legal analysis of the procedures of Russian and foreign legal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 45–53.

В прошедшем году исполнилось 20 лет принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ[1]. Это событие не прошло незамеченным в российском юридическом сообществе и дало повод ученым, практикам и представителям общественности вновь обратиться к анализу сильных, положительных и откровенно слабых, негативных сторон данного законодательного акта, относящегося, безусловно, к числу ключевых элементов правовой системы Российской Федерации.

Одним из наиболее проблемных вопросов уголовного судопроизводства, не решенных должным образом российским законодателем, является исправление судом дефектного обвинения, не соответствующего фактическим обстоятельства преступного деяния, не охватывающего все его признаки или наступившие вредные последствия и (или) содержащего заниженную юридическую квалификацию инкриминируемого деяния.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.[2], действовавшем до принятия УПК РФ, проблема такого несоответствия решалась через институт возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования, посредством которого только и предоставлялась возможность расширить и усилить обвинение по поступившему в суд делу, привести его в соответствие с установленными в суде обстоятельствами, когда обнаруживаются основания для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении (п. 3 ч. 1 ст. 232). Однако институт возвращения дела судом для дополнительного расследования имел существенные недостатки и пороки: ограничение доступа к правосудию, затягивание сроков производства по делу, препятствия для компенсации причиненного преступлением вреда, отсутствие контроля суда за движением уголовного дела и другие, которые достаточно раскрыты в Концепции судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 г.[3] и освещены в юридической литературе[4], поэтому, полагаем, не требуют дополнительного обоснования и анализа.

Процедура возвращения уголовного дела прокурору, введенная в уголовный процесс УПК РФ, заменила упраздненный институт направления дела судом для дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР) и изначально, как следует из содержания ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции 2001 г., была нацелена исключительно на устранение таких препятствий рассмотрения дела судом, которые являются следствием формальных, процедурных нарушений, связанных с составлением и предъявлением обвинительных документов (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), и должна была обеспечить своевременное и динамичное рассмотрение дела судом. С этой задачей новый институт отчасти справился – как свидетельствуют статистические данные МВД России, возвращение судом уголовных дел в досудебное производство значительно сократилось: если в 1999 г. суды направили на дополнительное расследование 41 340 уголовных дел, то в 2006 г. для устранения препятствий судебному производству прокурору возвращено 35 930 дел, а в 2018 и 2019 гг. – 6468 и 6466 дел соответственно[5].

Однако, формально ликвидировав институт направления судом уголовного дела на доследование, законодатель взамен существовавшего ранее механизма исправления в суде следственных ошибок, включая необоснованное (ошибочное или преднамеренное) занижение объема обвинения и (или) юридической квалификации содеянного, не предложил взамен иных действенных процессуальных инструментов. Вследствие этого в российском судопроизводстве обострилась проблема следственных ошибок и злоупотреблений, связанных с формулированием обвинения, которые получили широкое распространение и не

[1] См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

[2] См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] См.: Ведомости ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

[4] См.: *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России. М., 2008. С. 155–171.

[5] См.: Статистические данные о результатах следственной работы по форме 1-Е за 1999, 2006–2019 гг. // Следственный департамент МВД России. 2020.

могли быть исправлены (устранены) судом, ограниченным в своих полномочиях правилами о пределах судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ). В результате de facto стало привычным ненормальное с точки зрения законности и справедливости правосудия положение, когда суд вынужден выносить решения, заведомо не соответствующие объективно и достоверно установленным обстоятельствам дела, а виновные в совершении более тяжкого преступления, чем вменено органом предварительного расследования, не несут адекватную, установленную уголовным законом ответственность.

Последовавшие с подачи Конституционного Суда РФ[6] изменения ст. 237 УПК РФ, внесенные Федеральными законами от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ и от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ и предоставившие суду новые, связанные с усилением обвинения основания возвращения уголовного дела прокурору (п. 6 ч. 1 и ч. 1^2 ст. 237 УПК РФ), радикально и эффективно обозначенную проблему не решили (о чем свидетельствуют судебные практика и статистика) и вызывают в научной среде неоднозначные оценки[7].

Многие российские ученые-правоведы признают непоследовательность, пробельность, противоречивость процессуальных норм, регламентирующих основания и процедуру возвращения дел прокурору, отмечают существенную трансформацию данного института в направлении сближения с институтом дополнительного расследования, а также дискуссионность вопросов, связанных с его практической реализацией[8]. При этом одни авторы оправдывают такое сближение[9] либо ратуют за полное восстановление порядка направления дела судом на дополнительное расследование[10], другие выступают за сохранение существующей процедуры, считая ее более приемлемой и оптимальной[11], третьи предлагают новые формы изменения обвинения в ходе судебного производства, влекущего ухудшение положения подсудимого[12].

Следует отметить, что возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в целях исправления «заниженного» обвинения очевидно предполагает проведение дополнительного расследования, а оно несет в себе вышеуказанные недостатки и пороки, из-за которых, собственно, законодатель и отказался от этого процессуально-правового института. Кроме того, не все однозначно и с реализацией самой процедуры изменения обвинения в сторону его усиления, прописанной в ст. 237 УПК РФ, поскольку прокурор, участвуя в суде в качестве государственного обвинителя, по-прежнему не мотивирован на постановку перед судом вопроса об усилении или ином существенном изменении обвинения даже и тогда, когда необходимость такой корректировки очевидна и подтверждена в судебном заседании объективными и достоверно установленными данными. Это обстоятельство объясняется тем, что он утверждает обвинительный документ (заключение, акт, постановление), с которым дело направляется в суд, и тем самым принимает на себя ответственность за его качественное состояние; помимо этого, в российской действительности возвращение дела из суда в целях перепредъявления обвинения остается негативным показателем, влияющим на оценку деятельности как следователя и дознавателя, так и прокурора. По понятным причинам не заинтересована в инициировании возвращения дела прокурору по основаниям п. 6 ч. 1 и ч. 1^2 ст. 237 УПК РФ и сторона защиты.

При таких условиях остается ратовать за судейскую активность в этом вопросе. Однако, судя по статистике, введение в 2013 и 2014 гг. новых оснований возвращения уголовного дела прокурору не привело к заметному увеличению количества судебных решений, выносимых в порядке ст. 237 УПК РФ: в 2010 г. в Российской Федерации всеми судами первой инстанции прокурору возвращено 17 811 дел, в 2011 г. – 12 216, в 2012 г. – 10 044, в 2013 г. – 9356, в 2014 г. – 9813, в 2015 г. – 9191, в 2016 г. – 9532, в 2017 г. – 9679 дел[13].

Следует признать, что на практике суды столкнулись с объективными трудностями обоснования и мотивирования

---

[6] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2007. № 22, ст. 2688; постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СЗ РФ. 2013. № 28, ст. 3881.

[7] См.: *Шишков А.А.* Реализация в уголовно-процессуальном законе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о возвращении судом уголовного дела прокурору // Вопросы росс. и междунар. права. 2019. Т. 9. № 7А. С. 284, 285.

[8] См.: *Лисафьева О.Б.* Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 8; *Долгих Т.Н.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как фактор возрождения и развития института возвращения уголовных дел прокурору, в том числе и для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 97–101; *Рябинина Т.К.* Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти. М., 2021. С. 136–140, 166–167.

[9] См.: *Долгих Т.Н.* Указ. соч. С. 99–101.

[10] См.: *Лупин И.А.* Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7–11; *Свиридов М.К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2015. № 2. С. 105; *Заева О.П.* Актуальные проблемы возвращения уголовных дел на дополнительное расследование // Общество и право. 2017. № 3. С. 121–124; *Балакшин В.С.* Возвращение судом прокурору уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения или для производства дополнительного расследования // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 81–88.

[11] См.: *Григорян В.Л.* Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора // Государство и право. 2019. № 8. С. 53–61; *Рябинина Т.К.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всеросс. криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 512–526.

[12] См.: *Тришева А.А.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25; *Бурмагин С.В.* Исправление в суде недостатков утвержденного прокурором обвинения: пути решения проблемы: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее» (Кутафинские чтения). М., 2015. Кн. 2. С. 257, 258; *Машовец А.О.* Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2017. № 2. С. 96; *Муравьев К.В., Булатов Б.Б.* Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2018. № 4. С. 106; *Прошляков А.Д., Машовец А.О.* Механизм изменения обвинения в суде – продолжение дискуссии // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 142, 143.

[13] См.: Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Форма 1) за 2010–2017 гг. // ГАС «Правосудие».URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.11.2021).

своих решений о возвращении уголовных дел прокурору по п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ[14], вызванными противоречащими друг другу обязанностями: обосновать (объяснить) в постановлении потребность усиления обвинения и в то же время не предрешить вопрос о доказанности требуемого обвинения. Новой проблемой явилось и поспешное принятие судами решений о возвращении дела прокурору при наличии предпосылок для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления, досконально не проверенных в судебном заседании[15], что приводит к отмене таких решений вышестоящими судебными инстанциями. Кроме того, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ право суда по собственной инициативе возвращать дело прокурору для усиления обвинения втягивает суд в обвинительную деятельность, несовместимую с осуществлением правосудия, и создает угрозу утраты судом (судьей) при последующем рассмотрении дела необходимых для справедливого правосудия качеств объективности и беспристрастности, что, возможно, является дополнительным фактором, сдерживающим судейскую инициативу.

Обозначенные проблемы судебного правоприменения, как представляется, в значительной степени нивелируются, если пойти по пути исправления любых пороков обвинения непосредственно в ходе судебного разбирательства. Такая модель корректировки предъявленного органами уголовного преследования обвинения давно апробирована и успешно применяется во многих зарубежных государствах, например, в ФРГ[16], Австрии[17], Франции[18], Италии[19], Испании[20]. При этом возможность вносить изменения в обвинение считается логичной с учётом функции, которую выполняет судебное разбирательство: оно является местом, где получаются доказательства, в том числе новые и отличающиеся от тех, которые имел в распоряжении прокурор на момент выдвижения обвинения[21]. Так, Верховный суд Нидерландов предоставляет судам первой инстанции большую свободу для творческого подхода к неправильно изложенным обвинениям, чтобы избежать неудовлетворительных решений, что, по мнению Б. Кеулена и Г. Книгге, связано с современными представлениями общества, в котором считается неприемлемым, по крайней мере по наиболее сложным делам, чтобы обвинительный приговор не был вынесен только по причине неудачного обвинения[22].

В Российской Федерации внедрению в уголовный процесс подобного процессуального механизма, как представляется, мешают сложившееся и укоренившееся в доктрине и судебной практике догматическое представление о праве обвиняемого на защиту и сугубо формальный подход к установлению требований по обеспечению этого права, в соответствии с которыми в российском судопроизводстве традиционно ни при каких обстоятельствах не допускается выход за пределы судебного разбирательства, определяемые обвинением, сформулированным органами предварительного расследования, а по делам частного обвинения – частным обвинителем (ст. 252 УПК РФ), и при этом корректировка обвинения, связанная с изменением сущности обвинения или его дополнением и (или) с усилением («утяжелением») квалификации вменяемых деяний, расценивается как недопустимое в судебном разбирательстве ухудшение положения подсудимого, которое может быть осуществлено только в процедурах досудебного производства.

Сравнительно-правовое исследование соответствующих судебных процедур Российской Федерации и зарубежных стран позволяет иначе взглянуть на правоприменительные проблемы, вызванные необходимостью усиления представленного на рассмотрение суда обвинения и обеспечения в этой связи права обвиняемого на защиту, и выработать иные подходы к решению этих вопросов применительно к условиям российского правосудия.

При этом для правильной оценки приемлемости (допустимости) той или иной судебной процедуры для целей изменения в суде предъявленного обвинения имеет смысл обратиться к практике Европейского Суда по правам человека, который активно участвует в выработке международно-правовых стандартов правосудия в области соблюдения прав человека, в том числе права обвиняемого на защиту, и своими решениями способствует их распространению и закреплению в судебной практике государств – участниц Конвенции о защите прав человека и основных свобод[23], к числу которых относится и Российская Федерация.

В целом можно признать, что правовое регулирование вопросов изменения обвинения в стадии судебного разбирательства, влекущее ухудшение положения обвиняемого, в вышеуказанных западноевропейских государствах вполне соответствует позициям Европейского Суда относительно содержания требования обеспечения права обвиняемого на защиту и базируется на выработанных в свете ст. 6 Европейской конвенции правоприменительных стандартов. Общий подход ЕСПЧ к рассмотрению жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство вследствие противоправного ухудшения положения обвиняемых (подсудимых) увязан с соблюдением (обеспечением) права обвиняемого на защиту и сводится к следующим позициям.

Согласно п/п. (a) и (b) п. 3 ст. 6 Европейской конвенции каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения и право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. Следствием этих требований, по мнению ЕСПЧ, является определенная связанность судьи при вынесении решений

---

[14] См.: *Черемисина Т.В.* Когда суды возвращают уголовное дело прокурору для квалификации деяния как более тяжкого // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 54–59.

[15] См.: *Куряхова Т.В.* Установление фактических обстоятельств как условие возвращения судом уголовного дела для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 46–49.

[16] См.: *Барабанов П.К.* Уголовный процесс ФРГ. М., 2014. С. 262–264; *Walter T.* Strafprozessrecht. Ein Lehrbuch für Studenten und angehende Praktiker. Tübingen, 2020. S. 179–182.

[17] См.: *Бутов В.Н.* Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 108, 109; *Birklbauer A.* Strafprozessrecht Eine Einführung für das Grundstudium. Linz. 2018. S. 253–256; *Kirchbacher K.* Einführung in das Strafprozessrecht. Wien, 2018. S. 144–146; *Seiler S.* Strafprozessrecht. Wien, 2020. S. 287–289.

[18] См.: *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Франции. М., 2016. С. 454–456; *Guinchard S., Buisson J.* Procédure pénale. Paris, 2018. P. 1217–1220; *Debove F., Falletti F., Debré J.* Précis – de droit pénal et de procédure pénale. Paris, 2018. P. 102–108; *Vergés E.* Procédure pénale. Paris, 2020. P. 327, 328.

[19] См.: *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Италии. М., 2019. С. 323, 324; *Ragione L.* Manuale di diritto processuale penale. Molfetta, 2018. P. 654–663.

[20] См.: *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Испании. М., 2021. С. 262–264; *Catena V., Domínguez V.* Derecho procesal penal. Valencia, 2019. P. 473, 474; *Ostos J.* Manual de derecho procesal penal. Sevilla, 2020. P. 327, 328.

[21] См.: *Tonini P.* Manuale di procedura penale. Milano, 2017. P. 641–642.

[22] См.: *Keulen B., Knigge G.* Strafprozessrecht. Deventer, 2020. P. 450–453.

[23] См.: СЗ РФ. 1998. № 20, ст. 2143.

первоначальным обвинением, которое задает направление судебного разбирательства и играет важную роль в определении того, что следует ожидать по его итогам[24].

Однако суд не может быть жестко связан с первоначальным обвинением и обладает неотъемлемым правом на изменение квалификации фактов, над которыми имеет надлежащую юрисдикцию и которые рассмотрел надлежащим образом (*постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 25.03.1999 г. по делу «Пелиссье и Сасси против Франции»* [Pelissier and Sassi v. France]*, жалоба № 25444/94; постановление ЕСПЧ от 17.07.2001 г. по делу «Садак и др. против Турции»* [Sadak and others v. Turkey (№ 1)]*, жалоба № 29900/96*). Решающее значение для установления обязательности обвинения для суда и, следовательно, допустимости его изменения в суде (судом) в каждом конкретном случае имеет соблюдение судом вышеуказанных прав обвиняемого.

Во-первых, обвиняемый обязательно должен быть информирован как о причинах обвинения, т.е. действиях, в совершении которых он обвиняется и на которых основано обвинение, так и о правовой оценке этих действий и, соответственно, должен быть заблаговременно (до принятия судом решения) проинформирован обо всех произведенных и возможных изменениях предъявленного обвинения. Во-вторых, обвиняемому (подсудимому) судом должны быть предоставлены возможности организовать и осуществить практическим и эффективным способом защиту от измененного (скорректированного) или подлежащего изменению обвинения, и прежде всего предоставлено необходимое для этого время.

При соблюдении этих условий Европейский Суд допускает как не нарушающие право на справедливое судебное разбирательство в целом и право на защиту в частности такие, например, процессуальные решения, которыми национальные суды:

осуждают подсудимого за совершение преступления при отягчающем обстоятельстве, прямо ему не вменявшемся (*постановление ЕСПЧ от 24.10.1996 г. по делу «Де Сальвадор Торрес против Испании»* [De Salvador Torres v. Spain], *жалоба № 21525/93*);

«переходят» с покушения на оконченный состав преступления (*постановление ЕСПЧ от 26.09.2006 г. по делу «Миро против Франции»* [Miraux v. France], *жалоба № 73529/01*); *решение ЕСПЧ от 05.09.2006 г. по делу «Бекстрём и Андерссон против Швеции»* [Bäckströmand Andersson v. Sweden], *жалоба № 67930/01*);

с подачи стороны обвинения осуждают подсудимых по новому обвинению с переквалификацией их действий на иное преступление, существенно отличающееся от преступления, в котором подсудимые изначально обвинялись (*постановление ЕСПЧ от 17.07.2001 г. по делу «Садак и др. против Турции»* [Sadak and others v. Turkey (№ 1)], *жалоба № 29900/96*).

В контексте рассматриваемых вопросов разумно сопоставить российскую модель исправления в суде «заниженного» обвинения с предусмотренными для этой цели процедурами уголовного судопроизводства стран т.н. ближнего зарубежья (бывших республик СССР), правовые системы которых имеют значительное сходство с правовой системой Российской Федерации и общие с ней истоки.

Принятый в 1996 г. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ[25] рекомендовал постсоветским государствам – участникам Содружества регламентировать вопросы изменения уголовного обвинения в суде в традициях советской доктрины и устоявшейся правоприменительной практики, а именно: установить жесткое (без каких-либо изъятий) и непреложное требование о том, что разбирательство дела в суде производится только в пределах того обвинения, по которому подсудимый предан суду (ст. 360); а для случаев, когда в судебном заседании выявляются основания для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от того, по которому обвиняемый был предан суду, применять по ходатайству обвинителя процедуру направления уголовного дела для производства дополнительного расследования (ст. 362).

Ряд бывших советских республик пошли по указанному пути и закрепили в своем уголовно-процессуальном законодательстве правила судопроизводства, аналогичные рекомендательным нормам Модельного УПК для стран СНГ, сохранив для целей перепредъявления более тяжкого или дополнительного обвинения судебную процедуру направления дела для дополнительного расследования (ст. 285, 287 УПК Таджикистана[26], ст. 360, 361 УПК Туркменистана[27]) или используя для этого, как и Российская Федерация, новую процедуру возвращения судом уголовного дела прокурору (ч. 3 ст. 300 УПК Кыргызстана[28], ст. 318 УПК Азербайджана[29]).

В Грузии процессуальное законодательство, построенное по англосаксонскому образцу, вовсе не предусматривает возможности после предания обвиняемого суду какой-либо корректировки обвинения в сторону, ухудшающую положение обвиняемого[30]. Но в значительной части стран – бывших республик СССР – законодатель предпочел ввести более гибкие и эффективные с позиции достижения истины по делу и обеспечения справедливости правосудия процедуры.

Так, согласно ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь[31] в случае возникновения в ходе судебного следствия

[24] Здесь и далее по тексту решения Европейского Суда и содержащиеся в них позиции приводятся по: *Макбрайд Джереми*. Права человека и уголовный процесс. Практика Европейского Суда по правам человека. М., 2018. С. 332–338, 487–492.

[25] Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. Постановлением № 7–6 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ] (в ред. от 29.11.2013 г.) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ // https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/420

[26] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. № 564 (в ред. от 20.04.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 25.12.2021).

[27] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 г. (в ред. от 22.08.2020 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706 (дата обращения: 25.12.2021).

[28] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. № 129 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=136101 (дата обращения: 25.12.2021).

[29] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907-IQ (в ред. от 23.04.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 25.12.2021).

[30] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 г. № 1772 // Законодательный вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=137 (дата обращения: 25.12.2021).

[31] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З (в ред. от 26.05.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 25.12.2021).

потребности в изменении обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Копию указанного постановления суд вручает обвиняемому, законному представителю и защитнику и предоставляет им время, необходимое для подготовки к защите. При продолжении судебного разбирательства обвинитель объявляет обвиняемому данное постановление и допрашивает его по новому обвинению.

По УПК Украины[32] суд по собственной инициативе может изменить правовую квалификацию правонарушения, если только это улучшает положение уголовно преследуемого лица (ч. 3 ст. 337), но обвинение во время судебного разбирательства может быть изменено прокурором, в том числе в сторону его усиления или дополнения новыми обстоятельствами, т.е. в части как правовой квалификации, так и объема обвинения (ст. 338). В этом случае прокурор формулирует измененное обвинение и составляет новый обвинительный акт, который приобщается к делу и в копиях предоставляется участникам судебного процесса, выступающим на стороне защиты. Далее суд разъясняет, что судебное заседание продолжается по новому обвинению и откладывает разбирательство на определенный срок для подготовки обвиняемого и его защитника к защите против нового обвинения. Аналогичным образом порядок предъявления подсудимому в ходе судебного разбирательства более тяжкого обвинения или отличающегося от первоначального, регламентирован ч. 5 ст. 340 и ч. 2 ст. 341 УПК Казахстана[33].

Схожая процедура устранения судом недостатков обвинения (неполноты дознания или предварительного следствия), когда выявлены основания для изменения обвинения подсудимому на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения, но уже допускающая инициативу суда в этом вопросе, предусмотрена ст. 415–417 УПК Узбекистана[34].

Изменение обвинения непосредственно в судебном разбирательстве допускает и законодательство Республики Армения. В соответствии с частями 3, 4 ст. 309 УПК Армении[35] обвинитель может изменить обвинение до удаления суда в совещательную комнату, в том числе в плане ужесточения, если исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства неоспоримо свидетельствуют о том, что подсудимый совершил иное преступление, чем то, которое ему инкриминируется. В этом случае всем участникам судебного разбирательства (подсудимому и защитнику независимо от их ходатайства) предоставляется время для ознакомления с новым обвинением. Если же обвинитель посчитает, что обвинение подлежит дополнению или изменению в плане ужесточения или смягчения, поскольку выявлены такие обстоятельства, которые не были известны в досудебном производстве, и при этом фактические обстоятельства дела не предоставляют возможности для дополнения или изменения обвинения без отложения судебного разбирательства, он заявляет суду ходатайство об отложении судебного разбирательства для дополнения или изменения наличного обвинения и предъявления нового обвинения (ч. 1 ст. 309). При таком повороте событий суд откладывает судебное заседание на необходимый срок, в течение которого обвинитель производит необходимые процессуальные действия, составляет постановление о дополнении или изменении предъявленного обвинения или предъявлении нового обвинения, которое вместе с приобретенными материалами представляет суду (ч. 2 ст. 309).

УПК Молдовы[36] предусматривает более сложную (дифференцированную) модель изменения и дополнения в суде предъявленного обвинения, влекущих ухудшение положения обвиняемого. Часть 1 ст. 326 УПК Молдовы гласит, что прокурор, участвующий в рассмотрении уголовного дела в первой инстанции или апелляционной инстанции, вправе изменить своим постановлением предъявленное в ходе уголовного преследования обвинение на более тяжкое, если исследованные в судебном заседании доказательства неопровержимо свидетельствуют о том, что подсудимый совершил более тяжкое преступление, чем то, которое вменялось ему в вину ранее. В рамках этой процедуры прокурор доводит до сведения подсудимого и защитника новое обвинение, а суд по их просьбе предоставляет им дополнительное время для подготовки защиты по вновь предъявленному обвинению, после чего судебное разбирательство продолжается. Если же в ходе судебного разбирательства выясняется, что подсудимым совершено другое преступление или возникли новые обстоятельства, которые влияют на юридическую квалификацию предъявленного ему обвинения, либо что вменяемое ему преступление совершено в соучастии с другим лицом, выведенным из-под уголовного преследования, судебная инстанция по просьбе прокурора откладывает рассмотрение дела на срок до одного месяца, возвращая дело прокурору для осуществления уголовного преследования по данному преступлению или для возобновления уголовного преследования, составления нового обвинения и предъявления его подсудимому при участии защитника (ч. 2 ст. 326). После этого новые материалы, полученные в ходе уголовного преследования, доводятся до сведения подсудимого, его защитника и других заинтересованных участников, а затем дело представляется в соответствующую судебную инстанцию для продолжения судебного разбирательства.

На основании сравнительно-правового анализа состояния в зарубежных государствах правового регулирования процедур по изменению в ходе судебного разбирательства обвинения, с которым дело поступило в суд, можно сформулировать вывод об отсутствии правовых препятствий, в том числе с точки зрения соблюдения прав человека, для изменения (преобразования, корректировки) предъявленного органом уголовного преследования обвинения в соответствии с установленными в судебном разбирательстве

[32] См.: Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI (в ред. от 17.11.2021 г.). // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52250 (дата обращения: 25.12.2021).

[33] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V (в ред. от 04.09.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69097 (дата обращения: 25.12.2021).

[34] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII (в ред. от 07.12.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=889 (дата обращения: 25.12.2021).

[35] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 г. № ЗР-248 (в ред. от 20.08.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 25.12.2021).

[36] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV (в ред. от 11.11.2021 г.) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833 (дата обращения: 25.12.2021).

фактическими обстоятельствами в сторону, ухудшающую положение обвиняемого, непосредственно в суде без обращения уголовного дела на доследование или возвращения его в досудебное производство иным способом.

Исходя из обобщенного опыта зарубежных стран и с учетом особенностей российского уголовного судопроизводства, полагаем, что алгоритм изменения в суде обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам схематично (в общем виде) может быть представлен следующим образом: заявление государственного обвинителя о замене обвинения на более тяжкое и представление суду в письменном виде формулировки нового обвинения → предъявление обвиняемому измененного обвинения и разъяснение его сущности → объявление перерыва в судебном заседании и предоставление стороне защиты времени, необходимого для подготовки к защите от нового обвинения → продолжение судебного разбирательства в пределах обновленного обвинения.

Непременными условиями соответствия предлагаемой модели принципам российского судопроизводства и международным стандартам справедливого правосудия должны быть: 1) инициирование изменения обвинения на более тяжкое исключительно стороной обвинения – государственным обвинителем (прокурором); 2) наличие в судебной процедуре достаточных гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения.

Очевидные преимущества модели изменения прокурором обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам непосредственно в ходе судебного производства заключаются в следующем: 1) уголовное дело остается под контролем суда и исключается его разрешение несудебными органами; 2) не нарушается и не ограничивается право на доступ к правосудию; 3) существенно сокращаются сроки производства по делу, движение дела сохраняет поступательный характер; 4) обеспечивается процессуальная экономия: отпадает необходимость в производстве дополнительных процессуальных действий и повторного рассмотрения уголовного дела судом после исправления обвинения органом предварительного расследования; 5) реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению; 6) повышается объективность позиции прокурора в деле, не обремененной служебным интересом избежать возвращения дела из суда, негативно отражающегося на оценке его надзорной деятельности; 7) органам уголовного преследования ограничиваются возможности для злоупотреблений при формулировании обвинения; 8) суд не втягивается в осуществление обвинительной функции; 9) обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

* * *

Проведенное исследование позволяет заключить, что устранение недостатков вмененного обвинения путем внедрения в судебное разбирательство процедуры изменения обвинения прокурором на более тяжкое (под контролем суда) представляется эффективной альтернативой применения с указанной целью несовершенной процедуры возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и последующего направления уголовного дела прокурором на дополнительное расследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балакшин В.С.* Возвращение судом прокурору уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения или для производства дополнительного расследования // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 81–88.
2. *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Испании. М., 2021. С. 262–264.
3. *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Италии. М., 2019. С. 323, 324.
4. *Барабанов П.К.* Уголовный процесс Франции. М., 2016. С. 454–456.
5. *Барабанов П.К.* Уголовный процесс ФРГ. М., 2014. С. 262–264.
6. *Бурмагин С.В.* Исправление в суде недостатков утвержденного прокурором обвинения: пути решения проблемы: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее» (Кутафинские чтения). М., 2015. Кн. 2. С. 257, 258.
7. *Бутов В.Н.* Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 108, 109.
8. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России. М., 2008. С. 155–171.
9. *Григорян В.Л.* Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора // Государство и право. 2019. № 8. С. 53–61.
10. *Долгих Т.Н.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как фактор возрождения и развития института возвращения уголовных дел прокурору, в том числе и для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 97–101.
11. *Заева О.П.* Актуальные проблемы возвращения уголовных дел на дополнительное расследование // Общество и право. 2017. № 3. С. 121–124.
12. *Куряхова Т.В.* Установление фактических обстоятельств как условие возвращения судом уголовного дела для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 46–49.
13. *Лисафьева О.Б.* Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 8.
14. *Лупин И.А.* Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7–11.
15. *Макбрайд Джереми.* Права человека и уголовный процесс. Практика Европейского Суда по правам человека. М., 2018. С. 332–338, 487–492.
16. *Машовец А.О.* Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2017. № 2. С. 96.
17. *Муравьев К.В., Булатов Б.Б.* Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2018. № 4. С. 106.
18. *Прошляков А.Д., Машовец А.О.* Механизм изменения обвинения в суде – продолжение дискуссии // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 142, 143.
19. *Рябинина Т.К.* Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти. М., 2021. С. 136–140, 166–167.
20. *Рябинина Т.К.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и до-

ступ к правосудию // Всеросс. криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 512–526.

21. *Свиридов М.К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2015. № 2. С. 105.
22. *Тришева А.А.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25.
23. *Черемисина Т.В.* Когда суды возвращают уголовное дело прокурору для квалификации деяния как более тяжкого // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 54–59.
24. *Шишков А.А.* Реализация в уголовно-процессуальном законе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о возвращении судом уголовного дела прокурору // Вопросы росс. и междунар. права. 2019. Т. 9. № 7А. С. 284, 285.
25. *Birklbauer A.* Strafprozessrecht Eine Einführung für das Grundstudium. Linz. 2018. S. 253–256.
26. *Catena V., Domínguez V.* Derecho procesal penal. Valencia, 2019. P. 473, 474.
27. *Debove F., Falletti F., Debré J.* Précis – de droit pénal et de procédure pénale. Paris, 2018. P. 102–108.
28. *Guinchard S., Buisson J.* Procédure pénale. Paris, 2018. P. 1217–1220.
29. *Keulen B., Knigge G.* Strafprozessrecht. Deventer, 2020. P. 450–453.
30. *Kirchbacher K.* Einführung in das Strafprozessrecht. Wien, 2018. S. 144–146.
31. *Ostos J.* Manual de derecho procesal penal. Sevilla, 2020. P. 327, 328.
32. *Ragione L.* Manuale di diritto processuale penale. Molfetta, 2018. P. 654–663.
33. *Seiler S.* Strafprozessrecht. Wien, 2020. S. 287–289.
34. *Tonini P.* Manuale di procedura penale. Milano, 2017. P. 641–642.
35. *Vergés E.* Procédure pénale. Paris, 2020. P. 327, 328.
36. *Walter T.* Strafprozessrecht. Ein Lehrbuch für Studenten und angehende Praktiker. Tübingen, 2020. S. 179–182.

REFERENCES

1. *Balakshin V.S.* Return of the criminal case by the court to the prosecutor to eliminate obstacles to its consideration or to conduct an additional investigation // Herald of the Udmurt University. 2018. Vol. 28. Issue 1. P. 81–88 (in Russ.).
2. *Barabanov P.K.* The Criminal Process of Spain. M., 2021. P. 262–264 (in Russ.).
3. *Barabanov P.K.* The Criminal Process of Italy. M., 2019. P. 323, 324 (in Russ.).
4. *Barabanov P.K.* The Criminal Process of France. M., 2016. P. 454–456 (in Russ.).
5. *Barabanov P.K.* Criminal Process of Germany. M., 2014. P. 262–264 (in Russ.).
6. *Burmagin S.V.* Correction in court of the shortcomings of the prosecution approved by the prosecutor: ways to solve the problem: materials of the VII International Scientific and Practical Conference "Judicial reform in Russia: past, present, future" (Kutafin readings). M., 2015. Book 2. P. 257, 258 (in Russ.).
7. *Butov V.N.* The Criminal Process of Austria. Krasnoyarsk, 1988. P. 108, 109 (in Russ.).
8. *Gavrilov B. Ya.* Modern criminal policy of Russia. M., 2008. P. 155–171 (in Russ.).
9. *Grigoryan V.L.* The court's return of the criminal case to the prosecutor to change the charge as a necessary attribute of the legal, reasonable and fair sentence // State and Law. 2019. No. 8. P. 53–61 (in Russ.).
10. *Dolgikh T.N.* The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation as a factor in the revival and development of the institution of returning criminal cases to the prosecutor, including for the prosecution of a more serious crime // Judicial power and criminal procedure. 2016. No. 3. P. 97–101 (in Russ.).
11. *Zaeva O.P.* Actual problems of returning criminal cases for additional investigation // Society and law. 2017. No. 3. P. 121–124 (in Russ.).
12. *Kuryakhova T.V.* Establishing factual circumstances as a condition for the court to return a criminal case to strengthen the prosecution // Legislation and practice. 2019. No. 2. P. 46–49 (in Russ.).
13. *Lisafyeva O.B.* Return of the criminal case to the prosecutor in the criminal justice system of Russia: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2010. P. 8 (in Russ.).
14. *Lupin I.A.* Return of criminal cases for additional investigation in the Criminal Process of Russia: abstract ... PhD in Law. M., 2008. P. 7–11 (in Russ.).
15. *McBride Jeremy.* Human rights and criminal procedure. The practice of the European Court of Human Rights. M., 2018. P. 332–338, 487–492 (in Russ.).
16. *Mashovets A.O.* Change of the charge, full or partial rejection of it by the public prosecutor during the trial // Herald of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 96 (in Russ.).
17. *Muravyev K.V., Bulatov B.B.* Changing the prosecution in court: further adjustment of the mechanism of the relationship between the state prosecution and the court is required // Herald of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 106 (in Russ.).
18. *Proshlyakov A.D., Mashovets A.O.* The mechanism of changing charges in court – continuation of the discussion // Herald of the Udmurt University. 2018. Vol. 28. Issue 1. P. 142, 143 (in Russ.).
19. *Ryabinina T.K.* The activity of the court for the appointment and preparation of a criminal case for a court session in the mechanism of the implementation of judicial power. M., 2021. P. 136–140, 166–167 (in Russ.).
20. *Ryabinina T.K.* Institute of the return of a criminal case to the prosecutor in the system of criminal procedural means ensuring the victim's right to protection from crimes and access to justice // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 3. P. 512–526 (in Russ.).
21. *Sviridov M.K.* Elimination by the court of investigative errors in judicial proceedings // Herald of the Tomsk State University. Law. 2015. No. 2. P. 105 (in Russ.).
22. *Trisheva A.A.* The court's return of the criminal case to the prosecutor: genesis, current state, ways of improvement: abstract ... PhD in Law. M., 2010. P. 25 (in Russ.).
23. *Cheremisina T.V.* When the courts return a criminal case to the prosecutor to qualify the act as more serious // Criminal process. 2018. No. 8. P. 54–59 (in Russ.).
24. *Shishkov A.A.* Implementation in the criminal Procedure Law of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the court's return of a criminal case to the prosecutor // Questions Russian and International law. 2019. Vol. 9. No. 7A. P. 284, 285 (in Russ.).
25. *Birklbauer A.* Strafprozessrecht Eine Einführung für das Grundstudium. Linz. 2018. S. 253–256.
26. *Catena V., Domínguez V.* Derecho procesal penal. Valencia, 2019. P. 473, 474.
27. *Debove F., Falletti F., Debré J.* Précis – de droit pénal et de procédure pénale. Paris, 2018. P. 102–108.

28. *Guinchard S., Buisson J.* Procédure pénale. Paris, 2018. P. 1217–1220.

29. *Keulen B., Knigge G.* Strafprozessrecht. Deventer, 2020. P. 450–453.

30. *Kirchbacher K.* Einführung in das Strafprozessrecht. Wien, 2018. S. 144–146.

31. *Ostos J.* Manual de derecho procesal penal. Sevilla, 2020. P. 327, 328.

32. *Ragione L.* Manuale di diritto processuale penale. Molfetta, 2018. P. 654–663.

33. *Seiler S.* Strafprozessrecht. Wien, 2020. S. 287–289.

34. *Tonini P.* Manuale di procedura penale. Milano, 2017. P. 641–642.

35. *Vergés E.* Procédure pénale. Paris, 2020. P. 327, 328.

36. *Walter T.* Strafprozessrecht. Ein Lehrbuch für Studenten und angehende Praktiker. Tübingen, 2020. S. 179–182.

Сведения об авторах

БУРМАГИН Сергей Викторович –
кандидат юридических наук, доцент, заместитель председателя Архангельского областного суда в почетной отставке, ведущий научный сотрудник кафедры процессуального права и криминалистики Института права Волгоградского государственного университета; 400062 г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100

БАРАБАНОВ Павел Кельсеевич –
кандидат юридических наук, заместитель председателя Северодвинского городского суда Архангельской области в почетной отставке; 164522 Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Ломоносова, д. 107а

Authors' information

BURMAGIN Sergey V. –
PhD in Law, associate Professor, Deputy Chairman of the Arkhangelsk Regional Court in Honorable Resignation, leading researcher at the Institute of Law of the Volgograd State University; 100 ave. Universitetsky, 400062 Volgograd, Russia

BARABANOV Pavel K. –
PhD in Law, Deputy Chairman of the Severodvinsk City Court of the Arkhangelsk Region in Honorable Retirement; 107a Lomonosov str., 164522 Severodvinsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 54–58
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 54–58

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А.Н. Савенков. НЮРНБЕРГ: ПРИГОВОР ВО ИМЯ МИРА

© 2022 г. В. Н. Плигин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: theory-of-law@igpran.ru

Поступила в редакцию 07.11.2022 г.

Аннотация. В рецензии на монографию А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» отмечается ее уникальность, обращается внимание на то, что по прошествии 75 лет впервые подробно проанализировано не только непреходящее значение Приговора Нюрнбергского трибунала, но и показаны правовая основа, концепции и институциональные аспекты Трибунала. Рецензируемая работа базируется на богатом историческом материале, впервые в российском сегменте правовой науки широко представлен анализ зарубежных и отечественных источников, а также официальный текст Приговора Международного военного трибунала.

Ключевые слова: Международный военный трибунал, Устав Нюрнбергского трибунала, Приговор, преступления против человечности, международное уголовное правосудие.

Цитирование: *Плигин В.Н.* А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира // Государство и право. 2022. № 12. С. 54–58.

DOI: 10.31857/S102694520023300-1

A.N. Savenkov. NUREMBERG: A VERDICT FOR NAME OF PEACE

© 2022 V. N. Pligin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: theory-of-law@igpran.ru

Received 07.11.2022

Abstract. The review of A.N. Savenkov's monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace" notes its uniqueness, draws attention to the fact that after 75 years, not only the enduring significance of the Verdict of the Nuremberg Tribunal has been analyzed in detail for the first time, but also the legal basis, concepts and institutional aspects of the Tribunal are shown. The reviewed work is based on a rich historical material, for the first time in the Russian segment of legal science, an analysis of foreign and domestic sources, as well as the official text of the Verdict of the International Military Tribunal, is widely presented.

Key words: International Military Tribunal, Charter of the Nuremberg Tribunal, Verdict, crimes against humanity, international criminal justice.

For citation: *Pligin, V.N. (2022).* A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 54–58.

В фундаментальной монографии «Оправдание добра. Нравственная философия», вышедшей накануне жесточайшего XX века, известный русский философ Вл. Соловьев на основе обобщения богатейшего материала, касающегося вопросов нравственности, пришел к выводу об исчерпаемости войны как части истории человечества, её (войны) естественном преодолении за счет распространения общечеловеческих ценностей, в его случае базирующихся на основе христианской гуманитарной парадигмы. «Уже сложившийся исторический прогресс сделал войну между европейскими народами *почти* невозможной»[1].

Простое, по-своему незаметное слово «почти» сыграло огромную разрушительную роль, повергнув Европу в две

[1] *Соловьев Вл.* Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897. С. 545.

неимоверно жестокие войны, вторая из которых принесла примеры абсолютного обесчеловечивания, на фоне которых меркнут круги ада, описанные Ал. Данте в «Божественной комедии».

Предотвратить грядущую трагедию можно будет только тогда, когда мы не допустим того, чтобы память стерла прошлую. «Создатели» нового ада должны понимать, что кара их настигнет, а лицемерные спасители не найдут поддержки человечества.

Все это возможно лишь в том случае, если в актуальной практике прочно сохранится память и уважение к тому, что уже было достигнуто объединенными народами по наказанию инициаторов Второй мировой войны.

Монография члена-корр. РАН А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»[2] является уникальной по своей научной правовой наполненности работой, в которой по прошествии 75 лет впервые столь подробно проанализировано не только непреходящее значение Приговора Нюрнбергского трибунала, но и показаны правовая основа, концепции и институциональные аспекты Трибунала.

Работа базируется на богатом историческом материале, впервые в российском сегменте правовой науки столь широко представлен анализ зарубежных и отечественных источников. В монографии также впервые в нашей стране представлен официальный текст Приговора Международного военного трибунала.

Важно отметить, что автор предметно анализирует именно правовое значение состоявшегося решения, которое стало «универсальным законом для всей планеты» (с. 8). Именно правовое направление исследования делает его столь существенным на фоне многочисленных исторических работ, в которых получила отражение собственно фактическая сторона подготовки и хода процесса.

А.Н. Савенков последовательно исследует и подчеркивает легитимность Приговора, которая делает его источником права, позволяет ставить и решать вопрос об уголовном преследовании за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ).

Соглашусь с автором в том, что принципиальное «отличие советского и западного подходов к освещению материалов Нюрнбергского процесса заключалось в том, что в советской литературе акцент делался на полноту и документальность воспроизведения сведений о процессе, а в западной литературе сложился так называемый исследовательский подход к анализу основных идей и принципов, нашедших отражение в материалах процесса. Настоящая работа направлена на восполнение существующего пробела в изучении генезиса и эволюции современного международного уголовного права, в особенности в направлении разработки концепции уголовно-правового запрета агрессивной войны. Речь прежде всего идет о надлежащей реконструкции философско-правовых и теоретико-правовых взглядов, положенных в основу Устава, организации процесса и Приговора Международного военного трибунала» (с. 17).

Одна из основных задач отечественной правовой науки состоит в том, чтобы создать условия для противодействия не только фальсификации собственно истории, но и направлениям обозначения правовых границ как исключительно размытых, допускающих нарушение принципов равенства, а значит, и равной правовой защиты и оценки представителей разных рас и национальностей, а также снижающих критерии определения агрессивных войн.

В условиях существенной деградации влияния международного права, в том числе международного уголовного права, когда его основополагающие начала цинично нарушаются в практике ведущих стран мира, детальное изучение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала, получивших отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 октября 1946 г. № 95(1), возвращает к необходимости внедрения охраняемых ими ценностей в ментальный ряд современной политики, что и делает рецензируемое исследование. Только такой подход не позволит забыть требование, установленное принципом VI Резолюции о том, что «преступления, указанные ниже, наказуются как международно-правовые преступления:

a) Преступления против мира:

i) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений;

ii) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в подпункте “i”.

b) Военные преступления:

Нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление государственного или частного имущества, бессмысленное разрушение городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью.

c) Преступления против человечности:

Убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми».

В рамках концепций прав человека особое место отводится праву на жизнь, которое закрепляется в конституциях большинства стран мира. Однако, как последовательно отстаивает эту идею А.Н. Савенков, именно уроки Нюрнберга «призывают к бдительности, предостерегают от всех и всяческих форм реставрации фашистской идеологии, воскрешения идеи расизма и милитаризма, осужденных народами. <...> Все это имеет большое значение для зарождения нового политического образа мышления, основанного на концепции ненасильственного мира. Мир представляет собой важнейшую гарантию основного права человека – права на жизнь» (с. 23).

К сожалению, международная уголовная практика не способствует предотвращению масштабных трагедий в современной истории, например, таких как сербская трагедия, гибель сотен тысяч людей в Ираке, разрушение ливийского социума и др.

Понимая объемность задач исследования, автор сумел выстроить систему изложения, которая максимально точно отражает возможность, с одной стороны, полноты представления знания, а с другой – его доступность для широкой

[2] См.: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. – 760 с.

аудитории, что представляется исключительно важным при разговоре, построенном через «историческое» о будущем.

Анализ включает в себя: исторические предпосылки Нюрнберга; историю событий первой половины XX в., наглядно свидетельствующую о том, что процесс непрерывного перекраивания территорий ради достижения своих интересов, сталкивания других государств в целях их ослабления, втягивания своих народов в войны ради личной наживы и т.д. не мог не привести к новым, еще более острым и опасным конфликтам; и «Нюрнберг – это юридический процесс, который имеет разные оттенки и значения: общеисторическое, общественно-политическое, культурное, цивилизационное, гуманистическое и т.д. Вместе с тем природа и характер юридических аспектов деятельности и решения Нюрнбергского трибунала остаются малоизученными. Важной представляется разработка таких аспектов, как состояние научной юридической мысли о принципах и самой возможности проведения процесса такого масштаба, о процедурах осуществления правосудия, применимых в международном уголовном правосудии, о кадровой составляющей судейского корпуса, обвинения и защиты» (с. 27).

Вычленение именно «юридического», как показывает практика социального развития, представляет особый интерес, так как в отличие от собственно «исторического» или «политического» «юридическое» чаще может быть объективизировано, наполнено проверяемым содержанием, нести в себе важный запас будущего регулирования, выполнять предостерегающую роль.

«Юридическое», оставаясь зависимым от «политического», по своей природе «стремится» к поискам справедливого, нравственного, допускает возможность возвращения к прошедшему, состоявшемуся в том числе в значительном временном периоде. Его («юридического») ценность исключительно важна. Монография А.Н. Савенкова восполняет аспект малоизученности природы и юридических аспектов Нюрнбергского процесса, что получило отражение в гл. 2 работы «Правовая основа, концепции и институциональные аспекты Нюрнбергского трибунала».

В условиях стремления к «отмене» «русского» и «российского» несомненный интерес представляет возвращение к роли российской и советской юридической мысли в формировании идеи международного уголовного суда. Автор справедливо обращается к работе графа Л.А. Камаровского «О международном суде» (1881 г.), которая во многом опередила имевшиеся рассуждения на эту тему и, несомненно, стала этапной вехой в зарождении доктрины международного уголовного правосудия (с. 163).

К сожалению, в последнее время недостаточно уделяется внимание изучению работ А. Трайнина, исследования которого во многом предопределили базовые юридические подходы, демонстрировавшиеся во время работы Трибунала, в частности, применительно к разработке понимания агрессии: «Агрессия – деликт глубоко своеобразный. Поэтому рациональная борьба с агрессией должна строиться не на механическом перенесении в эту борьбу традиций и методов уголовного правосудия (такой путь только осложнил бы задачу), а напротив, на учет глубочайшей специфики нового и сложного международного деликта – агрессии»[3] (с. 173).

«Всеобщее признание советская правовая доктрина получила в самом процессе Международного военного трибунала. Р. Джексон в своем вступительном слове 21 ноября 1945 года в Нюрнберге напомнил об исторической важности судебного процесса над нацистскими преступниками и подробно перечислил обстоятельства, остановившись на значимых, по его мнению, правовых институтах: “Основное положение хартии состоит в том, что планирование, подготовка, инициирование или ведение агрессивной войны или военного нарушения международных договоров, соглашений и заверений, а также сговор или участие в общем плане для этого являются преступлением. Возможно, слабость этого Устава заключается в том, что он не дает определения агрессивной войны”. И тут же дает ответ: “Этот вопрос не представляет собой ничего нового. Одним из наиболее авторитетных источников международного права по этому вопросу является Конвенция об определении агрессии, подписанная в Лондоне 4 июля 1933 года Советским Союзом, Румынией, Чехословакией, Турцией, Югославией”» (с. 173, 174).

Существенную роль в понимании криминализации деяний фашизма сыграли работы М.А. Аржанова, В.Д. Меньшагина, А.А. Герцензона, З.А. Вышинской, которым А.Н. Савенков отдает должное и возвращает в научный оборот. Полагаю, указанные работы, несомненно, должны вновь войти в курс преподавания.

Заметный интерес вызывает изучение автором исследования выработки представлений об ответственности физического лица за военные преступления. В частности, достаточно новым является отражение позиций румынского юриста Веспасиана Пелла (Vespasian V. Pella), который активно продвигал идею международного уголовного преследования глав государств, признанных виновными в преступлениях против человечности, путем учреждения для этой цели специального международного трибунала. «В 1938 году он занимал пост председателя Комитета по правовым вопросам Лиги Наций. В феврале 1920 года на конференции в Париже В.В. Пелла заявил, что окончательное установление мира не может быть достигнуто до тех пор, пока не станет реальностью идея санкций в международном праве. До событий, которые способствовали развязыванию [Первой мировой] войны, идея уголовных санкций, применимых к государствам, которые якобы совершили международные преступления, могла показаться утопической. Подобные предложения рассматривались скорее как часть идеологии, а не правовые институты, не имевшие ничего общего со сложившимся менталитетом, которым были проникнуты государственные деятели в отношении прав и обязанностей наций» (с. 192).

А.Н. Савенков отмечает, что Пелла «совершил настоящую революцию в международном праве путем допущения индивидуальной уголовной ответственности как основы международной правосубъектности личности».

Новым для российской науки стал и глубокий анализ позиций Ганса Кельзена, в частности, теоретик позитивизма, «раскрывая понятие государственного акта согласно международному праву в “Коллективной и индивидуальной ответственности за акты государства в международном праве”, изложил свои мысли о различии между доктриной respondeat superior и доктриной актов государства, когда они используются в качестве защиты при преследовании военных преступлений». Кельзен утверждает, что «акты государства – это акты отдельных лиц, совершаемые ими в качестве органов государства, особенно тем органом, который называется правительством государства. Эти действия совершаются лицами, принадлежащими

[3] *Трайнин А.* Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937. С. 120.

к правительству...». Кельзен полагал, что «международный договор должен не только определять правонарушение, но и наказание, или должен уполномочивать международный суд назначать наказание» (с. 201, 202).

Автор монографии обращает внимание на то, что, по мнению Кельзена, «международный договор, разрешающий суду наказывать лиц за действия, которые они совершили как действия государства, представляет собой нормы международного уголовного права, имеющие обратную силу, поскольку действия в момент их совершения не являлись преступлениями, за которые несут ответственность отдельные исполнители. В обычном международном праве нет нормы, запрещающей принятие норм, имеющих обратную силу, так называемых законов ex post facto.

Эта доктрина также не исключает международного договора, разрешающего суду наказать лиц, морально ответственных за Вторую мировую войну» (там же).

Таким образом, формирование юридической основы при подготовке международного уголовного процесса при всей, как казалось на первый взгляд, очевидности было предметом глубинного изучения и представления позиции, которая была бы сориентирована на вынесение приговора, отвечающего требованиям справедливости, который создавал бы прочную основу для дальнейшего использования в качестве основания для предотвращения новых актов агрессивной войны.

В современной практике важно также учитывать и то, как отмечает А.Н. Савенков, что, находясь в сложнейших условиях, СССР в ноябре 1942 г. сформировал Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Это создало условия для получения системной доказательной базы, которая была использована в ходе Трибунала.

Анализируя в гл. 4 «Трибунал» Устав Международного военного трибунала, автор наглядно показал, что при проявлении доброй воли странам-победительницам удалось найти компромисс в достаточно сложных условиях, когда имевшиеся противоречия касались не только политических различий, но и взаимодействия в рамках принципиально отличных правовых систем – континентальной и англосаксонской.

Правовые системы, действительно, как правильно указывает автор, демонстрируют различия в своих процедурных методах в большей степени, чем в принципах права, которым они служат.

«Представители юридической профессии приобретают довольно эмоциональную привязанность к формам и обычаям, к которым они привыкли, и часто питают страстное убеждение, что никакая незнакомая процедура не может быть морально правильной. Часто считалось, что из-за этих глубоко укоренившихся процедурных различий использование судебного процесса сообществом нации и между ними по своей сути ограничено» (с. 297). Несомненно, что сформировавшиеся привычки представителей каждой из стран-победительниц наложили отпечаток на представление доказательной базы, характер допросов, установление доказанности вины подсудимых и др. Последнее выразилось в том, что Шахт, Папен и Фриче были необоснованно оправданы.

Вместе с тем принципы «Устава, равно как и его широкое признание, определяют его значение как шага в развитии правового общества наций. Устав является своего рода вехой как в качестве материального кодекса, определяющего преступления против международного сообщества, так и в качестве инструмента, устанавливающего процедуру судебного преследования и судебного разбирательства таких преступлений в Международном суде. Он выводит понятие преступления против общества наций далеко за пределы его прежнего состояния и достигает такого уровня, который, вероятно, не будет преодолен ни путем принципиального пересмотра, ни путем повторного утверждения в обозримом будущем» (там же).

Представленный вывод А.Н. Савенкова, осторожный в своей основе, ориентирует на предметную работу по продвижению гуманистических принципов недопущения новых актов агрессии.

* * *

Ассоциация юристов России ежегодно принимает активное участие в мероприятиях, посвященных исторической памяти о борьбе с фашизмом.

В Музее Победы на Поклонной горе 20–21 ноября 2020 г. прошел Международный научно-практический форум «Уроки Нюрнберга», в число спикеров которого вошли представители руководства Ассоциации юристов России. Форум, приуроченный к 75-летию начала Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, стал крупнейшим съездом представителей профессиональных сообществ и общественных организаций.

23 апреля 2021 г. в Университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА) был проведен «круглый стол» «Уроки Великой Отечественной войны: сохранение исторической памяти и неотвратимость наказания за преступления против мира». Организаторами мероприятия выступили Ассоциация юристов России и Ассоциация юридического образования. В рамках «круглого стола» прошло открытие выставки «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны».

В сентябре 2021 г. в Хабаровске состоялся Международный научно-практический форум «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», в ходе которого Ассоциация юристов России совместно с Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом РФ организовала правовую площадку с «круглым столом» «Уроки и наследие Хабаровского процесса: современный взгляд практиков», сессиями «Философско-правовые аспекты Хабаровского процесса» и «Международно-правовое значение Хабаровского процесса».

8 ноября 2021 г. в Университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла Всероссийская конференция с международным участием «Нюрнбергский процесс: преступления и правосудие».

В рамках форума «Армия-2022» состоялся первый Международный антифашистский конгресс, целью которого стало противодействие фальсификации истории и распространению нацистской идеологии.

С целью сохранения исторической правды о Второй мировой войне в Ассоциации юристов России создана Комиссия по юридическому наследию Второй мировой войны,

международному гуманитарному праву, военным преступлениям и преступлениям против человечности.

* * *

Во исполнение положений Конституции РФ об обеспечении защиты исторической правды, учитывая общественно-политическое и правовое значение Нюрнбергского процесса, Институт государства и права Российской академии наук совместно с Ассоциацией юристов России подготовил специализированный учебный курс «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции» для высших учебных заведений. Необходимость изучения материалов учебного курса, особенно при подготовке специалистов в области права, обусловлена юридическим и историко-политическим значением Нюрнбергского процесса для современного человечества и противодействия фальсификации истории, подтверждена апробацией на международных и всероссийских форумах, получила поддержку федеральных государственных органов.

Учебный курс «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции» включен в качестве дисциплины (модуля) в программу бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция».

В представленной работе самым широким образом используются научные труды члена-корр. РАН А.Н. Савенкова, которые стали уникальным исследовательским проектом, заслуживающим самой высокой оценки в качестве научного достижения, подчеркивающим непреходящее значение права для развития человечества, предостерегающим от разрушения достижений правовой мысли и юридической практики, что приведет не только к общей деградации общественных институтов, но и повторению величайших трагедий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 8, 17, 23, 27, 163, 173, 174, 192, 201, 202, 297.
2. *Соловьев Вл.* Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897. С. 545.
3. *Трайнин А.* Защита мира и уголовный закон / под ред. и с предисл. А.Я. Вышинского. М., 1937. С. 120.

REFERENCES

1. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021. P. 8, 17, 23, 27, 163, 173, 174, 192, 201, 202, 297 (in Russ.).
2. *Solovyov Vl.* Justification of good. Moral Philosophy. St. Petersburg, 1897. P. 545 (in Russ.).
3. *Traynin A.* Protection of peace and criminal law / ed. and with a preface by A. Ya. Vyshinsky. M., 1937. P. 120 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПЛИГИН Владимир Николаевич – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; сопредседатель Ассоциации юристов России

Authors' information

PLIGIN Vladimir N. – Doctor of Law, Honored Jurist of the Russian Federation, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Co-Chairman of the Association of Lawyers of Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 59–67
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 59–67

ПРАВО В ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ: ОБСУЖДЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

(Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право»)

© 2022 г. С. О. Гаврилов[1, *], И. Н. Глебов[2, **], С. Г. Чукин[3, *], И. В. Холиков[4, ****], П. Ю. Наумов[5, *****]**

[1]Кемеровский государственный университет
[2]Администрация Президента Российской Федерации, г. Москва
[3]Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
[4]Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
[5]Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: gavrosh66@mail.ru*
***E-mail: ivglebov@mail.ru*
****E-mail: chukin_sergei@hotmail.com*
*****E-mail: iv_kholik@mail.ru*
******E-mail: petr.naumov.777@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.10.2022 г.

Аннотация. 2022 год ознаменовался выходом в свет ряда интереснейших концептуальных научных изданий в хорошо известных издательствах страны, исследовательских учреждениях и ведущих вузах. Одним из таких научных трудов является появившийся под эгидой Института государства и права Российской академии наук том III монографии «Военное право» под общей редакцией директора Института государства и права РАН, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора А.Н. Савенкова и доктора юридических наук, профессора А.В. Кудашкина (I и II тома изданы в 2021 г.). Обсуждаемая монография врывается в сознание читателя широкой палитрой рассматриваемых вопросов, теоретическая широта и методологическая проработанность которых не оставляет его равнодушным.

Предметом теоретической дискуссии является глава 6 «Военные проблемы международного права» тома III «Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований», содержащая в себе шесть параграфов, в которых последовательно изучаются актуальные тенденции развития международного военного и военно-технического сотрудничества, военные проблемы международного и международного гуманитарного права, а также международной ответственности государств и другие вопросы.

По итогам обсуждения отмечается, что рассматриваемый научный труд является по своей природе концептуальным познанием военных проблем международного права, которое аккумулирует в системном виде имеющиеся знания в области военных аспектов международного права, открывая широкие перспективы для его изучения при обучении в вузах и проведения дальнейших исследований в указанной области военно-правовых знаний.

Ключевые слова: военное право, международное право, самоорганизация, правосознание, социальные тенденции, международное гуманитарное право, международная ответственность государств, международно-правовые механизмы.

Цитирование: *Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право») // Государство и право. 2020. № 12. С. 59–67.

DOI: 10.31857/S102694520023301-2

LAW AT THE BIFURCATION POINT: DISCUSSION OF THE CONCEPTUAL STUDY MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW (Discussion in the format of the "Round Table" based on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" Volume III of the monograph "Military Law")

© 2022 S. O. Gavrilov[1, *], I. N. Glebov[2, **], S. G. Chukin[3, *], I. V. Kholikov[4, ****], P. Yu. Naumov[5, *****]**

[1]Kemerovo State University
[2]Administration of the President of the Russian Federation, Moscow
[3]St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation
[4]Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow
[5]The Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: gavrosh66@mail.ru*
***E-mail: ivglebov@mail.ru*
****E-mail: chukin_sergei@hotmail.com*
*****E-mail: iv_kholik@mail.ru*
******E-mail: petr.naumov.777@mail.ru*

Received 31.10.2022

Abstract. The year 2022 was marked by the publication of a number of interesting conceptual scientific publications in well-known publishing houses of the country, research institutions and leading universities. One of such scientific works is Volume III of the monograph "Military Law", published under the auspices of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, under the general editorship of the Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor A.N. Savenkov and Doctor of Law, Professor A.V. Kudashkin (I and II volumes published in 2021). The monograph under discussion bursts into the reader's consciousness with a wide palette of issues under consideration, the theoretical breadth and methodological elaboration of which does not leave him indifferent.

The subject of the theoretical discussion is Chapter 6 "Military problems of International Law" of Volume III "Main problems and promising areas of military legal research", which contains six paragraphs in which current trends in the development of international military and military-technical cooperation, military problems of International and International Humanitarian Law, as well as international State responsibility are consistently studied and other questions.

As a result of the discussion, it is noted that the scientific work under consideration is by its nature a conceptual knowledge of military problems of International Law, which accumulates in a systematic form the existing knowledge in the field of military aspects of International Law, opening up broad prospects for its study while studying at universities and conducting further research in this area of military legal knowledge.

Key words: Military Law, International Law, self-organization, legal awareness, social trends, International Humanitarian Law, international responsibility of States, international legal mechanisms.

For citation: *Gavrilov, S.O., Glebov, I.N., Chukin, S.G., Kholikov, I.V., Naumov, P. Yu. Naumov (2022).* Law at the bifurcation point: discussion of the conceptual study military problems of International Law (Discussion in the format of the "Round Table" based on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" Volume III of the monograph "Military Law") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 59–67.

Объявление повестки заседания «круглого стола» и представление к обсуждению рассматриваемой главы монографии

С. О. Гаврилов (д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., директор Юридического института Кемеровского государственного университета). Благодарю коллег за то, что они приняли предложение авторов т. III книги «Военное право»[1] и выразили свою готовность обсудить некоторые аспекты указанной монографии в формате научной дискуссии. Нам предстоит обсудить и осмыслить актуальное теоретическое направление военно-правовых исследований – военные проблемы международного права.

Полагаю, нет необходимости в серьезном теоретическом обосновании и практической проверке тезиса о том, что международное право и международное гуманитарное право с некоторых пор переживают кризисные тенденции[2]. Многочисленные практические свидетельства этому, а также реальное углубление противоречий между странами мы вынуждены наблюдать повсеместно, что отмечается и в научной литературе[3]. В ракурсе защиты прав человека это имеет особое значение, поскольку нормы международного права применяются и во внутреннем законодательстве[4]. В указанном ракурсе появление концептуального труда, анализирующего эти тенденции и предлагающего конкретные меры по преодолению кризиса права, есть серьезная теоретическая платформа и методологическое основание для практических действий субъектов международного и внутреннего права.

Для решения организационных вопросов проведения дискуссии предоставляю слово модератору настоящего мероприятия – П.Ю. Наумову, который является реальным правоприменителем различных правовых норм в практической повседневной деятельности военных и медицинских организаций.

П.Ю. Наумов (канд. пед. наук, помощник начальника Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения). Перед изучением сущностных, структурных и содержательных аспектов военных проблем международного права хотелось бы несколько слов сказать о характеристике предмета настоящего обсуждения, а также о том, что послужило причиной для коллективного дискуссионного комментария.

Том III монографии «Военное право» (под общ. ред. директора Института государства и права РАН, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Кудашкина) посвящен изучению объемного перечня основных проблем и перспективных направлений военно-правовых исследований. Теоретическая широта рассматриваемых вопросов не позволяет обсудить их все в формате одной дискуссии, поэтому выбор был сделан в пользу теоретического и критического познания военных проблем международного права.

Актуальность как появления такого труда, так и его обсуждения обусловлена социальным, экономическим и политическим значением указанных проблем для современного этапа бытия международного сообщества, а также той военно-политической ситуацией, в которой находится Россия.

Регламент сегодняшней дискуссии предлагаю следующий. Одному из членов авторского коллектива т. III «Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований» книги «Военное право» перед началом обсуждения следует представить коллегам монографию и рассматриваемую главу, обозначить круг предлагаемых к обсуждению проблем.

После чего возможно будет приступить к *основной части дискуссии*, в которой рекомендуется каждому из участников высказать предварительные тезисы о предмете, кратко обозначить применяемую методологию, высказать концептуальные позиции и обозначить авторские мнения, ответить (при необходимости) на возникшие вопросы или конструктивные замечания, а также принять участие в формировании коллективного вывода по дискуссии.

Если у коллег нет возражений по поводу регламента дискуссии, представлю вам члена авторского коллектива: ***И.В. Холиков – д-р юрид. наук, проф., полковник запаса, главный научный сотрудник отдела международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, советник Генерального секретаря Международного комитета военной медицины по юридическим вопросам***.

И.В. Холиков. Уважаемые коллеги! От авторского коллектива монографии «Военное право» и от себя лично выражаю искреннюю благодарность за возможность обсудить с вами – крупными специалистами в области юриспруденции изданную книгу и гл. 6, одним из авторов которой являюсь.

Перед вами третий, заключительный, том монографии «Военное право», который вышел в свет в 2022 г. (вслед за первым и вторым томами, опубликованными в 2021 г.[5]). По т. I, кстати, была проведена любопытная дискуссия-обсуждение в подобном формате[6]. В отличие от т. I и II, которые были

[1] См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. – 712 с.

[2] См.: *Дамаскин О.В., Холиков И.В.* Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2 (42). С. 214–221; *Конуров А.И., Холиков И.В.* Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7–18; *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.

[3] См.: *Глебов И.Н.* Международное гуманитарное право и кибервойна // Росс. государствоведение. 2018. № 2. С. 137–153; *Глебов И.Н., Зинченко Б.Л., Мазманян А.С. и др.* Реализация принципа недискриминации личности в международном и национальном праве // Междунар. правовой курьер. 2018. № 3 (27). С. 21–24; *Холиков И.В., Сазонова К.Л.* Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 102–111.

[4] См.: *Гаврилов С.О., Гаврилова А.В.* Становление и развитие правозащитных органов в России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета РАО. 2018. № 3. С. 63–69; *Зеленин А.А., Гаврилов С.О.* Генезис института судебного представительства: римские традиции и феномен советской адвокатуры // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 104–110.

[5] См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисл.). – 560 с.; т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). – 888 с.

[6] См.: *Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.

посвящены концептуальному исследованию истории и теории военного права, современному состоянию военного права и его институтам, содержание т. III, как «оголенный провод», рассматривает основные проблемы военного права и устремлено вперед, в будущее, а также по результатам рефлексии над первыми двумя томами обосновывает перспективные направления дальнейших военно-правовых изысканий.

Структурно т. III монографии состоит из семи глав и 31 параграфа, в которых последовательно и полно исследованы аспекты права вооруженных конфликтов, военно-административного права, военно-уголовного права, военно-социального права, военного законодательства, военных проблем международного права и развития военного права зарубежных государств, а также приведена тематика перспективных научных работ по военному праву.

Предлагается к обсуждению гл. 6 «Военные проблемы международного права», поскольку, как верно заметил П.Ю. Наумов, весь третий том слишком объемен для познания в рамках настоящего формата. Указанная глава аккумулирует в себе военно-правовые знания об основных тенденциях развития некоторых видов международного военного сотрудничества, актуальных вопросах правовых исследований в области военно-технического сотрудничества, правовом регулировании применения современных технологий в вооруженных конфликтах (беспилотные системы, искусственный интеллект, новые виды оружия), международно-правовых механизмах ограничения военного использования космического пространства, проблемах правовой регламентации деятельности частных военных охранных компаний, проблемных вопросах реализации международной ответственности государств и международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права.

Основная часть

С.О. Гаврилов. В основной части следует отметить, что в монографии и обсуждаемой главе нашли свое отражение многочисленные теоретические и практические разработки членов авторского коллектива, выступившие необходимым и достаточным условием к созданию столь концептуального военно-правового исследования[7].

Доминирующее чувство и впечатление, которое возникает после изучения т. III книги «Военное право» и гл. 6 «Военные проблемы международного права», – это искреннее удивление. Удивление от его объема и содержания, теоретической широты представленных авторским коллективом научных взглядов, а также от того, сколько подотраслей права успешно удалось рассмотреть. Это мы можем наблюдать далеко не в каждой даже академической монографии. Второе чувство и впечатление – живой читательский и исследовательский интерес, под влиянием которого хочется взяться за изучение книги и письменные принадлежности для записей. Чувство и впечатление после прочтения – удовлетворенность и легкое замешательство в понимании того, как много еще можно изучать в рамках этой проблематики в дальнейшем. Еще одно чувство и впечатление – интерес, побуждающий к более тщательному осмыслению данного труда и использованию авторских выводов в собственной научной деятельности. И наконец, осознание того, сколь много еще необходимо исследовать в рамках заявленной проблематики.

Касаясь методологии исследования, следует отметить, что авторами монографии успешно применялись и в рамках настоящей дискуссии могут быть применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы научного познания.

Чего не хватило обсуждаемой главе монографии, так это более подробного и развернутого освещения военно-медицинских проблем и вопросов международного сотрудничества в области военной медицины. Притом что в данной области имеются весьма интересные как современные, так и уже широко известные научному сообществу исследования[8], а также работы в сфере правового регулирования оказания медицинской помощи внутри страны[9]. Многие из этих трудов по сей день остаются актуальными и практически востребованными[10].

Есть ещё одно «замечание»: в книге слишком узкие поля и совсем нет места для читательских записей и заметок, хотя их хочется делать и делать.

П.Ю. Наумов. Обсуждая методологию исследования, примененную как авторами монографии, так и ту, которую возможно применить в рамках настоящей дискуссии, хотелось бы обратить внимание на роль функционального анализа или функционального подхода в решении соответствующих научных задач тома монографии и указанной главы. Во многих исследованиях обращается внимание на знаменитую закономерность, которую установил выдающийся отечественный физиолог акад. П.К. Анохин[11], что функция определяет структуру, что необходимость действия порождает наличество компонента, за него отвечающего. Для анализа гл. 6 монографии это – устойчивая платформа, помогающая понять, почему авторы избрали представленную структуру данной главы. В ней последовательно раскрыто функционирование военных аспектов международного

[7] См.: Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004; *Корякин В.М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210; *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 3 (284). С. 57–65; *Кудашкин А.В.* Принципы военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 6 (287). С. 5–18; *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.

[8] *См.: Белевитин А.Б., Ларьков А.А., Холиков И.В. и др.* Новые горизонты военно-медицинского сотрудничества // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 7. С. 73–79; *Холиков И.В., Дмитракович Д.В.* Политические и организационно-правовые основы сотрудничества в области военной медицины в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335. № 12. С. 19–22; *Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306; *Холиков И.В., Жданов К.В.* Оказание помощи Гвинейской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 2. С. 93–95.

[9] См.: *Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30–37; *Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127.

[10] См.: *Холиков И.В.* Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М., 2002.

[11] См.: *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980.

права через вскрытие природы международно-правовых механизмов ограничения военного использования космического пространства, раскрытие проблем правовой регламентации деятельности частных военных охранных компаний, анализ правового регулирования применения современных технологий в вооруженных конфликтах, изучение проблемных вопросов реализации международной ответственности государств и международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права, выявление основных тенденций развития некоторых видов международного военного сотрудничества.

Обращает на себя внимание, что в параграфе, посвященном проблемам правовой регламентации деятельности частных военных охранных компаний, проводится авторский анализ и затрагиваются вопросы разграничения статусов различных участников боевых действий: наемников, сотрудников частных военных компаний и добровольцев.

Это соответствует исторически сложившимся критериям и принципам справедливости и социально оправданно[12]. Как видим из последних событий, это актуальное направление исследования, с которым в разных странах приходится сталкиваться правоприменителю на практике.

К сожалению, в рассматриваемом томе и главе описанию авторской методологии места почти не нашлось, что не позволяет полностью отследить исследовательский путь, который был проделан авторами. Подобное бы только увеличило значимость представленного труда в глазах читателя. Почти не нашлось места в монографии и учебно-методическим аспектам, посвященным тому, как, кому и по какой тематике и материалам преподавать военные аспекты международного права и международное гуманитарное право.

И.Н. Глебов (д-р юрид. наук, проф., действительный член Академии военных наук, заслуженный юрист РФ, Администрация Президента РФ). В основной части хотел бы отметить, чем рассматриваемый том «цепляет» читателя и исследователя даже при первом знакомстве. *Во-первых*, это юридический язык – сложный по форме, но довольно простой по содержанию и явно предназначенный для понимания и усвоения разными категориями потенциальных читателей. *Во-вторых*, это логичность и последовательность в изложении материала внутри глав, где авторами используются классические дедуктивные приемы, что делает изучаемый материал понятным и удобным для прочтения. *В-третьих*, это теоретически и практически верный подбор рассматриваемых в монографии актуальных вопросов и проблем. *В-четвертых*, представленный том – это концептуально глубокое по всем признакам академическое исследование, которое имеет хорошие шансы стать классическим для данной отрасли права.

Касаясь международно-правовых механизмов ограничения военного использования космического пространства, авторы монографии указывают на то, что в международном гуманитарном праве имеются соответствующие нормы, позволяющие ограничить незаконное использование космического пространства в военных целях. Это очень правильно.

Отмечая положительные стороны данного издания, все-таки стоит сделать авторам и несколько конструктивных упреков. Так, введение монографии четко структурировано и оставляет целостное впечатление, но в нем лишь частично охвачены вопросы, рассмотренные в томе. Это же относится и к введению к гл. 6, посвященной военным аспектам международного права. В содержании соседство военного законодательства и военных аспектов международного права кажется не совсем логичным. Но это уже субъективное, «вкусовое» соображение.

С.Г. Чукин (д-р филос. наук, проф., почетный работник высшего профессионального образования РФ, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации). Авторы обсуждаемой главы монографии довольно подробно проанализировали основные направления развития международного военного сотрудничества, особое внимание обратив на их правовое сопровождение. Все выявленные проблемы имеют комплексный характер, отражают сложное, полное противоречий содержание современных международных отношений и, как следствие этого, требуют для своего разрешения объединенных усилий различных инстанций. В том числе международного права, которое, разумеется, само эти проблемы не решает, но создает минимально необходимые условия для их преодоления. Остановлюсь на двух рассмотренных в работе объектах правового регулирования, которые имеют выраженные философские и этические импликации: «интеллектуальных военных машинах», ставших уже обыденностью в современных войнах и вооруженных конфликтах, и частных военных и охранных компаниях (ЧВОК).

В 1991 г. философ Мануэль Деланда опубликовал книгу «Война в эпоху разумных машин»[13], в которой обратил внимание на парадокс, связанный с внедрением в военное дело техники и вооружений, управляемых искусственным интеллектом. Заменяя солдата на поле боя, превращая его в оператора, находящегося от района боевых действий на удалении иногда в тысячи километров, «умные» военные машины лишают войну главного экзистенциального признака – смертельной опасности, которой подвергаются её непосредственные участники. Она побуждает военного человека совершенствовать свой профессионализм, в состав которого входят не только навыки и умения, необходимые в бою, но также нравственные качества, включающие запрет на насилие по отношению к гражданскому населению, гуманное обращение с пленными, ответственность перед товарищами по оружию, сознание важности своего долга по защите Отечества. И что также немаловажно, военнослужащий несет правовую ответственность за нарушение законов, ограничивающих применение силы. Но как быть с ответственностью автономных систем вооружения, которые самостоятельно определяют цели и поражают их? Такие системы уже на подходе. В настоящее время активно обсуждается применение полуавтономных боевых систем, самым известным представителем которых являются ударные БПЛА, дистанционно управляемые операторами, дающими команду на поражение цели на основании информации, достоверность которой не всегда является безусловной. Авторы приводят цифры, подтверждающие, что в результате применения БПЛА армией США в Афганистане, Пакистане, Сомали и Йемене количество жертв среди мирного населения составляет более 10% от общего числа погибших.

[12] См.: *Чукин С.Г.* «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 36–46; *Чукин С.Г., Наумов П.Ю.* Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58; Статья вторая. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92.

[13] *De Landa M.* War in the Age of Intelligent Machines. Zone Books, 1991; *Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. М., 2014.

Сторонники активного продвижения систем вооружения, управляемых искусственным интеллектом, объясняют подобные случаи несовершенством программного обеспечения и человеческим фактором и высказывают убеждение, что по мере решения этих проблем вероятность ошибок будет снижаться.

Подобный оптимизм упускает главную опасность, исходящую от «умных» военных машин, а именно: они создают у политиков соблазн использовать войну, в которой будут воевать не живые солдаты, а замещающие их роботы, не вынужденным и крайним, а обыденным средством достижения целей. Противостоять этому можно только посредством жесткого правового запрета на создание и использование ударных роботизированных комплексов, управляемых искусственным интеллектом. Системы искусственного интеллекта допустимы в военном деле только в устройствах, обеспечивающих безопасность военнослужащих или заменяющих их при проведении разведывательно-поисковых мероприятий, обезвреживания мин и боеприпасов и т.д. Можно согласиться с выводом авторов о том, что новые технологии, используемые в военном деле, обладают потенциально высоким уровнем риска нарушения международного гуманитарного права и требуют действенных правовых механизмов защиты гражданского населения и гражданской инфраструктуры.

Деятельность ЧВОК, о проблемах правового регулирования которой идет речь в § 5 гл. 6 монографии, – важный военно-политический феномен нашего времени. Их заметная роль в войнах и вооруженных конфликтах есть факт, требующий объяснения, а также нравственной и правовой легитимации. Авторы весьма детально проанализировали действующие правовые документы в этой области и пришли к выводу о том, что здесь имеются существенные пробелы, а потому необходима полноценная регламентация международно-правового рынка военных и охранных услуг. В то же время за скобками рассмотрения осталось участие ЧВК в реальных боевых действиях в качестве самостоятельных подразделений тактического уровня. Это также факт, который не афишируется, но о котором все знают. Одно дело, когда ЧВОК занимаются обеспечением безопасности военных объектов, сопровождением грузов, тыловым снабжением и при выполнении этих задач получают право на применение оружия, и совсем другое дело, когда они воюют как солдаты и офицеры подразделений регулярной армии, хотя их правовой статус в этом случае не регламентирован. Авторы справедливо указывают на то, что данный вопрос затрагивает границы государственной монополии на применение силы, а если продолжать рассуждение, то и пределы государственного суверенитета. Тем не менее проблема существует, её нужно обсуждать и пытаться решить.

И.В. Холиков. Касаясь отмеченных характеристик т. III монографии и обоснования международных аспектов военного права, а также указанных замечаний, хотелось бы высказать некоторые теоретические соображения, обосновывающие авторский взгляд на предмет исследования. Авторский коллектив старался сделать этот том книги более актуальным и привязанным к происходящим социально-политическим, экономическим и иным событиям в стране и мире.

Что касается претензий к введениям как к т. III монографии, так и к гл. 6, то я это допускаю, поскольку во введении первостепенной задачей было обоснование актуальности и значимости работы для широкого круга читателей. Ввиду объема работы и сложности рассматриваемых в ней проблем полностью во введениях эти вопросы осветить не удалось, но указанные замечания – это хороший повод для проведения дальнейших теоретических обобщений. Рассматривая вопросы методологии исследования, следует сказать, что её влияние и «след» прослеживаются на всем протяжении работы. Посвящать отдельную структурную часть именно методологии исследования авторский коллектив посчитал излишним, хотя стоит согласиться, что подобное описание, размещенное, к примеру, во введении к монографии, усилило бы общее впечатление и прояснило бы авторский путь.

Резюме по исследованию и дискуссии

И.Н. Глебов. В качестве заключения хотелось бы отметить, что перед нами актуальное, теоретически обоснованное и практически верифицированное концептуальное монографическое исследование военного права и его международно-правовых аспектов. Это исследование социально значимое, ставит острые проблемы и, что важно, предлагает собственные пути и способы их решения на основе более эффективной реализации норм права, внедрения новых норм и пересмотра устаревших. Хотелось бы также обратить внимание на личностное бытие многих приведенных в монографии положений, что особенно касается рассматриваемой главы о международно-правовых аспектах военного права. Многие события пережиты авторами лично или «пропущены» через собственное эмоционально-чувственное и ценностное понимание окружающей реальности. Это гарантирует одну очень важную вещь. Прочтение т. III книги «Военное право» и его гл. 6 не оставляет шанса читателю для проявления равнодушия. После их изучения можно делать что угодно: выписывать интересующее, отмечать сделанное, обсуждать наиболее актуальное, критиковать материал и аргументацию авторов, что, кстати, и было неоднократно сделано сегодня, – но только не остаться равнодушным.

П.Ю. Наумов. В гл. 6 монографии также представлены результаты анализа вопросов международного военного и военно-технического сотрудничества. Приведены эффективные примеры механизмов, правовых основ и форматов такого сотрудничества (двустороннее сотрудничество, сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств, Организации договора коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества и др.). Успехи отечественной дипломатии в переговорах с рядом стран Ближнего Востока также свидетельствуют о диверсификации векторов международного взаимодействия. В современных условиях необходимо выделить дальновидность авторов в указанных вопросах. Ведь сейчас мы можем наблюдать смену вектора международного военного сотрудничества с Запада на Восток.

С.О. Гаврилов. В нынешней социальной ситуации важно, что рассматриваемый том монографии и обсуждаемая глава поднимают вопросы не только описания и раскрытия характеристик правового регулирования военных аспектов международных отношений, но и острые современные проблемы применения международного права и соблюдения его норм. Эти вопросы тесно связаны с условиями окружающей реальности и затрагивают прежде всего меру ответственности субъектов международных отношений за распространение как новой коронавирусной инфекции (других эпидемий и опасных болезней), так и за совершение военных преступлений в вооруженных конфликтах. Любая серьезная академическая монография представляет собой надежный

фундамент для продолжения научных исследований в конкретной сфере. Думается, что авторам обсуждаемого научного труда это удалось в полной мере.

С.Г. Чукин. Полагаю, что все участники «круглого стола» согласятся с тем, что авторы обсуждаемой главы монографии «Военное право» проделали огромную работу по анализу массива правовых документов, регламентирующих различные аспекты применения военной силы в международном пространстве. Выявлены имеющиеся здесь противоречия и пробелы, обозначены перспективные направления исследований в области военного и международного гуманитарного права. Представленный материал, несомненно, будет востребован не только правоведами, но и представителями большинства отраслей социального и гуманитарного знания, а также студентами и аспирантами.

Заключительное слово *(И.В. Холиков).* Глубокоуважаемые коллеги! Разрешите еще раз поблагодарить вас за внимательное и глубокое изучение т. III коллективной монографии «Военное право» в целом и его гл. 6 в частности, за открытое и честное обсуждение, которое было весьма интересным и познавательным, а также за высокую оценку данного труда. Особо ценны те критические замечания и предложения, которые были высказаны в процессе дискуссии. Представляется, что они послужат векторами для дальнейших исследований в области военного права и военных проблем международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980.
2. *Белевитин А.Б., Ларьков А.А., Холиков И.В. и др.* Новые горизонты военно-медицинского сотрудничества // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 7. С. 73–79.
3. *Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30–37.
4. *Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127.
5. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисл.); т. II: Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
6. Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004.
7. *Гаврилов С.О., Гаврилова А.В.* Становление и развитие правозащитных органов в России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета РАО. 2018. № 3. С. 63–69.
8. *Глебов И.Н.* Международное гуманитарное право и кибервойна // Росс. государствоведение. 2018. № 2. С. 137–153.
9. *Глебов И.Н., Зимненко Б.Л., Мазманян А.С. и др.* Реализация принципа недискриминации личности в международном и национальном праве // Междунар. правовой курьер. 2018. № 3 (27). С. 21–24.
10. *Дамаскин О.В., Холиков И.В.* Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2 (42). С. 214–221.
11. *Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. М., 2014.
12. *Зеленин А.А., Гаврилов С.О.* Генезис института судебного представительства: римские традиции и феномен советской адвокатуры // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 104–110.
13. *Конуров А.И., Холиков И.В.* Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7–18.
14. *Корякин В.М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210.
15. *Кудашкин А.В.* Принципы военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 6 (287). С. 5–18.
16. *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 3 (284). С. 57–65.
17. *Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.
18. *Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306.
19. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.
20. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.
21. *Холиков И.В.* Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М., 2002.
22. *Холиков И.В., Дмитракович Д.В.* Политические и организационно-правовые основы сотрудничества в области военной медицины в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Военно-медицинский журнал. 2014. Т. 335. № 12. С. 19–22.
23. *Холиков И.В., Жданов К.В.* Оказание помощи Гвинейской Республике в борьбе с эпидемией геморрагической лихорадки Эбола // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336. № 2. С. 93–95.
24. *Холиков И.В., Сазонова К.Л.* Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 102–111.
25. *Чукин С.Г.* «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 36–46.
26. *Чукин С.Г., Наумов П.Ю.* Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58; Статья вторая. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92.
27. *De Landa M.* War in the Age of Intelligent Machines. Zone Books, 1991.

REFERENCES

1. *Anokhin P.K.* Nodal issues of the theory of functional systems. M., 1980 (in Russ.).
2. *Belevitin A.B., Larkov A.A., Kholikov I.V. et al.* New horizons of military-medical cooperation // Military Medical Journal. 2005. Vol. 326. No. 7. P. 73–79 (in Russ.).
3. *Bolshakova V.M., Engibaryan G.V., Naumov P. Yu.* Medical support as a special type of support for the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies: commentary to Article 17.1 of the Federal Law "On Defense" of May 31, 1996 // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 2 (283). P. 30–37 (in Russ.).
4. *Bolshakova V.M., Kholikov I.V., Naumov P. Yu.* Medical support of the judicial system of the Russian Federation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 103–127 (in Russ.).
5. Military Law: in 3 vols. / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I: History and theory of Military Law (with a preface); vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. III: The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
6. Military Law: textbook / ed. by V.G. Strekozov, A.V. Kudashkin. M., 2004 (in Russ.).
7. *Gavrilov S.O., Gavrilova A.V.* Formation and development of human rights bodies in Russia (historical and legal aspect) // Herald of the University of RAO. 2018. No. 3. P. 63–69 (in Russ.).
8. *Glebov I.N.* International Humanitarian Law and cyberwar // Russian State Studies. 2018. No. 2. P. 137–153 (in Russ.).
9. *Glebov I.N., Zimnenko B.L., Mazmanyan A.S. et al.* Implementation of the principle of non-discrimination of the individual in International and national Law // International Legal Courier. 2018. No. 3 (27). P. 21–24 (in Russ.).
10. *Damaskin O.V., Kholikov I.V.* Military aspects of International Humanitarian Law // Military Law. 2017. No. 2 (42). P. 214–221 (in Russ.).
11. *De Landa M.* War in the Age of Intelligent Machines. M., 2014 (in Russ.).
12. *Zelenin A.A., Gavrilov S.O.* Genesis of the Institute of judicial representation: Roman traditions and the phenomenon of Soviet advocacy // Modern Scientific Thought. 2019. No. 5. P. 104–110 (in Russ.).
13. *Konurov A.I., Kholikov I.V.* International legal and military-political issues of the modern world order // Herald of the Academy of Military Sciences. 2015. No. 4 (53). P. 7–18 (in Russ.).
14. *Koryakin V.M.* The current state of Military Law: a new fundamental scientific research // State and Law. 2022. No. 1. P. 207–210 (in Russ.).
15. *Kudashkin A.V.* Principles of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 6 (287). P. 5–18 (in Russ.).
16. *Kudashkin A.V., Melnik N.N.* Implementation of International Humanitarian Law and the doctrine of operational law as a source of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 3 (284). P. 57–65 (in Russ.).
17. *Kumankov A.D., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Novikov N.S.* Dialogue on the meanings of Military Law and Military Law as values (discussing Chapter 5 "The social value of Military Law" of Volume I of the monograph "Military Law") // Law in the Armed Forces – Military-Legal Review. 2022. No. 7 (300). P. 2–12 (in Russ.).
18. *Naumov P. Yu., Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Kholikov I.V.* Conceptual aspects of the production of medical examinations when appealing in court conclusions based on the results of military medical examination // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. No. 6. P. 283–306 (in Russ.).
19. *Savenkov A.N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2022. No. 2. P. 103–117 (in Russ.).
20. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 7–34 (in Russ.).
21. *Kholikov I.V.* International legal status of military medical personnel. M., 2002 (in Russ.).
22. *Kholikov I.V., Dmitrakovich D.V.* Political and organizational and legal bases of cooperation in the field of military medicine in the Asia-Pacific Region // Military Medical Journal. 2014. Vol. 335. No. 12. P. 19–22 (in Russ.).
23. *Kholikov I.V., Zhdanov K.V.* Assistance to the Republic of Guinea in the fight against the epidemic of Ebola hemorrhagic fever // Military Medical Journal. 2015. Vol. 336. No. 2. P. 93–95 (in Russ.).
24. *Kholikov I.V., Sazonova K.L.* Problematic issues of the implementation of international responsibility of international organizations for violations of International Humanitarian Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2022. No. 4 (297). P. 102–111 (in Russ.).
25. *Chukin S.G.* "Good society" and its opponents: on the problem of conceptualization of values in social science // Questions of Philosophy. 2009. No. 5. P. 36–46 (in Russ.).
26. *Chukin S.G., Naumov P. Yu.* Justice today: a difficult choice between distribution and recognition. Article one // Ideas and ideals. 2015. Vol. 1. No. 2 (24). P. 46–58; Article two. 2016. Vol. 1. No. 3 (29). P. 81–92 (in Russ.).
27. *De Landa M.* War in the Age of Intelligent Machines. Zone Books, 1991.

Сведения об авторах

ГАВРИЛОВ Станислав Олегович –
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой государственного и административного права Кемеровского государственного университета; 650070 г. Кемерово, ул. Тухачевского, д. 33
ORCID: 0000-0003-0748-1217
SPIN-код: 2979-7044, AuthorID: 292789

ГЛЕБОВ Игорь Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заслуженный юрист РФ, Администрация Президента Российской Федерации; 119021 г. Москва, ул. Старая площадь, д. 4
SPIN-код: 6268-2833, AuthorID: 186824

ЧУКИН Сергей Георгиевич –
доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующий кафедрой философских и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
SPIN-код: 6613-9427, AuthorID: 475304

ХОЛИКОВ Иван Владимирович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела международного права, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34
ORCID: 0000-0003-0421-5829
SPIN-код: 7311-5596, AuthorID: 946405

НАУМОВ Петр Юрьевич –
кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе – начальник отделения правового обеспечения Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации; 143914 Московская область, г. Балашиха, микрорайон Никольско-Архангельский, Вишняковское шоссе, вл. 101
ORCID: 0000-0002-2875-2322
SPIN-код: 2750-3053, AuthorID: 664164

Authors' information

GAVRILOV Stanislav O. –
Doctor of Historical Sciences, PhD in Law, Professor, Director of the Institute of Law, Head of the Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University; 33 Tukhachevsky str., 650070 Kemerovo, Russia

GLEBOV Igor N. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law, Administration of the President of the Russian Federation; 4 Staraya square, 119021 Moscow, Russia

CHUKIN Sergey G. –
Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation; 1 Letchika Pilyutova str., 198206 St. Petersburg, Russia

KHOLIKOV Ivan V. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher of International Law Section, Professor of the Chair of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

NAUMOV Petr Yu. –
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Hospital for Legal Work – Head of the Legal Support Department, Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation; property 101 Vishnyakovskoye highway, 143914 Moscow Region, Balashikha, Nikolsko-Arkhangelsky microdistrict, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 68–70
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 68–70

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.Н. Савенков. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА: в 3 т. М.: НАУКА, 2021

© 2022 г. А. С. Луньков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

E-mail: istorik1981@mail.ru

Поступила в редакцию 07.10.2022 г.

Аннотация. Современный мировой порядок, фундаментом которого являются принцип верховенства права и признание неотъемлемости прав человека, сформировался не одномоментно. А.Н. Савенков последовательно и кропотливо восстанавливает хронологию становления этого порядка. При этом автор рецензируемой монографии анализирует этот процесс под определенным углом. Красной нитью через текст всех трех томов проходит тематика военного права и влияния войн на развитие современного мирового порядка. Тем более парадоксально, что осознание человечеством принципиальной значимости прав человека произошло во многом под влиянием опыта военных конфликтов и их последующего урегулирования.

Ключевые слова: мировой порядок, история государства и права, права человека, военное право, принцип верховенства права, А.Н. Савенков.

Цитирование: *Луньков А.С.* Эволюция принципа верховенства права в истории цивилизации А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. // Государство и право. 2022. № 12. С. 68–70.

DOI: 10.31857/S102694520023459-5

THE EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF THE RULE OF LAW IN THE HISTORY OF CIVILIZATION

A.N. Savenkov. STATE AND LAW: HUMAN RIGHTS AND THE WORLD ORDER BASED ON THE RULE OF LAW: in 3 vols. M.: NAUKA, 2021

© 2022 A. S. Lunkov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

E-mail: istorik1981@mail.ru

Received 07.10.2022

Abstract. The contemporary world order, the foundation of which is the Rule of Law and the recognition of the inalienability of human rights, was not formed overnight. A.N. Savenkov consistently and careful restores the chronology of the formation of this order. At the same time, the author of the monograph under review analyzes this process from a certain point of view. The theme of Military Law and the impact of wars on the development of the contemporary world order runs like a red thread through the text of all three volumes. It is all the more paradoxical that humankind's awareness of the fundamental importance of human rights occurred largely under the influence of the experience of military conflicts and their subsequent settlement.

Key words: world order, history of state and law, human rights, Military Law, Rule of Law, A.N. Savenkov.

For citation: *Lunkov, A.S. (2022).* The evolution of the principle of the Rule of Law in the history of civilization A.N. Savenkov. State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 68–70.

Любая комплексная задача требует соответствующих подходов, учитывающих сложность ее структуры, точность и полноту описания, а также необходимость выработки адекватных решений. Поэтому предпринятая в недавно вышедшем исследовании члена-корр. РАН А.Н. Савенкова попытка проследить эволюцию принципа верховенства права и идеи прав человека в истории сменяющих друг друга цивилизаций уже по своему характеру непременно предполагает широчайший круг вопросов, ответы на которые автором изложены в трёхтомном сочинении.

Том I книги посвящен истокам и начальным этапам генезиса международного и военного права. Для изучения этого вопроса А.Н. Савенков использует сложный в реализации подход к организации материала, который можно охарактеризовать как совмещение хронологического и проблемного способов изложения. Говоря о генезисе какого-либо социального явления, всегда есть большое искушение «начать с Античности», в истории которой можно обнаружить истоки большинства современных феноменов общественной жизни. Однако автор последовательно намечает ряд ключевых для раскрытия главной проблемы монографии аспектов и уже их развитие раскрывает через обращение к истории. В итоге мы имеем несколько оснований современного мирового порядка, основанного на правах человека и верховенстве права, анализ каждого из которых уходит в историю на разную глубину. Приведем пример. Глава 1 т. I рецензируемой работы посвящена формированию ценностно-нормативных основ мирового порядка. Это наиболее глубоко уходящая в прошлое, если угодно, «свая» фундамента. Основу ее содержания составляет представление о международном праве как наиболее древнем виде права (с. 101–124). Вместе с тем другой ее элемент – идея устойчивого и безопасного мира – лежит, так сказать, «выше», рельефно проявляясь постепенно, что, например, продемонстрировано относительно такого значительного фактора в истории, как появление христианства. Такой подход имеет определенные трудности при его реализации, так как предполагает одновременно учитывать специфику как синхронного, так и диахронного сравнения исторических событий, имеющих политико-правовое значение в русле фундированной авторской концепции.

При этом нужно учитывать, что ценностные основания мирового порядка могут сопровождаться различными интерпретациями. Даже содержание такого понятия, как «права человека», исторично и зависит от социокультурной и политической основы, на которую опирается тот или иной мыслитель. В связи с этим часто бывает затруднительно выделить неоспоримые основания современного мирового порядка и проследить их развитие и преемственность в истории, не натыкаясь на «разрывы». Например, насколько преемственно международное право эпохи раннего Рима и периода поздней Римской империи? И в какой степени ценностные основания этого права перешли в политическую и юридическую практику средневековья в контексте перехода к новому, христианскому мировоззрению? А.Н. Савенкову как раз таки удалось показать как фундаментальный, так и партикулярный, в том числе латентный, характер развития значимых для определения ценностных и нормативных оснований мирового порядка идей и факторов, некоторые из которых часто оставались нераспознанными и не фиксировались надлежащим образом в работах историков права.

Каждый раз, двигаясь по историческим корням современного мирового порядка условно вверх, ближе к современности, автор закономерно сталкивается с эффектом расширения предметного поля исследования. С этим, очевидно, связаны и солидные объемы трехтомника. Но происходит это не из-за желания автора «поговорить обо всем», а по объективным причинам. Так, например, феномен юридизации войны, однажды появившись в контексте войн Античности в виде обычаев войны (с. 427), стал объективно усложняться, и на данный момент мы имеем целый корпус примеров юридизации практики ведения войны.

Для читателя, взявшего книгу в руки с целью найти ответы на определенные философские вопросы юридических наук, исследователь приготовил особую изюминку – главу о философско-правовых началах гуманизации уголовного права (с. 579–605). Тема гуманизации права вообще и отдельных его разделов является актуальной еще и с точки зрения ответа на глобальный вопрос: может ли принципиально человечество построить общество, все аспекты бытия которого в качестве основы имеют принцип сохранения человечности? На подобный вопрос всегда есть большое искушение ответить утвердительно, к чему склоняется и А.Н. Савенков, но реальная практика уголовного процесса, организации пенитенциарной системы, особенно отношение к этим вопросам общества, вынуждают сделать определенные оговорки. На бытовом уровне наказание за уголовное преступление часто воспринимается как возмездие, в результате которого происходит не восполнение гуманности правонарушителя (его «исправление»), а его своего рода дегуманизация по формуле «причинивший страдания должен страдать сам».

Том II монографии посвящен рассмотрению роли войн в истории общества и отношения к ним в России и мире в разные эпохи. Обращает на себя внимание подход автора к отбору и анализу фактов. Анализируются не столько сами войны и их последствия, а во многом юридическая сторона вопроса. Именно различные договоры между недавно воевавшими странами, национальные законы относительно войн и т.д. есть факторы, определяющие мировое политико-правовое пространство. И если довольно широко известно, что с Вестфальского мирного договора (1648 г.) началась история национальных государств в Европе, то влияние Утрехтского договора (1713 г.) между Англией и Францией не только на переход от династического права к балансу сил и интересов, но и на становление британского колониализма (с. 162, 163) редко понимается подобным образом. Даже неискушенный в истории права читатель вместе с автором раскроет для себя всю картину строительства нового мирового порядка, «кирпичиками» здания которого как раз и были различные договоры. Показательно, что некоторые из упомянутых А.Н. Савенковым документов до сих пор являются действующими и оказывают влияние на мировую политику. Единственное ограничение такого угла зрения – трудность понимания того, почему же договоры постоянно нарушаются, хотя многие из них имеют статус «вечных» в момент заключения.

В отдельную главу автор вынес рассмотрение проблемы роли России в формировании мирового порядка. На материале отечественной истории (с древности до XVIII в.) показано влияние как внешних войн на формирование политического строя нашей страны, так и России на строительство европейского и мирового правового фундамента. К примеру, большой интерес вызывает раскрытие А.Н. Савенковым связи между Крестовыми походами на Иерусалим с попытками завоевания языческих Пруссии, Прибалтики и других земель, которые с севера граничили с Русью (с. 255–270). В ходе этих завоеваний были созданы прецеденты образования различных «орденских» государств различной юрисдикции и структуры. Эти политические

новообразования Прибалтики и Восточной Европы еще долгое время определяли процессы в данном регионе и являлись субъектами активной антирусской политики. В данной главе раскрыта проблема влияния России на европейскую политику в разные исторические эпохи.

Том III монографии посвящен периоду мировых войн и анализу влияния их последствий в виде международных договоров и трибуналов над военными преступниками на современную систему международного права. Данные проблемы как в отечественной, так и в зарубежной науке исследованы довольно глубоко, и, казалось бы, новый угол зрения здесь вряд ли возможен. Однако автор, последовательно реализуя свой принцип построения структуры текста и наполнения его концептуальным содержанием, смог по-новому взглянуть на ряд вопросов. Так, например, более глубокое рассмотрение движущих сил (часто неявных для поверхностного анализа) развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе показывает, что помимо самих договоров между странами большую роль играют морально-этические факторы. Это видно на динамике японо-корейских отношений, когда даже спустя несколько десятков лет Япония продолжает выплачивать компенсации жертвам оккупации в Южной Корее (с. 22, 23). Данная проблема двусторонних отношений этих азиатских государств во многом перевешивает тенденции к сближению, хотя обе страны участвуют в поддержании определенного политического порядка в регионе.

Тематика трибуналов над военными преступниками А.Н. Савенковым раскрывается в основном на материале периода после Второй мировой войны. Действительно, именно в это время мы видим формирование современной международной уголовной юстиции в известном нам виде. Однако может сложиться впечатление, что эта система появилась одномоментно в уже готовом виде. Да, именно международные трибуналы стали определенным новшеством периода конца 1940-х годов. В истории войн можно найти считанное число подобных фактов, например, работа международной следственной комиссии по поводу расследования т.н. Гулльского инцидента, произошедшего 22 октября 1904 г. с русской Второй Тихоокеанской эскадрой, которую обвинили в расстреле мирных рыбацких судов в Северном море. В какой степени работа этой комиссии адмиралов могла стать неким прообразом трибуналов над нацистскими и иными военными преступниками? Или основание здесь принципиально иное, восходящее к обычной уголовной юстиции?

Важность проблемы доверия в международных отношениях рассматривается автором в нескольких аспектах. Первый угол зрения – это соотношение доверия и национальных интересов страны. Когда В. Вильсон сформулировал свои «Четырнадцать пунктов» после Первой мировой войны, этот документ рядом держав, например Англией, был встречен с недоверием. США подозревали в маскировке своих истинных намерений по захвату мирового лидерства и устранению возможных конкурентов (с. 40). В данном случае устанавливается своего рода «логика недоверия», выйти за пределы которой крайне сложно. Чужое доверие, особенно доверие слабого к сильному, есть ресурс для достижения национальных интересов. Этим неоднократно в истории пользовались развитые государства. Когда же от них самих требовалось проявить доверие, они видели и воспринимали эту ситуацию превратно. Второй угол зрения – это соотношение военной необходимости и стремления к миру. Не секрет, что заключение перемирия и последующего мира между воюющими державами всегда требует определенного доверия между сторонами. Исключением является ситуация, когда сторона-победитель диктует свою волю побежденному ультимативно. Но даже в этом случае проявление доверия к противнику может считаться предательством своей армии и народа, который почти победил и победил бы, если бы не это «предательство в тылу», или мог бы «захватить намного больше», ведь противник уже полностью разбит. Истоки многих войн лежали в конфигурации мира, который сложился под влиянием подобных устремлений «захватить как можно больше». А.Н. Савенков иллюстрирует этот тезис примером Версальско-Вашингтонской системы договоров (с. 49–58). Наконец, третий угол зрения на проблему доверия в международных отношениях автор реализует, анализируя ход и результаты многочисленных уголовных процессов над военными преступниками, проводившихся после Второй мировой войны. Принятие результатов этих трибуналов есть в том числе и дело доверия к международной уголовной юстиции, так как организуют их чаще всего страны-победительницы.

* * *

Оглядываясь на содержание трех многостраничных томов монографии, можно констатировать, что автору удалось реконструировать картину эволюции мирового порядка, основанного на верховенстве права и правах человека. Современная внешнеполитическая ситуация, которая сложилась вокруг России в 2022 г., ставит новые вопросы перед исследователями истории государства и права. Однако нельзя сказать, что закончилась одна эпоха и началась совсем другая и все, что было наработано в области международных отношений, мгновенно устарело. Действительно, началась другая эпоха, но это происходило в истории общества неоднократно, о чем читатель может почерпнуть сведения в данной книге. Сам автор убедительно показывает, что новый порядок всегда опирается на глубокие основания. Понимание этого порядка, в том числе складывающегося сейчас, должно опираться на имеющийся у человечества опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенков А.Н.* Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021. Т. I. С. 101–124, 427, 579–605; т. II. С. 162, 163, 255–270; т. III. С. 22, 23, 40, 49–58.

REFERENCES

1. *Savenkov A.N.* State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. M., 2021. Vol. I. P. 101–124, 427, 579–605; vol. II. P. 162, 163, 255–270; vol. III. P. 22, 23, 40, 49–58 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛУНЬКОВ Александр Сергеевич –
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620108 г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16

Authors' information

LUNKOV Alexander S. –
PhD in History, associate Professor, senior researcher, Sector of History of Philosophy and Science, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 Sofia Kovalevskaya str., 620108 Ekaterinburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 71–77
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 71–77

НАДОТРАСЛЬ КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРАВА

© 2022 г. М. А. Соколова

Университет Лобачевского, г. Нижний Новгород

E-mail: ma.sokolova@jur.unn.ru

Поступила в редакцию 14.03.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены критерии выделения элементов системы права через их соотношение с таксономическими единицами, предпринята попытка выработки оснований разграничения между ними. Новизна исследования состоит в предложении нового элемента системы права – надотрасли. Сформулированы основные признаки надотрасли, обоснована её теоретическая и практическая значимость. Сформулированные автором предложения открывают перспективы для дальнейшего исследования как проблемы деления системы права на элементы, так и проблемы выделения и изучения отдельных надотраслей права.

Ключевые слова: система права, система законодательства, критерии деления, надотрасль, отрасль, подотрасль, институт, субинститут.

Цитирование: *Соколова М.А.* Надотрасль как новый элемент системы права // Государство и право. 2022. № 12. С. 71–77.

DOI: 10.31857/S102694520023302-3

SUPERBRANCH OF LAW AS A NEW ELEMENT OF THE LEGAL SYSTEM

© 2022 M. A. Sokolova

Lobachevsky University, Nizhniy Novgorod

E-mail: ma.sokolova@jur.unn.ru

Received 14.03.2022

Abstract. The article considers the criteria for identifying elements of the system of law through their relationship with taxonomic units, an attempt is made to develop grounds for distinguishing between them. The novelty of the study lies in the proposal of a new element of the system of law – superbranch. The main features of the superbranch are formulated, its theoretical and practical significance is substantiated. The proposals formulated by the author open up prospects for further research on both the problem of dividing the system of law into elements, and the problem of identifying and studying individual superbranches of law.

Key words: system of law, system of legislation, selection criteria, superbranch, branch, sub-branch, institute of law, sub-institute of law.

For citation: *Sokolova, M.A.* (2022). Superbranch of law as a new element of the legal system // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 71–77.

Одним из важнейших социальных регуляторов выступает право, так как только оно (в отличие от норм морали, религии и иных социальных норм) обладает формальной определённостью, обеспечено государственным принуждением, что позволяет ему выступать в качестве универсального средства регулирования отношений между членами общества, личностью и государством, обществом и государством.

Правовое поле, несмотря на единство его сущности и свойств, включает в себя широкий спектр различных общественных отношений, обладающих своей спецификой. Начиная с XIX в. учёными-юристами предпринимались неоднократные попытки предложить различные основания деления права на блоки, а также сформулировать критерии такого деления.

В дореволюционной юридической науке исследователи различали частное и публичное право. Сложилось две научные школы. Представители одной из них (например, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий) считали, что в основе деления права на частное и публичное лежит материальный критерий – интерес[1]. Представители второй (С.А. Муромцев, И.А. Покровский) были убеждены, что первичен формальный критерий – способ защиты права[2].

Считаем, что определяющим является материальный критерий, так как именно характер отношений – взаимосвязи между субъектами, цели взаимодействия – обусловливает выбор определённых методов воздействия на них тех или иных способов защиты права.

В советский период было предложено иное деление права – на отрасли, так как деление права на частное и публичное не позволяло исследовать особенности тех или иных групп общественных отношений, к тому же советская доктрина отрицала наличие частного. В.И. Ленин писал: «Мы ничего частного не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»[3].

Было проведено три научные дискуссии, в рамках которых разрабатывались критерии деления права на отрасли. М.О. Аржанов отмечал, что «выдвигая принцип построения системы советского права, мы должны указать тот признак, тот критерий.., который мы кладем в основу группировки соответствующих норм в отдельных отраслях права, в основу отграничения одной отрасли права от другой»[4].

По итогам первой дискуссии основным (фактически единственным) критерием разграничения отраслей права был признан предмет правового регулирования. По С.Ф. Кечекьяну, «построить систему права по предмету регулирования – значит ориентировать её на систему общественных отношений»[5]. Остальные предлагаемые критерии – метод правового регулирования, форма права – были отвергнуты. В качестве одного из аргументов этой позиции приводился следующий: методы многих различных сфер правового регулирования совпадают, соответственно, не выполняют задачи разграничения. Форма же была признана опосредованной содержанию, а следовательно, вторичной по отношению к нему. Как писал М.О. Аржанов, «определяющим всегда является содержание правоотношений.., сама форма носит характер производный, обусловленный, она вытекает из содержания...»[6].

В рамках второй дискуссии наряду с предметом правового регулирования в качестве относительно самостоятельного критерия был признан метод правового регулирования. В частности, М.Д. Шаргородский в своих работах указывал, что «наряду с предметом известное значение для объяснения системы советского права имеет и метод правового регулирования...»[7]. В качестве основного аргумента учёными высказывалась идея о том, что деление права на отрасли исключительно по предмету правового регулирования приведёт к бесконечности этого процесса, так как общественные отношения весьма разнообразны.

На третьей же дискуссии, прошедшей в 1982 г., высказывались различные точки зрения, вплоть до отказа от категории «отрасль права» и замены её на категорию «отрасль законодательства»[8].

На наш взгляд, это недопустимо, так как такой подход лишь отодвигает проблему на второй план, но не решает её. Системное деление права на элементы является необходимым и логически обоснованным, так как только оно способно обеспечить адекватное правовое регулирование.

Проблема соотношения категорий «отрасль права» и «отрасль законодательства» требует отдельного анализа. Примерно до 1960-х годов «отрасль права» и «отрасль законодательства» рассматривались как тождественные понятия: объективно существующая отрасль права становилась основой для соответствующей отрасли законодательства[9]. Позднее стало понятно, что такой подход является упрощённым: часто в системном регулировании нуждаются не однородные общественные отношения, а определённая сфера деятельности, внутри которой наличествуют разные по природе группы общественных отношений[10].

Для того чтобы понять, в чём состоит принципиальное отличие между отраслью права и отраслью законодательства, сравним эти две категории. *Во-первых,* категории «право» и «законодательство» соотносятся как содержание и форма. При этом законодательство – лишь одна из форм существования права, наряду с ней существует судебное право, договорное право и т.д.[11]

Во-вторых, отрасль права объективна. Она складывается на протяжении длительного времени ввиду развития и усложнения массива однородных общественных отношений. С.В. Поленина пишет: «Когда этот институт приобретает определённую “критическую массу”, в результате у него появляется необходимая сумма свойств, касающихся предмета, методов, принципов и механизма правового регулирования, наличие которых позволяет констатировать, что перед нами новая отрасль права»[12]. Данное признание осуществляется не одномоментно, но в конечном счёте поддерживается большинством авторов.

Отрасль законодательства субъективна. Группировка норм в один кодифицированный акт или в комплекс взаимосвязанных нормативных правовых актов происходит по воле законодателя.

Выделение подотрасли права в отрасль законодательства вызвано, как правило, количественным критерием, т.е. конгломерат норм слишком большой, они тесно связаны

---

[1] См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912.

[2] См.: *Терентьева Н.А.* Деление права на публичное и частное в контексте учения о субъектах правоотношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2017. № 4. С. 132.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 398.

[4] *Аржанов М.О.* О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 29.

[5] *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Сов. государство и право. 1946. № 2. С. 44.

[6] *Аржанов М.О.* Указ. соч. С. 32.

[7] *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 349.

[8] *Свирин Ю.А.* О критериях деления права по отраслям // Современное право. 2010. № 10. С. 19–21.

[9] См., напр.: *Вильнянский С.И.* К вопросу о системе советского права // Сов. государство и право. 1957. № 1. С. 102–109.

[10] См.: *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 31, 32.

[11] См.: *Петров А.В.* Форма права и её разновидности // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 231.

[12] *Поленина С.В.* Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9.

друг с другом, что обусловливает системный подход к регулированию – наличие кодифицированного акта[13].

Однако в этом случае данный акт, как правило, будет связан с основным актом отрасли, подотраслью которой она является. Например, согласно одной из точек зрения, семейное право является подотраслью гражданского права[14]. Статья 4 СК РФ закрепляет, что к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство.

Действующая система законодательства не является совершенной, например, некоторые сложившиеся отрасли права до сих пор не имеют качественного кодифицированного акта. Совершенствование системы законодательства является важнейшей задачей юридической науки и практики, однако оно возможно только при исследовании отраслей права как основного элемента его структуры, выделении чётких критериев отграничения отраслей друг от друга, поиске оптимальной группировки норм права в нормативных правовых актах с учётом стоящих перед субъектом правотворчества задач.

Возвращаясь к вопросу о критериях разграничения отраслей права, необходимо отметить, что он по-прежнему остаётся дискуссионным. За последние годы данная проблема была исследована В.М. Сырых[15], А.А. Шаповаловым[16], Д.Е. Петровым[17], А.А. Головиной[18] и др.

На наш взгляд, данную проблему необходимо рассматривать глубже, исследовать не только критерии разграничения отраслей, но и критерии выделения элементов системы права, их отличия друг от друга и соотношения. Целесообразно рассматривать это через анализ таксономических единиц, соответствующих тому или иному элементу системы права.

Традиционно выделяют пять элементов системы права – отрасль права, подотрасль, институт, субинститут, норма. В литературе предпринимались неоднократные попытки соотнесения элементов системы права с таксономическими единицами, однако единство по этому вопросу до сих пор отсутствует[19]. Авторы не всегда приводят достаточную аргументацию – почему конкретный элемент системы права отнесён к той или иной таксономической единице. В связи с вышеизложенным приведём некоторые размышления по этому поводу.

Прежде всего необходимо отметить, что понятия «общественные отношения» и «общественные отношения, урегулированные правом» не совпадают по объёму. Объектом правового регулирования должны становиться лишь те общественные отношения, которые социально значимы и потенциально конфликтны – в отсутствие правового регулирования между сторонами отношений будут возникать споры. Таким образом, объект правового регулирования, с одной стороны, универсален (так как все эти общественные отношения отвечают двум вышеназванным критериям), с другой – разнопланов, так как эти общественные отношения различаются по содержанию.

Отрасль права представляет собой высшую степень группирования норм. В основе деления на отрасли, как справедливо отмечают большинство авторов, лежит *род* общественных отношений[20]. Обратившись к словарям, мы, как правило, не найдём признаков рода как таксономической единицы, за исключением оговорки о том, что он включает в себя один или несколько видов[21]. Говоря о роде как о таксономической единице применительно к праву, считаем, что он показывает по поводу чего возникли общественные отношения (обобщенно, не вдаваясь в подробности, в отличие от более мелких таксономических единиц). Например, отношения, возникшие по поводу имущества, регулируются гражданским правом; отношения, возникающие в связи с совершением лицом преступления и применением к нему наказания, – уголовным правом и т.д.

В научной литературе основной критерий деления на отрасли, как правило, именуется предметом правового регулирования. На наш взгляд, точнее именовать его *родовым объектом правового регулирования*. Указание на объект показывает, что данные отношения относятся по своей природе к правовым; указание на родовой признак подчёркивает их особенности, позволяющие, с одной стороны, объединить их в единую отрасль, с другой – отличить от иных блоков (как равных – других отраслей, так и нижестоящих по уровню – например, институтов). К таким особенностям следует отнести – природу общественных отношений, субъектов, характер взаимосвязи между ними, цели правового регулирования – всё это ведёт к выбору субъектом правотворчества определённых методов и средств воздействия, которые вытекают из вышеназванных особенностей. В.Ф. Яковлев писал: «Выбор законодателем метода, не соответствующего природе отношений, их глубинному социально-экономическому, политическому содержанию, влечёт за собой такие отрицательные последствия, которые наступают при нарушении всякой объективной закономерности»[22].

Закономерности права неоднократно становились предметом исследования учёных-юристов. В частности, важность закономерностей неоднократно подчёркивал в своих работах А.В. Петров. По его мнению, закономерности права позволяют раскрыть его сущность, достичь цели правовой воли, которая в конечном счёте заключается в балансе интересов всех социальных групп общества[23]. Одной из таких закономерностей видится взаимообусловленность общественных отношений, цели их правовой регламентации и избираемых субъектом правотворчества методов и средств правового воздействия. Многие авторы всё вышеизложенное объединяют одной категорией – правовой режим. В.М. Сырых пишет: «Каждой отрасли права присущ свой юридический режим, регламентирующий правовое

---

[13] См.: *Минбалеев А.В.* Подотрасль права как элемент системы права (на примере права массовых коммуникаций) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2013. № 13. С. 28.

[14] См.: *Антокольская М.В.* Семейное право. М., 1999. С. 4.

[15] См.: *Сырых В.М.* Проблемы теории государства и права. М., 2008. С. 277.

[16] См.: *Шаповалов А.А.* Отрасль современного российского права: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

[17] См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

[18] См.: *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

[19] См., напр.: *Сильченко Н.В.* О критериях отраслей права // Право и демократия. Минск, 2002. Вып. 13. С. 56.

[20] См.: *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учеб. М., 2003. С. 230.

[21] См.: Толковый словарь Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010818 (дата обращения: 12.02.2022).

[22] *Яковлев В.Ф.* Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 8.

[23] См.: *Петров А.В.* Система закономерностей права // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 108–115.

положение субъектов права, устанавливающий законные способы реализации права и исполнения юридических обязанностей.., меры, направленные на неукоснительную реализацию правовых норм в конкретных отношениях»[24].

Важно отметить, что отрасль не исчерпывается вышеназванными признаками, что во многом позволяет отграничить её от подотрасли. Отрасль также имеет собственную т.н. надстройку – общетеоретические начала – принципы, собственный понятийно-категориальный аппарат, функции.

Перейдём к следующему элементу системы права – подотрасли. В основе деления отрасли на подотрасли лежит *подрод* общественных отношений. Данная таксономическая единица практически не встречается в научной юридической литературе, однако с точки зрения логики она является наиболее адекватной, так как подчёркивает связь отрасли и подотрасли (даже лингвистически – эти слова однокоренные). Необходимо отметить, что подотрасль права является дополнительным элементом системы права, так как не все отрасли делятся на подотрасли. В ряде случаев подотрасль активно развивается, обретает собственную надстройку и постепенно начинает признаваться многими авторами в качестве самостоятельной отрасли права[25].

Рассмотрим основные особенности подотрасли, позволяющие утверждать, что это самостоятельная единица системы права. Во-первых, подотрасли присуща бóльшая степень однородности (специфичности) общественных отношений по сравнению с отраслью права.

Во-вторых, она включает в себя институты, однако не сводится к их математической совокупности, а также предполагает наличие общих для всех входящих в неё институтов положений, обусловливающих некоторое единство институтов. Например, в отрасли «гражданское право» в качестве подотрасли выделяют обязательственное право, в состав которой входят такие институты, как купля-продажа, мена, дарения и т.д.

В-третьих, подотрасль тесно связана с отраслью – эта связь проявляется в общей «надстройке», которая, как уже отмечалось, может не иметь нормативного закрепления, а также в общих нормативных положениях отрасли, которые важны и универсальны для всех подотраслей. Например, в гражданском праве к таковым относятся основания возникновения гражданских прав, лица, объекты гражданских прав, сроки.

В научной литературе до сих пор является дискуссионным вопрос о разграничении подотрасли и института, составе подотраслей внутри отрасли права. Однако, на наш взгляд, данная проблема должна решаться прежде всего на уровне отраслевых исследований, теория права определяет лишь общие критерии деления, таксономические единицы – их специфику и наполнение надлежит рассматривать в отраслевых исследованиях. Важно также отметить, что такое деление в данной конкретной отрасли не является неизменным с развитием общественных отношений и их правовой регламентации.

Третий элемент системы права – институт. В научной литературе существует множество точек зрения относительно того, что лежит в основе деления права на институты[26]. Рассматривая деление права, основываясь на таксономическом подходе, мы считаем, что в основе деления на институты лежит *видовой объект правового регулирования*. Под видом общественных отношений понимается совокупность общественных отношений, имеющих общий объект правоотношений. Здесь следует остановиться на отличии *«объекта правового регулирования»* от *«объекта правоотношений»*. *Объектом правового регулирования*, как уже отмечалось ранее, выступают общественные отношения, нуждающиеся в таком регулировании ввиду присущих им свойств. *Под объектом правоотношения* следует понимать то, по поводу чего возникает связь между субъектами в данном правоотношении. К преимуществам этого подхода следует отнести уяснение природы межотраслевых институтов. В ряде исследований встречается тезис о соответствии института структурному элементу нормативного правового акта (главе или разделу)[27], однако на практике данное правило соблюдается не всегда. В ряде случаев один и тот же объект правоотношений требует содержательно неоднородного правового регулирования. Условно его можно представить в виде куба, каждая из граней которого наполнена определенным содержанием, подпадающим под предмет различных отраслей права. В этом случае речь идёт о межотраслевом институте. Предназначением межотраслевых институтов является всестороннее (многоаспектное) регулирование конкретного явления (объекта).

Например, институт собственности регулируется нормами конституционного права, в рамках которых устанавливается признание государством собственности, закрепление её видов, особое закрепление права частной собственности, гарантий его незыблемости. Правовой режим государственной или муниципальной собственности носит во многом публичный характер, устанавливается нормами административного права. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 мая 2009 г. № 17653/08, в котором прописано, что орган государственной власти может совершать с имуществом, находящимся в государственной собственности, только те действия, которые прямо предусмотрены законом. Наконец, право собственности – одно из имущественных прав, содержание которого подробно раскрыто в гражданском законодательстве.

Четвёртым элементом системы права является субинститут. Он всегда входит в состав института и органически связан с ним. В основе деления на субинституты лежит *подвид* общественных отношений, который, с одной стороны, позволяет выявить и подчеркнуть их особенности внутри института, с другой – не выходит за его границы, так как подвид находится внутри вида. Связь между институтом и субинститутом также выражается в наличии базовых – общих для всех субинститутов – положений. Особенности отношений, входящих в субинститут, могут касаться любого из их элементов – специфики объекта (например, субинститут розничной купли-продажи в институте купли-продажи), субъекта (субинститут алиментных обязательств родителей и детей в институте алиментных обязательств), содержания отношений.

Наконец, пятым элементом системы права является норма. Она представляет собой правило поведения. Основная проблема состоит в соотношении нормы права и статьи нормативного правового акта.

---

[24] *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 277.

[25] В качестве примера можно привести муниципальное право.

[26] См., напр.: *Джалилова Е.А.* Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 22–31.

[27] См., напр.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 128.

Возвращаясь к проблеме признания конгломерата норм, регулирующих определённый род общественных отношений, в качестве самостоятельной отрасли права, отметим, что основным критерием является *достаточность* – количественная и качественная. Если вспомнить общефилософский закон Г. Гегеля о переходе количества в качество[28]: существенное количество правовых норм, регулирующих определённую сферу общественных отношений, порождает появление общих положений, объединяющих эти отдельные нормы в единое целостное образование. Всё вышеперечисленное в конечном счёте позволяет утверждать о появлении новых качественных черт у соответствующего правового образования, позволяющих признать за ним статус отрасли права, начать его целостное научное осмысление. В то же время эта «достаточность» относительно условна, в связи с этим в отраслевых исследованиях нередки споры – является конкретное образование уже отраслью или это подотрасль права.

В науке различают *первичные, вторичные* и *комплексные отрасли*[29]. *Первичные отрасли* восходят к глубокой древности, не пересекаются друг с другом, фундаментальны по своей природе. Например, к ним следует отнести гражданское право, уголовное право, конституционное право и другие. *Вторичные отрасли* в процессе развития общественных отношений «отпочковались» от первичных отраслей ввиду интенсивного развития определённого подрода общественных отношений первичной отрасли, как правило, сохранив при этом метод правового регулирования материнской отрасли. Например, жилищное право выделилось из гражданского, сохранив в качестве основного способа регулирования диспозитивный метод.

Комплексные отрасли стали выделять в юридической науке позднее (примерно в 40-е годы XX в.), их наличие до сих пор признается не всеми авторами. Обзор научной литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод о существовании трёх основных позиций.

Одни авторы утверждают, что комплексные отрасли существуют и их количество неуклонно растёт. Например, А.А. Головина в своём исследовании о критериях деления на отрасли права выделяет порядка 60 комплексных отраслей[30]. Другие – не отрицают, что существуют комплексные отрасли законодательства (так как в основе группировки норм в кодифицированный акт лежит во многом удобство правоприменения), однако отрицают наличие комплексных отраслей права, так как это противоречит логике системного деления. С.Н. Братусь пишет: «Можно говорить лишь о комплексных нормативных актах, комплексной систематизации нормативного материала...»[31]. Третьи авторы считают, что категория «отрасль права» утратила своё значение ввиду отсутствия чётких критериев деления системы права на элементы, а также появления перекрещивающихся (комплексных) отраслей права. В трудах В.П. Мозолина встречаем: «Понятие отрасли права стало настолько девальвированным, что им, по существу, невозможно пользоваться в практических целях.., поэтому оно не должно применяться и при построении современной системы... права»[32].

На наш взгляд, отказ от категории «отрасль права» является недопустимым. Данная категория является базовой, так как любое сложное явление, в том числе право, должно иметь внутреннее строение. Система права разрабатывалась на протяжении многих лет, является устоявшейся, необходимо лишь уточнить критерии деления на элементы системы. Попытка такого уточнения предпринята в том числе в рамках данной статьи. Сам факт того, что появились явления, не укладывающиеся в традиционное представление об отрасли, свидетельствует лишь о том, что необходимо вводить новый элемент системы права, а не пытаться говорить о комплексных отраслях.

Понятие «комплексная отрасль» противоречит началам логики, так как подрывает основания деления права на отдельные (не пересекающиеся) составляющие (элементы). Условно говоря, есть отрасль 1, отрасль 2, отрасль 3, а есть отрасль 4, которая включает в себя отдельные положения отраслей 1 и 2. Такой подход подрывает критерии деления, а также порождает ряд иных вопросов. Во-первых, каковы границы «вторжения» норм иных отраслей в состав комплексной отрасли? Если их не определять, то предмет становится расплывчатым и практически безграничным. Во-вторых, есть ли какая-то часть норм в составе отрасли 4, не охватываемая иными отраслями, что позволяет говорить о том, что перед нами всё-таки отрасль права, а не отрасль законодательства? Насколько она существенна и имеет собственную надстройку?

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать вывод о том, что систему права необходимо дополнить ещё одним элементом, так как сложные межотраслевые конгломераты норм объективно существуют, в то же время не укладываются в традиционные элементы системы права. На наш взгляд, такой элемент должен именоваться ***надотраслью***. Критерием деления на надотрасли выступает не таксономическая единица, а функция государства в конкретной сфере общественной жизни, представляющая собой разноплановую деятельность различных субъектов, направленную на достижение конкретной цели и вытекающих из неё задач. Надотрасль права включает в себя основные и вспомогательные нормы. Основные нормы, на наш взгляд, можно именовать ядром. Ядро надотрасли не входит ни в одну из существующих отраслей права, что позволяет выделить данный элемент системы права в самостоятельный. Ядро надотрасли регулирует основную деятельность, через которую достигаются стоящая перед функцией цель и задачи. Сюда следует относить как нормы-правила, так и «надстроечные» нормы – нормы-дефиниции, нормы-принципы. Вспомогательные нормы по своей природе являются нормами других отраслей права, однако ядро определяет специфику их содержания, обусловленную целью данной функции, иными словами, задаёт вектор всему правовому регулированию этой деятельности. Таким образом, крупные, на первый взгляд разнородные, конгломераты правовых норм существуют объективно, а не только ввиду практического удобства их компоновки в один нормативный правовой акт, следовательно, не сводятся к элементу системы законодательства.

В качестве примера можно привести образовательное право. В литературе многие авторы выделяют два

[28] См.: Диалектический материализм: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин / под ред. В.С. Шевкина. М., 1933.

[29] См.: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 142–148.

[30] См.: *Головина А.А.* Указ. соч.

[31] *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 121.

[32] *Мозолин В.П.* Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107.

блока общественных отношений, регулируемых данной надотраслью, – собственные и вспомогательные. Собственные не охватываются иными отраслями права, касаются непосредственно образовательного процесса, в частности отношений между обучающимися и педагогами; требований, предъявляемых к уровням и качеству образования. Вспомогательный блок включает отношения по созданию и ликвидации образовательных организаций (они регулируются гражданским правом), отношения по финансовому обеспечению образовательных организаций (они охватываются финансовым правом), отношения между образовательной организацией и педагогическими работниками (они входят в предмет трудового права). Вспомогательный блок создаёт условия для качественного осуществления образовательного процесса, содержание этих норм должно определяться исходя из основной цели (реализация права каждого на качественное образование) и принципов (они закреплены в ст. 3 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.) «Об образовании в Российской Федерации»[33]).

* * *

В завершение обозначим теоретическую и практическую ценность выделения надотрасли в качестве нового элемента системы права. Теоретическая ценность состоит в фокусировании внимания учёных на функции государства – разноплановой деятельности в конкретной сфере общественной жизни для достижения цели и обусловленной ею задач – как одного из важных критериев деления права на элементы. Это позволит в рамках отдельных надотраслей разработать понятийно-категориальный аппарат, сформулировать или уточнить (в случае их наличия) принципы надотрасли с учётом цели, стоящей перед той или иной функцией, исследовать отдельные входящие в её внутреннее строение блоки правовых норм, очертить границы правового регулирования надотрасли.

Практическая ценность заключается в комплексном подходе субъектов правотворчества к правовому регулированию этой разноплановой деятельности. Надотрасль с учётом своей природы может содержать много бланкетных норм (относящихся к вспомогательным), однако они должны отражать основную цель функции, своевременно изменяться с учётом изменения в характере основных норм. Необходимо развивать и совершенствовать пакетное правотворчество. Это позволит повысить системность и, как следствие, качество действующего законодательства, улучшить качество реализации основных функций государства, в конечном счёте обеспечить полноценное действие прав человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 142–148.
2. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 128.
3. *Антокольская М.В.* Семейное право. М., 1999. С. 4.
4. *Аржанов М.О.* О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 29, 32.
5. *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 31, 32.
6. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 121.
7. *Вильнянский С.И.* К вопросу о системе советского права // Сов. государство и право. 1957. № 1. С. 102–109.
8. *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
9. *Джалилова Е.А.* Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 2. С. 22–31.
10. Диалектический материализм: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин / под ред. В.С. Шевкина. М., 1933.
11. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 349.
12. *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Сов. государство и право. 1946. № 2. С. 44.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 398.
14. *Минбалеев А.В.* Подотрасль права как элемент системы права (на примере права массовых коммуникаций) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2013. № 13. С. 28.
15. *Мозолин В.П.* Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107.
16. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учеб. М., 2003. С. 230.
17. *Петров А.В.* Система закономерностей права // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 108–115.
18. *Петров А.В.* Форма права и её разновидности // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 231.
19. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.
20. *Поленина С.В.* Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9.
21. *Свирин Ю.А.* О критериях деления права по отраслям // Современное право. 2010. № 10. С. 19–21.
22. *Сильченко Н.В.* О критериях отраслей права // Право и демократия. Минск, 2002. Вып. 13. С. 56.
23. *Сырых В.М.* Проблемы теории государства и права. М., 2008. С. 277.
24. *Терентьева Н.А.* Деление права на публичное и частное в контексте учения о субъектах правоотношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2017. № 4. С. 132.
25. Толковый словарь Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010818 (дата обращения: 12.02.2022).
26. *Шаповалов А.А.* Отрасль современного российского права: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
27. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912.
28. *Яковлев В.Ф.* Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 8.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. P. 142–148 (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* The structure of Soviet law. M., 1975. P. 128 (in Russ.).
3. *Antokolskaya M.V.* Family Law. M., 1999. P. 4 (in Russ.).

[33] См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

4. *Arzhanov M.O.* On the principles of building a system of Soviet socialist law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. P. 29, 32 (in Russ.).

5. *Baitin M.I., Petrov D.E.* Correlation of the branch of law and the branch of legislation // Jurisprudence. 2004. No. 4. P. 31, 32 (in Russ.).

6. *Bratus S.N.* The subject and system of Soviet Civil Law. M., 1963. P. 121 (in Russ.).

7. *Vilnyansky S.I.* On the question of the system of Soviet law // Soviet State and Law. 1957. No. 1. P. 102–109 (in Russ.).

8. *Golovina A.A.* Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law: dis. ... PhD in Law. M., 2012 (in Russ.).

9. *Jalilova E.A.* Problems of definition of the concept and essence of the Institute of Law // Herald of Tatishchev Volzhsky University. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 22–31 (in Russ.).

10. Dialectical materialism: Marx, Engels, Lenin, Stalin / ed. by V.S. Shevkin. M., 1933 (in Russ.).

11. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D.* Questions of the theory of law. M., 1961. P. 349 (in Russ.).

12. *Kechekyan S.F.* On the system of Soviet socialist law // Soviet State and Law. 1946. No. 2. P. 44 (in Russ.).

13. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 4. P. 398 (in Russ.).

14. *Minbaleev A.V.* The sub-branch of law as an element of the legal system (on the example of the law of mass communications) // Herald of the South Ural State University. Ser.: Law. 2013. No. 13. P. 28 (in Russ.).

15. *Mozolin V.P.* The system of Russian law (report at the All-Russian Conference on November 14, 2001) // State and Law. 2003. No. 1. P. 107 (in Russ.).

16. *Morozova L.A.* Theory of state and law: textbook M., 2003. P. 230 (in Russ.).

17. *Petrov A.V.* System of laws of law // Herald of Lobachevsky University. 2014. No. 5. P. 108–115 (in Russ.).

18. *Petrov A.V.* The form of law and its varieties // Herald of Lobachevsky University. 2012. No. 6. P. 231 (in Russ.).

19. *Petrov D.E.* Differentiation and integration of structural formations of the system of Russian law: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2015 (in Russ.).

20. *Polenina S.V.* Interaction of the system of law and the system of legislation in modern Russia // State and Law. 1999. No. 9 (in Russ.).

21. *Svirin Yu. A.* On the criteria for dividing law by branches // Modern Law. 2010. No. 10. P. 19–21 (in Russ.).

22. *Silchenko N.V.* On criteria of branches of law // Law and democracy. Minsk, 2002. Issue 13. P. 56 (in Russ.).

23. *Syrykh V.M.* Problems of the theory of state and law. M., 2008. P. 277 (in Russ.).

24. *Terentyeva N.A.* The division of law into public and private in the context of the doctrine of subjects of legal relations // Herald of the Moscow University. Ser. 11 "Law". 2017. No. 4. P. 132 (in Russ.).

25. Explanatory dictionary of Ushakov. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010818 (accessed: 12.02.2022) (in Russ.).

26. *Shapovalov A.A.* Branch of modern Russian law: questions of theory: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2011 (in Russ.).

27. *Shershenevich G.F.* General theory of law. M., 1912 (in Russ.).

28. *Yakovlev V.F.* Objective and subjective in method of law regulation // Jurisprudence. 1970. No. 6. P. 8 (in Russ.).

Сведения об авторе

СОКОЛОВА Мария Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Университета Лобачевского; 603105 г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4

Authors' information

SOKOLOVA Maria A. –
PhD in Law, associate Professor of Constitutional and Municipal Law Department, Lobachevsky University; 4 Ashkhabadskaya str., 603105 Nizhniy Novgorod, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 78–85
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 78–85

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

НЕУСТОЙКА (ПЕНЯ) В СЛУЧАЕ ПРОСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПОСТАВЩИКА В ЗАКОНЕ О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2022 г. А. В. Габов*, В. А. Лаптев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: gabov@igpran.ru*
***E-mail: laptev.va@gmail.com*

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Аннотация. Реформирование в 2015 г. (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации») обязательственного права (в рамках общей реформы гражданского законодательства) не затронуло, к сожалению, существенным образом положения о неустойке как мере юридической ответственности за нарушение обязательств. И дело не только в том, что не было внесено значительных изменений в Гражданский кодекс РФ, а в том, что за последние два десятилетия значительно изменились нормы специального законодательства, в частности о контрактной системе. В предлагаемой статье исследуются положения действующего законодательства о неустойке в сфере контрактной системы. Приводится обзор правовых подходов, сформулированных Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ относительно природы, порядка и размера исчисления неустойки за нарушение договорных обязательств; анализируются особенности применения соответствующих ставок Банка России и возможные подходы к спорным ситуациям.

Ключевые слова: неустойка, пеня, государственный контракт, контрактная система, ответственность.

Цитирование: *Габов А.В., Лаптев В.А. (2022).* Неустойка (пеня) в случае просрочки исполнения обязательств поставщика в Законе о контрактной системе: особенности регулирования // Государство и право. 2022. № 12. С. 78–85.

DOI: 10.31857/S102694520020140-5

PENALTY IN THE EVENT OF DELAY IN THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS BY THE SUPPLIER IN THE LAW ON THE CONTRACT SYSTEM: REGULATION FEATURES

© 2022 A. V. Gabov*, V. A. Laptev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: gabov@igpran.ru*
**E-mail: laptev.va@gmail.com*

Received 11.05.2022

Abstract. Reformation in 2015 (Federal Law of March 8, 2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation") of the law of obligations (as part of the general reform of civil law) did not, unfortunately, significantly affect provisions on the penalty as a measure of legal liability for violation of obligations. And the point is not only that no significant changes were made to the Civil Code of the Russian Federation, the point is that over the past two decades the norms of special legislation have changed significantly, in particular on the contract system. An analysis of judicial practice shows the need to rethink many of the prevailing ideas about the forfeit. The proposed article examines the provisions of the current legislation on forfeit in the field of the contract system. An overview of the legal approaches formulated by the

Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the nature, procedure and amount of the calculation of the penalty for violation of contractual obligations is given; the features of the application of the relevant rates of the Bank of Russia and possible approaches to disputable situations are analyzed.

***Key words*:** forfeit, penalties, government contract, contract system, responsibility.

For citation: *Gabov, A.V., Laptev, V.A. (2022).* Penalty in the event of delay in the performance of obligations by the supplier in the Law on the contract system: regulation features // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 78–85.

Неустойка в гражданских правоотношениях традиционно является наиболее распространенным способом обеспечения исполнения обязательств, а также видом ответственности. Как отмечал В.В. Витрянский, «привлекательность неустойки, ее широкое применение в целях обеспечения договорных обязательств объясняются прежде всего тем, что она представляет собой удобное средство упрощенной компенсации потерь кредиторов, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением должником своих обязательств». «В этом смысле, – продолжает он, – неустойке присущи следующие черты: предопределенность размера ответственности за нарушение обязательства, о котором стороны знают уже на момент заключения договора; возможность взыскания неустойки за сам факт нарушения обязательства, когда отсутствует необходимость предоставления доказательств, подтверждающих причинение убытков и их размер; возможность для сторон по своему усмотрению формулировать условие договора о неустойке (за исключением законной неустойки), в том числе в части ее размера, соотношения с убытками, порядка исчисления, тем самым приспосабливая ее к конкретным взаимоотношениям сторон и усиливая ее целенаправленное воздействие»[1].

Положения российского гражданского законодательства о неустойке[2] являются довольно устойчивыми; начиная с момента принятия Гражданского кодекса РФ[3] общие положения о ней (ст. 330–333) не претерпели значительных изменений. Интересно, что в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г.[4] радикальных изменений положений о неустойке не предполагалось, говорилось лишь о необходимости «ревизии текста ГК на предмет максимально четкого разграничения используемых в Кодексе понятий “проценты” и “неустойка” для отграничения неустойки от процентов, взимаемых на основании статьи 395», четкого «разграничения законной неустойки, установленной императивными и диспозитивными нормами закона», изменения отдельных положений ст. 333 ГК РФ в части правил об уменьшении размера неустойки. Указанные положения нашли свое отражение в изменениях, внесенных Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[5]. Позднее были подготовлены разъяснения Верховного Суда РФ, включающие правила применения положений гражданского законодательства о неустойке[6].

Несмотря на продолжительный период применения положений гражданского законодательства о неустойке, утверждать, что сняты все имеющиеся в этой области вопросы, нельзя. Одной из проблем является применение специальных положений, устанавливаемых, к примеру, законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок (Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[7] (далее – Закон о контрактной системе)).

В частности, интерес представляют проблемы взыскания неустойки (пени) заказчиком за нарушение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств по договорам, заключенным в рамках Закона о контрактной системе[8]. Эта проблематика, как думается, является значимой, ведь, как показывает статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, только за 2020 год арбитражными судами первой инстанции рассмотрено 6075 дел по спорам о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам поставки товаров для государственных и муниципальных нужд[9].

Специфика исчисления пени для контракта, заключенного в рамках федеральной контрактной системы, установлена ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе, которая неоднократно корректировалась законодателем[10]: в отличие

---

[1] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 387.

[2] Следует обратить внимание, что неустойка используется и в иных отраслях права и как правовая категория исследуется учеными различных отраслей права. Однако в указанных отраслях понимание неустойки может отличаться значительно от гражданского права (к примеру, ст. 75 Налогового кодекса РФ).

[3] См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[4] См.: URL: https://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/koncepciya1/ (дата обращения: 18.04.2022).

[5] См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1412.

[6] См.: пункт 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[7] См.: СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

[8] Данный вопрос являлся предметом ряда специальных исследований: *Чваненко Д.А.* Неустойка по государственному контракту: анализ спорных вопросов // Юрист. 2015. № 14. С. 20–25; *Федоров А.А.* Проблемные вопросы начисления и взыскания неустоек по контрактам // Государственные и муниципальные закупки-2016: сб. докладов XI Всеросс. практ. конф.-семинара. М., 2016. С. 128–133; *Тасалов Ф.А.* Практика Верховного Суда Российской Федерации в сфере публичных закупок: на пути к формированию единых подходов к применению законодательства о контрактной системе // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 1. С. 116–125; *Головизнин А.В.* Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в контрактных отношениях поставок товаров (выполнения работ, оказания услуг) для государственных или муниципальных нужд: анализ правоприменения // Право и экономика. 2019. № 3. С. 55–60; *Цатурян Е.А.* Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики. М., 2020; и др.

[9] См.: Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2020 год. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670 (дата обращения: 14.02.2022).

[10] См.: Федеральные законы: от 31.12.2017 г. № 504-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I), ст. 88; от 01.05.2019 г. № 71-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 18, ст. 2195; от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I), ст. 2028.

от первоначальных положений исчисление пени от цены контракта было дополнено вариативным подходом (как от общей цены контракта, так и от отдельного этапа его исполнения соответственно); исключено положение о бланкетной норме, отсылающей на соответствующие постановления Правительства РФ, определяющие правила исчисления размера пени; закреплена привязка расчета неустойки к ключевой ставке Банка России (вместо ставки рефинансирования).

Согласно действующей редакции ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства, и устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей *на дату уплаты пени* ключевой ставки Банка России от цены контракта (отдельного этапа исполнения контракта), уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом (соответствующим отдельным этапом исполнения контракта) и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем)[11], за исключением случаев, если российским законодательством установлен иной порядок начисления пени.

Исходя из указанного положения, можно отметить следующие основные положения Закона о контрактной системе в части неустойки в форме пени (применительно к ответственности поставщика):

1) обязательность начисления пеней установлена непосредственно законом, который не предполагает возможности исключения действия соответствующих положений сторонами контракта. Основанием для взыскания неустойки определена «просрочка исполнения обязательства, предусмотренного контрактом»; следует подчеркнуть, что на практике различаются два возможных варианта нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) принятых по контракту обязательств: а) обязательство ***исполнено*** поставщиком ко дню подачи иска в суд (однако ненадлежащим образом, например, с просрочкой его исполнения); б) обязательство ***не исполнено*** поставщиком ко дню подачи иска в суд (полностью либо в соответствующей части – этапа контракта). Ответственность в виде начисления пеней применяется в обоих случаях;

2) начало срока исчисления пени: со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства;

3) пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения. В этой части анализируемое положение также является императивным; таким образом, установление в контракте иного периода, за который начисляется пеня (к примеру, час, сутки и др.[12]), невозможно;

4) закон определяет размер: пеня устанавливается контрактом, но ее размер должен составлять одну трехсотую ключевой ставки Центрального банка РФ на дату уплаты пени, уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом (соответствующим отдельным этапом исполнения контракта) и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем);

5) определение размера ключевой ставки «привязано» к «дате уплаты пени».

По существу, первое условие («устанавливается контрактом») является лишним, поскольку *в настоящее время усмотрение сторон контракта в части размера пени Закон о контрактной системе не допускает*, его нормы носят императивный характер. Соответствующее положение было указанным образом разъяснено и в п. 34 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г.[13] (далее – Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе).

Важно отметить, что первоначально ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе устанавливала, что размер пени исчисляется в порядке, установленном Правительством РФ, но не менее чем одна трехсотая действующей на дату уплаты пени ставки рефинансирования Центрального банка РФ. В соответствии с указанным положением было принято постановление Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом»[14], которым *устанавливалась сложная формула расчета пени*.

Данное постановление Правительства РФ утратило силу в 2017 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 года № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 года № 1063»[15].

Первоначально постановление Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 содержало положение о порядке исчисления пени (хотя уже и не в виде формулы,

[11] Данный подход отражен в судебной практике, в частности: в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 г. № 5467/14; определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.10.2016 г. № 305-ЭС16-7657, от 24.01.2022 г. № 305-ЭС21-16757; и др.

[12] То, что соответствующие вопросы возникали в практике, свидетельствуют отдельные разъяснения государственных органов, принятые в разные годы (к примеру, см.: письмо Минфина России от 11.12.2014 г. № 02-02-04/63862 «О порядке применения Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" в части определения размера ответственности по контракту» // В официальных источниках опубликовано не было).

[13] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12. В указанном пункте разъяснено, что «кредитор вправе требовать уплаты законной неустойки, предусмотренной статьей 34 Закона о контрактной системе и постановлением Правительства РФ № 1063, независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон».

[14] См.: СЗ РФ. 2013. № 48, ст. 6266.

[15] См.: СЗ РФ. 2017. № 36, ст. 5458.

написанной математическим языком), но после изменений, внесенных в Закон о контрактной системе в 2019 г. (текстуально они совпадают с первоначальной редакцией постановления Правительства РФ № 1042), указанное постановление регулирует только вопросы определения иного вида законной неустойки в Законе о контрактной системе – штрафов. Таким образом, можно констатировать, что в этой части (пени с поставщика) *законодательство о контрактной системе развивается в сторону большей императивности и определенности*.

Отметим, что и действующая редакция ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе представляет собой отчасти формулу (но упрощенную и изложенную без использования языка математики). При этом понять эту формулу, мягко говоря, непросто. Как хорошо видно из текста ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе, в этой формуле есть несколько показателей: а) количество дней просрочки; б) цена контракта (его отдельного этапа); в) размер ключевой ставки и, соответственно, размер пени, от этого рассчитываемый; г) дата уплаты пени; д) объем обязательств, предусмотренных контрактом (соответствующим отдельным этапом исполнения контракта), фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Последний показатель служит для уменьшения размера исчисленной пени (это корректирующий показатель). То есть по логике правила ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе сначала надо рассчитать сумму пени, а потом применить корректирующий показатель, тем самым мы получим окончательную сумму пени, подлежащую уплате за конкретный период просрочки. Такое описание формулы расчета выглядит громоздким. По существу, расчет пени в контракте не отличается какими-то существенными отличиями от расчета пени по иным неисполненным обязательствам и соответствующий корректирующий показатель всегда учитывается в размере задолженности, которая используется при расчете неустойки.

Проблемным элементом в формуле расчетов является «дата уплаты пени», на которую определяется размер ключевой ставки. Что понимается под этой датой, Закон о контрактной системе не поясняет. Не найдем мы ответ и при обращении к общим положениям гражданского законодательства: нормы Гражданского кодекса РФ не содержат положений о расчете неустойки, оставляя этот вопрос на усмотрение сторон. Между тем при определенных экономических условиях точное определение такой даты может иметь для должника весьма существенные последствия, ведь ключевая ставка в периоды экономической турбулентности может подвергаться значительным колебаниям.

В п. 38 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе применительно к неустойке, вытекающей из ненадлежащего исполнения государственных и муниципальных контрактов, дается толкование положений ч. 5 и 7 ст. 34 Закона о контрактной системе, а также п. 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7: применительно к неустойке (пени) за просрочку исполнения обязательств по государственному контракту *суд вправе* применить *размер ставки* рефинансирования (ключевая ставка) Центрального банка РФ, действующей *на момент вынесения судебного решения*.

Верховным Судом РФ приводится также разъяснение того, что при добровольной уплате заказчиком названной неустойки (как аналогии) ее размер по общему правилу подлежит исчислению по ставке, действующей *на дату фактического платежа* (п. 38 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе[16]). В данном Обзоре обращается внимание на то, что в законодательстве не закрепляется применимая ставка в случае присуждения (взыскания с заказчика) неустойки в судебном порядке. Верховный Суд РФ указывает на то, что по смыслу данной нормы, закрепляющей механизм возмещения возникших у кредитора убытков (экономических потерь) в связи с просрочкой исполнения обязательств, при взыскании суммы пени в судебном порядке за период до принятия решения суда ко всему периоду просрочки подлежит применению *ставка на день его вынесения*. Предполагается, такой подход обеспечит правовую определенность в отношениях сторон на момент разрешения спора в суде. В случае же присуждении судом неустойки (пени) по день фактического исполнения обязательства расчет суммы неустойки, начисляемой после вынесения решения, осуществляется судебным приставом-исполнителем *по ставке, действующей на дату исполнения судебного решения*.

Таким образом, в рассматриваемой проблематике важным вопросом выступает определение *даты*, на которую определяется размер ключевой ставки Центрального банка РФ, что, соответственно, напрямую отражается в судебной практике.

В соответствии с п. 65 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 истец – государственный заказчик (публичный орган) вправе требовать присуждения неустойки по день фактического исполнения обязательства (в частности, фактической уплаты кредитору денежных средств, передачи товара, завершения работ). Присуждая неустойку, суд *по требованию истца* в резолютивной части решения указывает *сумму неустойки, исчисленную на дату вынесения решения* и подлежащую взысканию, а также то, что такое взыскание производится до момента фактического исполнения обязательства.

На практике рассматриваемое положение о «требовании истца» не должно рассматриваться вариативно и подчеркивает диспозитивное право истца на заявление неустойки с предоставлением ее точного расчета (в твердой денежной сумме), а также расчета по соответствующей формуле (методике) до даты фактического исполнения обязательства, т.е. общего размера иска – взыскиваемой суммы. Следовательно, уже само по себе обращение заказчика с иском в суд влечет за собой необходимость отражения в судебном акте размера присужденной (взыскиваемой) суммы неустойки (ч. 5 ст. 170 АПК РФ, ч. 5 ст. 198 ГПК РФ).

Анализируемые разъяснения Верховного Суда РФ свидетельствуют о необходимости разделения двух видов неустойки в зависимости от периода их исчисления: неустойка (пени), рассчитанная (присужденная) в твердой сумме на момент вынесения решения суда; неустойка (пени), исчисляемая (присужденная) по день фактического исполнения платежа – до погашения долга (т.е. на будущий период неисполнения).

Более того, в судебной практике отмечается, что установленные законодательством о контрактной системе положения о неустойке свидетельствуют о возможности предусмотреть в контракте случаи, когда такая неустойка может быть не только зачетной (как по общему правилу ст. 394 ГК РФ), но и также исключительной – когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков;

[16] Аналогичный подход также действует при определении размера законной неустойки по оплате потребленных электрических ресурсов (см.: вопрос 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016 г.) // В официальных источниках опубликован не был).

штрафной – когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки; или альтернативной – когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки[17] (п. 60 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7).

Из приведенных разъяснений следует, что исчисление пени, исходя из меняющихся экономических показателей (ставки Банка России), с учетом длящегося характера нарушения обязательства, и учет соответствующих периодов действия ставок Центрального банка РФ в течение просрочки не является верным.

Из буквального текста положения п. 38 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе не следует: *идет ли речь о применении толкования к случаям, когда спорное обязательство уже исполнено (но с просрочкой), либо не исполнено вовсе*. Вместе с тем отдельные судебные акты Верховного Суда РФ и окружных арбитражных судов свидетельствуют о применении данного Обзора (расчет неустойки по ставке, действующей на момент вынесения решения) *лишь к случаям, когда обязательство не было исполнено*[18].

Такое толкование объясняется тем, что если обязательство исполнено с просрочкой и мы можем установить дату его исполнения (прекращения обязательства исполнением, ст. 408 ГК РФ), то при расчете неустойки надо руководствоваться ставкой Центрального банка РФ на момент прекращения обязательства. В случае, когда обязательство не исполнено (в процессе исполнения), применяется ставка, действующая на дату принятия судом решения.

Таким образом, *судебная практика ограничила возможность расширительного толкования разъяснений Верховного Суда РФ, данных в п. 38 Обзора, только случаями, когда обязательство не исполнено*. По сути, возникает вопрос в толковании положения ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе об исчислении пени в размере (ставке) «на дату уплаты». Такой подход обусловлен тем, что если точка отсчета при исполненном обязательстве очевидна, то иной подход, например, о применении ставки Банка России на день вынесения решения суда, не соответствовал бы привязке пени к конкретному обязательству.

Следует обратить внимание, что разъяснения, данные в отношении неустойки по муниципальным и государственным контрактам в Обзоре Верховного Суда РФ 2017 г., не содержатся в п. 65 постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7, разъясняющем применение общих положений о неустойке (ст. 330 ГК РФ). Можно также допустить, что Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе (2017 г.) содержит более актуальную позицию Верховного Суда РФ, нежели в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7 (2016 г.).

В данном случае необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что может вызывать дискуссии в рассматриваемом Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе фраза о том, что «суд вправе применить размер ставки». На практике же сформировался устойчивый подход относительно того, что данная формулировка говорит, фактически, о праве суда самостоятельно установить основания для взыскания неустойки (исполнено обязательство либо нет), а относительно применяемой ставки подход должен быть однозначным.

По смыслу статьи 330 ГК РФ взыскание неустойки направлено на компенсацию экономических потерь кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением должником своих обязательств. Должна применяться ставка, позволяющая максимальным образом обеспечить защиту права кредитора и покрыть его инфляционные и иные потери. В связи с этим не имеется оснований в отсутствие прямого указания в законе при расчете неустойки учитывать соответствующие периоды действия ставок рефинансирования ЦБ России в течение просрочки (абз. 11–12 п. 38 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе).

Само правило, установленное ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе, содержит возможное исключение его применения: законодательством Российской Федерации может устанавливаться иной порядок начисления пени. Необходимо обратить внимание, что соответствующее правило не конкретизирует законодательство, в котором такой порядок может быть установлен. Это потенциально может создать определенные проблемы при правоприменении, тем более что нет ясности в том, что понимается под «порядком начисления пени»; общие положения Гражданского кодекса РФ о неустойке (ст. 330–333) его не раскрывают (и не используют).

Дискуссионной является правовая регламентация случаев, когда какая-либо из сторон контракта до (в ходе судебного разбирательства) или после вынесения судом решения отказалась от договора в порядке ст. 450[1] ГК РФ, порядок реализации и правовые последствия которого достаточно ясно раскрыты в п. 14–16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»[19].

Известно, что в силу п. 36 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе пеня за просрочку исполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту подлежит начислению до момента прекращения договора в результате одностороннего отказа заказчика от его исполнения[20]. Одновременно за факт неисполнения государственного (муниципального) контракта, послужившего основанием для одностороннего отказа от договора, может быть взыскан штраф в виде фиксированной суммы.

В приведенном выше положении Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе рассматриваются случаи отказа от контракта, заявленного заказчиком, в частности при существенной просрочке исполнения со стороны поставщика (исполнителя), поскольку последний в соответствующих случаях может быть внесен в реестр недобросовестных поставщиков (ст. 104 Закона о контрактной системе), что будет препятствовать в будущем заключению договоров в области федеральной контрактной системы.

[17] См., напр.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.01.2022 г. № 305-ЭС21-16757.

[18] См., напр.: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.12.2018 г. № 302-ЭС18-10991 и от 18.09.2019 г. № 308-ЭС19-8291; постановления Арбитражного суда Московского округа от 27.07.2021 г. № Ф05-17481/2021 и от 09.07.2021 г. № Ф05-15749/2021; и др.

[19] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[20] Аналогичный подход отражен в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.03.2021 г. № 7-П // СЗ РФ. 2021. № 13 (ч. II), ст. 2316.

В этой связи следует определиться по следующим вопросам: вправе ли заказчик отказаться от исполнения договора после обращения в суд с иском о взыскании неустойки (пени); применяются ли правила об исчислении неустойки (пени) по контракту и (или) законодательству о контрактной системе с даты заявления отказа от исполнения договора?

По первому вопросу не вызывает сомнения возможность заказчика заявить такой отказ от договора на любой стадии его исполнения, в том числе после обращения в суд с соответствующим иском. Отказ от договора является материальным правом и допустим в том числе в ходе судебного разбирательства и на стадии исполнения судебного акта.

Второй вопрос видится более сложным. С одной стороны, при прекращении договора, которое становится следствием отказа от него в порядке ст. 450^1 ГК РФ, прекращаются договорные обязательства и, как следствие, применение норм Закона о контрактной системе. С другой стороны, в целях устранения противоречий в судебной практике Верховным Судом РФ разъяснено, что по общему правилу при прекращении основного обязательства (в том числе при отказе от договора) «неустойка начисляется до момента такого прекращения», а исключение составляют случаи на период действия (сохранения) основного обязательства – до момента его исполнения, например, по возврату арендованного имущества, ссуды, займа и т.д. (абз. 1 п. 66 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7).

Следует определиться с возможностью в целом применения общего правила о неустойке к неустойке, вытекающей из исполнения государственных и муниципальных контрактов. В данном вопросе противоречий нет и общие положения вполне применимы к отношениям по договорам в сфере федеральной контрактной системы, за исключением случаев, когда их применение будет противоречить существу рассматриваемых обязательств. Полагаем возможным упомянуть позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в постановлении от 18 марта 2021 г. № 7-П[21], согласно которой (п. 3) отношения, связанные с исполнением обязательств при поставке товаров для государственных и муниципальных нужд, регулируются гражданским законодательством, прежде всего § 4 гл. 30 ГК РФ, а также Законом о контрактной системе.

По нашему мнению, в настоящее время отсутствуют противоречия в актуальной судебной практике в вопросе о возможности снижения суммы рассматриваемой неустойки (пени)[22]. Так, снижение установленной контрактом неустойки (пени) возможно по ст. 333 ГК РФ, однако при соблюдении соответствующих условий, среди которых требования о недопустимости ее снижения ниже предела, установленного п. 1 ст. 395 ГК РФ, или в отсутствие заявления о ее уменьшении (п. 72, 78 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7). Критерии, предопределяющие размер снижения законной неустойки, периодически анализируются в юридической доктрине и зависят от многих факторов (фактический вред, длительность и причины неисполнения обязательств и т.д.)[23].

Исследуя данную проблематику, следует также принимать во внимание следующее. Судебная система Российской Федерации призвана обеспечить единство подходов применения правовых норм и их формальной определенности при отправлении правосудия, о чем неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ[24]. В качестве правовых последствий отступления от данного принципа действующее процессуальное законодательство закрепляет особые основания для отмены или изменения судебного постановления в порядке надзора – нарушение «единообразия в толковании и применении судами норм права» (п. 3 ст. 391^9 ГПК РФ и п. 3 ст. 308^8 АПК РФ). Такой подход нашел свое отражение и в судебной практике[25]. Так, под нарушением единообразия в толковании и применении норм права понимается содержащееся в судебном постановлении такое толкование и применение правовых норм, которое противоречит разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ[26].

Важнейшее правомочие Пленума Верховного Суда РФ по разъяснению вопросов судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ[27] направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы.

В результате принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ либо Обзора судебной практики, разъясняющих смысл той или иной нормы права, применение судами в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с данными разъяснениями, поскольку в противном случае иное может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела[28]. В этой связи видятся необходимыми дополнительные разъяснения Верховного Суда РФ, препятствующие различному толкованию норм о порядке исчисления неустойки за нарушение договоров в сфере контрактной системы.

Заключение

В процессе рассмотрения споров по искам о взыскании неустойки вследствие нарушения условий государственных (муниципальных) контрактов в судебной

[21] См.: СЗ РФ. 2021. № 13 (ч. II), ст. 2316.

[22] Отдельные исследователи высказывают точку зрения о невозможности снижения по ст. 333 ГК РФ установленной законом неустойки, возникшей в процессе осуществления предпринимательской деятельности (см., напр.: *Карпеев О.В.* Законная неустойка за просрочку доставки груза железнодорожным перевозчиком и судейское усмотрение (по материалам арбитражной судебной практики) // Транспортное право. 2018. № 2. С. 13–16).

[23] См., напр.: *Зардов Р.С.* Законная неустойка в российском праве. М., 2020.

[24] См., напр.: пункт 4.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

[25] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.04.2016 г. № 1-ПВ16 и п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 г.).

[26] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2015 г. № 5-ПВ15; п. 1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3 (начало); № 4 (окончание).

[27] См.: пункт 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550.

[28] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 г. № 29-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

практике с момента принятия Закона о контрактной системе возникало множество проблемных вопросов с расчетом пени. Это видно из анализа судебной практики, а также различного рода разъяснений государственных органов по вопросам применения данного нормативного правового акта. Часть соответствующих проблем была связана с изначальным подходом законодателя к формулированию положений п. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе, когда размер неустойки определялся не в строго определенном размере, а на основе формулы; эти проблемы были решены последовательным изменением анализируемого правила, в результате чего у сторон контракта не осталось усмотрения. Тем не менее упомянутые выше вопросы исчисления неустойки по контракту вызывают множество разночтений, что ведет при проведении в последующем контрольных мероприятий к претензиям со стороны контролирующих органов к заказчикам в части неверного применения размера ключевой ставки в расчете, арифметических ошибок и т.д.[29]

При применении норм действующего законодательства (ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе в текущей редакции) в правоприменительной практике в части определения порядка расчета суммы неустойки (пени) за неисполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) государственных и муниципальных контрактов следует: определять факт и конкретные даты исполнения обязательств по контракту либо его этапу; расчет суммы пени производится применительно к неисполненному (ненадлежащим образом исполненному) этапу контракта либо контракту в целом соответственно; пеня в случаях исполнения обязательств рассчитывается по ключевой ставке Центрального банка РФ, действующей на день исполнения; пеня в случаях неисполнения обязательств рассчитывается по ключевой ставке Центрального банка РФ, действующей на день вынесения решения суда.

Полагаем, исследуемый дифференцированный подход еще не раз будет дополнительно разъясняться Верховным Судом РФ в соответствующих постановлениях и обзорах.

При этом, как представляется, оставлять текущее регулирование в его нынешнем состоянии нельзя. В юридической литературе уже отмечалось, что если при взыскании пени с заказчика «особых проблем с определением размера и условий взыскания» не возникает, то при взыскании пени с подрядчика (исполнителя) расчет пени представляется более сложным[30]. В связи с чем требуется коррекция положений ч. 7 ст. 34 Закона о контрактной системе во избежание разночтений и вариативных толкований, в части их более существенной детализации. Целесообразно, с одной стороны, упростить текст нормы ч. 7 ст. 34 указанного Закона о контрактной системе, с другой – «перенести» на уровень закона разъяснения судебной практики (в части размера ключевой ставки). Возможно, следует подумать и о более детальном регулировании вопроса исчисления неустойки в Гражданском кодексе РФ, опять же включая дополнение действующих кратких положений ст. 330–333 ГК РФ теми правилами, которые сложились в процессе правоприменения.

[29] См.: пункт 5.2.3 письма Казначейства России от 30.10.2020 г. № 07-04-05/21-22278 «О направлении обобщенной информации по результатам контрольных мероприятий» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

[30] См.: *Чваненко Д.А.* Проблемы взыскания неустоек по государственным контрактам // Прогосзаказ.рф. 2019. № 12. С. 48–54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 387.
2. *Головизнин А.В.* Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в контрактных отношениях поставок товаров (выполнения работ, оказания услуг) для государственных или муниципальных нужд: анализ правоприменения // Право и экономика. 2019. № 3. С. 55–60.
3. *Зардов Р.С.* Законная неустойка в российском праве. М., 2020.
4. *Карпеев О.В.* Законная неустойка за просрочку доставки груза железнодорожным перевозчиком и судейское усмотрение (по материалам арбитражной судебной практики) // Транспортное право. 2018. № 2. С. 13–16.
5. *Тасалов Ф.А.* Практика Верховного Суда Российской Федерации в сфере публичных закупок: на пути к формированию единых подходов к применению законодательства о контрактной системе // Актуальные проблемы росс. права. 2017. № 1. С. 116–125.
6. *Федоров А.А.* Проблемные вопросы начисления и взыскания неустоек по контрактам // Государственные и муниципальные закупки-2016: сб. докладов XI Всеросс. практ. конф.-семинара. М., 2016. С. 128–133.
7. *Цатурян Е.А.* Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики. М., 2020.
8. *Чваненко Д.А.* Неустойка по государственному контракту: анализ спорных вопросов // Юрист. 2015. № 14.
9. *Чваненко Д.А.* Проблемы взыскания неустоек по государственным контрактам // Прогосзаказ.рф. 2019. № 12. С. 48–54.

REFERENCES

1. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contract law: General provisions. M., 1997. P. 387 (in Russ.).
2. *Goloviznin A.V.* Penalty as a measure of civil liability in contractual relations of supplies of goods (performance of works, provision of services) for state or municipal needs: analysis of law enforcement // Law and Economics. 2019. No. 3. P. 55–60 (in Russ.).
3. *Zardov R.S.* Legal penalty in Russian law. M., 2020 (in Russ.).
4. *Karpeev O.V.* Legal penalty for late delivery of cargo by a railway carrier and judicial discretion (based on the materials of arbitration court practice) // Transport Law. 2018. No. 2. P. 13–16 (in Russ.).
5. *Tasalov F.A.* The practice of the Supreme Court of the Russian Federation in the field of public procurement: towards the formation of unified approaches to the application of legislation on the contract system // Actual problems of Ross. rights. 2017. No. 1. P. 116–125 (in Russ.).
6. *Fedorov A.A.* Problematic issues of accrual and recovery of penalties under contracts // State and municipal procurement-2016: collection of reports XI All-Russian practical conf.-seminar. M., 2016. P. 128–133 (in Russ.).
7. *Tsaturyan E.A.* State contract in the Civil Law of Russia: problems of theory and practice. M., 2020 (in Russ.).
8. *Chvanenko D.A.* Penalty under a state contract: analysis of controversial issues // Lawyer. 2015. No. 14 (in Russ.).
9. *Chvanenko D.A.* Problems of collecting penalties under state contracts // Progoszakaz.rf. 2019. No. 12. P. 48–54 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГАБОВ Андрей Владимирович –
доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета; 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ЛАПТЕВ Василий Андреевич –
доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

GABOV Andrey V. –
Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Sector the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Scientific Supervisor of the Law Institute of the Belgorod State National Research University; 85 Pobedy str., 308015 Belgorod, Russia

LAPTEV Vasiliy A. –
Doctor of Law, Judge of the Moscow Arbitration Court, chief researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 86–91
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 86–91

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РАБОТАХ О.И. КРАССОВА (К юбилею ученого)

© 2022 г. И. А. Игнатьева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: land@law.msu.ru

Поступила в редакцию 11.10.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена 70-летию профессора О.И. Крассова. Творческое наследие ученого значительно по объему и разносторонне по содержанию. В данном случае для исследования выбраны те работы О.И. Крассова, в которых проанализированы основные понятия экологического права и их определения, включая собственно понятие «экологическое право». Целью работы является выявление взглядов ученого на широко используемый понятийный аппарат экологического права, изучение его доводов и обоснований. Ясный язык, аргументированность, подкрепление своего мнения широким знанием правового материала и научной литературы сделали выводы профессора относительно определений базовых правовых понятий не теряющими актуальности, ценными для широкого круга исследователей.

Ключевые слова: экологическое право, окружающая среда, благоприятная окружающая среда, природопользование, земля, лес, животный мир, объект животного мира, почва.

Цитирование: *Игнатьева И.А.* Понятийный аппарат экологического права в работах О.И. Крассова (К юбилею ученого) // Государство и право. 2022. № 12. С. 86–91.

DOI: 10.31857/S102694520023303-4

THE CONCEPTUAL APPARATUS OF ENVIRONMENTAL LAW IN THE WORKS OF O.I. KRASSOV (To the anniversary of the scientist)

© 2022 I. A. Ignateva

Lomonosov Moscow State University

E-mail: land@law.msu.ru

Received 11.10.2022

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of Professor O.I. Krassov. The creative heritage of the scientist is significant in volume and versatile in content. In this case, the choice was made on those works by O.I. Krassov, which include an analysis of the basic concepts of Environmental Law and their definitions, including the actual concept “environmental law”. The purpose of the work is to identify the scientist’s views on the widely used conceptual apparatus of Environmental Law and to study his arguments and justifications. Clear language, argumentation, the use of broad knowledge of legal material and scientific literature have made the professor’s conclusions regarding the definitions of basic legal concepts are relevant, valuable for a wide range of researchers.

Key words: Environmental Law, environment, favorable environment, use of natural resources, land, forest, wildlife, wildlife object, soil.

For citation: *Ignateva, I.A. (2022).* The conceptual apparatus of Environmental Law in the works of O.I. Krassov (To the anniversary of the scientist) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 86–91.

В 2022 г. Олегу Игоревичу Крассову исполнилось бы 70 лет. Автор этих срок совместно проработала с профессором О.И. Крассовым на кафедре экологического и земельного права с момента его прихода на работу на юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1995 г. вплоть до его внезапной кончины. Воспоминания о ярком ученом неразрывно связаны с его творческим наследием, книгами и научными статьями, оставленными для нынешних и будущих исследователей проблем природоресурсного и природоохранного права.

Надо заметить, что Олег Игоревич приступил к работе в МГУ, будучи широко известным исследователем лесного права, автором двух диссертаций, монографий, весомого ряда научных статей. Его представления о месте экологического права в российской системе права явились уже устоявшимися, и они были характерными для научной школы экологического права Института государства и права РАН, в среде которой он прежде всего состоялся как ученый, чем для научной школы юридического факультета МГУ. Поэтому суждения проф. О.И. Крассова относительно экологического права в определенной мере оказались отличны от взглядов последователей проф. В.В. Петрова (к коим относит себя и автор этой статьи).

Так, О.И. Крассов в большинстве своих работ понимал экологическое право как совокупность природоохранных по содержанию правовых норм, а иногда включал в него еще и нормы по охране и использованию животного мира. Система экологического права излагалась им несколько иначе, чем в работах В.В. Петрова, наиболее явно это выражено в видении О.И. Крассовым особенной части экологического права.

Специфика подходов О.И. Крассова, умение логично и убедительно обосновать свою точку зрения, с иных позиций посмотреть на некоторые как будто очевидные вещи, по субъективным ощущениям автора этой статьи, привнесли некую свежесть и новизну в процесс исследования экологического права, заставляя его коллег искать новые аргументы, заново обдумывать базовые постулаты экологического права. С его позицией можно было не соглашаться, но она всегда вызывала уважение. И уж никак невозможно было не восхититься творческой энергией профессора, его высокой работоспособностью, желанием исследовать все новые и новые сферы правового регулирования отношений по природопользованию и охране окружающей среды!

Работы в области экологического права занимают немалое место в творческом наследии ученого, несмотря на то что наиболее известными, очевидно, являются его труды, направленные на исследование земельного права и иных природоресурсных отраслей права. Выводы профессора по экологическому праву продолжают оставаться значимыми как для научного сообщества, так и для студентов, преподавателей, субъектов правоприменительной деятельности.

Несомненно, отрасль экологического права отличается специфическим понятийным аппаратом. Причем по ряду вопросов, к которому относится и определение базовых понятий экологического права, не наблюдается единства мнений[1]. Неясность, неконкретность дефиниций с особенной яркостью проявляется в правоприменительной деятельности, когда судебным органам приходится разъяснять и чуть ли не дополнять фактически отдельными характеристиками то или иное правовое понятие, используемое в эколого-правовом регулировании[2]. На этом фоне особую ценность представляет последовательность и аргументированность доводов, ясность и конкретность выводов О.И. Крассова, касающихся установления содержания важнейших отраслевых правовых понятий.

Важность работы с понятийным аппаратом неоднократно подчеркивалась самим ученым. В своих статьях он рассматривает правовые понятия как «составные части конструкций правовых норм», подчеркивает необходимость их точности и однозначности[3]. С этих позиций считаем необходимым отметить в качестве наиболее существенных для науки заключения ученого относительно таких ведущих понятий, как «экологическое право», «окружающая среда», «благоприятная окружающая среда», равно как его подчеркивание экологических аспектов понятий отдельных природных объектов (компонентов окружающей среды).

Так, дискуссия о наименовании отрасли права, регулирующего отношения по охране окружающей среды, начавшаяся еще в 1980-х годах, нашла отражение в работах О.И. Крассова. Наряду с другими учеными он писал о некорректности термина «экологическое право»[4], хотя противоположное мнение также нашло отражение в научной литературе[5] и, надо признать, сегодня широко распространено.

Заметим, что понимание экологического права в работах О.И. Крассова несколько изменилось с течением времени. Так, в первом издании учебника по экологическому праву он определил предмет отрасли как «общественные отношения, возникающие по поводу охраны окружающей природной среды от вредных химических, физических и биологических воздействий, обеспечения режима особо охраняемых природных территорий, а также охраны и использования животного мира»[6]. В последующем в учебной литературе предмет экологического права определен ученым несколько иначе: это «широкий спектр общественных экологических отношений, связанных с осуществлением мер по охране окружающей природной среды в сфере природопользования от негативных воздействий

[1] См.: *Голиченков А.К.* Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конференций. 1995–1998 гг. М., 1999. С. 37–43; *Игнатьева И.А.* Экологическое право: вопросы теории. М., 2020.

[2] См., например, рассмотрение понятия «вред окружающей среде» в: постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярнефть”» // СЗ РФ. 2015. № 24, ст. 3547.

[3] См.: *Крассов О.И.* Земельный участок – основа понятийного аппарата земельного права // Экологическое право. 2011. № 4. С. 4–12.

[4] *Крассов О.И.* Земельное право: учеб. М., 2000. С. 44; *Бринчук М.М.* Экологическое право (право окружающей среды): учеб. М., 1998. С. 6, 93–95; *Тимошенко А.С.* О понятии и содержании права окружающей среды // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1987. № 5. С. 47.

[5] См.: *Колбасов О.С.* Коренные понятия экологического права // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конференций. Вып. 2. 1999–2000 гг. / под ред. А.К. Голиченкова. М., 2001. С. 62–67; *Шестерюк А.С.* Экологическое право: вопросы теории и методологии анализа. СПб., 2000. С. 32, 33.

[6] *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. М., 2001. С. 39.

(химических, физических, биологических) и мер консервативной охраны природы»[7].

Таким образом, при наличии двух пониманий экологического права в отраслевой науке – узкого и широкого[8] – О.И. Крассов поддерживал именно первый из подходов. Такое видение отвечает в целом задачам преподавания учебной дисциплины «Экологическое право» на юридическом факультете МГУ, предполагающей изучение главным образом права, регулирующего отношения по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности. Но эта же концепция экологического права поддерживалась ученым для научных целей; обозначаемое термином «экологическое право» отдельное направление правового регулирования связывается в его трудах именно с областью охраны природы[9].

С этим подходом трудно согласиться, так как полагаем, что использование термина «экологический» для наименования отрасли права и соответствующей отрасли науки в действительности позволяет увидеть и обозначить соответственно их более широкое содержание и объем. Экологическим является то, что имеет отношение, пусть опосредованное, к экологии. Если учесть, что социальная экология изучает взаимоотношения социальных групп общества с природой[10], то наименование «экологическое право» открывает возможности для обоснования включения в предмет такой отрасли все общественные отношения, возникающие в сфере взаимодействия общества и природы, а охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности наряду с природопользованием (использованием природных ресурсов) совместно можно было бы рассматривать как «основные направления, по которым объективно развиваются общественные отношения в сфере “общество – природа”»[11].

Необходимость охраны окружающей среды, компонентов природной среды возникает именно в связи с использованием природных ресурсов, охрана элементарно становится невостребованной в ситуации, когда не нарушается естественный ход природного развития. По верному замечанию О.И. Крассова, «то, чем не пользуются в широком смысле слова, в охране не нуждается»[12]. Если же речь идет только об отношениях в области охраны окружающей среды как предмете правового регулирования, то и отрасль права целесообразно и удобно было бы именовать природоохранной либо природоохранительной. Вспомним, что в Законе РФСФР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»[13] использовались понятия «природоохранительное законодательство», «природоохранительные отношения», «природоохранительная деятельность», «природоохранительные задачи».

Понятие «окружающая среда» также было критически осмыслено О.И. Крассовым. Это понятие в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[14] раскрывается через перечисление его составных частей: компонентов природной среды; природных объектов; природно-антропогенных объектов; антропогенных объектов. Понятие «природная среда», или «природа», определено как совокупность тех же объектов, кроме антропогенных.

Очевидно, в данных нормах сказалось влияние принятых в науке экологии подходов. В частности, Н.Ф. Реймерс рассматривал окружающую человека среду как совокупность природной, социальной и техногенной сред[15]. Такая зависимость объема и содержания одного из основополагающих правовых понятий экологического права от выводов, важных для сугубо экологических исследований, полагаем, не уместна, не оправдана традицией и собственно современным содержанием правового регулирования отношений по охране окружающей среды. Влияние естественнонаучных основ на развитие экологического права и законодательства в результате, полагаем, оказалось чрезмерным и невостребованным.

По верному замечанию О.И. Крассова, понятие призвано отражать как правовую, так и реальную сущность предмета[16]. Если учесть, что Федеральный закон об охране окружающей среды регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы (преамбула), то разделение понятий «окружающая среда» (с антропогенными объектами в ее составе) и «природная среда» лишено смысла. В этом аспекте весьма точным предстает замечание О.И. Крассова, что закрепленный в Федеральном законе об охране окружающей среды подход к определению понятия «окружающая среда» не имеет практического значения[17]. В самом деле, получилось, что Федеральный закон буквально начинается разделением понятий «окружающая среда» и «природная среда», а далее весь посвящен регулированию отношений в области охраны окружающей среды в смысле среды исключительно природной. И название его при этом также основывается на применении термина «окружающая среда».

Определение окружающей среды в таком виде образует, по оценке О.И. Крассова, «весьма своеобразное понятие»[18]. Это понятие в результате «не соответствует представлениям, сформулированным в теории экологического права в течение десятилетий» (О.И. Крассов в этом выводе также опирается на работы О.С. Колбасова, В.В. Петрова, С.А. Боголюбова)[19].

---

[7] *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., пересмотр. М., 2008. С. 41, 42.

[8] См.: *Голиченков А.К.* Понятие, предмет и система экологического права в широком смысле слова // Экологическое право России: сб. матер. науч.-практ. конференций. 1995–1998 гг. С. 42.

[9] См.: *Крассов О.И.* Концепция правового механизма управления качеством окружающей природной среды в правовом наследии профессора В.В. Петрова // Экологическое право. 2009. № 2/3. С. 33.

[10] См.: *Делятицкий С., Зайонц И., Чертков Л., Экзарьян В.* Экологический словарь. М., 1993. С. 94.

[11] *Голиченков А.К.* Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение. С. 42.

[12] *Крассов О.И.* Соотношение использования и охраны в праве природопользования // Право природопользования в СССР / отв. ред. И.А. Иконицкая. М., 1990. С. 79.

[13] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10, ст. 457 (утратил силу).

[14] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

[15] См.: *Реймерс Н.Ф.* Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 13.

[16] См.: *Крассов О.И.* Земельный участок – основа понятийного аппарата земельного права. С. 4–12.

[17] См.: *Крассов О.И.* Концепция правового механизма управления качеством окружающей природной среды в правовом наследии профессора В.В. Петрова. С. 38.

[18] *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., пересмотр. С. 28.

[19] См.: *Крассов О.И.* Концепция правового механизма управления качеством окружающей природной среды в правовом наследии профессора В.В. Петрова. С. 38.

Задолго до появления Федерального закона об охране окружающей среды с его спорными подходами к объекту правового регулирования О.С. Колбасовым был сформулирован вывод о тождественности понятий «природа» и «окружающая среда», определяя их как «весь материальный мир, находящийся вне человеческого общества, окружающий общество»[20]. Человек по отношению к природе (окружающей среде), как писал О.С. Колбасов, представляет собой часть общества, отдельную его единицу; игнорирование же этого обстоятельства оценивается как ведущее к тому, что «элементами окружающей среды признаются не только природные объекты, но и все люди и социальные вещи»[21].

Эти важные, по сути, первостепенные для развития отраслевой науки положения в дальнейшем были бережно восприняты О.И. Крассовым, подчеркнувшим необходимость отделения человека как социального существа от природы: «*Общество* составляют люди, социальные процессы и явления, происходящие в нем, предметы, извлеченные из природной среды, и вещи, созданные трудом человека. *Природа* – это все то, что не включается в понятие общества, все, что находится вне общества... Природа – это материя, которая окружает общество»[22].

Иными словами, окружающая среда в качестве объекта правового регулирования для отрасли экологического права и законодательства не предполагает иной трактовки, чем понимание ее как природной. Именно по этой причине, думается, Закон РСФСР 1991 г. был назван «Об охране окружающей природной среды» и оперировал понятием «окружающая природная среда». Как заключил О.И. Крассов, «вполне правомерно использовать как термин “окружающая среда”, так и термин “окружающая природная среда”, имея в виду только природу, природную среду»[23]. В данной ситуации не следовало множить сущности, которые являются равнозначными по своему практическому значению. И проф. О.И. Крассов стал одним из немногих исследователей, кто принципиально и последовательно отстаивал позиции юридической науки в этом вопросе.

Полагаем, что в дополнение к этому выводу важно обратить внимание на то, что согласно Федеральному закону об охране окружающей среды деятельность по охране окружающей среды – это то же самое, что и природоохранная деятельность (ст. 1), и, следовательно, иными словами, деятельность по охране природы. В таком случае такой объект охраны, как «окружающая среда», становится идентичным объекту «природа». Интересно, что такой взгляд на соотношение производных от терминов «окружающая среда» и «природа» понятий нашел отражение в научной литературе[24].

В Конституции РФ 1993 г. как основе для развития экологического права и законодательства неоднократно употреблен термин «окружающая среда». При этом в большинстве своем конституционные положения не оставляют возможности допустить какие-то иные, «неприродные» аспекты понятия «окружающая среда». Так, ст. 42 Конституции РФ установлено право каждого на благоприятную окружающую среду. В ст. 1 Федерального закона об охране окружающей среды благоприятная окружающая среда понимается как окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Иными словами, благоприятная окружающая среда как окружающая среда со специальными характеристиками ее качества не предполагает наличие в своем составе антропогенных объектов, учет состояния таковых. В данном случае, полагаем, однозначно подразумевается та среда, которая в том же Федеральном законе названа природной.

В п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в едином перечне, совместно перечислены природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, а также особо охраняемые природные территории (после внесения поправок в этом же пункте появилось сельское хозяйство). Очевидно, что здесь Конституция РФ также не предполагает ухода от природных аспектов окружающей среды.

Следует признать, что есть терминологическая трудность в разделении понятий «природа» и «окружающая среда» в ст. 58 Конституции РФ. М.М. Бринчук такое употребление двух понятий в ст. 58 Конституции РФ совершенно точно, на наш взгляд, назвал двусмысленным и невнятным[25]. Все дело в том, что формулировка ст. 58 не сочетается ни с применявшимся в законодательстве на момент разработки и принятия Конституции РФ термином «окружающая природная среда», ни с впоследствии устоявшимся «окружающая среда». Причем в этом случае понятие «природа» предстало как самостоятельное и равноценное понятию «окружающая среда», а не как составная часть последнего (как это следует из официального подхода, изложенного в Федеральном законе об охране окружающей среды, в котором в этой части, следовательно, не учтено анализируемое конституционное положение).

О.И. Крассов также критически оценил дефиницию понятия «благоприятная окружающая среда» в Федеральном законе об охране окружающей среды. Дело в том, что определение указанного понятия заключает в себе несколько самостоятельно определенных в том же Федеральном законе понятий: «качество окружающей среды», «естественная экологическая система». Анализируя всю группу соответствующих определений, проф. О.И. Крассов в итоге характеризует определение понятия «благоприятная окружающая среда» как далекое от совершенства[26]. В частности, им отмечено: «Признание в качестве критерия, который бы свидетельствовал о благоприятном состоянии окружающей среды, устойчивого функционирования естественных экологических систем не имеет никакого юридического значения, его невозможно использовать в правоприменительной практике. Такой признак экологической системы, как часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы, также не имеет правового значения. Законодательство не предусматривает возможности определения и установления границ экосистем, в отличие от, например, земельных участков или участков недр»[27].

Показательно, что в раскрытии содержания правовых понятий, обозначающих отдельные природные объекты, О.И. Крассовым часто подчеркиваются экосистемные аспекты их сущности. Так, земля у него – «живой организм, это

[20] *Колбасов О.С.* Экология: политика – право. М., 1976. С. 19.

[21] Там же. С. 17.

[22] *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., пересмотр. С. 27.

[23] Там же. С. 29.

[24] См.: *Полянская Г.Н.* Актуальные вопросы лесного законодательства. М., 1985. С. 49.

[25] См.: *Бринчук М.М.* Экологическое право: объекты экологических отношений. М., 2011. С. 47.

[26] См.: *Крассов О.И.* Концепция правового механизма управления качеством окружающей природной среды в правовом наследии профессора В.В. Петрова. С. 39.

[27] Там же.

важнейшая часть экологической системы, в которой мы живем, нередко не задумываясь над тем, сколь варварски мы обращаемся с ней, как с какой-то потребляемой вещью»[28].

Определение леса, по мнению проф. О.И. Крассова, должно было бы включать в себя только растительные организмы, в то время как туманные формулировки действующего законодательства направлены на решение, главным образом, экономических задач на основе использования земель, недр, вод, животного мира наряду с собственно растительными организмами[29]. Рубки леса он оценивает как оказывающие сильное дестабилизирующее влияние на природную среду, причем проблемы охраны в этом случае возникают совокупно в отношении лесов, вод, земель, животного мира[30].

Анализируя понятие «объект животного мира» как элемент содержания понятия «животный мир», О.И. Крассовым отмечается, что объект животного мира должен являться «составной частью окружающей среды.., принадлежностью природной среды»[31]. В то же время ученым из этого понятия исключаются микроорганизмы, которые не могут быть отделены от почвы, выступая ее неотъемлемой частью[32].

* * *

Таким образом, определения правовых понятий в трудах О.И. Крассова обогатили науку экологического права, позволили внести ясность в процесс их уяснения в преподавательской деятельности, а сами правовые понятия подчас получили дополнительные характеристики и новые ракурсы рассмотрения. Профессор обозначил свою точку зрения на широкий круг проблем эколого-правового понятийного аппарата. Немаловажно, что работы ученого в данном направлении отличает детальная проработка разных аспектов изучаемых понятий, глубокое и логичное обоснование отстаиваемых правовых позиций. Все это обеспечивает актуальность работ ученого вперед на долгие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бринчук М.М.* Экологическое право: объекты экологических отношений. М., 2011. С. 47.
2. *Бринчук М.М.* Экологическое право (право окружающей среды): учеб. М., 1998. С. 6, 93–95.
3. *Голиченков А.К.* Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1995–1998 гг. М., 1999. С. 37–43.
4. *Голиченков А.К.* Понятие, предмет и система экологического права в широком смысле слова // Экологическое право России: сб. матер. науч.-практ. конф. 1995–1998 гг. М., 1999. С. 42.
5. *Делятицкий С., Зайонц И., Чертков Л., Экзарьян В.* Экологический словарь. М., 1993. С. 94.
6. *Игнатьева И.А.* Экологическое право: вопросы теории. М., 2020.
7. *Колбасов О.С.* Коренные понятия экологического права // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конференций. Вып. 2. 1999–2000 гг. / под ред. А.К. Голиченкова. М., 2001. С. 62–67.
8. *Колбасов О.С.* Экология: политика – право. М., 1976. С. 17, 19.
9. *Крассов О.И.* Земельное право: учеб. М., 2000. С. 44.
10. *Крассов О.И.* Земельный участок как объект природы и природный ресурс // Экологическое право. 2013. № 6. С. 8–16.
11. *Крассов О.И.* Земельный участок – основа понятийного аппарата земельного права // Экологическое право. 2011. № 4. С. 4–12.
12. *Крассов О.И.* Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации. М., 2007. С. 37, 41–43.
13. *Крассов О.И.* Концепция правового механизма управления качеством окружающей природной среды в правовом наследии профессора В.В. Петрова // Экологическое право. 2009. № 2/3. С. 33, 38, 39.
14. *Крассов О.И.* Правовая регламентация лесных рубок и вопросы охраны окружающей среды // Правовая охрана окружающей среды / отв. ред. О.С. Колбасов, М.М. Славин. М., 1985. С. 51.
15. *Крассов О.И.* Природные ресурсы России: комментарий законодательства. М., 2002. С. 703, 704.
16. *Крассов О.И.* Соотношение использования и охраны в праве природопользования // Право природопользования в СССР / отв. ред. И.А. Иконицкая. М., 1990. С. 79.
17. *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. М., 2001. С. 39.
18. *Крассов О.И.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., пересмотр. М., 2008. С. 27–29, 41, 42.
19. *Полянская Г.Н.* Актуальные вопросы лесного законодательства. М., 1985. С. 49.
20. *Реймерс Н.Ф.* Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 13.
21. *Тимошенко А.С.* О понятии и содержании права окружающей среды // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1987. № 5. С. 47.
22. *Шестерюк А.С.* Экологическое право: вопросы теории и методологии анализа. СПб., 2000. С. 32, 33.

REFERENCES

1. *Brinchuk M.M.* Environmental Law: objects of environmental relations. M., 2011 (in Russ.).
2. *Brinchuk M.M.* Environmental Law (Environmental Law): textbook. M., 1998. P. 6, 93–95 (in Russ.).
3. *Golichenkov A.K.* Protection of the natural environment, ensuring environmental safety, ensuring the rational use of natural resources: terms, content, ratio // Environmental Law of Russia: collection of materials scientific and practical Conf. 1995–1998. M., 1999. P. 37–43 (in Russ.).
4. *Golichenkov A.K.* The concept, subject and system of Environmental Law in the broad sense of the word // Environmental Law of Russia: collection of materials scientific and practical Conf. 1995–1998. M., 1999. P. 317–320 (in Russ.).
5. *Delyatitsky S., Zayonts I., Chertkov L., Ekzaryan V.* Ecological Dictionary. M., 1993. P. 94 (in Russ.).
6. *Ignateva I.A.* Ecological Law: questions of theory. M., 2020 (in Russ.).

[28] *Крассов О.И.* Земельный участок как объект природы и природный ресурс // Экологическое право. 2013. № 6. С. 8–16.

[29] См.: *Крассов О.И.* Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации. М., 2007. С. 37, 41–43.

[30] См.: *Крассов О.И.* Правовая регламентация лесных рубок и вопросы охраны окружающей среды // Правовая охрана окружающей среды / отв. ред. О.С. Колбасов, М.М. Славин. М., 1985. С. 51.

[31] *Крассов О.И.* Природные ресурсы России: комментарий законодательства. М., 2002. С. 703.

[32] См.: там же. С. 704.

7. *Kolbasov O.S.* Root concepts of environmental law // Environmental Law of Russia: collection of materials of scientific and practical conferences. Issue. 2. 1999–2000 / ed. A.K. Golichenkov. M., 2001. P. 62–67 (in Russ.).

8. *Kolbasov O.S.* Ecology: politics – law. M., 1976. P. 17, 19 (in Russ.).

9. *Krassov O.I.* Land Law: textbook. M., 2000. P. 44 (in Russ.).

10. *Krassov O.I.* Land plot as an object of nature and a natural resource // Environmental Law. 2013. No. 6. P. 8–16 (in Russ.).

11. *Krassov O.I.* Land plot – the basis of the conceptual apparatus of Land Law // Environmental Law. 2011. No. 4. P. 4–12 (in Russ.).

12. *Krassov O.I.* Commentary on the Forest Code of the Russian Federation. M., 2007. P. 37, 41–43 (in Russ.).

13. *Krassov O.I.* The concept of the legal mechanism for managing the quality of the natural environment in the legal legacy of Professor V.V. Petrov // Environmental Law. 2009. No. 2/3. P. 33, 38, 39 (in Russ.).

14. *Krassov O.I.* Legal regulation of forest felling and issues of environmental protection // Legal protection of the environment / res. ed. O.S. Kolbasov, M.M. Slavin. M., 1985. P. 51 (in Russ.).

15. *Krassov O.I.* Natural Resources of Russia: Legislative Commentary. M., 2002. P. 703, 704 (in Russ.).

16. *Krassov O.I.* Correlation of use and protection in the law of nature management // The right of nature use in the USSR / ed. by I.A. Ikonitskaya. M., 1990. P. 79 (in Russ.).

17. *Krassov O.I.* Environmental Law: textbook. M., 2001. P. 39 (in Russ.).

18. *Krassov O.I.* Environmental law: textbook. 2nd ed., rev. M., 2008. P. 27–29, 41, 42 (in Russ.).

19. *Polyanskaya G.N.* Topical issues of forest legislation. M., 1985. P. 49 (in Russ.).

20. *Reimers N.F.* Ecology. Theories, laws, rules, principles and hypotheses. M., 1994. P. 13 (in Russ.).

21. *Timoshenko A.S.* On the concept and content of Environmental Law // Herald of Moscow University. Ser. 11 "Law". 1987. No. 5. P. 47 (in Russ.).

22. *Shesteryuk A.S.* Environmental Law: questions of theory and methodology of analysis. SPb., 2000. P. 32, 33 (in Russ.).

Сведения об авторе

ИГНАТЬЕВА Инна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор
кафедры экологического и земельного права
юридического факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

Authors' information

IGNATEVA Inna A. –
Doctor of Law, Professor of the Department of
Environmental and Land Law of the Law Faculty at
Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory,
119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 92–98
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 92–98

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: АКТУАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА

© 2022 г. А. А. Гришковец

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая проблема разработки оптимальной системы административного права. Возможны различные системы административного права. В зависимости от критерия, положенного в основу ее построения, известны институциональная, отраслевая, процессуальная, функциональная системы. Дана их краткая характеристика. Сформулирован вывод о том, что оптимальной является функциональная система административного права. Критерий ее построения – предмет правового регулирования. Функциональная система административного права состоит из трех подотраслей: управленческое право, полицейское право, право административной юстиции.

Ключевые слова: система административного права, критерий, элементы системы административного права, институциональная система административного права, отраслевая система административного права, процессуальная система административного права, функциональная система, управленческое право, полицейское право, право административной юстиции.

Цитирование*: Гришковец А.А.* Система административного права: актуальная трактовка // Государство и право. 2022. № 12. С. 92–98.

DOI: 10.31857/S102694520023304-5

SYSTEM OF ADMINISTRATIVE LAW: ACTUAL INTERPRETATION

© 2022 A. A. Grishkovets

Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

Received 04.10.2022

Abstract. The article is devoted to theoretical problem of optimal system of Administrative Law. It is possible different system of Administrative Law. In depend on base criterion there are institutional, branch, procedural, functional systems of Administrative Law. The author gave brief description of them. It is concluded that functional system of Administrative Law is optimal. Criterion of its building is subject of law regulation. Functional system of Administrative Law consists of management law, Police Law, law of administrative justice.

Key words*:* system of Administrative Law, criterion, elements of system of Administrative Law, institutional system of Administrative Law, branch system of Administrative Law, procedural system of Administrative Law, functional system of Administrative Law, management law, Police Law, law of administrative justice.

For citation: *Grishkovets, A.A. (2022).* System of Administrative Law: actual interpretation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 92–98.

Постановка проблемы и степень ее научной разработанности. Поиск оптимальной системы административного права имеет большое теоретическое значение и не менее важное – значение практическое. В начале третьего тысячелетия, во многом провидчески высказался в свое время Д.Н. Бахрах, можно ожидать бурного развития административно-правовой теории[1]. Ученый оказался прав.

Одной из фундаментальных проблем теории, которая не без основания привлекла и продолжает привлекать внимание российских административистов, стала проблема системы административного права. Достаточно вспомнить локальные научные дискуссии последних лет о т.н. служебном праве, административно-деликтном праве, которые напрямую связаны с научным осмыслением и построением на его основе современной системы административного права.

Проблема системы административного права как проблема общетеоретическая в разное время и с различной степенью глубины специально исследовалась или просто затрагивалась в работах ряда отечественных административистов. Достаточно назвать таких авторов, как Д.Н. Бахрах, К.С. Бельский, А.Н. Жеребцов, А.В. Кирин, П.И. Кононов, Г.И. Петров, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов, С.С. Студеникин, Ю.А. Тихомиров.

Проблема оптимальной системы административного права заметно актуализировалась после проведения в Российской Федерации конституционной реформы 2020 года, в результате которой в Конституции РФ получила правовое оформление категория «публичная власть», вследствие чего произошло масштабное обновление административного законодательства. Таким образом, возникла необходимость осмыслить систему административного права, исходя из новых правовых реалий.

Что следует понимать под системой административного права? Как известно, система (*гр.* systema (целое), составленное из частей; соединение) есть множество закономерно связанных друг с другом элементов, представляющее собой определенное целостное образование, единство[2]. Думается, следует согласиться с К.С. Бельским, который понимает под системой административного права распределение юридических норм по правовым институтам и подотраслям, а затем их построение в единое нормативное образование. Продолжая свою мысль, ученый приходит к фундаментальному выводу: «такого рода дифференциации и построения возможны на основе **различных классификационных критериев**. А так как таких критериев может быть несколько, то правильнее говорить не о системе, а о системах административного права»[3]. Напомним, понятие «критерий» (criterion) имеет греческое происхождение и означает признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо, мерило оценки[4]. Таким образом, построение той или иной системы административного права зависит от критерия, который берется за основу. С помощью различных классификационных критериев, опирающихся на объективные правовые реальности, можно построить различные системы отрасли. Особенностью системы науки административного права является то, что она интегрирует материал о всех известных системах административного права (институциональной, отраслевой, процессуальной и функциональной) в единую систему знаний об административном праве.

Следует сказать, что построение системы административного права не только результат работы свободной и творческой юридической мысли. То или иное построение системы административного права должно быть обусловлено таким классификационным критерием, который опирается на объективные административно-правовые реальности и в соответствии с ним подразделяет нормы административного права. Главное – найти такие критерии в правовой действительности. Тогда можно построить систему административного права, отвечающую следующим требованиям: а) эта система исходит из административно-правовых реальностей и дифференцирует нормы административного права в соответствии с ними; б) дает наиболее полное и объективное представление об административном праве; в) создает удобную основу для систематизации административного законодательства, для его кодификации[5].

Вряд ли можно вести сколько-нибудь продуктивную научную дискуссию о системе административного права, не опираясь на положения теории государства и права. Приходится с сожалением констатировать, что далеко не все отечественные административисты следуют этому, казалось бы, совершенно очевидному тезису. В результате появляются весьма спорные, если не сказать больше сомнительные в плане их научной состоятельности теории о выделении в предлагаемой ими системе права современной России новых правовых институтов, подотраслей, иной раз даже целых отраслей права. Их авторы нередко ошибочно отождествляют систему права и систему законодательства.

Из теории права известно, что система права – внутреннее строение элементов права, их организация, иерархия и различные связи. Структурными элементами системы права являются норма права, субинститут, правовой институт, подотрасль права и, наконец, отрасль права. Отрасли права как наиболее крупные и значимые структурные элементы системы права в отечественной юриспруденции традиционно классифицируются по предмету и методу правового регулирования. Отсюда традиционной считалась система административного права, состоящая из общей и особенной частей.

В начале 2000-х годов все громче стали раздаваться голоса о неприемлемости сохранения традиционной и прочно устоявшейся системы административного права, основанной на его разделении на общую и особенную части. По мнению Ю.А. Тихомирова, целесообразно отказаться при определении системы административного права от его традиционного деления на общую и особенную части ввиду их слабой нормативной структурированности. Отрасль административного права ученый предложил разделить на подотрасли: а) нормативно-структурная (предмет административного права, сферы регулирования, принципы, нормы); б) органы исполнительной власти; в) государственная служба; г) административно-правовые режимы; д) административный процесс, законность в управлении; е) организация государственного управления в сферах и отраслях[6].

По поводу данной системы вполне верно, но в присущей ему сдержанной манере, т.е. не слишком категорично,

---

[1] См.: *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учеб. для вузов. М., 2010. С. 33.

[2] См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 562.

[3] *Бельский К.С.* О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 6.

[4] См.: Современный словарь иностранных слов. С. 320.

[5] См.: *Бельский К.С.* Указ. соч. С. 6.

[6] См.: *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М., 2001. С. 53.

высказался Ю.Н. Старилов. Соглашаясь в принципе с тезисом Ю.А. Тихомирова о необходимости разделения административного права на подотрасли, следует отметить, что увидеть критерии подобного разделения довольно сложно[7]. Думается, здесь уместно высказаться более категорично. Критерии эти не просто «увидеть довольно сложно», эти критерии увидеть невозможно, потому что их в системе разделения административного права на подотрасли, предложенной Ю.А. Тихомировым, просто нет.

Еще в конце 90-х годов «новая система административного права» была предложена самим Ю.Н. Стариловым. Однако так ли уж она нова в действительности? В основу разделения общей и особенной частей административного права следует положить **предмет регулирования**, полагает указанный автор[8]. Общая часть административного права объединяет те правила (нормы), принципы, понятия и правовые институты, которые применимы ко всем областям административного права; иными словами, она регулирует типичное, сравнимое, общее в системе государственного управления[9]. Что касается особенной части, то, по мнению Ю.Н. Старилова, в нее целесообразно объединить правовые нормы, регламентирующие **конкретные сферы управленческой деятельности**. Такому критерию, полагает ученый, соответствуют, например, строительное право, дорожное право, предпринимательское право (его административно-правовая часть, т.е. административно-хозяйственное право), социальное право, школьное (образовательное) право, полицейское право, служебное право и т.д.[10] Конечно, резюмирует далее Ю.Н. Старилов, окончательному формированию нового Особенного административного права, т.е. выделения практически самостоятельных правовых отраслей (подотраслей административного права), должна предшествовать интенсивная и практическая деятельность как законодателей, так и ученых[11]. Ю.Н. Старилов писал это в 1998 г. Очевидно, что в данном случае произошло недопустимое отождествление «системы административного права» и «системы административного законодательства». Позднее, уже в 2010 г., ученый, рассуждая о системе административного права, специально отметил, что необходимо различать систему административного права, т.е. совокупность подотраслей, институтов и норм административного права, и систему административного законодательства, состоящую из действующих нормативных актов, взаимосвязанных и регламентирующих соответствующие отношения в сфере публичного управления[12]. Однако такого различия в конце 90-х годов Ю.Н. Старилов не делал. Подотраслями административного законодательства, полагает ученый, являются: 1) законодательство в области организации и функционирования управления (публичного управления, исполнительной власти); 2) законодательство о государственной службе (служебное право); 3) законодательство в области управленческого процесса (процессуальное управленческое право и управленческие процедуры); 4) законодательство об административных правонарушениях и производстве по делам о них (административно-юрисдикционный процесс); 5) законодательство в области защиты прав и свобод гражданина и человека, законных интересов юридических лиц, а также возмещения гражданам ущерба, причиненного незаконными действиями (бездействием) административных органов (административный процесс, понимаемый в смысле судебного разбирательства споров физических и юридических лиц с органами управления); 6) законодательство о милиции (полицейское или милицейское право); 7) законодательство в области образования (образовательное право); 8) законодательство, устанавливающее режим деятельности исполнительных органов местного самоуправления (муниципальное право). Теперь, как видно, Ю.Н. Старилов все же различает систему административного права и систему административного законодательства. К примеру, законодательство в области образования (образовательное право) уже однозначно рассматривается им как отрасль административного законодательства. Только теперь уже не вполне понятно, что есть образовательное право в системе административного права. Подотрасль, правовой институт административного права или что-то иное?

Процесс создания на базе административного права новых отраслей законодательства, отмечает, в свою очередь, Б.В. Россинский, требует переосмысления системы административного права, в частности, отказа от его деления на общую и особенную части в их традиционном понимании. Такое деление, на взгляд указанного автора, не соответствует тенденциям времени[13]. Как видно, Б.В. Россинский не ставит под сомнение традиционное деление административного права на общую и особенную части, но предлагает отказаться от их «традиционного понимания». Связывает он это с появлением новых отраслей законодательства.

В связи с появлением новых отраслей законодательства определенный интерес представляет система административного права, предложенная достаточно известным отечественным «деликтологом» А.В. Кириным, который также выступает против сохранения традиционного деления административного права на общую и особенную части. С его точки зрения, должна сохраниться **общетеоретическая часть**, объединяющая важнейшие отраслевые понятия, категории и институты, методически значимые для всей сферы исполнительно-распорядительной деятельности. При этом, по мнению А.В. Кирина, не имеет принципиального значения, сохранит эта общетеоретическая часть традиционное наименование (общая часть. – *Авт.*) или нет. Представляется необходимым, полагает он, исключить из содержания административного права устаревшую особенную часть. Причем исключить именно как устаревшую, объективно ставшую избыточной и чрезмерно перегружающей содержание отрасли детальными подробностями правового регулирования лишь одной из разновидностей субъектов административного права в виде конкретных органов исполнительной власти. Наконец, А.В. Кирин заявляет, что давно ожидаемой и актуальной заменой рудиментарной особенной части может стать включение в структуру административного права (с сохранением или нет) перечня, по его мнению, реально сложившихся в теории и законодательной практике современных административно-правовых отраслей и институтов: административно-деликтного права, служебного права, таможенного права, миграционного права, информационного права, лицензионного и регистрационного (или разрешительного)

[7] См.: *Старилов Ю.Н.* Административное право: в 2 ч. Ч. 1. История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. С. 313.

[8] См.: там же. С. 320.

[9] См.: там же.

[10] См.: там же. С. 322.

[11] См.: там же. С. 322, 323.

[12] См.: Административное право России: учеб. / под ред. Н.М. Конина и Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. М., 2010. С. 91.

[13] См.: *Россинский Б.В.* О предмете и системе административного права // В сб.: Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития: материалы науч. конф. (Москва, 28 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 44.

права, особых административно-правовых режимов и т.д. Тем более, резюмирует он, что опыт такого подхода к структурированию содержания отрасли уже имеется[14]. Думается, что А.В. Кирин выдает желаемое за действительное, и выделение предложенных им «современных административно-правовых отраслей и институтов» далеко не бесспорно. Подтверждением тому служат дискуссии последних лет о т.н. служебном праве и административно-деликтном праве. К сожалению, А.В. Кирин не счел нужным принять участие в той же дискуссии о т.н. «административно-деликтном праве», за выделение которого он особенно активно ратует в своих работах.

В учебнике «Административное право Российской Федерации», принадлежащем перу В.М. Манохина и Ю.С. Адушкина, выделяются общая, особенная и специальная части. Указанные авторы разделяют нормы, объединяемые административным правом, по признаку возможных **масштабов применения**. Нормы, действующие в масштабе, пределах всей сферы отношений, регулируемых административным правом, т.е. в масштабе всего предмета административного права. Эти нормы составляют ***общую часть*** административного права. Нормы, масштабы применения которых не выходят за пределы отрасли управления или нескольких отраслей. Эти нормы составляют ***особенную часть*** административного права. В системе норм административного права выделяют ***специальную часть***, включая в нее нормы об охране порядка и безопасности[15]. В учебнике административного права В.М. Манохина подтвержден именно такой подход. Правда, ученый сделал оговорку, заметив, что в приведенной систематизации возможны варианты: например, обойтись без специальной части или именовать ее полицейским правом[16].

Как отмечалось выше, в зависимости от тех критериев, которые положены за основу построения системы административного права и их понимания, выделяются его институциональная, отраслевая, процессуальная и функциональная системы. Понимание в данном случае особенно важно, поскольку оно может быть не однозначным. В зависимости от понимания критерия тем или иным автором построенные на нем системы административного права могут существенно различаться. Дадим их краткую характеристику.

Институциональная система представляет собой перенос схемы (субъекты, объекты, действия) из институций римского гражданского права императора Юстиниана в область административного права, на что обратил внимание К.С. Бельский. Институциональная система 1) разграничила все нормы административного права на большие институции: субъекты административного права; объекты административно-правовых отношений; формы административной деятельности, 2) в пределах каждой институции распределяла нормы на группы, образующие правовые институты.

Преимуществом институциональной системы является то, что она наглядно концентрировала значительную часть норм административного права, как точно подметил К.С. Бельский, вокруг главных фигур, которыми являются органы государственного управления, государственные служащие, общественные объединения и граждане. Существенный недостаток: институциональная система разводит формы административной деятельности и субъектов ее осуществления в разные стороны[17].

Отраслевая система представляет собой классификацию норм административного права по отраслевому признаку. Подобный подход позволяет разграничить все административно-правовые нормы на три подотрасли, регулирующие административно-политическую, социально-культурную и экономическую деятельность государства. В каждую из названных подотраслей входят правовые нормы, сгруппированные в правовые институты. В первую подотрасль, к примеру, входят такие институты, как «управление в сфере безопасности», «управление в сфере иностранных дел».

Достоинство отраслевой системы – достаточно выпуклое и компактное размещение нормативного материала по ведомствам, которые выстраиваются словно по ранжиру. Недостаток – группировка правовых норм по отраслевым институтам и вследствие этого одностороннее представление об административном праве, в том числе о полицейском, которое низводится до обычного правового института.

В советской науке административного права и во многом в современной российской система административного права объединяла общую (институциональную) и особенную (отраслевую) части в одно целое[18].

Процессуальная система административного права. Основана на группировке правовых норм **по характеру разрешения индивидуально-конкретных дел** в сфере государственного управления и полицейской деятельности. На основании этого критерия различаются нормы материального и процессуального административного права. Административное материальное право включает подавляющую часть норм данной отрасли, а его регулятивная энергия реализуется путем установления прав и обязанностей субъектов на совершение определенных действий[19]. Административно-процессуальные нормы объединяются в самостоятельную подотрасль административного права. В нее входят такие правовые институты, как производство по делам об административных правонарушениях, рассмотрение административных дел по нормам Кодекса об административном судопроизводстве РФ[20], принятие нормативных и индивидуальных правовых актов управления, процедура рассмотрения жалоб граждан во внесудебном порядке, другие управленческие процедуры. Элементы процессуальной системы в части административных процедур получили некоторое отражение в литературе. К примеру, А.Б. Агапов выделяет наряду с традиционными общей и особенной частями также раздел «Публичные процедуры», в котором рассматривает «Публичные регистрационные процедуры» (например, государственная регистрация субъектов предпринимательства) или «Публичная регламентация» (например, лицензирование)[21]. Точка зрения указанного автора не представляется убедительной. Он ограничивается в рамках публичных процедур лишь сравнительно

[14] См.: *Кирин А.В.* О реформировании системы административного права // Журнал росс. прав. 2012. № 3. С. 51, 52.

[15] См.: *Манохин В.М., Адушкин Ю.С.* Российское административное право: учеб. 2-е изд., испр. и дор. Саратов, 2003. С. 33.

[16] См.: *Манохин В.М.* Административное право России: учеб. Саратов, 2010. С. 26.

[17] См.: *Бельский К.С.* Указ. соч. С. 6.

[18] См.: там же. С. 7.

[19] См.: *Копытов Ю.А., Копытова Н.Ю., Файзулин Ф.Ф.* Административное право России. Сущность и основные институты: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003. С. 72.

[20] См.: СЗ РФ, 2015. № 10, ст. 1391.

[21] См.: *Агапов А.Б.* Административное право: учеб. для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 500–625.

узким слоем отношений позитивно-процедурной управленческой деятельности, реализуемой уполномоченными на то органами исполнительной власти в рамках предоставленной им компетенции. Поэтому выделять «Публичные процедуры» в качестве самостоятельного раздела наряду с общей и особенной частями вряд ли уместно. Кстати, А.Б. Агапов в своем учебнике обходит вниманием вопрос о системе административного права. Правда, он все же обмолвился, что его учебный курс административного права включает общую и особенную части, которые «и являются в данном случае элементами единой административно-правовой системы»[22].

Функциональная система административного права. Наиболее последовательно и глубоко, с учетом современных реалий подошел к научному осмыслению системы административного права в целом и функциональной системы в частности проф. К.С. Бельский. Ученый во многом опирался и творчески развивал идеи известного дореволюционного полицеиста и административиста Ивана Трофимовича Тарасова, которого он назвал не иначе, как «правозвестник и первый разработчик функциональной системы административного права». Заслуга Тарасова, отмечает К.С. Бельский, заключается в том, что он подготовил административно-правовое мышление к обоснованию функциональной системы административного права[23]. Функциональная система административного права разграничивает нормы административного права на три подотрасли: управленческое право, полицейское право, право административной юстиции. В качестве критерия разграничения норм административного права К.С. Бельский берет **предмет правового регулирования**. Заметим, что данный критерий в свое время использовали видные советские административисты Г.И. Петров[24] и С.С. Студеникин[25]. Вот только интерпретировали они его сообразно той непростой исторической эпохе, в которой им пришлось жить и работать. При этом, к примеру, Г.И. Петров, что особенно важно, подчеркивал, что основным, исходным для определения предмета и системы советского социалистического административного права моментом является **дифференциация основных форм деятельности социалистического государства**. Осуществление функций каждого государства с необходимостью вызывает ту или иную дифференцию форм государственной деятельности, – единая по своей сущности государственная власть осуществляется в различных формах деятельности государства[26]. Понимание той же системы административного права через функции государства представляется чрезвычайно важным. Таким образом, есть основания полагать, что Г.И. Петров, по сути, концептуально был приверженцем функциональной системы административного права, однако скованный марксистско-ленинской и сталинской идеологией, сказать об этом прямо и открыто по понятным причинам не мог.

Управленческое право. Представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих государственно-управленческие отношения. Управленческое право – подотрасль, состоящая из компактной системы взаимосвязанных, распределенных по институтам норм, регулирующих отношения в сфере государственного управления. Эти отношения связаны с деятельностью аппарата государственного управления, действует ли он в границах исполнительной власти, образуя ее основу, или обслуживает две другие ветви государственной власти: законодательную и судебную. Добавим, что аппарат управления обслуживает также местные органы власти. Правовые нормы, образующие и превращающие управленческое право в компактное целое, делают это не непосредственно, а через административно-правовые институты. В управленческом праве, отмечает К.С. Бельский, имеет место пирамида подобных институтов. Наверху – это небольшая группа правовых институтов, включающая правовые нормы, которые распространяются на все или какую-то часть отраслей государственного управления. К данной группе относятся институты органов исполнительной власти, государственной службы, актов управления и некоторые другие. Ниже – это достаточно обширная группа отраслевых институтов, включающая правовые нормы, которые регулируют отношения в различных отраслях управления (управление экономикой, сельским хозяйством, связью, транспортом, культурой, обороной, государственной безопасностью и т.д.)[27].

Полицейское право. Представляет собой организованную совокупность административно-правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Нормы полицейского права охватывают своим воздействием более широкую область социальной действительности и регулируют отношения в таких сферах безопасности, как государственная, экологическая, санитарно-эпидемиологическая и т.д. Такие отношения называются полицейскими отношениями, а сфера, где они имеют место, – более коротко и традиционно: сфера полицейской деятельности.

Полицейское право как подотрасль административного права показывает отрасль в полном объеме, как имеющую две основные подсистемы – регулятивную и охранительную.

Правовые нормы образуют полицейское право через правовые институты: административного принуждения и субинститут административной ответственности, общественного порядка[28] и общественной безопасности, лицензионно-разрешительной системы, специальных административно-правовых режимов и т.д. Правовой институт в полицейском праве – это законодательно обособленный комплекс правовых норм, сообщающий свои черты всей подотрасли.

Своеобразие полицейского права как подотрасти выражается в том, что присущий ему в основном ограничительно-запретительный способ правового регулирования определяется спецификой воздействия на человеческое поведение – наблюдение (надзор) и возможность применять к отдельным лицам административное принуждение. Поэтому внутри подотрасли имеет место сочетание регулятивных и правоохранительных норм, которые призваны обеспечить целостное регулирование отношений в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности[29].

---

[22] *Агапов А.Б.* Указ. соч. С. 54.

[23] См.: *Бельский К.С.* Профессор И.Т. Тарасов – правозвестник и первый разработчик функциональной системы административного права (К 170-летию со дня рождения) // Государство и право. 2019. № 2. С. 100.

[24] См.: *Петров Г.И.* Предмет советского административного права // Сов. государство и право. 1940. № 7. С. 34–44.

[25] См.: *Студеникин С.С.* О предмете и системе административного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 102–110.

[26] См.: *Петров Г.И.* Указ. соч. С. 34.

[27] См.: *Бельский К.С.* О системе административного права. С. 8.

[28] См., напр.: *Бельский К.С., Кроткова Н.В.* Общественный порядок как категория полицейского права // Актуальные проблемы правопорядка: сб. науч. ст. М., 2000. Вып. 2.

[29] См.: *Бельский К.С.* О системе административного права. С. 10.

Право административной юстиции. Нормы права административной юстиции – преимущественно административно-процессуальные нормы. Они регулируют конфликтогенные управленческие и полицейские отношения, которые по масштабам равны гражданско-процессуальным, сходны с ними по характеру и которые в силу специфики выделились в самостоятельную группу общественных отношений. Право административной юстиции как подотрасль административного права складывается из ряда правовых институтов. Сюда, по мнению К.С. Бельского, относятся институты жалобы и административного иска, производства по административной жалобе и по административному иску[30].

Автор настоящей статьи – убежденный сторонник функциональной системы административного права, предложенной К.С. Бельским. Пожалуй, единственным расхождением во взглядах с ученым является понимание права административной юстиции. Кстати, здесь позиция самого К.С. Бельского со временем корректировалась. Изначально, опираясь по позицию Н.М. Коркунова, он рассматривал административную юстицию как «административно-исковое право», совокупность административно-процессуальных норм, регулирующих порядок разрешения административно-правовых споров между гражданами (либо организацией), с одной стороны, и органов государственной власти – с другой[31]. Если «исковое», то, очевидно, это только судебный порядок, но нет. Рассматривая право административной юстиции как подотрасль административного права, К.С. Бельский включает в число тех правовых институтов, из которых она складывается, институты жалобы и административного иска, производства по административно-правовому иску и по жалобе[32]. Таким образом, К.С. Бельский относит к административной юстиции рассмотрение т.н. общих, т.е. непроцессуальных жалоб граждан во внесудебном порядке, который в общем виде установлен в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации»[33]. В данном случае гражданин, подавая жалобу, реализует, таким образом, свое конституционное право на обращение, гарантированное ст. 33 Конституции РФ, фактически он выступает в качестве просителя, а не равноправной стороны, как это имеет место в суде. Дополнительным аргументом в пользу того, что административная юстиция в современных условиях сводится исключительно к рассмотрению административного иска судом, является принятие Кодекса административного судопроизводства РФ. Кроме того, в отличие от административного иска право общей жалобы реализуется не в строго определенной в законе процессуальной форме. Процедура рассмотрения таких жалоб в меньшей степени унифицирована и регламентируется как на уровне закона, так и разнообразными подзаконными нормативными правовыми актами управления.

По мнению К.С. Бельского, вместе с другими видами государственного контроля – контролем как системой государственных органов, «жалобой по начальству» – образуется единая в государстве система контроля, входящая в состав исполнительной власти как ее завершающая часть[34]. К.С. Бельский говорит ни много ни мало, а о **контрольном праве**, регулирующем контрольные отношения[35]. Такое понимание представляется излишне широким, не имеющим под собой должной правовой основы. Основная правозащитная черта административной юстиции заключается в том, что она представляет собой правосудие, судебную защиту, а не исполнительную власть, хотя является отдельной административной ветвью правосудия[36]. Вот почему основное содержание института административной юстиции составляет судебный контроль за законностью действий органа (должностного лица) публичной власти[37].

Резюмируя изложенное, думается, вполне прав К.С. Бельский, когда говорит, что именно функциональная система административного права создает перспективу построения наиболее целостной науки (системы преподавания) административного права, обеспечивающей и знание, и, что особенно важно, понимание одной из самых фундаментальных отраслей права[38].

Общий вывод. Возможны различные системы административного права. Все зависит от того, какой критерий положен в основу выделения ее основополагающих элементов (подотраслей, правовых институтов, субинститутов, норм) и как этот критерий понимается. У каждой системы имеются свои достоинства и недостатки. Задача российского сообщества административистов видится в том, чтобы, не умаляя ничьей научной позиции, определиться с той системой административного права, которая представляется оптимальной в плане расположения нормативного материала и проведения его научного анализа, удобной для систематизации административного законодательства. Автор настоящей статьи хотел бы это специально подчеркнуть, что функциональная система административного права в понимании проф. К.С. Бельского, в плане соотношения ее достоинств и недостатков представляется оптимальной, а данная статья во многом призвана ее как можно шире популяризировать. Как представляется, пришло время переосмыслить фактически безраздельно господствующую долгое время смешанную институционно-отраслевую систему административного права и заменить ее на более универсальную функциональную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапов А.Б.* Административное право: учеб. для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 54, 500–625.
2. Административное право России: учеб. / под ред. Н.М. Конина и Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. М., 2010. С. 91.
3. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учеб. для вузов. М., 2010. С. 33.
4. *Бельский К.С.* О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 24.

[30] См.: там же. С. 11.

[31] См.: там же. С. 10.

[32] См.: там же. С. 11.

[33] См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

[34] См.: *Бельский К.С.* Профессор И.Т. Тарасов – правозвестник и первый разработчик функциональной системы административного права (К 170-летию со дня рождения). С. 100.

[35] См.: *Бельский К.С.* О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 24.

[36] См. об этом, напр.: *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 236–261.

[37] См.: *Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю.* Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. М., 2001. С. 23.

[38] См.: *Бельский К.С.* О системе административного права. С. 11.

5. *Бельский К.С.* О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 6–8, 10, 11.

6. *Бельский К.С.* Профессор И.Т. Тарасов – правозвестник и первый разработчик функциональной системы административного права (К 170-летию со дня рождения) // Государство и право. 2019. № 2. С. 100.

7. *Бельский К.С., Кроткова Н.В.* Общественный порядок как категория полицейского права // Актуальные проблемы правопорядка: сб. науч. ст. М., 2000. Вып. 2.

8. *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 236–261.

9. *Кирин А.В.* О реформировании системы административного права // Журнал росс. прав. 2012. № 3. С. 51, 52.

10. *Копытов Ю.А., Копытова Н.Ю., Файзулин Ф.Ф.* Административное право России. Сущность и основные институты: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003. С. 72.

11. *Манохин В.М.* Административное право России: учеб. Саратов, 2010. С. 26.

12. *Манохин В.М., Адушкин Ю.С.* Российское административное право: учеб. 2-е изд., испр. и дор. Саратов, 2003. С. 33.

13. *Петров Г.И.* Предмет советского административного права // Сов. государство и право. 1940. № 7. С. 34–44.

14. *Россинский Б.В.* О предмете и системе административного права // В сб.: Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития: материалы науч. конф. (Москва, 28 ноября 2001 г.). М., 2002. С. 44.

15. *Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю.* Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации. М., 2001. С. 23.

16. Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 320, 562.

17. *Старилов Ю.Н.* Административное право: в 2 ч. Ч. 1. История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. С. 313, 320, 322, 323.

18. *Студеникин С.С.* О предмете и системе административного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 102–110.

19. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М., 2001. С. 53.

REFERENCES

1. *Agapov A.B.* Administrative Law: textbook. 8th ed., rev. and add. M., 2012. P. 54, 500–625 (in Russ.).

2. Administrative Law of Russia: textbook / ed. by N.M. Konin and Yu. N. Starilov. 2nd ed., rev. M., 2010. P. 91 (in Russ.).

3. *Bakhrakh D.N.* Administrative Law of Russia: textbook. M., 2010. P. 33 (in Russ.).

4. *Belsky K.S.* On the subject and system of the science of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 10. P. 24 (in Russ.).

5. *Belsky K.S.* On the system of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 3. P. 6–8, 10, 11 (in Russ.).

6. *Belsky K.S.* Professor I.T. Tarasov – the herald and the first developer of the functional system of Administrative Law (To the 170th anniversary of his birth) // State and Law. 2019. No. 2. P. 100 (in Russ.).

7. *Belsky K.S., Krotkova N.V.* Public order as a category of police law // Actual problems of law and order: collection of scientific articles. M., 2000. Issue 2 (in Russ.).

8. *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation. 6th ed., corr. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2022. P. 236–261 (in Russ.).

9. *Kirin A.V.* On reforming the system of Administrative Law // Journal of Russ. law. 2012. No. 3. P. 51, 52 (in Russ.).

10. *Kopytov Yu. A., Kopytova N. Yu., Fayzulin F.F.* Administrative Law of Russia. The essence and main institutions: textbook. Ekaterinburg, 2003. P. 72 (in Russ.).

11. *Manokhin V.M.* Administrative Law of Russia: textbook. Saratov, 2010. P. 26 (in Russ.).

12. *Manokhin V.M., Adushkin Yu. S.* Russian Administrative Law: textbook. 2nd ed., corr. and add. Saratov, 2003. P. 33 (in Russ.).

13. *Petrov G.I.* The subject of Soviet Administrative Law // Soviet State and Law. 1940. No. 7. P. 34–44 (in Russ.).

14. *Rossinsky B.V.* On the subject and system of Administrative Law // In the collection: Administrative Law: theory and practice. Strengthening of the State and dynamics of socio-economic development: proceedings of the scientific Conf. (Moscow, November 28, 2001). M., 2002. P. 44 (in Russ.).

15. *Salishcheva N.G., Khamaneva N. Yu.* Administrative justice and administrative proceedings in the Russian Federation. M., 2001. P. 23 (in Russ.).

16. Modern dictionary of foreign words. M., 1992. P. 320, 562 (in Russ.).

17. *Starilov Yu. N.* Administrative Law: in 2 parts. Part 1. History. The science. Subject. Norms. Voronezh, 1998. P. 313, 320, 322, 323 (in Russ.).

18. *Studenikin S.S.* On the subject and system of Administrative Law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. P. 102–110 (in Russ.).

19. *Tikhomirov Yu. A.* Administrative Law and process: a complete course. M., 2001. P. 53 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и административного
процесса Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GRISHKOVETS Aleksey A. –
Doctor of Law, Professor, leader researcher of the
Sector of Administrative Law and Administrative
Process of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Science;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 99–105
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 99–105

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

© 2022 г. А. Ю. Соколов*, О. А. Лакаев**

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

**E-mail: aysockolov@mail.ru*
***E-mail: olegoleg81@ mail.ru*

Поступила в редакцию 24.06.2022 г.

Аннотация. Рассматриваются понятие и содержание правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности. Актуальность исследования определяется тем, что от надлежащего научного обоснования указанного направления правоохранительной политики зависит состояние административно-деликтного законодательства, его качество, соответствие современным реалиям и тенденциям развития социума, а также динамика и структура административной деликтности. Поставлена цель определить понятие, сущность, задачи правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности. Выявлены текущие, долгосрочные приоритеты и стратегические ориентиры данного направления правоохранительной политики, обоснована необходимость дальнейшего развития научных знаний о данном феномене на основе синтеза новейших идей в области общей теории права, определяющих сущность, структуру и содержание правоохранительной политики, а также научных положений, раскрывающих ключевые вопросы административной деликтологии.

Ключевые слова: правоохранительная политика, административная деликтность, правовая политика, административная ответственность, административная деликтология, административное правонарушение, охрана правопорядка, административно-деликтное законодательство, правовое регулирование, правоохранительная деятельность.

Цитирование: *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации // Государство и право. 2022. № 12. С. 99–105.

DOI: 10.31857/S102694520023305-6

LAW ENFORCEMENT POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING ADMINISTRATIVE TORT: THE MAIN TRENDS AND ISSUES OF MODERNIZATION

© 2022 A. Yu. Sokolov*, O. A. Lakaev**

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

**E-mail: aysockolov@mail.ru*
***E-mail: olegoleg81@ mail.ru*

Received 24.06.2022

Abstract. The concept and content of law enforcement policy in the field of countering administrative tort are considered. The relevance of the research is determined by the fact that the state of administrative and tort legislation, its quality, compliance with modern realities and trends in the development of society, as well as the dynamics and structure of administrative tort depend on the proper scientific justification of this direction of law enforcement policy. The aim is to define the concept, essence, tasks of law enforcement policy in the field of countering administrative tort. The current, long-term priorities and strategic guidelines of this area of law enforcement policy are identified, the need for further development of scientific knowledge about this phenomenon is justified on the basis of the synthesis of the latest ideas in the field of General theory of law that determine the essence, structure and content of law enforcement policy, as well as scientific provisions that reveal key issues of administrative delictology.

Key words: law enforcement policy, administrative tort, legal policy, administrative responsibility, administrative delictology, administrative offense, law enforcement, administrative and tort legislation, legal regulation, law enforcement.

For citation: *Sokolov, A. Yu., Lakaev, O.A. (2022).* Law enforcement policy in the field of countering administrative tort: the main trends and issues of modernization // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 99–105.

Государство в процессе своего функционирования выполняет ряд внешних и внутренних функций, которые отражают его предназначение, выраженное в определяемых конкретно-историческими условиями основных направлениях организующего воздействия на все сферы жизни общества посредством использования государственным аппаратом специфических форм и методов деятельности[1]. Необходимость обеспечения прогрессивного развития общества требует от государства реализации ряда внутренних функций, направленных на решение задач формирования сбалансированной системы общественных отношений в экономической, социально-культурной областях, в области поддержания общественного порядка и общественной безопасности и других задач внутригосударственного значения. Противодействие административной деликтности есть проявление одной из важнейших внутренних функций государства – укрепления законности и охраны правопорядка. Ее реализация связана с предупреждением и пресечением деяний, нарушающих требования правовых норм и направленных на дезорганизацию системы социальных связей, и с обеспечением защищенности интересов личности, общества и государства от правонарушений. Виновные в их совершении лица должны подвергаться отвечающим требованиям справедливости и соразмерности мерам юридической ответственности.

Функция укрепления законности и охраны правопорядка взаимосвязана и с иными функциями государства – социальной, экономической, культурной и экологической, способствуя развитию общественных отношений в соответствующих областях через воспрепятствование деструктивному злонамеренному воздействию на них со стороны имеющих противоправные цели физических и юридических лиц. Укрепление законности и охрана правопорядка, включая противодействие административной деликтности, должны быть обеспечены через систему стратегического планирования в документах политико-доктринальной направленности. В общем виде сообразно функциям государства определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года[2], включая создание комфортной и безопасной среды жизнедеятельности человека.

Достижению указанной цели призвана способствовать ориентированная на обеспечение национальной безопасности система задач государственной политики. В текущих конкретно-исторических условиях с учетом наиболее актуальных для личности, общества и государства угроз на доктринальном уровне сформулированы важные основополагающие задачи деятельности государства в области реализации функции укрепления законности и охраны правопорядка, включая: обеспечение должного уровня безопасности при организации и проведении публичных и иных массовых мероприятий; оптимизацию механизмов контрольно-надзорной деятельности в таможенной, пограничной, санитарно-эпидемиологической, миграционной и других сферах; достижение необходимого уровня безопасности дорожного движения; повышение уровня антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры, мест массового нахождения людей, объектов жизнеобеспечения населения и иных потенциально опасных и критически важных объектов; обеспечение защиты населения от опасных инфекционных заболеваний, могущих вызвать чрезвычайную санитарно-эпидемиологическую ситуацию; предупреждение и пресечение экстремистской и террористической деятельности физических и юридических лиц, а также правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий; модернизацию комплексного государственного механизма профилактики правонарушений; системное развитие правоохранительных структур сообразно выполняемым ими функциям[3]. Указанные приоритеты предполагают совершенствование правоохранительной политики по разным направлениям – противодействию как преступности, так и административной деликтности. Вместе с тем такое противодействие представляет собой комплексный механизм: использование средств правоохраны для противодействия административной деликтности способствует снижению уровня преступности, поскольку

[1] См.: *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 30.

[2] См.: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

[3] См.: пункт 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

совершение преступлений во многом является результатом безнаказанности лиц, совершивших административные правонарушения.

Текущее состояние правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности характеризуется отсутствием развитой идеологической основы, обусловленным недостаточным вниманием к данной проблеме со стороны ученых-административистов. Данное явление представляет собой симбиоз двух направлений исследований. Во-первых, для разработки данного понятия необходимо учитывать результаты общетеоретических изысканий, направленных на формирование дефиниции, целей, задач, содержания, приоритетов, основных направлений совершенствования правоохранительной политики. Последняя является составной частью правовой политики, интегрируя в себе отдельные элементы правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной политики, связанные с реализацией охранительной функции права. «Правоохранительная политика» – относительно новый термин, который получил научно-теоретическое обоснование в первое десятилетие XXI в. в связи с накоплением знаний о правовой политике в целом и наличием комплекса требующих разрешения проблем в области функционирования правоохранительных структур[4], однако формирование единых целостных представлений о данном феномене не завершено. Препятствует этому отсутствие в теории права единообразного понимания таких терминов, как «правоохранительные органы», «правоохранительная функция», «правоохранительная деятельность», «правоохранительная система», «правоохранительный механизм», которые являются базовыми для формирования концептуальных основ правоохранительной политики. По утверждению Р.В. Пузикова, рассуждающего о тенденциях развития механизма правоохраны, отсутствие единого методологического подхода к определению правоохранительной политики в нашем государстве обусловило ее отсутствие в том смысле, в каком она рассматривается теоретиками права[5].

М.Г. Арутюнова представляет ее в виде комплекса оснований, базирующихся на научном исследовании причин правонарушений, и действий, осуществляемых субъектами государственной и негосударственной системы правоохраны, по ее оптимизации через совершенствование правоохранительной системы и усилению эффекта от реализации охранительной функции права[6]. В то же время формулирование термина «правоохранительная политика» через совокупность «оснований» вряд ли можно признать удачным ввиду деятельностного наполнения понятия «политика». С этой точки зрения оптимальный подход к содержанию данного понятия предлагают А.В. Малько и В.В. Нырков, рассматривающие ее в виде деятельности государственных и негосударственных структур, основанной на началах последовательности, системности и научной обоснованности и ориентированной на совершенствование правоохраны, усиление эффективности охранительной функции права, построение сбалансированного правоохранительного механизма[7].

Данная деятельность характерна для функционирования множества субъектов, обеспечивая решение задач правоохраны разносторонней направленности, в числе которых выделяются: 1) усиление эффективности нормативной регламентации охранительной функции права; 2) обеспечение согласованного функционирования субъектов правоохраны и повышение их кадрового потенциала; 3) формирование надлежащего правоохранительного механизма; 4) разработка предупредительных мер и их реализация; 5) непосредственная оптимизация правоохранительной деятельности в области противодействия преступности, административной деликтности и другим противоправным деяниям, осуществления государственного контроля (надзора); 6) повышение уровня правоохранительной культуры работников государственного аппарата, формирование законопослушной личности и пр.[8]

Второе направление исследований связано с совершенствованием научных основ административной деликтологии, составной частью которых является анализ проблем административной деликтности. Данные вопросы получили высокую степень проработки в отечественной науке административного права. В советский период базисное значение для формирования концептуальных основ противодействия административной деликтности приобрели труды Л.В. Коваля[9], В.И. Ремнева[10], Е.В. Додина[11].

Новый толчок исследованиям феномена административной деликтности был дан разработкой и принятием нового административно-деликтного законодательства в начале XXI в. Так, значительная часть работы Э.Е. Гензюка посвящена рассмотрению вопросов административной деликтности с точки зрения системно-структурного подхода, управления данным явлением, прогнозирования и предупреждения административной деликтности[12]. Н.П. Мышляев акцентирует внимание на методических основах изучения административной деликтности, организационных и правовых формах профилактики данного явления и ее совершенствовании[13]. М.И. Никулин определяет административную деликтность как объект изучения отдельной науки – административной деликтологии, выделяя особенности, сущность, структуру административной деликтности и излагая суждения о механизмах снижения ее уровня[14].

---

[4] См.: *Домнина О.В.* Правоохранительная политика как инструмент совершенствования механизма реализации правоохранительной функции современного Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 152.

[5] См.: *Пузиков Р.В.* Правоохранительная политика в современной России: методологический аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 121.

[6] См.: *Арутюнова М.Г.* К вопросу об актуальности правоохранительной политики в России // Современное право. 2013. № 8. С. 33.

[7] См.: *Малько А.В., Нырков В.В.* Методологические основы формирования концепции правоохранительной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 35.

[8] См.: *Малько А.В., Терехин В.А.* Правоохранительная политика как основа модернизации правоохранительной деятельности // Современное право. 2010. № 10. С. 5, 6.

[9] См.: *Коваль Л.В.* Административно-деликтное отношение. Киев, 1979.

[10] См.: *Ремнев В.И.* Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период // Актуальные проблемы административной деликтологии. Киев, 1984. С. 3–16.

[11] См.: *Додин Е.В.* Административная деликтология в системе юридических наук // Сов. государство и право. 1991. № 12. С. 32–36.

[12] См.: *Гензюк Э.Е.* Административная деликтология: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 146–282.

[13] См.: *Мышляев Н.П.* Теоретические и прикладные основы административной деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28–41.

[14] См.: *Никулин М.И.* Проблемы науки административной деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 26–33.

В содержательном отношении административная деликтность представляет собой совокупность административных правонарушений, совершаемых за тот или иной временной промежуток в общегосударственном масштабе или на уровне субъекта Российской Федерации либо муниципального образования, и определяется такими параметрами, как состояние, структура и динамика. Исследование вопросов административной деликтности на основе данных параметров вряд ли можно считать достаточным для определения надлежащих механизмов противодействия данному явлению. Важным здесь является обращение к вопросам правовой политики в ее правоохранительном выражении, которое во взаимосвязи с исследованием проблем противодействия административной деликтности может дать синергетический эффект. Синтез общетеоретических разработок в области правоохранительной политики и административно-деликтологических теорий может обеспечить качественно новый результат, способствуя всестороннему охвату соответствующих проблем и большей степени структурирования деятельности государства в области противодействия административной деликтности на основе научной концепции правоохранительной политики.

В административно-правовой науке уже сложились предпосылки к формированию подобных идей. В частности, А.П. Шергиным большое значение придается разработке государственной политики в области противодействия административной деликтности, которая должна быть составной частью единой государственной политики борьбы с противоправными деяниями. Несмотря на правоохранительное содержание предлагаемого им подхода к выработке соответствующей политики, в нем просматриваются лишь общие ориентиры, которые связаны преимущественно с обеспечением взаимосвязи противодействия преступности и административной деликтности, а также акцентируется внимание на деятельности МВД России, при том, что правоохранительная политика связана с реализацией охранительной функции права в целом и должна охватывать деятельность широкого круга публично-властных органов[15].

Представляется, что правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности должна подчиняться общим задачам правоохранительной политики, что предполагает производный характер ее собственных задач и необходимость их конкретизации для достижения единых целей правоохраны. В их числе необходимо назвать: 1) повышение качества правового регулирования административной ответственности; 2) усиление координационных начал в деятельности органов, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, и их надлежащее кадровое обеспечение; 3) формирование механизма административного преследования, способствующего достижению баланса интересов всех участников производства по делам об административных правонарушениях, общества и государства; 4) выработка эффективного инструментария выявления и устранения причин и условий, способствующих административной деликтности; 5) усиление результативности государственной контрольно-надзорной деятельности на основе реализации механизма оценки рисков причинения вреда и управления ими; 6) повышение уровня правоохранительной культуры должностных лиц, реализующих процессуальные нормы административно-деликтного законодательства; 7) формирование у членов социума установки неприятия совершения административных правонарушений.

С учетом общетеоретических воззрений о природе правоохранительной политики и специфики борьбы с административными правонарушениями правоохранительную политику в сфере противодействия административной деликтности можно представить как деятельность государственных и негосударственных структур, основанную на началах последовательности, системности, научной обоснованности и ориентированную на совершенствование охраны интересов личности, общества и государства от административных правонарушений, усиление эффективности охранительной функции административно-деликтного законодательства и построение сбалансированного механизма привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Краеугольным камнем для формирования эффективной правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности являются совершенствование законодательства и надлежащая организация правоприменения органами административно-деликтной юрисдикции. В связи с этим уместно выделить текущие, долгосрочные приоритеты и стратегические ориентиры правоохранительной политики исследуемой направленности.

1. Текущие приоритеты возникают под воздействием конкретных препятствующих нормальному функционированию социума обстоятельств, изменений общественно-политической обстановки, способствующих возникновению деяний, объективно характеризующихся антиобщественной вредоносностью. Так, пандемия новой коронавирусной инфекции обусловила внесение комплекса изменений в законодательство, в том числе в административно-деликтное, а также формирование подзаконного регулирования, определяющего ряд конкретных ограничений экстраординарного характера для граждан и организаций. Соответственно, в течение значительного промежутка времени практиковалось массовое привлечение к административной ответственности лиц, нарушающих противоэпидемические правила. В свою очередь, снижение уровня заболеваемости и постепенная отмена противовирусных ограничений обусловили уменьшение, а потом и прекращение активности правоохранительных структур по выявлению соответствующих административных правонарушений и применению административных наказаний.

Очередным фактором интенсификации правоохранительного воздействия на членов социума, в том числе в рамках противодействия административной деликтности, стала специальная военная операция на Украине, в ходе которой обнаружилась необходимость стабилизации общественно-политической обстановки внутри страны, оказавшейся под угрозой деструктивного воздействия со стороны преследующих антиобщественные цели граждан и организаций. В данном случае правоохранительная политика, с одной стороны, ориентирована на усиление использования стандартных инструментов противодействия административной деликтности, включая применение административной ответственности за нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий, а также правил, предусмотренных для некоммерческих организаций и средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. С другой стороны, необходимость обеспечения эффективности правоохранительной политики побудила законодателя к внесению поправок в административно-деликтное законодательство в целях создания основания

[15] См.: *Шергин А.П.* Исследование проблем административной деликтности // Научный портал МВД России. 2015. № 3. С. 72–74.

для привлечения к административной ответственности за совершение новых – вносящих элемент дезорганизации в систему общественных отношений – деяний. Так, 4 марта 2022 г. была введена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, а также за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, российских граждан и организаций [16].

2. Долгосрочные приоритеты обусловливают приведение административно-деликтного законодательства в соответствие с основными направлениями государственной политики в различных отраслях и сферах государственного управления. В данном отношении необходимо учитывать содержание документов политико-правового характера, в которых отражены узловые проблемы, препятствующие поступательному развитию социальных связей на определенном этапе развития. Коррекция административно-деликтного законодательства в этом случае ориентирована на совершенствование механизма противодействия средствами правоохраны наиболее характерным для данного этапа общественно вредным проявлениям. Политико-правовые документы государства показывают динамику общественного развития, с течением времени заменяются на новые, показывающие очередные ориентиры, приоритеты и угрозы, на что должна следовать соответствующая реакция законодателя. Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности требует законодательных решений, способствующих нейтрализации угроз, обозначенных прежде всего в политико-правовых документах в области обеспечения безопасности: национальной, общественной, информационной, продовольственной, экологической, экономической и др.

3. Стратегические ориентиры правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности связаны с коренной модернизацией административно-деликтного законодательства, предполагающей принятие новых кодифицированных актов об административной ответственности. В соответствии с данными ориентирами предполагается глубокая переработка правовых норм, регулирующих основания, условия и порядок привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности. Нельзя сказать, что действующий КоАП РФ в корне не удовлетворяет потребностям правоприменителя и не отвечает требованиям защиты интересов участников производства по делам об административных правонарушениях. Однако за период его действия накопился комплекс практических проблем, отраженных в материалах деятельности органов правосудия, иных субъектов административно-деликтной юрисдикции, их должностных лиц и снижающих правоохранительный потенциал корректирующего воздействия на общественные отношения. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не всегда учитываются при отправлении правосудия по делам об административных правонарушениях, подвергаясь трактовке, искажающей их действительный смысл.

Имеется и множество иных недостатков действующего КоАП РФ. Бесконечные споры возникают в рамках судебного нормоконтроля, выявляющего несоответствие административно-деликтного законодательства субъектов Российской Федерации федеральному ввиду выхода законодателя субъекта Федерации за пределы своей нормотворческой компетенции. При этом по одним и тем же вопросам, например, по установлению административной ответственности за правонарушения в сфере благоустройства, позиция судебных инстанций с течением времени может меняться.

Применяемые в соответствии с действующим КоАП РФ меры административно-процессуального обеспечения, предполагающие ограничение прав и законных интересов граждан и организаций, не всегда исчерпывающим образом урегулированы. Наличие подзаконных правил, развивающих положения КоАП РФ и определяющих, например, условия содержания административно задержанных лиц, порядок проведения предусмотренных законом видов освидетельствования вряд ли заслуживает поддержки, если исходить из конституционных требований об условиях ограничения прав граждан.

Одной из проблем является бессистемность закрепления в КоАП РФ новых составов административных правонарушений, которые чаще всего носят бланкетный характер и требуют обращения к содержанию иных нормативных правовых актов, что в ряде случаев порождает не просто их дублирование, но и установление возможности рассмотрения соответствующих дел разными органами административно-деликтной юрисдикции.

До сих пор не прекращаются споры о подсудности пересмотра постановлений административных органов по делам об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Несмотря на, казалось бы, четкое требование ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ о подсудности пересмотра арбитражным судам при условии связи деяния с предпринимательской или иной экономической деятельностью и наличие соответствующих разъяснений в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (в ред. от 23.12.2021 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [17], по-прежнему в арбитражных судах разных округов существует различная практика по данному вопросу.

Законодательно не определены понятия длящихся, продолжаемых, аналогичных, малозначительных и однородных административных правонарушений, родового объекта посягательства. Разъяснение данных вопросов высшей судебной инстанцией не всегда обеспечивает корректную оценку конкретной правоприменительной ситуации судебными и иными субъектами административно-деликтной юрисдикции.

Идея о необходимости принятия нового федерального административно-деликтного законодательства, разрешающего указанные и иные проблемы правового регулирования и правоприменения, тревожит умы законодателя и иных заинтересованных субъектов на протяжении примерно последних восьми лет. При этом стратегические ориентиры правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности не всегда однородны. Разными разработчиками они определяются по-разному, что влияет на содержание подготавливаемых законопроектов. Проекты КоАП РФ, разработанные депутатскими группами на этапе инициирования данной деятельности, существенным

[16] См.: статьи 20.3.3, 20.3.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1; 2022. № 24, ст. 3921.

[17] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6; 2022. № 3.

образом отличаются от текущего проекта, основанного на идее разделения материального[18] и процессуального[19] административно-деликтного законодательства. Например, последний вариант системы административных наказаний повторяет существующую систему, хотя в ранее разработанных проектах предполагалось расширение их спектра, позволяющее продолжить дальнейшую систематизацию предусмотренных законодательством мер административного принуждения, которые имеют, по сути, карательный характер, включая лишение юридического лица предоставленного ему специального права.

Стратегически проекты нового материального и процессуального административно-деликтного законодательства базируются на идеях, заложенных в опубликованной Правительством РФ 10 июня 2019 г. Концепции нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[20]. Ее содержание ориентировано на укрепление правоохранительных начал административно-деликтного законодательства, всесторонний учет факторов, определяющих состояние и динамику административной деликтности. В частности, обозначены усиление профилактической направленности законодательства об административных правонарушениях, взаимосвязи контрольно-надзорной деятельности с производством по делам об административных правонарушениях, гарантий оказания квалифицированной юридической помощи, упорядочение правил назначения административных наказаний в целях исключения чрезмерного карательного воздействия на привлекаемое к административной ответственности лицо.

При этом необходимо иметь в виду, что совершенствование правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности должно быть научно обоснованным, учитывать критические подходы к ее разработке и реализации, включая модернизацию соответствующего законодательства. Все предложенные проекты административно-деликтного законодательства подвергались обстоятельной критике. Не всеми учеными поддерживается стратегическая инициатива принятия нового КоАП РФ. Довольно интересные доводы по этому вопросу были представлены Ю.Н. Стариловым, отметившим сомнительность причин, по которым необходимо вводить в действие совершенно новое законодательство об административных правонарушениях[21]. Тем не менее очевидна нацеленность государства на преобразование правоохранительного механизма противодействия административной деликтности ввиду устаревания концептуальной основы действующего КоАП РФ, чем очерчивается реальная перспектива принятия в ближайшие годы нового федерального административно-деликтного законодательства.

* * *

Таким образом, правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности является объективно существующим явлением. Однако для повышения ее эффективности необходима разработка соответствующих научных основ за счет синтеза новейших идей в области общей теории права, определяющих сущность, структуру и содержание правоохранительной политики, а также научных положений, раскрывающих ключевые вопросы административной деликтологии. Основные проблемы модернизации данного вида правоохранительной политики связаны с определением текущих, долгосрочных приоритетов и стратегических ориентиров. Наибольшее внимание государства и научного сообщества на данном этапе приковано к стратегическим нормотворческим инициативам, от надлежащей реализации которых зависят перспективы правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова М.Г.* К вопросу об актуальности правоохранительной политики в России // Современное право. 2013. № 8. С. 33.
2. *Гензюк Э.Е.* Административная деликтология: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 146–282.
3. *Додин Е.В.* Административная деликтология в системе юридических наук // Сов. государство и право. 1991. № 12. С. 32–36.
4. *Домнина О.В.* Правоохранительная политика как инструмент совершенствования механизма реализации правоохранительной функции современного Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 152.
5. *Коваль Л.В.* Административно-деликтное отношение. Киев, 1979.
6. *Малько А.В., Ныркова В.В.* Методологические основы формирования концепции правоохранительной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 35.
7. *Малько А.В., Терехин В.А.* Правоохранительная политика как основа модернизации правоохранительной деятельности // Современное право. 2010. № 10. С. 5, 6.
8. *Мышляев Н.П.* Теоретические и прикладные основы административной деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28–41.
9. *Никулин М.И.* Проблемы науки административной деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 26–33.
10. *Пузиков Р.В.* Правоохранительная политика в современной России: методологический аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 121.
11. *Ремнев В.И.* Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период // Актуальные проблемы административной деликтологии. Киев, 1984. С. 3–16.
12. *Старилов Ю.Н.* Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. № 2. С. 14–41.
13. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 30.
14. *Шергин А.П.* Исследование проблем административной деликтности // Научный портал МВД России. 2015. № 3. С. 72–74.

[18] См.: проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447 (дата обращения: 21.06.2022).

[19] См.: проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=102945 (дата обращения: 21.06.2022).

[20] См.: Официальный сайт Правительства Российской Федерации // http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf

[21] См.: *Старилов Ю.Н.* Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. № 2. С. 14–41.

REFERENCES

1. *Arutyunova M. G.* On the question of the relevance of law enforcement policy in Russia // Modern Law. 2013. No. 8. P. 33 (in Russ.).
2. *Genzyuk E. E.* Administrative delictology: dis. ... Doctor of Law. M., 2001. P. 146–282 (in Russ.).
3. *Dodin E. V.* Administrative delictology in the system of legal sciences // The Soviet State and Law. 1991. No. 12. P. 32–36 (in Russ.).
4. *Domnina O. V.* Law enforcement policy as a tool for improving the mechanism for implementing the law enforcement function of the modern Russian state // Legal policy and legal life. 2019. No. 2. P. 152 (in Russ.).
5. *Koval L. V.* Administrative-tort relation. Kiev, 1979 (in Russ.).
6. *Mal'ko A. V., Nyrkov V. V.* Methodological foundations of the formation of the concept of law enforcement policy // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (12). P. 35 (in Russ.).
7. *Mal'ko A. V., Terekhin V. A.* Law enforcement policy as a basis for modernization of law enforcement activity // Modern Law. 2010. No. 10. P. 5, 6 (in Russ.).
8. *Myshlyaev N. P.* Theoretical and applied foundations of administrative delictology: abstract ... Doctor of Law. M., 2004. P. 28–41 (in Russ.).
9. *Nikulin M. I.* Problems of the science of administrative delictology: abstract ... Doctor of Law. M., 2005. P. 26–33 (in Russ.).
10. *Puzikov R. V.* Law enforcement policy in modern Russia: methodological aspect // Legal policy and legal life. 2010. No. 4. P. 121 (in Russ.).
11. *Remnev V. I.* Actual issues of administrative delictology in the modern period // Actual problems of administrative delictology. Kiev, 1984. P. 3–16 (in Russ.).
12. *Starilov Yu. N.* The concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses and the "fate" of administrative-tort law: two newest issues in modern legal theory // Herald of the Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 2. P. 14–41 (in Russ.).
13. *Syrykh V. M.* Theory of state and law: textbook for universities. 6th ed., reprint and add. M., 2012. P. 30 (in Russ.).
14. *Shergin A. P.* Research of problems of administrative delicacy // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 72–74 (in Russ.).

Сведения об авторах

СОКОЛОВ Александр Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

ЛАКАЕВ Олег Анатольевич –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information

SOKOLOV Aleksandr Yu. –
Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

LAKAEV Oleg A. –
PhD in Law; senior researcher of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 106–111
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 106–111

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ КАК НЕГАТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© 2022 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2022 г.

Аннотация. В статье исследованы вопросы о предпосылках, причинах и сущности такого социального явления, как насилие. Отдельное внимание уделено проблемам семейного насилия, сформулирован вывод о его разрушающих последствиях, которые наиболее остро проявляются в отношении незащищенной категории членов семьи – детей.
Автором предложены меры и способы борьбы с проявлением насилия в семье, систематизированы виды, формы, предпосылки и последствия насилия в семье, доказано, что только комплексный подход позволит обеспечить защиту жертв насилия.
В статье сделан вывод о необходимости активного применения на практике по борьбе с насилием профилактических мер и мер, направленных на последующую реабилитацию членов семьи, их дальнейшую социализацию и адаптацию в обществе.

Ключевые слова: ребенок, насилие, социальное явление, государственная политика, насилие в семье, видовые признаки насилия в семье, особенности и предпосылки возникновения насилия в семье, защита, защита прав ребенка, профилактика насилия в семье, меры по предупреждению насилия в отношении ребенка, социализация, адаптация, культурные, национальные особенности, возрастной критерий, гендерный признак, социально-экономические и бытовые условия проживания.

Цитирование: *Летова Н.В.* Семейное насилие как негативное социальное явление современного общества // Государство и право. 2022. № 12. С. 106–111.

DOI: 10.31857/S102694520023306-7

FAMILY VIOLENCE AS A NEGATIVE SOCIAL PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

© 2022 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 01.04.2022

Abstract. In this article explores questions about the prerequisites, causes and essence of such a social phenomenon as violence. Special attention is paid to the problems of family violence, a conclusion is made about its devastating consequences, which are most acute in relation to the unprotected category of family members – children.
The author proposes measures and ways to combat the manifestation of domestic violence, systematizes the types, forms, prerequisites and consequences of domestic violence, and proves that only an integrated approach will ensure the protection of victims of violence. The article concludes that it is necessary to actively apply in practice to combat violence preventive measures and measures aimed at the subsequent rehabilitation of family members, their further socialization and adaptation in society.

Key words: child, violence, social phenomenon, public policy, violence in family, specific signs of domestic violence, features and prerequisites for the occurrence of domestic violence, protection, protection of the rights of the child, prevention of domestic violence, measures to prevent violence against a child, socialization, adaptation, cultural, national features, age criterion, gender sign, socio-economic and living conditions of residence.

For citation: *Letova, N.V. (2022).* Family violence as a negative social phenomenon of modern society // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 106–111.

Случаи проявления насилия имеют место практически во всех сферах жизни человека, в том числе и семейной. Семейное насилие сохраняет тенденции к широкому распространению, усилению в связи с повышением агрессивности в обществе и трансформацией традиционных семейных ценностей и нравственных ориентиров в семье. Проблема семейного насилия существует на протяжении многих лет и требует решения уже давно, однако пока предложенные государством меры борьбы с таким негативным социальным явлением малоэффективны. Особое внимание к проблеме насилия в семье обусловлено его социальной опасностью, негативным влиянием на семейные отношения, посягательством на жизнь и здоровье наиболее незащищенных членов семьи. Рассматривая насилие в широком смысле и значении, необходимо осознавать, что его негативное влияние сказывается на всех сферах жизни граждан, включая и семейную, где насилие проявляется в наиболее тяжелых формах и травмирующих последствиях для сторон[1].

Насилие в семье, или семейно-бытовое насилие (далее – семейное насилие[2]), отличается высокой степенью общественной опасности, поскольку его негативные последствия оказывают разрушающее воздействие на всех членов семьи, нормальные взаимоотношения между которыми в дальнейшем практически не возможны. Такие последствия представляют угрозу не только для конкретной семьи, в которой имело место насилие, но и для всего общества в целом, так как негативные правила поведения граждан формируют нездоровую общественную и социальную среду, провоцируют безнаказанность лиц, совершающих подобные деяния, создают условия для их «условного одобрения» обществом.

Особое значение в оценке такого явления, как насилие, имеет государственная политика, направленная на борьбу с таким социальным явлением. Определяющим ее элементом является пропаганда, как одна из фундаментальных информационных мер, направленных на формирование негативного отношения общества к случаям проявления насилия во всех сферах жизни каждого гражданина. Формирование общественного мнения относительно такого явления у граждан имеет важное практическое социальное значение, недооценивать значимость которого фактически означает непринятие мер по борьбе с насилием на государственном уровне.

Отношение государства к насилию в самом широком его понимании и значении, его негативная оценка формирует и соответствующее отношение общества к данному явлению, каждого отдельного гражданина. Как и любое социальное явление, насилие, представление о нем может формировать самые разные мнения, отношение граждан к данному явлению от крайне негативного до вполне «одобряемого» или по крайней мере не осуждаемого. Отношение граждан может выражаться в форме осуждения, безразличия, поощрения, условного «одобрения», по принципу «жертва сама виновата» и др.

Разработка эффективных механизмов, направленных на борьбу с насилием, предполагает межгосударственное взаимодействие по данному вопросу, включая меры международного характера. Несмотря на то что во многих государствах приняты специальные законы, направленные на борьбу с насилием[3], пока не удалось решить эту проблему окончательно, напротив, проявление насилия, агрессивное поведение только усиливается[4], поэтому данная проблема требует пристального внимания, постоянного мониторинга и подготовки решений на государственном уровне.

Государственная политика, целью которой является борьба с насилием, свидетельствует о всемерной заботе государства о своих гражданах, публичный интерес которого состоит в формировании устоев в обществе, осуждающих насилие в любой форме его проявления. Иными словами, озабоченность государства в отношении такого явления, как насилие, состоит в потребности и необходимости обеспечения «*публичного запрета*», выражающегося в формировании целого спектра мер, направленных на предотвращение насильственных действий.

С учетом положений и основ семейного законодательства семья должна быть основана на чувствах взаимной любви и уважении, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов (ст. 1 СК РФ[5]). Очевидно, что решение таких долгосрочных задач для каждой семьи, как рождение и воспитание детей, построение семейных отношений на доверии, уважении и личной связи, предполагает создание благоприятной моральной обстановки в семье, атмосферы любви и уважении, исключая какие-либо нарушения и посягательства на права членов семьи.

Опасность семейного насилия проявляется в том, что оно подрывает сущность семейных отношений, их морально-нравственную основу и сформировавшиеся в обществе традиционные семейные ценности. На системообразующую их сущность обращено внимание в Конституции РФ[6], положения которой гарантируют защиту материнства и детства (ст. 38, 46, 67[1]).

Развитие правового государства, полноценного общества не представляется возможным без формирования его

---

[1] См.: *Кутявина Е.Е.* Социальные факторы семейного насилия // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 35–39; *Попова И.В.* Опыт исследования проблемы семейного насилия // Научный диалог. 2012. № 4. С. 124–135; *Лактионова М.А.* Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 97–106; и др.

[2] В статье категория «семейное насилие» рассматривается как широкое понятие по отношению к термину «домашнее насилие», они определяются автором как самостоятельные и не отождествляются. В литературе по данному вопросу встречаются полярные мнения, одни авторы отождествляют эти категории, другие разграничивают (см.: *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 1, 2; *Брайцева Е.А.* Домашнее насилие: мужчины также могут быть жертвами // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2007. № 1. С. 14–19; и др.).

[3] См., напр.: Закон о борьбе с бытовым насилием Китая. 2015. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinw-en/2015-12/28/content_1957457.htm (дата обращения: 04.10.2019).

[4] Во всем мире в этот период был отмечен заметный рост числа обращений жертв семейного насилия на телефоны доверия, в специализированные организации и т.п. (см.: URL: https://russian.rt.com/russia/article/735742-domashnee-nasilie-karantin-koronavirus; https://www.kommersant.ru/doc/4310901; https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86).

Так, по информации Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой, «во время режима всеобщей самоизоляции, введенного в России из-за эпидемии коронавируса, количество случаев домашнего насилия выросло в 2,5 раза» (см.: URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eb0bb599a79474f582ed637).

[5] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

[6] См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

нравственной основы, а происходящие трансформации могут означать не только создание институциональных структур, но и их разрушение, они могут иметь как позитивную, так и негативную динамику[7], определяющими критериями которой являются традиции и устои, не подвергающиеся каким-либо изменениям, обусловленные внешними или внутренними причинами.

В определенном смысле можно признать, что отношения в семье фактически определяют устойчивость общества в целом, формируют основу для реализации семейной и демографической политики государства.

Семейные отношения могут рассматриваться в качестве «*семейного условия*», определяемого в зависимости от складывающихся отношений в конкретной семье. Если в семье крепкие, стабильные отношения, то такое условие может быть сдерживающим фактором для проявления насилия в отношении того или иного члена семьи, напротив, если отношения конфликтные, тогда это же условие может стать причиной для совершения насильственного деяния. В качестве причин, провоцирующих конфликты в семье, могут быть экономические, психологические, социальные, психические, гендерные и др., и любая из них может стать «спусковым крючком, триггером» для проявления насилия в семье.

В случае возникновения конфликтной ситуации в семье наличие личной связи между членами семьи становится определенным «отягчающим обстоятельством», поскольку от отношений в семье, их качества зависит глубина, уровень «накала» семейного конфликта. Нет сомнений, что в основе любого конфликта в семье есть своя причина, которая в каждом случае индивидуальна и субъективна, поскольку одно и то же событие или ситуация вызывает разные реакции у людей. Такая *«индивидуальная реакция»* каждого субъекта зависит от личных качеств жертвы, состояния ее здоровья, физического, ментального, психологической устойчивости, социальной независимости и других причин. Указанные факторы оказывают непосредственное влияние не только на сущность возникшего конфликта в семье, но и определяют степень его негативного воздействия на конкретного члена семьи, оказывают разрушающее влияние на его жизнь и здоровье.

Семейное насилие отличается не только его проявлением в отношении особого субъекта – члена семьи, но и определяющее значение для его квалификации имеет место его совершения, как правило, это квартира, дом, временное жилье, где проживают одной семьей и потенциальная жертва, и насильник. В зависимости от того, какие отношения сложились между ними, находятся ли они в состоянии конфликта, как долго продолжается их конфликт, какова его глубина и насколько разрушена личная связь между ними, зависит степень проявляемого насилия в отношении базовых ценностей каждого человека, его жизни и здоровья. Защита последних провозглашена в положениях Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., согласно которой «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию»[8].

К числу негативных аспектов проявления насилия в семье относится тот факт, что в качестве потенциальной или реальной жертвы выступают наиболее незащищенные члены семьи, это ребенок, супруга или престарелые родственники. Указанные категории лиц являются наиболее уязвимыми, поскольку, как правило, находятся в зависимом положении по отношению к насильнику, который может грубо использовать «слабое место» жертвы, оказывать воздействие именно на ту область жизни, в которой жертва нуждается в наибольшей степени на данный момент времени или период жизни.

Так, дети относятся к наиболее «слабой» категории участников семейных отношений по причине их особого правового положения, обусловленного возрастом, невозможностью защитить себя самостоятельно, зависимым положением от взрослых членов семьи. Именно в силу таких обстоятельств защита их прав является приоритетной. Принцип их приоритетной защиты закреплен не только в качестве определяющего направления государственной политики, но и базируется на общепризнанных нормах международного права[9]. Специфика их защиты проявляется в сущностном влиянии на механизм реализации отдельных норм самого субъекта, носителя прав, который нуждается в их защите. Особенности его правового положения определяют применение норм материального права для достижения наиболее эффективных способов защиты его прав в случае применения к нему насилия. Семейный кодекс РФ, закрепив приоритет в воспитании детей за их родителями, установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка. Реализация данного положения на практике означает, что при осуществлении родителями своих прав они не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 65).

Положения Конвенции о правах ребенка предусматривают обязательства государств в части применения различных мер (административных, законодательных, просветительных), направленных на защиту ребенка от самых разных форм и видов насилия, включая запрет на эксплуатацию ребенка и совершение каких-либо действий, наносящих ущерб его благосостоянию (ст. 19, ст. 34, 36). Особое внимание уделено вопросам последующей реабилитации детей, которые стали жертвами насилия (ст. 39). Принципиально важно, что положения Конвенции устанавливают запреты в отношении всех видов насилия в отношении ребенка, обеспечивая их реализацию в рамках межгосударственного взаимодействия между государствами.

В отечественном законодательстве «имплементация» данного положения прослеживается в ст. 21 Конституции РФ, согласно которой «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». В отдельных кодифицированных актах предусмотрена ответственность за жестокое обращение с детьми: административная – за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ), уголовная – за все виды физического и сексуального насилия над детьми (ст. 116 (побои), ст. 117 (истязание), ст. 131 (изнасилование), ст. 135 (развратные действия) УК РФ), семейная – жестокое обращение с детьми,

[7] См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 29; *Лукашева Е.А.* Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 13; и др.

[8] Росс. газ. 1995. 5 апр.

[9] См.: Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 г.

злоупотребление родительскими правами (ст. 69 СК РФ), ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ), отобрание ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью (ст. 77 СК РФ) и др.

Насилие в отношении ребенка отличается наиболее тяжелыми и травмирующими для него последствиями, степень их разрушающего воздействия на жизнь и здоровье ребенка зависит от его индивидуальных особенностей, возраста, психики, степени ее устойчивости, способности защитить себя самостоятельно. Принимая во внимание индивидуальные особенности ребенка, его физиологические особенности, степень негативного воздействия насилия проявляется во всех областях жизни ребенка. Так, например, это могут быть последствия физиологического характера (расстройство аппетита и сна), поведенческие изменения (агрессивное поведение, совершение необдуманных, спонтанных поступков), личностные трансформации (изменения личного характера, вредные привычки), отсутствие социальных потребностей (отсутствие желания социализироваться в обществе, вести нормальный образ жизни) и др. Многочисленные исследования, посвященные т.н. посттравматическим последствиям проявления насилия, доказывают, что такие последствия существенно влияют на психику ребенка, формируют многочисленные комплексы и поведенческие отклонения, например, чувство вины, страха, связанные с воспоминаниями о насилии, возникают проблемы самооценки, сексуальные расстройства, суицидальные мысли, депрессии, посттравматические стрессовые расстройства, тревожность и др.[10]

В этой связи «поиск» оптимальных форм и способов защиты прав таких детей имеет особое значение и предполагает комплексное решение, охватывающее все аспекты жизнедеятельности ребенка. Опасность насилия в отношении ребенка состоит в его разрушающем воздействии на его психику. Степень негативного воздействия увеличивается в разы с учетом несформировавшейся психики ребенка, воздействие на которую вызывает у него реакции, существенно отличающиеся от реакции взрослого человека.

Очевидно, что ребенку, который подвергся насилию, необходима помощь специалистов разных специальностей с привлечением ими в своей деятельности методик, разработанных в разных областях, в частности социологии, психологии, криминологии и др. Отсутствие эффективных методов решения проблемы насилия в семье на практике обусловлено отсутствием системы мер, направленных на последующую *реабилитацию жертв насилия*. Принятие таких мер позволило бы жертвам насилия легче адаптироваться в обществе, минимизировать негативные последствия совершенного в отношении них насилия. Полагаем, что такие меры могли быть дифференцированы на общие, которые рассчитаны на применение в отношении единой категории группы лиц, членов семьи, которые подверглись насилию, и специальные, которые учитывали бы индивидуальные особенности жертвы (возраст, гендерная принадлежность, социальный статус, состояние здоровья и пр.).

Оценка негативных, травмирующих последствий насилия, особенно в отношении ребенка, требует учета его индивидуальных особенностей, обусловленных его физиологической и возрастной незрелостью. Именно по этой причине степень разрушающих последствий насилия ребенок может оценить только спустя долгие годы, когда он станет взрослым, но травмированным человеком[11], в памяти которого навсегда останется «неизгладимый» след совершенного насилия[12].

В таких ситуациях ребенок, безусловно, нуждается в оказании ему помощи специалиста, в частности психолога, задача которого состоит не только в выявлении факта насилия, но и в поиске оптимального решения для конкретного ребенка, учитывая его индивидуальные особенности, прежде всего психологические. Принимая во внимание, что ребенок остается с этой травмой на всю жизнь, «проработка» и решение такой проблемы занимает годы. Нередко проблема не решается до конца, что, соответственно, не позволяет ему полноценно социализироваться в обществе, ребенок испытывает сложности на протяжении всей своей жизни. В этом смысле распространенная фраза «все проблемы из детства» имеет реальную основу и подтверждение в рамках специальных исследований[13]. Выводы самых разных специалистов подтверждают, что дети, которые испытывали недостаток любви, заботы и внимания со стороны родителей, имеют серьезные «социальные нарушения» в поведении, например, они отличаются повышенной агрессивностью в обществе, не воспринимают взрослых как источник, гарантирующий им личную безопасность[14].

Как отмечалось, насилие в отношении ребенка может быть самым разным – от психологического, эмоционального до физического и иметь самые разные последствия: смерть, тяжкие телесные повреждения, стойкое изменение психического состояния ребенка[15]. В какой бы форме и виде не выражалось насилие в отношении ребенка, оно всегда направлено на нарушение его законных прав и интересов, порождает целый комплекс негативных последствий, которые разрушительны для ребенка, его здоровья – психического и физического. Опасность насилия в отношении ребенка проявляется именно в системном нарушении личности ребенка, трансформации его психического здоровья,

[10] См.: *Levitan R.D., Rector N.A., Sheldon T., Goering P.* (2003). Childhood adversities associated with major depression and / or anxiety disorders in a community sample of Ontario: Issues of comorbidity and specificity, Depression & Anxiety; 17. P. 34–42.

[11] См.: *Middlebrooks J.S., Audage A.C.* The Effects of Childhood Stress on Health Across the Lifespan. Centers for Disease Control, 2008; *Malinosky-Rummell R., Hansen D.J.* (July 1993). "Long-term consequences of childhood physical abuse" // Psychological Bulletin. 114 (1). P. 68–79.

[12] См.: *Gauthier L., Stollak G., Messé L., Aronoff J.* (July 1996). "Recall of childhood neglect and physical abuse as differential predictors of current psychological functioning". Child Abuse & Neglect. 20 (7). P. 49–59; *Lyons-Ruth K., Jacobvitz D.* Attachment disorganization: unresolved loss, relational violence and lapses in behavioral and attentional strategies // Handbook of Attachment / Cassidy J., Shaver P. New York, 1999. P. 520–554; *Main M., Hesse E.* Parents' Unresolved Traumatic Experiences are related to infant disorganized attachment status // Attachment in the Preschool Years: Theory, Research, and Intervention / Greenberg M.T., Ciccehetti D., Cummings E.M. University of Chicago Press, 1990. P. 161–184.

[13] В литературе выделяют самые разные виды и разновидности насилия, например, газлайтинг – одна из самых жестких и непереносимых форм психологического насилия. Человек, который использует газлайтинг, отказывает своему партнеру или ребенку в адекватности: «тебе показалось», «этого не было», «ты просто не понимаешь этого». Часто отрицаются события, чувства, эмоции; неглект – пренебрежение потребностями, нуждами, желаниями жертвы. Это один из самых опасных видов психологического насилия (см.: *Саламова С.Я.* Проблемы предупреждения бытовых преступлений. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 130).

[14] См.: *Golden J.A., Prather W.* (2009). A behavioral perspective of childhood trauma and attachment issues: toward alternative treatment approaches for children with a history of abuse // International Journal of Behavioral and Consultation Therapy. Vol. 5. P. 56–74.

[15] См.: Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень ВОЗ. 2017. № 150; Child Maltreatment 2017 // Children's Bureau. U.S. Department of Health & Human Services. 2017. P. 44, 45.

травмирующее состояние которого оказывает воздействие на протяжении многих лет и влияет на все сферы жизни ребенка, которые можно условно обозначить как *«факторы индивидуального воздействия»*[16].

Дети, ставшие жертвами насилия, нуждаются в особой поддержке и защите со стороны государства, специальных служб. Пока мы не можем признать, что в Российской Федерации создана эффективная система защиты таких детей, есть лишь ее отдельные элементы, что обусловлено объективными причинами. Прежде всего сохраняются законодательные препятствия, связанные с потребностью обеспечения неприкосновенности частной и семейной жизни, охраны жилого помещения, ограничением доступа в жилые дома и квартиры, что не позволяет специальным органам оперативно реагировать и выявлять случаи т.н. латентного насилия. Нет сомнений, что государство и общество должны быть ориентированы на обеспечение безопасности семьи, на предотвращение и пресечение случаев насилия в семье в целях обеспечения устойчивости семейных отношений, защиты членов семьи, тем самым формируя нравственную основу общества[17].

Решение проблемы насилия в семье невозможно без эффективных механизмов, обеспечивающих привлечение к ответственности лиц, совершивших семейное насилие. Необходимо признать, что практика привлечения к ответственности лиц, совершивших насилие, уязвима, что формирует в обществе представление о безнаказанности таких лиц, нередко сами жертвы не сообщают информацию о факте преступления правоохранительным органам[18]. В целях изменения сложившейся практики уместно пересмотреть вопрос о квалификации насилия как разновидности частного семейного дела, семейной проблемы, не требующей участия органов дознания и следствия, дополнительно «взглянуть по-новому» на институт частного обвинения, когда потерпевшая сторона должна инициировать судебное разбирательство, готовить все необходимые документы, представлять доказательства и самостоятельно защищать свои интересы.

* * *

Семейное насилие не может рассматриваться исключительно как внутренняя проблема семьи и служить оправданием для конфликтных взаимоотношений между членами семьи[19]. Государство, общество, общественные институты должны осознавать степень общественной опасности насилия как негативного социального явления, причиняющего вред не только семье, члену семьи, но и всему обществу в целом.

Поиск оптимального их взаимодействия, обеспечение баланса публичных и частных мер, направленных на профилактику и предотвращение случаев насилия в семье, включая последующую реабилитацию жертв насилия, пропаганда традиционных семейных ценностей, нравственное воспитание детей, популяризация решения разного рода конфликтов в семье путем переговоров позволят найти эффективные способы решения проблемы семейного насилия на практике, обеспечив защиту прав членов семьи, в отношении которых было совершено насилие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Дети – жертвы семейного насилия: ответственность за родительские преступления // Росс. юстиция. 2020. № 12. С. 2.
2. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 29.
3. *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 1, 2.
4. *Брайцева Е.А.* Домашнее насилие: мужчины также могут быть жертвами // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2007. № 1. С. 14–19.
5. *Волосова Н.Ю., Баловнева В.И.* Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 3, 4.
6. *Ендольцева А.В.* Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? // Мировой судья. 2020. № 10. С. 4.
7. Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень ВОЗ. 2017. № 150.
8. *Кутявина Е.Е.* Социальные факторы семейного насилия // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 35–39.
9. *Лактионова М.А.* Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 97–106.
10. *Лукашева Е.А.* Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 13.
11. *Попова И.В.* Опыт исследования проблемы семейного насилия // Научный диалог. 2012. № 4. С. 124–135.
12. *Саламова С.Я.* Проблемы предупреждения бытовых преступлений. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 130.
13. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции: в 2 т. Т. 2: Часть общая. М., 1994. С. 141–158.

[16] Считаем, что никакие культурные традиции не могут оправдать насилие в отношении ребенка, цифры и общемировые, и российские ужасающие. Так, по данным ЮНИСЕФ, каждые пять минут в мире убивают ребёнка, а 25–50% всех детей сообщают о том, что они подвергались физическому насилию. Цифры, предоставленные ВОЗ, свидетельствуют о том, что примерно 20% женщин и 5–10% мужчин сообщают о том, что в детстве они подвергались сексуальному насилию.

[17] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции: в 2 т. Т. 2: Часть общая. М., 1994. С. 141–158; *Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Дети – жертвы семейного насилия: ответственность за родительские преступления // Росс. юстиция. 2020. № 12. С. 2.

[18] В 2019 г. было рассмотрено 179 390 дел аналогичной категории, что на 2772 дела больше. Подвергнуто наказанию 118 070 человек, что составляет 65% всех привлеченных к ответственности лиц, 9% были оправданы (см.: Административные правонарушения. URL: http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 04.01.2021)). По существу, 26% – чуть больше четверти всех привлеченных к административной ответственности – избежали наказания.

За первое полугодие 2020 г. было рассмотрено 82 249 дел. Подвергнуто наказанию 50 291 человек, что составляет 61% всех привлеченных к ответственности лиц. Около 31% всех привлеченных к административной ответственности избежали наказания (см.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1-е полугодие 2020 г. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461 (дата обращения: 04.01.2021); см. также: *Волосова Н.Ю., Баловнева В.И.* Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 3, 4).

[19] См.: *Ендольцева А.В.* Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? // Мировой судья. 2020. № 10. С. 4.

14. Child Maltreatment 2017 // Children's Bureau. U.S. Department of Health & Human Services. 2017. P. 44, 45.

15. *Gauthier L., Stollak G., Messé L., Aronoff J.* (July 1996). "Recall of childhood neglect and physical abuse as differential predictors of current psychological functioning". Child Abuse & Neglect. 20 (7). P. 49–59.

16. *Golden J.A., Prather W.* (2009). A behavioral perspective of childhood trauma and attachment issues: toward alternative treatment approaches for children with a history of abuse // International Journal of Behavioral and Consultation Therapy. Vol. 5. P. 56–74.

17. *Levitan R.D., Rector N.A., Sheldon T., Goering P.* (2003). Childhood adversities associated with major depression and / or anxiety disorders in a community sample of Ontario: Issues of comorbidity and specificity, Depression & Anxiety; 17. P. 34–42.

18. *Lyons-Ruth K., Jacobvitz D.* Attachment disorganization: unresolved loss, relational violence and lapses in behavioral and attentional strategies // Handbook of Attachment / Cassidy J., Shaver P. New York, 1999. P. 520–554.

19. *Main M., Hesse E.* Parents' Unresolved Traumatic Experiences are related to infant disorganized attachment status // Attachment in the Preschool Years: Theory, Research, and Intervention / Greenberg M.T., Ciccehetti D., Cummings E.M. University of Chicago Press, 1990. P. 161–184.

20. *Malinosky-Rummell R., Hansen D.J.* (July 1993). "Long-term consequences of childhood physical abuse" // Psychological Bulletin. 114 (1). P. 68–79.

21. *Middlebrooks J.S., Audage A.C.* The Effects of Childhood Stress on Health Across the Lifespan. Centers for Disease Control, 2008.

REFERENCES

1. *Artemenko N.V., Shimbareva N.G.* Children – victims of family violence: responsibility for parental crimes // Russ. Justice. 2020. No. 12. P. 2 (in Russ.).

2. *Baburin S.N.* The Moral state. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020. P. 29 (in Russ.).

3. *Bespalov Yu.F.* Family violence in the Russian Federation as a vice of life and activity of the family and its members: socio-legal aspect // Notary. 2019. No. 1. P. 1, 2 (in Russ.).

4. *Braitseva E.A.* Domestic violence: men can also be victims // Herald of Lobachevsky National University. Ser.: Social Sciences. 2007. No. 1. P. 14–19 (in Russ.).

5. *Volosova N. Yu., Balovneva V.I.* The problem of responsibility for beatings and prevention of family (domestic) violence: administrative and legal aspect // Administrative Law and Process. 2021. No. 4. P. 3, 4 (in Russ.).

6. *Endoltseva A.V.* Protection of victims from domestic violent crimes: is everything done in in this direction? // Justice of the Peace. 2020. No. 10. P. 4 (in Russ.).

7. Child abuse. WHO Newsletter. 2017. No. 150 (in Russ.).

8. *Kutyavina E.E.* Social factors of family violence // Herald of Lobachevsky National University. Ser.: Social Sciences. 2013. No. 1 (29). P. 35–39 (in Russ.).

9. *Laktionova M.A.* Gender violence as an interdisciplinary problem // Herald of the Adygea State University. Ser. 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2011. No. 1. P. 97–106 (in Russ.).

10. *Lukasheva E.A.* Transformational processes of the XXI century: institutional context // Proceedings of the ISL of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 13 (in Russ.).

11. *Popova I.V.* Experience of studying the problem of family violence // Scientific dialogue. 2012. No. 4. P. 124–135 (in Russ.).

12. *Salamova S. Ya.* Problems of prevention of domestic crimes. Domestic violence in modern Russia: general characteristics // Lex russica. 2018. No. 9 (142). P. 130 (in Russ.).

13. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: lectures: in 2 vols. Vol. 2: Part General. M., 1994. P. 141–158 (in Russ.).

14. Child Maltreatment 2017 // Children's Bureau. U.S. Department of Health & Human Services. 2017. P. 44, 45.

15. *Gauthier L., Stollak G., Messé L., Aronoff J.* (July 1996). "Recall of childhood neglect and physical abuse as differential predictors of current psychological functioning". Child Abuse & Neglect. 20 (7). P. 49–59.

16. *Golden J.A., Prather W.* (2009). A behavioral perspective of childhood trauma and attachment issues: toward alternative treatment approaches for children with a history of abuse // International Journal of Behavioral and Consultation Therapy. Vol. 5. P. 56–74.

17. *Levitan R.D., Rector N.A., Sheldon T., Goering P.* (2003). Childhood adversities associated with major depression and / or anxiety disorders in a community sample of Ontario: Issues of comorbidity and specificity, Depression & Anxiety; 17. P. 34–42.

18. *Lyons-Ruth K., Jacobvitz D.* Attachment disorganization: unresolved loss, relational violence and lapses in behavioral and attentional strategies // Handbook of Attachment / Cassidy J., Shaver P. New York, 1999. P. 520–554.

19. *Main M., Hesse E.* Parents' Unresolved Traumatic Experiences are related to infant disorganized attachment status // Attachment in the Preschool Years: Theory, Research, and Intervention / Greenberg M.T., Ciccehetti D., Cummings E.M. University of Chicago Press, 1990. P. 161–184.

20. *Malinosky-Rummell R., Hansen D.J.* (July 1993). "Long-term consequences of childhood physical abuse" // Psychological Bulletin. 114 (1). P. 68–79.

21. *Middlebrooks J.S., Audage A.C.* The Effects of Childhood Stress on Health Across the Lifespan. Centers for Disease Control, 2008.

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law, chief researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 112–118
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 112–118

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ РОСКОМНАДЗОРА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2022 г. О. Л. Солдаткина

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

E-mail: buzum@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2022 г.

Аннотация. В статье поднимаются как теоретические вопросы функций органов государственной власти, их трансформации в зависимости от конкретного исторического периода и правовой политики, так и практические задачи, связанные с расширением правоохранительных функций органов исполнительной власти (на примере Роскомнадзора). В рамках теоретической части работы проводится обоснование применения инструментария правовой политики для определения целей и приоритетов правового регулирования в сфере информационной безопасности; осуществляется анализ понятий «функции государства» и «функции органов государственной власти»; на основе анализа доктринальных документов констатируется, что в информационной сфере действуют органы исполнительной власти, которые не являются собственно правоохранительными, но на текущий момент времени обладают полномочиями правоохранительных органов. В ориентированной на практику части работы исследуются конкретные функции, напрямую связанные с информационной безопасностью, а также намечаются пути их совершенствования (унификация механизмов блокировок и повышение их прозрачности, применение искусственного интеллекта для распознавания негативного или фейкового контента и др.).

Ключевые слова: функции органов исполнительной власти, функции государства, правоохранительные функции, органы исполнительной власти, Роскомнадзор, правовая политика, информационная безопасность, фейковые новости, блокирование информационных ресурсов, искусственный интеллект.

Цитирование: *Солдаткина О.Л.* Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики // Государство и право. 2022. № 12. С. 112–118.

DOI: 10.31857/S102694520023460-7

IMPROVING THE LAW ENFORCEMENT FUNCTIONS OF EXECUTIVE AUTHORITIES TO ENSURE INFORMATION SECURITY AS A DIRECTION OF MODERN RUSSIAN LEGAL POLICY

© 2022 O. L. Soldatkina

Saratov Branch of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: buzum@mail.ru

Received 27.09.2022

Abstract. The article raises both theoretical issues of the functions of public authorities, their transformation depending on a specific historical period and legal policy, and practical tasks related to the expansion of law enforcement functions of executive authorities (on the example of Roskomnadzor). As part of the theoretical part of the work, a justification is made for the use of legal policy tools to determine the goals and priorities of legal regulation in the field of information security; the analysis of the concepts of "functions of the state" and "functions of public authorities" is carried out; Based on the analysis of doctrinal documents, it is stated that in the information sphere there are executive authorities that are not actually law enforcement, but at the moment they have the powers of law enforcement agencies. The practice-oriented part of the work explores specific functions directly related to information security, and outlines ways to improve them (unifying blocking mechanisms and increasing their transparency, using artificial intelligence to recognize negative or fake content, etc.).

Key words: functions of executive authorities, state functions, law enforcement functions, executive authorities, Roskomnadzor, legal policy, information security, fake news, blocking of information resources, artificial intelligence

For citation: *Soldatkina, O.L. (2022).* Improving the law enforcement functions of executive authorities to ensure information security as a direction of modern Russian legal policy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 112–118.

Правовая политика становится все более и более востребованной[1]. Согласно классическим дефинициям правовой политики в ее основе лежит понятие деятельности[2], а последняя по определению целенаправленна. То есть для правовой политики важное значение имеет формулирование ее целей, осуществляемое как в виде комплексных научных продуктов (концепций развития), так и посредством разработки и принятия политико-правовых актов стратегического планирования. Сфера информационной безопасности, как имеющая высокую социальную значимость, не является исключением.

Действительно, именно в данной области реакция на вызовы информационного пространства идет в формате оперативного реагирования: 28 марта 2022 г. Тверской районный суд Москвы опубликовал решение, в котором запретил деятельность корпорации Meta Platforms Inc. (№ 02-2473/2022)[3], чтобы оградить людей от провокационной информации; суды активно рассматривают дела по фейкам о Вооруженных Силах РФ (так, только районные суды Татарстана с 20 февраля и до 25 мая 2022 г. получили 63 дела[4]); группы в мессенджерах отслеживаются и быстро блокируются[5]. Далее с точки зрения стратегического планирования важно перейти к упреждающим действиям и при этом избежать необоснованных, поспешных решений, действуя на основе плановости и системности, т.е. с использованием инструментов правовой политики.

Направления правовой политики в сфере информационной безопасности задает пришедшая на смену Доктрине 2000 г. в 2016 г. новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации[6] (далее – Доктрина), которая не только приобрела более четкую форму и структурированное содержание[7], но и сместила акцент в приоритетах на правоохранительную деятельность, указав среди них улучшение государственной системы предупреждения, обнаружения и ликвидации последствий компьютерных атак на российские информационные ресурсы; обеспечение безопасности и устойчивости работы инфраструктуры российского сегмента глобальной сети; повышение защищенности информационных систем и сетей связи государственных органов; противодействие использованию информационного пространства для пропаганды негативного контента; поддержка создания системы международной информационной безопасности в рамках развития межгосударственного сотрудничества[8]. Последнее положение, с которым связана характеристика Доктрины как излишне милитаристской[9], присуще стратегическим документам разных стран того времени[10] и обусловлено, с одной стороны, трансграничностью сети Интернет и невозможностью обеспечить безопасность внутренними средствами, с другой – нарастающей напряженностью в обществе, в том числе и из-за пропаганды, кибертерроризма, информационных войн.

В качестве критики Доктрины также отмечается отсутствие предусмотренной необходимости в формировании правовой политики[11] и фрагментарный учет направления правоохранительной деятельности при выработке соответствующей государственной политики[12]. Так, например, в Доктрине практически не рассматриваются вопросы повышения информационной культуры граждан как способа защиты населения от действия информационно-психологического оружия и кибертерроризма, в то время как множество атак на системы всех уровней (в том числе государственные) проводится при использовании методов социальной инженерии, когда «ломаются» люди, а не технические устройства.

Кроме того, Доктрина традиционно принимается в развитие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая согласно ст. 18 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[13] изменяется каждые шесть лет. Так, Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[14] (далее – Стратегия), пришедшая на смену аналогичной Стратегии 2016 г. Поскольку задачи в сфере информационной безопасности,

---

[1] См., напр.: *Малько А.В., Костюков А.Н., Кроткова Н.В.* Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9

[2] См., напр.: *Малько А.В.* Теория правовой политики. М., 2012.

[3] См.: Meta признали экстремистской: что это значит для пользователей и акционеров. URL: https://pravo.ru/story/240053/ (дата обращения: 13.06.2022).

[4] См.: URL: https://inkazan.ru/news/society/10-06-2022/stalo-izvestno-skolko-del-o-feykah-vozbudili-s-nachala-spetsoperatsii-v-tatarstane (дата обращения: 17.07.2022).

[5] См.: Появились новые доказательства информационной войны против России // Мурманский вестник. 2022. 17 марта. URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/poyavilis-novye-dokazatelstva-informacionnoj-vojny-protiv-rossii/ (дата обращения: 13.06.2022).

[6] См.: Указ Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

[7] См.: Анализ положений Доктрины информационной безопасности РФ // Securitylab7.ru. 2017. 10 февр. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/485289.php (дата обращения: 26.09.2022).

[8] См.: *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере обеспечения информационной безопасности как часть современной правовой политики Российской Федерации: основные тенденции развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 91–101.

[9] См.: *Белозёров О.И.* Оценка эффективности реализации положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации // Вестник Хабаровского гос. ун-та экономики и права. 2019. № 2. С. 87–91.

[10] См.: *Малько А.В., Солдаткина О.Л.* Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 1. С. 42–58.

[11] См.: *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Эффективность правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности (правоохранительный аспект) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 16–27.

[12] См.: *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере обеспечения информационной безопасности как часть современной правовой политики Российской Федерации: основные тенденции развития. С. 91–101.

[13] См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

[14] См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

определенные в Стратегии, были скорректированы путем смещения акцентов на организацию защиты внутренней инфраструктуры и населения страны, в ближайшее время должна поменяться и Доктрина, и тут важно учесть критику и недочеты.

Следует отметить, однако, что при всех недостатках в Доктрине впервые намечено распределение правоохранительных функций по разным органам государственной власти, что особенно важно с точки зрения обоснования актуальности поднимаемых в данном исследовании вопросов. В частности, среди задач заявлено усиление роли правоприменительных функций федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, включая предупреждение и пресечение правонарушений в информационной сфере, а также выявление, изобличение и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления и другие правонарушения в этой сфере.

Такое направление развития перекликается с позицией достаточно большого количества ученых-правоведов: Н.Н. Ковалёвой, рассматривающей информационно-правовую политику и процесс информатизации через призму функционального подхода[15]; С.А. Комарова, считающего, что для достижения целей государственного управления необходимо решать конкретные задачи, которые, в свою очередь, обусловливают существование конкретных функций[16], и др. Функциональный подход успешно используется для исследования правовых или государственных институтов в динамике[17], что как нельзя лучше подходит для юридических исследований быстро развивающейся информационной сферы.

Определение функции государства у разных авторов (М.И. Байтин, И.Н. Сенякин, А.В. Малько, В.М. Сырых, М.Н. Марченко, Н.Н. Ковалёва и др.) принципиально не отличается – традиционно это основные направления его деятельности, которые выражают и конкретизируют его сущность и социальное назначение в общественной жизни[18].

Понятие «функции органов власти» используется в нормативных актах для обозначения направления деятельности органа государственной власти[19], т.е. имеет более узкое значение по сравнению с функциями государства. Тем не менее функции государства реализуются через функции органов государственной власти.

Набор функций государства достаточно обширен и может быть различен в зависимости от периода времени и многих факторов, но с 60-х годов XX в. правоохранительная функция неизменно присутствует во всех классификациях (иногда объединяясь с правозащитной функцией[20]). Действительно, защита законных интересов и прав граждан, обеспечивающая стабильность общества, является приоритетной задачей государства, что делает востребованными теоретические разработки правоохранительной функции государства.

Тем не менее исследователи сходятся в том, что правоохранительная функция государства в отдельных ее аспектах проработана недостаточно. Например, В.Н. Уваров считает, что не до конца разработаны критерии правоохранительной функции[21]; О.В. Домнина разрешает проблему модернизации правоохранительной функции[22]. Приведенные позиции представляются обоснованными. В частности, правоохранительную функцию в отношении информационной безопасности пока нельзя назвать до конца оформленной.

Реализация правоохранительной функции государства происходит через систему органов государственной власти, причем, как правило, правоохранительная функция у данных органов основная. К таковым в Российской Федерации традиционно относятся: прокуратура Российской Федерации, Министерство внутренних дел РФ, правоохранительные подразделения Федеральной таможенной службы, Министерство юстиции РФ (вместе с Федеральной службой исполнения наказаний и Федеральной службой судебных приставов), Следственный комитет РФ, Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), Федеральная служба безопасности. Но сегодня ситуация такова, что государство вынуждено постоянно модернизировать систему органов, реализующих его правоохранительную функцию. В частности, в информационной сфере действуют органы исполнительной власти, которые не являются правоохранительными, но на текущий момент времени обладают правоохранительными полномочиями. Речь идет прежде всего об имеющей прямое отношение к обеспечению информационной безопасности, подчиненной Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры России) Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор).

Традиционное для административного права понимание сущности функций исполнительной власти (как основных направлений деятельности органов исполнительной власти, в которых выражается предназначение данной ветви государственной власти) мало чем отличается от определения функции государства[23]. Правоохранительная функция органов исполнительной власти (несмотря на то что является основной функцией государства) выделяется не во всех их классификациях (например, отсутствует в классификации, приведенной в работе О.А. Чернова, А.А. Здоровцева, К.А. Зуева[24]). Некоторые авторы объединяют правозащитную и правоохранительную

[15] См.: *Ковалёва Н.Н.* Правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении. М., 2020. С. 17–19.

[16] См.: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. 6-е изд., доп. СПб., 2001. С. 74.

[17] См.: *Петров А.В., Зырянов А.В.* Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 430. С. 205–212. DOI: 10.17223/15617793/430/28

[18] См.: *Ковалёва Н.Н., Марченко М.Н.* Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 327; *Малько А.В., Матузов Н.И.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013; *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2006; и др.

[19] См.: *Малый А.Ф.* Функции органов государственной власти: институционализация правовой категории // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154, кн. 4. С. 46–51.

[20] См.: *Кобзева Е.И., Мамина О.И.* Сущность и содержание правоохранительной функции государства // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 64–68.

[21] См.: *Уваров В.Н.* Правоохранительная функция государства и механизм ее реализации // Право и государство. № 3–4 (80–81). 2018. С. 111–120.

[22] См.: *Домнина О.В.* Правоохранительная политика как инструмент совершенствования механизма реализации правоохранительной функции современного российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 150–154.

[23] См.: *Соколов А.Ю.* Административное право Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М., 2018; *Попова Н.Ф.* О функциях исполнительной власти // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2010. С. 111–118; *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005; и др.

[24] См.: *Чернова О.А., Здоровцева А.А., Зуева К.А.* Функции и полномочия органов исполнительной власти: современные теоретические подходы и вопросы практической реализации // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2017. С. 134–140.

функции[25], а С.В. Ведяшкин в попытках разграничить правозащитную и правоохранительную функции федеральных органов исполнительной власти предлагает рассматривать последнюю как установление общего административно-правового режима[26]. Представляется, что такой подход излишне усложняет рассматриваемое понятие, поэтому под правоохранительной функцией органов исполнительной власти мы понимаем деятельность органов исполнительной власти, направленную на достижение следующих результатов: пресечение неправомерных действий должностных лиц и граждан, привлечение лиц, виновных в совершении правонарушений, к юридической ответственности, а также применение к этим субъектам иных мер воздействия.

В общих чертах полномочия Роскомнадзора обозначены в п. 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228[27]: контроль и надзор в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных (является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных) требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы.

Каждая из этих функций напрямую связана с информационной безопасностью, а часть из них является правоохранительными, например отдельные функции контроля и надзора в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций.

Доктрина называет дезинформацию всех видов в числе угроз правам и свободам человека в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России. Практика последних нескольких лет показала, что одним из эффективных способов дестабилизации общественной обстановки являются т.н. фейки («недостоверные новости»), появившиеся изначально как распространяемые в СМИ сатирические статьи (например, это специализация журнала The Onion[28]) или шутки (так, выражение «газетная утка» появилось в XVII в. в Германии[29]). В текущий момент времени фейки используются как вид психологического информационного оружия и представляют серьезную опасность, в том числе как вид пропаганды[30].

Осознание этого факта отечественной государственной властью произошло давно, о чем свидетельствуют соответствующие разработки служб безопасности еще в советский период[31], но проблема фейков получила новое звучание в связи с распространением сетевых медиа, в том числе социальных сетей; с этим же обстоятельством связано и распространение термина «фейковые новости». В научных работах, в частности, приводится статистика поиска в базе Scopus по ключевому слову "fake news": от 11 статей в 2015 г. до 362 в 2018 г.[32] Аналогичная ситуация с поиском по elibrary.ru – от четырех публикаций в журналах по ключевому слову «фейк» в 2015 г. до 67 статей в 2021 г. По данным исследований, проводимых в Европе, большинство пользователей сети Интернет сталкиваются с фейковыми новостями не реже раза в неделю[33].

Между тем фейки не только подрывают доверие к СМИ, но и могут использоваться как фактор влияния на общественное мнение. Данный вид применения недостоверных новостей осознает и законодатель: в 2018 г. было принято несколько нормативных правовых актов о недостоверных новостях (Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"»[34], Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[35], устанавливающий административную ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации под видом правдивых сообщений); а в 2022 г., спустя чуть больше 10 дней от начала спецоперации на Украине, был принят Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[36], устанавливающий уже уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ.

Возбуждать дела о правонарушениях уполномочены должностные лица органа, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), т.е. Роскомнадзор осуществляет пресечение неправомерных действий должностных лиц и граждан, применение к этим субъектам мер воздействия, что, по сути, является результатом реализации правоохранительной функции.

Анализ научной литературы[37] и публикаций в СМИ[38] показывает, что реализация именно этой функции Роскомнадзора вызывает большую критику, давая основания считать его органом, осуществляющим цензуру в Глобальной сети.

---

[25] См.: *Кобзева Е.И., Мамина О.И.* Указ. соч.

[26] См.: *Ведяшкин С.В.* Правозащитная и правоохранительная функции федеральных органов исполнительной власти // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 6. С. 87–94.

[27] См.: СЗ РФ. 2009. № 2, ст. 1431.

[28] См.: *Кавалерян А.* История и теория fake news: как их производили со времен Древнего Рима и как отличить их от правды // Нож. 2018. 27 июня. URL: https://knife.media/fake-news-history/ (дата обращения: 26.09.2022).

[29] См.: Краткий экскурс в историю фейков // Журналист. 2018. 16 окт. URL: https://jrnlst.ru/fakes-history (дата обращения: 26.09.2022).

[30] См.: *Иванищева О.Н.* Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4. С. 104–110.

[31] См.: *Кавалерян А.* Указ. соч.

[32] См.: *Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В. и др.* Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. С. 99–105.

[33] См.: Fake news and disinformation online. Report. European Union, 2018. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-results-eurobarometer-fake-news-and-online-disinformation (дата обращения: 26.09.2022).

[34] См.: СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1221.

[35] См.: СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1217.

[36] См.: СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1389.

[37] См., напр.: *Галушкин А.А.* К вопросу о месте и роли Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в сфере обеспечения национальной информационной безопасности Российской Федерации на современном этапе посредством работы с операторами поисковых систем // Образование и право. 2018. № 11. С. 260–264.

[38] См., напр.: Глава Роскомнадзора прочитал лекцию о цензуре и похвастался блокировкой Rutracker // Хабр. URL: https://habr.com/ru/post/355960/; Блокировки интернет-ресурсов как инструмент политической цензуры. URL: https://reports.ovdinfo.org/blokirovki-internet-resursov-kak-instrument-politicheskoy-cenzury#1

Деятельность по блокировке информационных ресурсов Роскомнадзором берет свое начало с июля 2012 г., когда были приняты поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающие операторов сети Интернет ограничивать доступ к сайтам, содержащим запрещенную в Российской Федерации информацию. В ноябре 2012 г. появились и правила создания и ведения Единого реестра доменных имен, подлежащих блокировке[39] (далее – Реестр), согласно которым определена процедура блокирования ресурса с контентом, связанным с социально опасными явлениями (наркотики, порнография и т.п.). Данная процедура включает в себя уведомление владельца ресурса, выделение времени на удаление запрещенной информации, и только в случае невыполнения требований – внесение сайта в Реестр[40].

Критики деятельности Роскомнадзора обращают внимание на отсутствие в законодательстве установленных критериев запрещенной в Российской Федерации информации, что вызывает риск злоупотреблений и «лишних» блокировок. Одним из показательных примеров является выигранное Банком ВТБ дело о распространении сведений, порочащих его деловую репутацию. Так, в сентябре 2018 г. суд признал опубликованную на 16 новостных ресурсах информацию не соответствующей действительности и запрещенной к распространению на территории Российской Федерации; такое же решение по еще 14 сайтам суд вынес в ноябре 2018 г. Сложность была в том, что суд признал запрещенной информацию, причем по материалам издания «Ведомости» в решениях судов были указаны абзацы оспариваемых статей, но сами сведения, попавшие под запрет, не конкретизировались[41]. В результате такие постановления суда вызвали волну блокировок, под которые попало более 1000 сайтов, что, в свою очередь, существенно усложнило работу журналистов и понизило рейтинг доверия населения к деятельности Роскомнадзора.

Решение данной проблемы может быть аналогичным тому, что озвучено экспертной группой высокого уровня ("the HLEG") в докладе «Многоуровневый подход к дезинформации: доклад независимой Экспертной группы высокого уровня по противодействию "фейковым новостям" и онлайн-дезинформации»[42] – речь идет о повышении прозрачности. Конечно, в этом докладе прежде всего имеется в виду повышение прозрачности рекламного пространства в цифровой среде, однако прозрачность и определенность критериев оценки отнесения информации к недостоверной или запрещенной способствовали бы и совершенствованию исследуемой функции Роскомнадзора.

Что касается новых нормативных правовых актов о фейках, то в основном претензии авторов публикаций связаны с двумя положениями:

1. Особый порядок удаления недостоверной информации, по которому Роскомнадзор сначала блокирует ресурс, а потом уже передает. Стандартная процедура блокировки для ресурсов была описана выше. В этом случае предоставляется возможность решить вопрос в досудебном порядке. Блокировка в случае размещения недостоверных новостей происходит незамедлительно по требованию Генерального прокурора РФ или его заместителя, только после этого следует уведомление владельца ресурса.

Такое решение можно назвать оправданным сейчас, в период открытой информационной войны, когда борьба с фейками требует оперативности, но данная мера должна быть временной. Дело в том, что технически устройство Глобальной сети основано на принципе децентрализованного управления и отсутствия ограничений в распространении информации. Так, руководитель «Роскомсвободы» Артем Козлюк считает, что любая информация, в том числе и запрещенная, найдет способ дойти до потребителя – если не по одним, то по другим каналам[43]. Кроме того, реагировать необходимо не в ущерб добросовестным пользователям[44]. При большом количестве закрытой блокировками информации ее поиск будет сопряжен с нарушениями даже законопослушными гражданами. Все это означает, что излишнее количество блокировок в досудебном порядке может привести к противоположному защите населения эффекту, укрепляя правовой нигилизм в обществе и снижая доверие к власти.

Таким образом, представляется, что в стратегических и комплексных научных документах, описывающих направления правовой политики, должно быть предусмотрено введение единого порядка блокирования информации, т.е. передача полномочий по инициативе ограничений доступа Роскомнадзору.

2. Оценочный характер критерия определения ложности информации (на усмотрение Генерального прокурора РФ или его заместителя), из-за чего так или иначе могут возникать подозрения относительно объективности принимаемого решения. Неопределенность формулировки состава отмечал и Г. Напалков, управляющий компании Legalight[45].

Путь решения данной проблемы определен выше – повышение прозрачности оценки информации на достоверность.

Кроме того, в рамках конструирования положений правовой политики в сфере совершенствования функций Роскомнадзора стоит присмотреться к существующим в мире моделям борьбы с фейковыми новостями, при которых юридические меры носят скорее поддерживающий характер. В частности, американские и европейские исследователи делают упор на технологические методы борьбы (закон обеспечивает только необходимое пространство для функционирования технических алгоритмов – искусственного интеллекта, алгоритмов, отслеживающих фейки через социальные сети), повышение

---

[39] См.: постановление Правительства РФ от 26.10.2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // СЗ РФ. 2012. № 44, ст. 6044.

[40] См.: Закон об уголовном наказании за фейки. Как он изменил работу журналистов // РБК. 2022. 5 марта. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/09/2017/59b00e269a79475c24ccf090 (дата обращения: 26.09.2022).

[41] См.: Роскомнадзор массово блокирует статьи о ВТБ // Ведомости. 2019. 4 апр.

[42] European Commission. A Multi-Dimensional Approach to Disinformation. Report of the Independent High Level Group on Fake News and Online Disinformation. Accessed: 20.03.2018. URL: https://blog.wanifra.org/sites/default/files/field_blog_entry_file/HLEGReportonFakeNewsandOnlineDisinformation.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

[43] См.: Блокировки интернет-ресурсов как инструмент политической цензуры. URL: https://reports.ovdinfo.org/blokirovki-internet-resursov-kak-instrument-politicheskoy-cenzury#1 (дата обращения: 26.09.2022).

[44] См.: *Колесников Р.* «Запрос на усиление контроля». Как изменится политика Роскомнадзора // ФедералПресс. 2020. 1 апр. URL: https://fedpress.ru/article/2468145 (дата обращения: 26.09.2022).

[45] См.: Закон об уголовном наказании за фейки. Как он изменил работу журналистов // РБК. 2022. 5 марта. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/09/2017/59b00e269a79475c24ccf090 (дата обращения: 26.09.2022).

медиаграмотности пользователей и журналистов[46]. Разрабатываются за рубежом (США и государства Европы) и системы распознавания фейкового контента, использующие инструменты автоматического сбора информации в сети Интернет и модели машинного обучения (искусственный интеллект) – как на государственном уровне (например, в Италии полиция запустила онлайн-сервис для проверки гражданами подлинности новостей[47]), так и в рамках крупных киберкорпораций: Google, Facebook, YouTube[48].

Конечно, следует отметить, что уровень развития технологий искусственного интеллекта и наличие большого количества правовых и этических проблем, связанных с его применением для принятия юридически значимых решений, не позволяют пока говорить о полноценной замене регулятора при блокировке ресурсов, содержащих недостоверную информацию, на искусственный интеллект. Однако поскольку Роскомнадзор изначально задумывался как орган, который будет способствовать созданию безопасного информационного пространства, а не разрушению новейших цифровых технологий, представляется интересным присмотреться к озвученной ранее позиции относительно внедрения технологических решений по автоматическому отслеживанию противоправного контента и соответствующего дополнения функций Роскомнадзора, включения в их перечень и сопровождения разработки, внедрения и обеспечения работы таких систем.

В данной ранее трактовке правоохранительной функции органов исполнительной власти получается, что Роскомнадзор имеет достаточно много правоохранительных функций, хотя к правоохранительным органам не относится. Это, в свою очередь, делает Роскомнадзор органом, чью деятельность необходимо учитывать при выстраивании правоохранительной политики.

* * *

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать вывод об усилении роли правоохранительной функции всех органов государственной власти, включая исполнительные. Более того, правоохранительные функции есть не только у органов, которые традиционно называются правоохранительными. Причем у некоторых из таковых (не относящихся к правоохранительным) органов достаточно правоохранительных функций, чтобы оказывать существенное влияние на реализацию не только правовой политики в сфере информационной безопасности, но и правоохранительной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005.
2. *Белозёров О.И.* Оценка эффективности реализации положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации // Вестник Хабаровского гос. ун-та экономики и права. 2019. № 2. С. 87–91.
3. *Ведяшкин С.В.* Правозащитная и правоохранительная функции федеральных органов исполнительной власти // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 6. С. 87–94.
4. *Галушкин А.А.* К вопросу о месте и роли Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в сфере обеспечения национальной информационной безопасности Российской Федерации на современном этапе посредством работы с операторами поисковых систем // Образование и право. 2018. № 11. С. 260–264.
5. *Домнина О.В.* Правоохранительная политика как инструмент совершенствования механизма реализации правоохранительной функции современного российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 150–154.
6. *Иванищева О.Н.* Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4. С. 104–110.
7. *Кавалерян А.* История и теория fake news: как их производили со времен Древнего Рима и как отличить их от правды // Нож. 2018. 27 июня. URL: https://knife.media/fake-news-history/ (дата обращения: 26.09.2022).
8. *Кобзева Е.И., Мамина О.И.* Сущность и содержание правоохранительной функции государства // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). С. 64–68.
9. *Ковалёва Н.Н.* Правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении. М., 2020. С. 17–19.
10. *Ковалёва Н.Н., Марченко М.Н.* Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 327.
11. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. 6-е изд., доп. СПб., 2001. С. 74.
12. *Малько А.В.* Теория правовой политики. М., 2012.
13. *Малько А.В., Костюков А.Н., Кроткова Н.В.* Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9
14. *Малько А.В., Матузов Н.И.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013.
15. *Малько А.В., Солдаткина О.Л.* Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 1. С. 42–58.
16. *Малый А.Ф.* Функции органов государственной власти: институционализация правовой категории // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154, кн. 4. С. 46–51.
17. *Петров А.В., Зырянов А.В.* Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 430. С. 205–212. DOI: 10.17223/15617793/430/28
18. *Попова Н.Ф.* О функциях исполнительной власти // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2010. С. 111–118.
19. *Соколов А.Ю.* Административное право Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М., 2018.
20. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере обеспечения информационной безопасности как часть современной правовой политики Российской Федерации: основные тенденции развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 91–101.
21. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Эффективность правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности (правоохранительный аспект) // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 16–27.
22. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2006.
23. *Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В. и др.* Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. С. 99–105.

[46] См.: *Andorfer A.* Spreading Like Wildfire: Solutions for Abating the Fake News Problem on Social Media via Technology Controls and Government Regulation // Hastings L.J. 2018. Vol. 69. P. 1410–1429; *Figueira Á.* Current State of the Art to Detect Fake News in Social Media: Global Trendings and Next Challenges / A. Figueira, N. Guimarães, L. Torgo // 14th International Conference on Web Information Systems and Technologies. 2018. P. 38–50; и др.

[47] См.: Владимир Груздев: Проблема фейковых новостей интернациональна // Росс. газ. 2019. 12 марта.

[48] См.: *Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В. и др.* Указ. соч.

24. *Уваров В.Н.* Правоохранительная функция государства и механизм ее реализации // Право и государство. № 3–4 (80–81). 2018. С. 111–120.

25. *Чернова О.А., Здоровцева А.А., Зуева К.А.* Функции и полномочия органов исполнительной власти: современные теоретические подходы и вопросы практической реализации // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2017. С. 134–140.

26. *Andorfer A.* Spreading Like Wildfire: Solutions for Abating the Fake News Problem on Social Media via Technology Controls and Government Regulation // Hastings L.J. 2018. Vol. 69. P. 1410–1429.

27. *Figueira Á.* Current State of the Art to Detect Fake News in Social Media: Global Trendings and Next Challenges / A. Figueira, N. Guimarães, L. Torgo // 14th International Conference on Web Information Systems and Technologies. 2018. P. 38–50.

REFERENCES

1. *Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N.* Administrative Law: textbook. 2nd ed., rev. and add. M., 2005 (in Russ.).

2. *Belozerov O.I.* Evaluation of the effectiveness of the implementation of the provisions Doctrines of information security of the Russian Federation // Herald of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019. No. 2. P. 87–91 (in Russ.).

3. *Vedyashkin S.V.* Human rights and law enforcement functions of federal executive authorities // Herald of Kutafin University. 2019. No. 6. P. 87–94 (in Russ.).

4. *Galushkin A.A.* On the question of the place and role of the Federal Service for supervision in the field of communications, information technologies and mass communications in the field of ensuring national information security of the Russian Federation at the present stage through work with search engine operators // Education and Law. 2018. No. 11. P. 260–264 (in Russ.).

5. *Domnina O.V.* Law enforcement policy as a tool for improving the mechanism for implementing the law enforcement function of the modern Russian state // Legal policy and legal life. 2019. No. 2. P. 150–154 (in Russ.).

6. *Ivanishcheva O.N.* Fake news as a new form of propaganda // Man. Culture. Education. 2018. No. 4. P. 104–110 (in Russ.).

7. *Kavaleryan A.* History and theory of fake news: how they were produced since the time of Ancient Rome and how to distinguish them from the truth // Knife. 2018. June 27. URL: https://knife.media/fake-news-history / (accessed: 26.09.2022) (in Russ.).

8. *Kobzeva E.I., Mamina O.I.* The essence and content of the law enforcement function of the state // Herald of the Academy of Law and Management. 2018. No. 3(52). P. 64–68 (in Russ.).

9. *Kovaleva N.N.* Legal regulation of the use of information technologies in public administration. M., 2020. P. 17–19 (in Russ.).

10. *Kovaleva N.N., Marchenko M.N.* Theory of State and law. 2nd ed., reprint and add. M., 2004. P. 327 (in Russ.).

11. *Komarov S.A.* General theory of state and law. 6th ed., add. SPb., 2001. P. 74 (in Russ.).

12. *Mal'ko A.V.* Theory of legal policy. M., 2012 (in Russ.).

13. *Mal'ko A.V., Kostyukov A.N., Krotkova N.V.* Legal policy in modern Russia: actual problems of theory and practice (Review of the materials of the "Round Table") // State and Law. 2019. No. 6. P. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9 (in Russ.).

14. *Mal'ko A.V., Matuzov N.I.* Theory of state and law: textbook. 4th ed., rev. and add. M., 2013 (in Russ.).

15. *Mal'ko A.V., Soldatkina O.L.* Information and legal policy in modern society: comparative analysis // Comparative politics. 2019. No. 1. P. 42–58 (in Russ.).

16. *Maly A.F.* Functions of state authorities: institutionalization of the legal category // Scientific notes of the Kazan University. Ser. "Humanities". 2012. Vol. 154, book 4. P. 46–51 (in Russ.).

17. *Petrov A.V., Zyryanov A.V.* Discourse of methodological approaches in modern legal studies // Herald of the Tomsk State University. 2018. No. 430. P. 205–212. DOI: 10.17223/15617793/430/28 (in Russ.).

18. *Popova N.F.* On the functions of the executive power // Herald of the Russian State University. Ser. "Economics. Management. Law". 2010. P. 111–118 (in Russ.).

19. *Sokolov A. Yu.* Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors. M., 2018 (in Russ.).

20. *Sokolov A. Yu., Lakaev O.A.* Law enforcement policy in the field of information security as part of the modern legal policy of the Russian Federation: main development trends // Legal policy and legal life. 2021. No. 2. P. 91–101 (in Russ.).

21. *Sokolov A. Yu., Lakaev O.A.* The effectiveness of legal policy in the field of information security (law enforcement aspect) // Legal policy and legal life. 2021. No. 3. P. 16–27 (in Russ.).

22. *Syrykh V.M.* Theory of State and law: textbook for universities. M., 2006 (in Russ.).

23. *Tretyakov A.O., Filatova O.G., Zhuk D.V. et al.* A method for determining Russian-language fake news using artificial intelligence elements // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. No. 12. P. 99–105 (in Russ.).

24. *Uvarov V.N.* Law enforcement function of the state and the mechanism of its implementation // Law and the state. № 3–4 (80–81). 2018. P. 111–120 (in Russ.).

25. *Chernova O.A., Zdorovtseva A.A., Zueva K.A.* Functions and powers of executive authorities: modern theoretical approaches and issues of practical implementation // Public administration of the III millennium: problems and prospects: collection of scientific Articles IV International. scientific-practical Conf. Khabarovsk, 2017. P. 134–140 (in Russ.).

26. *Andorfer A.* Spreading Like Wildfire: Solutions for Abating the Fake News Problem on Social Media via Technology Controls and Government Regulation // Hastings L.J. 2018. Vol. 69. P. 1410–1429.

27. *Figueira Á.* Current State of the Art to Detect Fake News in Social Media: Global Trendings and Next Challenges / A. Figueira, N. Guimarães, L. Torgo // 14th International Conference on Web Information Systems and Technologies. 2018. P. 38–50.

Сведения об авторе

СОЛДАТКИНА Оксана Леонидовна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135
ORCID: 0000-0002-9955-4083

Authors' information

SOLDATKINA Oksana L. –
PhD in Law, senior researcher,
Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 119–130
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 119–130

В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

КАТЕГОРИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТОРА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

© 2022 г. Н. Ю. Ерпылева*, Д. М. Максимов**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

**E-mail: nerpyleva@hse.ru*
***E-mail: aerolife@rambler.ru*

Поступила в редакцию 18.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается понятие категорий иностранных инвестиций и иностранного инвестора в праве государств – членов ЕАЭС через призму трех уровней правового регулирования: национального законодательства, двусторонних и многосторонних международных договоров. Национальное законодательство государств – членов ЕАЭС, регулирующее иностранные инвестиции, хотя и основывается на общеупотребимых правовых конструкциях и инструментах, в рамках понятийного аппарата может существенно отличаться в государстве – реципиенте иностранных инвестиций и в государстве происхождения иностранного инвестора, что требует пристального внимания и детального исследования нормативных правовых актов каждого государства – члена ЕАЭС. Наряду с нормами, регулирующими иностранное инвестирование и статус иностранного инвестора в рамках евразийского права, государства – члены ЕАЭС применяют нормы двусторонних договоров о поощрении и защите капиталовложений, действующих не только между ними, но и с третьими государствами. Кроме этого для четырех государств – членов ЕАЭС действует и многосторонний международный договор, а именно Московская конвенция СНГ. Данное обстоятельство обусловлено участием России, Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана одновременно в трех интеграционных процессах – в рамках ЕАЭС, СНГ и ШОС.

***Ключевые слова**:* международное инвестиционное право, национальное законодательство, международный договор, иностранные инвестиции, иностранный инвестор, иностранное юридическое лицо, инвестиционные соглашения.

***Цитирование:** Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М.* Категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора в национальном законодательстве и международных договорах государств – членов Евразийского экономического союза // Государство и право. 2022. № 12. С. 119–130.

Настоящая статья подготовлена при поддержке Правовой информационно-справочной системы «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520023307-8

CATEGORIES OF FOREIGN INVESTMENTS AND FOREIGN INVESTOR IN THE NATIONAL LEGISLATION AND INTERNATIONAL TREATIES OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

© 2022 N. Yu. Erpyleva*, D. M. Maksimov**

National Research University Higher School of Economics, Moscow

**E-mail: nerpyleva@hse.ru*
***E-mail: aerolife@rambler.ru*

Received 18.08.2022

Abstract. This article discusses the notion of categories of foreign investments and foreign investor in the law of the EAEU member states through the prism of three levels of legal regulation: national legislation, bilateral and multilateral international treaties. The national legislation of the EAEU member states that regulates foreign investments, although is based on commonly used legal structures and instruments, within the framework of the conceptual apparatus can differ significantly in the recipient state of the foreign investments and in the state of origin of the foreign investor, which requires close attention and detailed study of the regulatory legal acts of each EAEU member state. Along with the rules governing foreign investments and the status of a foreign investor under Eurasian law, the EAEU member states apply the rules of bilateral agreements on the promotion and protection of investments that are in force not only between them, but also with the third states. In addition, there is also a multilateral international treaty for the four EAEU member states, namely the Moscow Convention of the CIS. This circumstance is due to the participation of Russia, Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan simultaneously in three integration processes – within the framework of the EAEU, the CIS and the SCO.

Key words: International Investment Law, national legislation, international treaty, foreign investments, foreign investor, foreign legal person, investment agreements.

For citation: *Erpyleva, N. Yu., Maksimov, D.M. (2022).* Categories of foreign investments and foreign investor in the national legislation and international treaties of the member states of the Eurasian Economic Union // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 119–130.

This article has been prepared with the support of the Legal information and reference system "ConsultantPlus".

Международное инвестиционное право является важнейшей отраслью международного частного права, регулирующей порядок осуществления международной инвестиционной деятельности[1]. Как подчеркивает В.Н. Лисица, предметом международного инвестиционного права являются международные инвестиционные правоотношения. Последние носят международный (трансграничный) характер и возникают по поводу осуществления инвестиционной деятельности инвесторами, в роли которых, как правило, выступают иностранные физические и юридические лица. Именно правоотношения с их участием регулируют основные источники международного инвестиционного права. Межгосударственные (международные публично-правовые отношения) они затрагивают незначительно, поэтому международное инвестиционное право следует в большей степени отнести к международному частному, а не публичному праву[2].

По мнению И.З. Фархутдинова, сущность регулирования международных инвестиционных правоотношений заключается в сочетании принципов и норм международного права и норм национального права, что способствует становлению благоприятного режима для международных капиталов с момента их доступа до момента их ликвидации. Юридическая природа иностранных инвестиционных отношений такова, что они нуждаются в особом двухуровневом правовом регулировании. Иностранные инвестиции, имея частноправовой характер, нуждаются одновременно как в национально-правовом, так и в международно-правовом регулировании. Источники международного инвестиционного права имеют определенную специфику, которая выражается в сочетании и взаимодействии конвенционных норм с нормами «мягкого права».

К основным источникам международного инвестиционного права наряду с международными договорами относится и национальное законодательство, представленное внутригосударственными нормативными правовыми актами, регулирующими инвестиционные отношения трансграничного характера, т.е. инвестиционные отношения, осложненные иностранным элементом[3]. Ключевыми понятиями международного инвестиционного права, закрепленными в нормах национального законодательства, выступают понятия иностранных инвестиций, иностранного инвестора, объектов и форм инвестиционной деятельности.

Рассмотрим их характеристику в национальном законодательстве государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), выступающем в качестве источника международного инвестиционного права на территории данных государств. Выбор данного объекта исследования не случаен, ибо ЕАЭС является международной организацией, в рамках которой протекает важнейший региональный интеграционный процесс, объединяющий Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Кыргызстан. Основной формой экономической интеграции в рамках ЕАЭС как наиболее совершенной конфигурации экономической интеграции[4] выступает Единое экономическое пространство (ЕЭП), сформированное еще в структуре Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС), предшествовавшего появлению ЕАЭС[5].

[1] См., напр.: *Касимов Т.С., Степанов Р.Р.* Эволюция международного инвестиционного права // Междунар. академический вестник. 2020. № 6; *Фархутдинов И.З.* Международное инвестиционное право и процесс: учеб. М., 2017.

[2] См.: *Лисица В.Н.* Международное инвестиционное право как часть международного частного права // Закон. 2008. № 11. С. 132, 135.

[3] См.: *Лисица В.Н.* Применение норм инвестиционного права в регулировании инвестиционных отношений // Законодательство. 2011. № 10.

[4] См., напр.: *Боклан Д.С.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 2; *Васякина Е.В.* Правовое регулирование интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе: компромисс международного и внутригосударственного права // Евразийский юрид. журнал. 2021. № 11.

[5] См., напр.: *Дроздова С.А.* Таможенный союз и Единое экономическое пространство – основа формирования Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2014. № 4; *Куликова Н.И., Плотников А.Ю.* Таможенный союз как форма экономической интеграции: юридические аспекты практики ЕАЭС // Страховое право. 2019. № 1.

В соответствии с Астанским договором о Евразийском экономическим союзе от 29 мая 2014 г.[6] (далее – Астанский договор) учреждается ЕАЭС, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отдельных отраслях экономики. Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью (ст. 1). Астанский договор вступил в силу с 1 января 2015 г. ЕврАзЭС прекратил свое существование на основании Минского договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г. В соответствии с п. 1 ст. 108 Астанского договора Союз открыт для любого государства, разделяющего его цели и принципы, на условиях, согласованных государствами-членами. Сторонами Астанского договора изначально выступали Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация. Однако в соответствии с Минским договором о присоединении Республики Армения к Астанскому договору от 10 октября 2014 г. Армения стала четвертым членом ЕАЭС, а согласно Московскому договору о присоединении Кыргызской Республики к Астанскому договору от 23 декабря 2014 г. Кыргызстан стал пятым членом ЕАЭС.

Немаловажную роль играет и то обстоятельство, что все государства – члены ЕАЭС являются участниками и другого интеграционного объединения, а именно Содружества Независимых Государств (СНГ), в состав которого входят и иные республики бывшего СССР. Кроме этого Российская Федерация, Казахстан и Кыргызстан являются государствами – участниками и иного интеграционного объединения, выходящего за рамки бывшего СССР, а именно Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), созданной и действующей на основании Декларации о создании ШОС от 15 июня 2001 г.[7] В силу вышеизложенного изучение регламентации отдельных правовых институтов в национальном законодательстве и международных договорах государств, входящих в различные интеграционные объединения, представляется актуальным[8], однако прежде обратимся к нормам национального законодательства.

1. Категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора в национальном законодательстве государств – членов ЕАЭС

Следует подчеркнуть основную особенность, отличающую **понятие иностранных инвестиций** в российском и армянском законодательстве от аналогичного понятия в белорусском, казахском и кыргызском праве. В Российской Федерации основным нормативным актом международного инвестиционного права выступает Федеральный закон от 9 июля 1999 г. «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»[9] (далее – Федеральный закон), в Армении – Закон РА от 31 июля 1994 г. № ЗР-115 «Об иностранных инвестициях»[10] (далее – Закон Республики Армения), в то время как в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане не существует самостоятельного источника национального законодательства, регулирующего международные инвестиционные отношения. Регулятором последних выступают Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях»[11] (далее – Закон Республики Беларусь), Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК[12] (далее – Кодекс Республики Казахстан), Закон Кыргызской Республики от 27 марта 2003 г. № 66 «Об инвестициях в Кыргызской Республике»[13] (далее – Закон Кыргызской Республики), ни одна из норм которых не содержит понятия иностранных инвестиций. Следовательно, в отличие от российского и армянского права в белорусском, казахском и кыргызском законодательстве понятие иностранных инвестиций рассматривается в контексте общегражданского понятия инвестиций, содержащегося в ст. 1 Закона Республики Беларусь, п. 1 ст. 274 Кодекса Республики Казахстан и п. 1 ст. 1 Закона Кыргызской Республики соответственно.

Согласно ст. 2 Федерального закона **иностранная инвестиция** – вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации. **Прямая иностранная инвестиция** – приобретение иностранным инвестором не менее 10% доли, долей (вклада) в уставном (складочном) капитале коммерческой организации, созданной или вновь создаваемой на территории Российской Федерации в форме хозяйственного товарищества или общества в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации; вложение капитала в основные фонды филиала иностранного юридического лица, создаваемого на территории Российской Федерации; осуществление на территории Российской Федерации иностранным инвестором как арендодателем финансовой аренды (лизинга) оборудования.

С понятием прямой иностранной инвестиции Федеральный закон связывает понятия инвестиционного проекта и приоритетного инвестиционного проекта. Под **инвестиционным проектом** Федеральный закон понимает обоснование экономической целесообразности, объема и сроков осуществления прямой иностранной инвестиции, включающее проектно-сметную документацию, которая разработана в соответствии с законодательством Российской Федерации. **Приоритетный инвестиционный проект** – инвестиционный проект, суммарный объем иностранных

[6] См.: URL: http://www.eurasiancommission.org/, 05.06.2014. В настоящее время Астанский договор действует в редакции от 01.10.2019 г., вступившей в силу с 05.04.2022 г.

[7] См.: URL: http://www.infoshos.ru/ru/?id=37

[8] См., напр.: *Елистратова В.В.* Формирование правовой системы Евразийского экономического союза // Вестник СГЮА. 2017. № 1. С. 46–51; *Ершов В.В.* Право Евразийского экономического союза // Росс. правосудие. 2021. № 5. С. 5–12; *Курбанов Р.А.* Евразийское право: учеб. для магистратуры. М., 2021; *Чайка К.Л.* Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 148–157.

[9] См.: СЗ РФ. 1999. № 28, ст. 3493; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5287.

[10] См.: URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1552&lang=rus

[11] См.: URL: https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300053&ysclid=l65j72fm2q418029989

[12] См.: URL: https://www.online.zakon.kz/m/document/?doc_id=38259854&text=%D0%9E%D0%B1%20%D0%B8%D0%B%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F%D1%85

[13] См.: URL: http://www.cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1190?ysclid=l65j3naw5m39003253

инвестиций в который составляет не менее 1 млрд руб. (не менее эквивалентной суммы в иностранной валюте по курсу Центрального банка РФ), или инвестиционный проект, в котором минимальная доля (вклад) иностранных инвесторов в уставном (складочном) капитале коммерческой организации с иностранными инвестициями составляет не менее 100 млн руб. (не менее эквивалентной суммы в иностранной валюте по курсу Центрального банка РФ), включенные в перечень, утверждаемый Правительством РФ.

Согласно ст. 1 Закона Республики Армения **иностранными инвестициями** признаются любые виды имущества, в том числе финансовые средства и интеллектуальные ценности, которые непосредственно вкладываются иностранным инвестором в сферу осуществляемой на территории Республики Армения предпринимательской или иной деятельности с целью получения прибыли (дохода) или достижения иного полезного результата. На основании ст. 3 указанного Закона видами имущества, в котором иностранные инвесторы на территории Республики Армения могут осуществлять инвестиции, выступают: 1) иностранная валюта, валютные ценности, а также национальная валюта Республики Армения; 2) движимое и недвижимое имущество (строения, здания, оборудование и иные материальные ценности), а также любые связанные с ними имущественные права; 3) акции, облигации, иные ценные бумаги; 4) денежные требования и права требования исполнения обязательств, имеющих договорную ценность; 5) любое право на представляющую ценность интеллектуальную собственность; 6) право на осуществление экономической деятельности, предусмотренной законодательством или договором Республики Армения, в том числе право на разведку, добычу, переработку или эксплуатацию природных ресурсов; 7) платные услуги; 8) любые иные виды инвестиций, не запрещенные законодательством Армении.

Иностранные инвесторы могут осуществлять инвестиции на территории Республики Армения в форме: создания предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам, а также отделений, филиалов и представительств, принадлежащих иностранным юридическим лицам, или путем приобретения действующих предприятий в собственность; учреждения юридических лиц Республики Армения, предприятий, не имеющих статуса юридического лица, или таких лиц с участием граждан Республики Армения, либо путем приобретения доли в действующих предприятиях; приобретения акций, облигаций и иных ценных бумаг, установленных законодательством Армении; самостоятельного приобретения либо приобретения с участием юридических лиц Республики Армения или предприятий, не имеющих статуса юридического лица, а также граждан Республики Армения права землепользования и концессий по использованию природных ресурсов на территории Республики Армения; приобретения иных имущественных прав; в иных формах, не запрещенных законодательством Армении, в частности, на основании договоров, заключенных с юридическими лицами Республики Армения или с предприятиями, не имеющими статуса юридического лица, а также с гражданами Республики Армения.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь **инвестиции** – это имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого социально-экономического результата, в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в виде денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты), акций, иного движимого или недвижимого имущества; прав требования, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь; иных объектов гражданских прав, имеющих оценку их стоимости (в денежном выражении), за исключением видов объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота).

Инвестиционный проект – это комплекс мероприятий, предусматривающий осуществление инвестиций, подтверждаемый документами, обосновывающими условия, способы осуществления инвестиций, источники их финансирования, а также сроки реализации такого проекта.

Статья 2 Закона Республики Беларусь указывает, что его действие распространяется на отношения, связанные с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, за исключением: вложения имущества в некоммерческие организации, в отношении имущества которых их учредители (участники) не имеют права собственности или иных вещных прав; приобретения ценных бумаг, кроме акций; приобретения или строительства гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства жилых домов, жилых помещений для проживания этих граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства и (или) членов их семей; предоставления займов, кредитов и их возврата, размещения банковских вкладов (депозитов).

Статья 4 указанного Закона специально устанавливает, что на территории Республики Беларусь инвестиции осуществляются следующими способами: созданием коммерческой организации; приобретением, созданием, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества; приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности; приобретением акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации; на основе концессии; в рамках государственно-частного партнерства; иными способами, кроме запрещенных законодательными актами.

Согласно п. 1 ст. 274 Кодекса Республики Казахстан **инвестициями** являются все виды имущества (кроме товаров, предназначенных для личного потребления), включая предметы финансового лизинга с момента заключения договора лизинга, а также права на них, вкладываемые инвестором в уставный капитал юридического лица или увеличение фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также для реализации проекта государственно-частного партнерства, в том числе концессионного проекта. Под **инвестиционной деятельностью** в Кодексе понимается деятельность физических и юридических лиц по участию в уставном капитале коммерческих организаций либо созданию или увеличению фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также для реализации проекта государственно-частного партнерства, в том числе концессионного проекта (п. 3 ст. 274).

Инвесторы имеют право осуществлять инвестиции в любые объекты и виды предпринимательской деятельности, кроме случаев, предусмотренных законом Республики Казахстан. Права и обязанности инвесторов в отношении объектов и видов предпринимательской деятельности, в которые

осуществляются инвестиции, устанавливаются настоящим Кодексом, иными законами и соответствующими договорами. Законами Республики Казахстан, исходя из необходимости обеспечения национальной безопасности, могут определяться виды деятельности и (или) территории, в отношении которых инвестиционная деятельность ограничивается или запрещается (ст. 275 Кодекса Республики Казахстан).

Инвестиционному праву Казахстана так же, как и российскому, и белорусскому, и кыргызскому, известно понятие инвестиционного проекта. Вместе с тем в законодательстве Казахстана в отличие от российского, белорусского и кыргызского существует понятие специального инвестиционного проекта. В соответствии со ст. 284 Кодекса Республики Казахстан **инвестиционный проект** представляет собой комплекс мероприятий, предусматривающих инвестиции в создание новых, расширение и (или) обновление действующих производств, включая производства, созданные, расширенные и (или) обновленные в ходе реализации проекта государственно-частного партнерства, в том числе концессионного проекта. Под **инвестиционным приоритетным проектом** понимается инвестиционный проект: по созданию новых производств, предусматривающий осуществление юридическим лицом инвестиций в строительство новых производственных объектов, в размере не менее двухмиллионнократного размера месячного расчетного показателя; по расширению и (или) обновлению действующих производств, предусматривающий осуществление юридическим лицом инвестиций в размере не менее пятимиллионнократного размера месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на дату подачи заявки на предоставление инвестиционных преференций в изменение основных средств, в том числе обновление (реновация, реконструкция, модернизация) действующих производственных мощностей, выпускающих продукцию.

Под **специальным инвестиционным проектом** понимается инвестиционный проект, реализованный (реализуемый) юридическим лицом Республики Казахстан, зарегистрированным в качестве участника специальной экономической зоны или владельца свободного склада в соответствии с таможенным законодательством Казахстана, и (или) приобретенный у участника специальной экономической зоны либо реализованный юридическим лицом Республики Казахстан, заключившим соглашение о промышленной сборке моторных транспортных средств.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Закона Кыргызской Республики под **инвестициями** понимаются материальные и нематериальные вложения всех видов активов, находящихся в собственности или контролируемых прямо или косвенно инвестором, в объекты экономической деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта в виде: денежных средств; движимого и недвижимого имущества; имущественных прав (ипотека, право удержания имущества, залог и др.); акций и иных форм участия в юридическом лице; облигаций и других долговых обязательств; неимущественных прав (в том числе право на интеллектуальную собственность, включая деловую репутацию, авторские права, патенты, товарные знаки, промышленные образцы, технологические процессы, фирменные наименования и «ноу-хау»); любого права на осуществление деятельности, основанной на лицензии или в иной форме, предоставленной государственными органами Кыргызской Республики; концессий, основанных на законодательстве Кыргызстана, включая концессии на поиск, разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов Кыргызской Республики; прибыли или доходов, полученных от инвестиций и реинвестированных на территории Кыргызской Республики; иных форм инвестирования, не запрещенных законодательством Кыргызстана.

Форма, в которой инвестируется имущество, или изменение этой формы не влияет на его характер в качестве инвестиций. **Прямые инвестиции** трактуются Законом Кыргызской Республики как владение, приобретение инвестором не менее одной третьей процентов акций или голосов акционеров в акционерных обществах, созданных или вновь создаваемых на территории Кыргызской Республики, либо эквивалент такого участия в других формах хозяйствующих субъектов и все последующие операции между инвестором и инвестируемым предприятием, вложение капитала в основные фонды филиала, представительства юридического лица, создаваемого на территории Кыргызской Республики (п. 2 ст. 1). Под **инвестиционной деятельностью** Закон Кыргызской Республики понимает осуществление практических действий инвестора в отношении его инвестиций (п. 4 ст. 1), а под **реинвестированием** – инвестиции в объекты предпринимательской деятельности на территории Кыргызской Республики за счет доходов или прибыли инвесторов, которые получены ими от инвестиций в Кыргызской Республике (п. 5 ст. 1).

Согласно п. 4.2 ст. 1 под **инвестиционным проектом** имеется в виду комплекс мероприятий и документов, предусматривающий практическую реализацию инвестиций до достижения заданного результата за определенный период времени, осуществляемых на основании инвестиционного соглашения. Закон Кыргызской Республики вводит еще одну категорию инвестиционной деятельности, а именно **инвестиционные лоты** как комплекс решений, предоставляемых инвестору с учетом специфики инициируемых проектов, которые содержат в себе инвестиционное предложение, инфраструктуру проекта, активы, анализ сырьевой базы и рынков сбыта, предоставление разрешительных документов и преференций (п. 4.3 ст. 1).

Ни Федеральный закон, ни Закон Республики Армения, ни Закон Республики Беларусь понятия инвестиционной деятельности не содержат в отличие от Кодекса Республики Казахстан и Закона Кыргызской Республики, однако все национальные акты включают понятие инвестиций и перечень объектов инвестирования. Перечни объектов инвестиционной деятельности, содержащиеся в законодательных актах государств – членов ЕАЭС, сформулированы достаточно широко: как правило, упоминаются все виды активов или имущества, в том числе ценные бумаги, инвестирование в которые не запрещено законодательством (прямой запрет инвестирования в облигации содержится лишь в Законе Республики Беларусь). Достаточно распространенной в законодательных актах государств – членов ЕАЭС выступает категория инвестиционного проекта и прямых инвестиций, вместе с тем в отдельных источниках появляются специфические категории, такие как, например, инвестиционное соглашение и инвестиционный лот.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона **иностранный инвестор – иностранное юридическое лицо**, гражданская правоспособность которого определяется в соответствии с законодательством государства, в котором оно учреждено, и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации, за исключением иностранного юридического лица, находящегося под контролем гражданина Российской Федерации и (или) российского юридического

лица; **иностранная организация**, не являющаяся юридическим лицом, гражданская правоспособность которой определяется в соответствии с законодательством государства, в котором она учреждена, и которая вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации, за исключением иностранной организации, не являющейся юридическим лицом и находящейся под контролем гражданина Российской Федерации и (или) российского юридического лица; **иностранный гражданин**, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяются в соответствии с законодательством государства его гражданства и который вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации, за исключением иностранного гражданина, имеющего также гражданство Российской Федерации; **лицо без гражданства**, которое постоянно проживает за пределами Российской Федерации, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяются в соответствии с законодательством государства его постоянного места жительства и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; **международная организация**, которая вправе в соответствии с международным договором Российской Федерации осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; **иностранные государства** в соответствии с порядком, определяемым федеральными законами.

Законодательство Армении подходит к конструированию категории иностранного инвестора практически аналогичным образом. Согласно ст. 1 Закона Республики Армения **иностранными инвесторами** могут быть: иностранное государство, любое иностранное юридическое лицо, иностранный гражданин, лицо без гражданства, гражданин Республики Армения, постоянно проживающий за пределами территории Республики Армения, а также международная организация, осуществляющие инвестиции в Республике Армения в соответствии с законодательством страны своего местонахождения.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь **инвестор** – это лицо, осуществляющее (осуществившее) инвестиции на территории Республики Беларусь, в частности: 1) граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в том числе индивидуальные предприниматели, а также юридические лица Республики Беларусь; 2) иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно не проживающие в Республике Беларусь, граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие за пределами Республики Беларусь, иностранные и международные юридические лица (организации, не являющиеся юридическими лицами). Закон Республики Беларусь включает отдельную статью, посвященную принципам осуществления инвестиций, непосредственно затрагивающим правовой статус инвесторов. Согласно ст. 5 осуществление инвестиций основывается на следующих принципах: инвесторы, а также государство, его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции РБ и принятых в соответствии с ней актов законодательства (принцип верховенства права); инвесторы равны перед законом и пользуются правами без всякой дискриминации (принцип равенства инвесторов); инвесторы осуществляют инвестиции добросовестно и разумно без причинения вреда другому лицу, окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемления прав и защищаемых законом интересов других лиц или злоупотребления правами в иных формах (принцип добросовестности и разумности осуществления инвестиций); вмешательство в частные дела не допускается, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела); инвесторам гарантируется осуществление защиты прав и законных интересов в суде и иными способами, предусмотренными законодательством, а также международными договорами Республики Беларусь (принцип обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов, их судебной защиты).

Закон Республики Беларусь содержит отдельную главу, посвященную правам и обязанностям инвесторов (гл. 4), которая закрепляет следующие права инвесторов:

1) инвесторы имеют право на реализацию своих имущественных и неимущественных прав в соответствии с законодательством Республики Беларусь. За инвесторами признаются исключительные права на объекты интеллектуальной собственности. Инвесторы и (или) коммерческие организации, созданные в установленном порядке с участием инвестора (инвесторов), имеют право на предоставление им земельных участков в пользование, аренду, собственность в соответствии с законодательством об охране и использовании земель;

2) инвесторы имеют право создавать на территории Республики Беларусь коммерческие организации с любым объемом инвестиций, в любых организационно-правовых формах, предусмотренных законодательством. Иностранные инвесторы вправе при создании коммерческой организации, приобретении акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации, вносить свой вклад в иностранной валюте и (или) белорусских рублях, а также неденежный вклад, имеющий оценку стоимости, в порядке, установленном законодательством;

3) инвесторы при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международно-правовыми актами, обязательными для Республики Беларусь, вправе использовать льготы и преференции в соответствии с законодательством и (или) международно-правовыми актами, обязательными для Республики Беларусь;

4) инвестор имеет право на заключение договора (договоров) с Республикой Беларусь, связанного (связанных) с осуществлением инвестиций, в порядке и на условиях, установленных законодательством. В целях создания дополнительных условий для осуществления инвестиций инвестор или инвесторы имеют право на заключение инвестиционного договора с Республикой Беларусь;

5) инвесторы и (или) коммерческие организации, созданные в установленном порядке с участием инвестора (инвесторов), имеют право на привлечение в Республику Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе не имеющих разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, для осуществления трудовой деятельности в Республике Беларусь по трудовым договорам в соответствии с законодательством (ст. 14–18).

В то же время инвесторы обязаны: 1) соблюдать Конституцию РБ и принятые в соответствии с ней акты законодательства; 2) не предпринимать действий, являющихся

недобросовестной конкуренцией, а также действий (бездействия), направленных на недопущение, устранение или ограничение конкуренции, причинение вреда правам, свободам, законным интересам других лиц; 3) исполнять иные обязанности, установленные законодательством (ст. 19 Закона РБ).

Законодательство Казахстана несколько иначе подходит к конструкции понятия иностранного инвестора. Вначале Кодекс Республики Казахстан определяет общее понятие **инвестора**, под которым понимаются физические и юридические лица, осуществляющие инвестиции в Республике Казахстан (п. 2 ст. 274). Далее особо выделяется понятие **юридического лица Республики Казахстан**, которое охватывает юридических лиц, в том числе юридических лиц с иностранным участием, созданных в порядке, установленном законодательством Казахстана (п. 1 ст. 283). Выделение такой категории инвесторов, как юридические лица РК, обусловлено введением понятия **инвестиционных преференций**, под которыми понимаются преимущества адресного характера, предоставляемые в соответствии с законодательством Казахстана юридическим лицам Республики Казахстан, осуществляющим реализацию инвестиционного проекта, и лизинговым компаниям, импортирующим в рамках реализации инвестиционного проекта технологическое оборудование на основании договора финансового лизинга для юридического лица Республики Казахстан, реализующего инвестиционный проект (п. 1 ст. 283).

Согласно п. 2–3 ст. 283 Кодекса Республики Казахстан по **инвестиционному проекту** (в том числе инвестиционному приоритетному проекту) предоставляются следующие виды инвестиционных преференций: 1) освобождение от обложения таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость на импорт; 2) государственные натурные гранты.

По **инвестиционному приоритетному проекту** предоставляются преференции по налогам (далее – инвестиционные преференции для инвестиционного приоритетного проекта).

По **специальному инвестиционному проекту** в виде инвестиционных преференций (далее – инвестиционные преференции для специального инвестиционного проекта) предоставляется освобождение от обложения: ввозными таможенными пошлинами; налогами в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан.

Для получения инвестиционных преференций юридическое лицо Республики Казахстан направляет в уполномоченный орган по инвестициям (далее – уполномоченный орган) заявку на предоставление инвестиционных преференций и документы, подтверждающие соответствие заявителя установленным требованиям, по форме, установленной уполномоченным органом. Инвестиционные преференции предоставляются на основании инвестиционного контракта, заключенного между уполномоченным органом и юридическим лицом Республики Казахстан, реализующим инвестиционный проект (п. 1–2 ст. 285 Кодекса РК).

Инвестиционные преференции предоставляются при соблюдении следующих условий: 1) по инвестиционному проекту, инвестиционному приоритетному проекту – юридическому лицу Республики Казахстан; 2) по специальному инвестиционному проекту – юридическому лицу Республики Казахстан, осуществляющему деятельность в качестве участника специальной экономической зоны или владельца свободного склада, производителям транспортных средств и (или) их компонентов, а также сельскохозяйственной техники и (или) ее компонентов – при наличии соответствующего соглашения о промышленной сборке; 3) по инвестиционному проекту – юридическому лицу, заключившему соглашение об инвестициях (п. 1 ст. 286 Кодекса РК).

Инвестиционные преференции предоставляются при реализации юридическим лицом инвестиционного проекта по видам деятельности, включенным в перечень приоритетных видов деятельности, утвержденный Правительством РК. Определение приоритетных видов деятельности осуществляется в соответствии с общим классификатором видов экономической деятельности, утвержденным уполномоченным органом в области технического регулирования. В перечень приоритетных видов деятельности, определенных для реализации инвестиционных приоритетных проектов, не подлежат включению следующие виды деятельности: деятельность в сфере игорного бизнеса; деятельность в сфере недропользования, за исключением добычи метана угольных пластов; деятельность по производству подакцизных товаров, за исключением производства продуктов нефтехимии, производства, сборки (комплектации) подакцизных товаров, предусмотренных п/п. (5) и (6) части первой ст. 462 НК РК.

Перечень приоритетных видов деятельности, включая перечень приоритетных видов деятельности, определенных для реализации инвестиционных приоритетных проектов, может пересматриваться не более двух раз в год (п. 4 ст. 286 Кодекса РК).

Инвестиционные преференции для инвестиционного приоритетного проекта предоставляются при соблюдении следующих условий: 1) получателем является юридическое лицо Республики Казахстан; 2) юридическое лицо осуществляет инвестиции в размере не менее двухмиллионнократного (по созданию новых производств) или пятимиллионнократного (по расширению и (или) обновлению действующих производств) размера месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на дату подачи заявки на предоставление инвестиционных преференций; 3) юридическое лицо не является: автономной организацией образования в соответствии с налоговым законодательством и законодательством Казахстана об образовании; организацией, осуществляющей деятельность на территории специальной экономической зоны в соответствии с налоговым законодательством и законодательством Казахстана о специальных экономических и индустриальных зонах; 4) доля государства и (или) субъекта квазигосударственного сектора – юридического лица Республики Казахстан в качестве учредителя и (или) участника (акционера) юридического лица Республики Казахстан не превышает 26%, за исключением юридического лица Республики Казахстан в отрасли машиностроения, включая производство литейной продукции; доля государства и (или) субъекта квазигосударственного сектора – юридического лица Республики Казахстан в качестве учредителя и (или) участника (акционера) юридического лица Республики Казахстан в отрасли машиностроения, включая производство литейной продукции, не превышает 50%; 5) инвестиционная деятельность осуществляется не в рамках договора государственно-частного партнерства, в том числе договора концессии (п. 5 ст. 286 Кодекса РК).

Кодекс Республики Казахстан выделяет следующие **виды инвестиционных преференций**: освобождение от обложения таможенными пошлинами (ст. 287); государственные натурные гранты (ст. 288); преференции по налогам (ст. 290).

Законодательство Кыргызстана оперирует тремя категориями: инвестор, отечественный инвестор и иностранный

инвестор. **Инвестор** – субъект инвестиционной деятельности, осуществляющий вложение собственных, заемных или привлеченных средств в форме прямых инвестиций. **Отечественный инвестор** – юридические и физические лица Кыргызской Республики, а также иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие статус резидента Кыргызской Республики и осуществляющие инвестиционную деятельность на территории Кыргызской Республики. **Иностранный инвестор** – любые физические и юридические лица, не являющиеся отечественными инвесторами и осуществляющие вложение инвестиций в экономику Кыргызской Республики, в том числе: 1) физическое лицо, являющееся иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающим за пределами Кыргызской Республики; 2) юридическое лицо: созданное и зарегистрированное в соответствии с законодательством иностранного государства; или созданное с иностранным участием, т.е. учрежденное в соответствии с законодательством Кыргызстана: а) принадлежащее одному или более иностранным физическим, юридическим лицам; или б) контролируемое и управляемое одним или более иностранными физическими, юридическими лицами посредством письменного контракта, права реализовать большинство акций, права назначать большинство членов исполнительного или наблюдательного органа; или в) не менее 20% акций или голосов акционеров которого находится в собственности иностранных граждан, лиц без гражданства, постоянно проживающих за границей, или юридических лиц, упомянутых в настоящей статье; 3) юридическое лицо, созданное на основе международного договора Кыргызской Республики; 4) иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом; 5) международная организация (п. 3 ст. 1).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Кодекс Республики Казахстан содержит наиболее узкое понятие иностранных инвесторов, относя к ним физических и юридических лиц, в то время как Закон Республики Беларусь расширяет его путем включения международных юридических лиц, а Закон Кыргызской Республики добавляет в число иностранных инвесторов иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами, и международные организации. Наиболее широкое по содержанию понятие иностранных инвесторов содержат российский Федеральный закон и Закон Республики Армения, включая в их число иностранные государства наряду с физическими и юридическими лицами, а также международными организациями. Весьма удачной представляется предложенная в Законе Республики Беларусь самостоятельная глава, посвященная правам и обязанностям иностранных инвесторов. Конечно, законодательные акты других государств – членов ЕАЭС косвенно содержат такое регулирование, однако прямое указание в нормативном правовом акте выглядит предпочтительнее.

2. Категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора в международных договорах государств – членов ЕАЭС

В соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона правовое регулирование иностранных инвестиций на территории Российской Федерации осуществляется федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также международными договорами Российской Федерации. Согласно ст. 2 Закона Республики Армения, если международными договорами, заключенными Республикой Армения, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в указанном Законе, в соответствующих случаях применяются правила международных договоров. Исходя из ст. 3 Закона Республики Беларусь, отношения в сфере инвестиций регулируются законодательством в сфере инвестиций, а также международными договорами Республики Беларусь и международными правовыми актами, составляющими право ЕАЭС. Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Законом, то применяются правила международного договора. Согласно п. 3 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены Кодексом, то применяются правила международного договора. Данные установления свидетельствуют о том, что нормы, содержащиеся в международных договорах, в которых участвуют государства – члены ЕАЭС, обладают приматом над нормами национального законодательства.

Следует отметить, что государства – члены ЕАЭС являются участниками действующих двусторонних и многосторонних международных договоров в области иностранных инвестиций, к числу которых относятся в частности: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 15 сентября 2001 г.[14]; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 6 июля 1998 г.[15] (далее – Соглашение между Россией и Казахстаном); Соглашение между Правительством Республики Армения и Правительством Республики Казахстан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 6 ноября 2006 г.[16]; Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Казахстан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 8 апреля 1997 г.[17]; Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Беларусь о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 30 марта 1999 г.[18]; Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Армения о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 4 июля 1994 г.[19]; Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Армения о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 26 мая 2001 г.[20]; Московская конвенция СНГ о защите прав инвестора от 28 марта 1997 г.[21] (далее – Московская конвенция).

Двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, являющиеся международными договорами, сторонами которых выступают государства, следует отличать от соглашений о защите и поощрении капиталовложений, регулируемых Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. «О защите и поощрении капиталовложений

[14] См.: БМД. 2006. № 5. С. 67–72.

[15] См.: БМД. 2000. № 8. С. 62–68.

[16] См.: URL: https://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=30076967

[17] См.: URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8380

[18] См.: URL: www.https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5790/download

[19] См.: URL: https:// www.continent-online.com/Document/?doc_id=30233753&ysclid=l6wlqfeyp1980945715

[20] См.: Национальный реестр правовых актов РБ. 2002. № 48, ст. 3/346.

[21] См.: Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1997. № 2.

в Российской Федерации»[22]. В соответствии с п. 1 ст. 6 данного Закона соглашение о защите и поощрении капиталовложений заключается с организацией, реализующей проект, при условии, что такое соглашение предусматривает реализацию нового инвестиционного проекта в одной из сфер российской экономики. Согласно п. 1–2 ст. 10 по соглашению о защите и поощрении капиталовложений каждое публично-правовое образование, являющееся его стороной, обязуется обеспечить организации, реализующей проект, неприменение в ее отношении актов (решений) соответствующих органов государственной власти, которые будут изданы (приняты), а в случае, если стороной соглашения является муниципальное образование, – актов (решений) органов местного самоуправления, при этом организация, реализующая проект, имеет право требовать неприменения таких актов (решений) при реализации инвестиционного проекта от соответствующего публично-правового образования. Российская Федерация и (или) муниципальные образования могут быть сторонами соглашения о защите и поощрении капиталовложений, если одновременно стороной такого соглашения является субъект (субъекты) Российской Федерации, на территории которого (которых) реализуется соответствующий инвестиционный проект.

Таким образом, одной из сторон соглашения о защите и поощрении капиталовложений всегда будет российское юридическое лицо – организация, реализующая проект, поэтому данное соглашение следует квалифицировать как частноправовой договор, хотя и с участием публично-правовых образований, что в корне отличает его от международных соглашений о взаимной защите и поощрении инвестиций. Обращаем внимание на определения инвестиций и инвестора в данном Федеральном законе. **Инвестиции** – это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта (п. 2 ст. 2). **Инвестор** – российское физическое или юридическое лицо либо два лица или более, действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности), которые осуществляют инвестиционную и (или) хозяйственную деятельность, а также иностранный инвестор (п. 4 ст. 2).

Рассмотрим понятия иностранных инвестиций и иностранного инвестора на примере Соглашения между Россией и Казахстаном. В соответствии с п. 1 ст. 1 термин «**инвестиции**» охватывает все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемых инвестором одной Договаривающейся стороны на территории государства другой Договаривающейся стороны в соответствии с ее законодательством, и в частности: а) движимое и недвижимое имущество, а также любые другие связанные с ним имущественные права; б) денежные средства, а также акции, вклады и другие формы участия; в) право требования по денежным средствам, которые вкладываются для создания экономических ценностей, или услугам, имеющим экономическую ценность, связанных с инвестициями; г) исключительные права на объекты интеллектуальной собственности (авторские права, права на изобретения, промышленные образцы, полезные модели, товарные знаки или знаки обслуживания, фирменные наименования, технологию, информацию, имеющую коммерческую ценность, и «ноу-хау»); д) права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе закона или договора.

Термин «**доходы**» означает средства, получаемые в результате инвестиций, и включает, в частности, прибыль, дивиденды, проценты, лицензионные и комиссионные вознаграждения, а также другие вознаграждения (п. 3 ст. 1). Никакое изменение формы, в которой имущественные ценности вкладываются или реинвестируются, не будет влиять на их характер в качестве инвестиций при условии, что такое изменение не будет противоречить законодательству Договаривающейся стороны, на территории государства которой инвестиции осуществлены.

Согласно п. 2 ст. 1 Соглашения между Россией и Казахстаном термин «**инвестор**» означает в отношении каждой из Договаривающихся сторон: а) **любое физическое лицо**, являющееся гражданином государства Договаривающейся стороны или постоянно проживающее на территории государства Договаривающейся стороны и правомочное в соответствии с ее законодательством осуществлять инвестиции на территории государства другой Договаривающейся стороны; б) **любое юридическое лицо**, созданное в соответствии с действующим на территории государства этой Договаривающейся стороны законодательством, при условии, что юридическое лицо правомочно в соответствии с законодательством своей Договаривающейся стороны осуществлять инвестиции на территории государства другой Договаривающейся стороны.

Таким образом, в двусторонних отношениях Российской Федерации и Республики Казахстан категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора, закрепленные в законодательстве обоих государств, заменены на аналогичные категории, содержащиеся в двустороннем Соглашении и носящие договорный характер. Поскольку и Россия, и Казахстан имеют двусторонние соглашения о поощрении и защите капиталовложений с целым рядом государств, то в их двусторонних отношениях понятия иностранных инвестиций и иностранного инвестора, содержащиеся в национальном законодательстве, всегда будут заменены на договорные. Анализ таких двусторонних соглашений государств – членов ЕАЭС позволяет утверждать, что понятие иностранного инвестора в них в ряде случаев уже по сравнению с понятием, включенным в национальное законодательство, которое охватывает не только физических и юридических лиц-инвесторов, но и иностранные государства, и международные организации.

Несомненный интерес представляет содержание категорий «иностранные инвестиции», «иностранный инвестор» и «объекты инвестиционной деятельности» в Московской конвенции. Согласно ст. 1 **инвестор** – государство, юридическое или физическое лицо, осуществляющее вложения собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций, а **инвестиции** – вложенные инвестором финансовые и материальные средства в различные объекты деятельности, а также переданные права на имущественную и интеллектуальную собственность с целью получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в соответствии с национальным законодательством Сторон.

Инвесторами могут быть государства, юридические и физические лица как Сторон, так и третьих стран, если иное не предусмотрено национальным законодательством Сторон (ст. 3). Инвестор имеет право осуществлять инвестиции любыми не запрещенными законодательством

[22] См.: СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I), ст. 1999; 2022. № 27, ст. 4627.

страны-реципиента способами. Под страной происхождения инвестиции понимается государство, на территории которого зарегистрирован инвестор – юридическое лицо или гражданином которого является инвестор – физическое лицо. Страна-реципиент – государство, на территории которого находится объект инвестирования (ст. 1). Сторона в качестве страны-реципиента имеет право проведения экспертизы инвестиционных проектов на соблюдение экологических, антимонопольных и других требований (ст. 4).

Инвестор вправе приобретать акции и иные ценные бумаги субъектов хозяйствования и других элементов, в том числе государственных ценных бумаг, в соответствии с законодательством страны-реципиента. Акции и иные ценные бумаги, обращающиеся на фондовом рынке страны-реципиента, могут приобретаться инвестором с оплатой в валюте страны-реципиента или в иной валюте в случае, если законодательством страны-реципиента не предусмотрено иное (ст. 14). Инвестор может участвовать в приватизации объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, на условиях и в порядке, определяемых законодательством страны-реципиента. Отмена решения о приватизации объекта, а также изменение порядка и способа приватизации в случае, если в приватизации объекта принял участие инвестор, равно как и расторжение сделок по приватизации, могут быть осуществлены в судебном порядке (ст. 15).

Предоставление инвестору прав на пользование природными ресурсами и осуществление видов деятельности, относящихся к государственной монополии страны-реципиента, а также прав предпринимательской деятельности, связанной с использованием объектов, находящихся в государственной собственности страны-реципиента, осуществляется в соответствии с концессионными договорами, соглашениями о разделе продукции, заключаемыми в порядке, установленном законодательством страны-реципиента (ст. 19). Предоставление в аренду инвестору имущества граждан и юридических лиц страны-реципиента, объектов государственной собственности страны-реципиента и сдача в аренду инвестором своего имущества, находящегося на территории страны-реципиента, а также расторжение таких договорных отношений осуществляются в порядке и на условиях, установленных законодательством страны-реципиента (ст. 20).

* * *

В завершение следует обратить внимание на весьма важный факт. До вступления в силу Астанского договора действовал международный договор в рамках ЕЭП ЕврАзЭС, непосредственно затрагивавший интересы и права иностранных инвесторов в Российской Федерации, а именно Московское соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках ЕЭП от 9 декабря 2010 г.[23] (далее – Московское соглашение), в соответствии с которым государства-участники поставили задачу создавать благоприятные условия для инвестирования средств лицами одной Стороны на территориях других Сторон (п. 1–2 ст. 3). С 1 января 2015 г. на территории государств – членов ЕАЭС действует Приложение № 16 к Астанскому договору, которым утвержден Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (далее – Протокол). Согласно п. 6 Протокола под термином «**инвестиции**» понимаются материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего, в том числе денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств-членов или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку.

«**Инвестор государства-члена**» – это любое лицо государства-члена, осуществляющее инвестиции на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего. «**Лицо государства-члена**» – любое физическое или юридическое лицо государства-члена. «**Деятельность в связи с инвестициями**» означает владение, пользование и(или) распоряжение инвестициями; «**доходы**» означают средства, получаемые в результате осуществления инвестиций, в частности, дивиденды, проценты, а также лицензионные, комиссионные и другие вознаграждения. Согласно п. 66 Протокола одной из форм осуществления инвестиций является учреждение в понимании п. 6(24) настоящего Протокола, который гласит, что «**учреждение**» означает: создание и(или) приобретение юридического лица (участие в капитале созданного или учрежденного юридического лица) любой организационно-правовой формы и формы собственности, предусмотренных законодательством государства-члена, на территории которого такое юридическое лицо создается или учреждается; приобретение контроля над юридическим лицом государства-члена, выражающееся в получении возможности непосредственно или через третьих лиц определять решения, принимаемые таким юридическим лицом, в том числе путем распоряжения голосами, приходящимися на голосующие акции (доли), путем участия в совете директоров (наблюдательном совете) и в иных органах управления такого юридического лица; открытие филиала; открытие представительства; регистрация в качестве индивидуального предпринимателя.

Изменение способов осуществления инвестиций, а также форм, в которых инвестиции вкладываются или реинвестируются, не влияет на их квалификацию в качестве инвестиций при условии, что такое изменение не противоречит законодательству государства-реципиента (п. 67 Протокола). Под «**государством-реципиентом**» понимается государство-член, на территории которого осуществляются инвестиции инвесторами других государств-членов (п. 6(1) Протокола). Каждое государство-член обеспечивает на своей территории равноправный режим в отношении инвестиций и деятельности в связи с инвестициями, осуществляемых инвесторами других государств-членов. Такой режим должен быть не менее благоприятным, чем режим, который предоставляется этим государством-членом в отношении инвестиций и деятельности в связи с такими инвестициями, осуществляемых своими (национальными) инвесторами (речь идет о национальном режиме).

Каждое государство-член предоставляет при таких же (подобных) обстоятельствах инвесторам любого другого государства-члена, их инвестициям и деятельности, связанной с такими инвестициями, режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый инвесторам любого третьего государства, их инвестициям и деятельности, связанной с такими инвестициями (речь идет о режиме наибольшего благоприятствования). Каждое государство-член создает благоприятные условия для осуществления на своей территории инвестиций инвесторам других государств-членов и допускает такие инвестиции в соответствии со своим законодательством (п. 68–72 Протокола). Национальный

[23] См.: СЗ РФ. 2012. № 4, ст. 453.

режим и режим наибольшего благоприятствования должны предоставляться государствами-членами по выбору инвестора в зависимости от того, какой из режимов является наиболее благоприятным (п. 71 Протокола).

Нельзя не упомянуть еще один международный договор в рамках евразийской экономической интеграции, а именно Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества от 12 декабря 2008 г.[24] Согласно ст. 1(б) «**инвестициями**» считаются материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором государства одной Стороны в объекты предпринимательской деятельности на территории государства другой Стороны в соответствии с законодательством последнего, в том числе: денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств Сторон или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку. Изменение формы, в которой инвестиции вкладываются или реинвестируются, не влияет на их квалификацию в качестве инвестиций при условии, что такое изменение не противоречит законодательству государства-реципиента.

Согласно ст. 1(а) «**инвестором**» применительно к государству каждой из Сторон рассматривается: любое физическое лицо, являющееся гражданином государства одной Стороны, осуществляющее инвестиции на территории государства другой Стороны в соответствии с законодательством последнего; любое юридическое лицо, учрежденное (созданное) и зарегистрированное на территории государства одной Стороны, осуществляющее инвестиции на территории государства другой Стороны в соответствии с законодательством последнего.

В соответствии со Стратегией развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года[25] государства-члены примут согласованные меры, направленные на дальнейшее расширение взаимовыгодного торгово-экономического взаимодействия на пространстве ШОС, в том числе путем формирования благоприятного **инвестиционного и делового климата**, поддержки деловых инициатив, реализации проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развития инфраструктуры. Государства-члены примут согласованные меры по налаживанию сотрудничества в развитии производственных мощностей на основе взаимной выгоды. Государства-члены будут оказывать взаимное содействие в деле интеграции в мировую экономику, способствовать минимизации для национальных экономик негативных последствий глобализации и кризисных явлений в международных экономических процессах. Государства-члены примут практические меры по реализации конкретных экономических и **инвестиционных проектов** в рамках ШОС, включая подготовку профильных специалистов. Формирование благоприятного **инвестиционного климата** как заявленная цель развития многостороннего сотрудничества государств – членов ШОС, несомненно, должно оказать благотворное влияние и на инвестиционную деятельность на территории всех государств – членов ЕАЭС[26].

[24] См.: БМД. 2016. № 6.

[25] См.: URL: http://www.infoshos.ru/ru/?id=125

[26] См., напр.: *Батлер У.Э.* Евразийское юридическое пространство – лаборатория сравнительного правоведения // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 7. С. 6–9; *Боклан Д.С., Лифшиц И.М.* Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе // Междунар. право. 2016. № 2. С. 1–13; *Бублик В.А., Семякин М.Н., Губарева А.В.* Модернизация правового пространства стран Евразийского экономического союза // Междунар. публичное и частное право. 2020. № 4. С. 36–39; *Дихтяр А.И.* Взаимодействие правовых систем государств – членов Евразийского экономического союза: теоретические аспекты // Современное общество и право. 2020. № 1. С. 72–81.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батлер У.Э.* Евразийское юридическое пространство – лаборатория сравнительного правоведения // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 7. С. 6–9.
2. *Боклан Д.С.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 2.
3. *Боклан Д.С., Лифшиц И.М.* Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе // Междунар. право. 2016. № 2. С. 1–13.
4. *Бублик В.А., Семякин М.Н., Губарева А.В.* Модернизация правового пространства стран Евразийского экономического союза // Междунар. публичное и частное право. 2020. № 4. С. 36–39.
5. *Васякина Е.В.* Правовое регулирование интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе: компромисс международного и внутригосударственного права // Евразийский юрид. журнал. 2021. № 11.
6. *Дихтяр А.И.* Взаимодействие правовых систем государств – членов Евразийского экономического союза: теоретические аспекты // Современное общество и право. 2020. № 1. С. 72–81.
7. *Дроздова С.А.* Таможенный союз и Единое экономическое пространство – основа формирования Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2014. № 4.
8. *Елистратова В.В.* Формирование правовой системы Евразийского экономического союза // Вестник СГЮА. 2017. № 1. С. 46–51.
9. *Ершов В.В.* Право Евразийского экономического союза // Росс. правосудие. 2021. № 5. С. 5–12.
10. *Касимов Т.С., Степанов Р.Р.* Эволюция международного инвестиционного права // Междунар. академический вестник. 2020. № 6.
11. *Куликова Н.И., Плотников А.Ю.* Таможенный союз как форма экономической интеграции: юридические аспекты практики ЕАЭС // Страховое право. 2019. № 1.
12. *Курбанов Р.А.* Евразийское право: учеб. для магистратуры. М., 2021.
13. *Лисица В.Н.* Международное инвестиционное право как часть международного частного права // Закон. 2008. № 11. С. 132, 135.
14. *Лисица В.Н.* Применение норм инвестиционного права в регулировании инвестиционных отношений // Законодательство. 2011. № 10.
15. *Фархутдинов И.З.* Международное инвестиционное право и процесс: учеб. М., 2017.
16. *Чайка К.Л.* Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 148–157.

REFERENCES

1. *Butler W.E.* Eurasian Legal Space – Laboratory of Comparative Law // Eurasian legal journal. 2011. No. 7. P. 6–9 (in Russ.).

2. *Boklan D.S.* The Eurasian Economic Union and the World Trade Organization: correlation of legal regimes // Law. HSE Journal. 2017. No. 2 (in Russ.).

3. *Boklan D.S., Lifshits I.M.* The effect of the Rule of Law principle in the Eurasian Economic Union // International Law 2016. No. 2. P. 1–13 (in Russ.).

4. *Bublik V.A., Semyakin M.N., Gubareva A.V.* Modernization of the legal space of the countries of the Eurasian Economic Union // International. Public and Private Law. 2020. No. 4. P. 36–39 (in Russ.).

5. *Vasyakina E.V.* Legal regulation of integration processes in the Eurasian Economic Union: Compromise of International and domestic Law // Eurasian legal journal. 2021. No. 11 (in Russ.).

6. *Dikhtyar A.I.* Interaction of legal systems of the member states of the Eurasian Economic Union: theoretical aspects // Modern society and law. 2020. No. 1. P. 72–81 (in Russ.).

7. *Drozdova S.A.* The Customs Union and the Single Economic Space – the basis for the formation of the Eurasian Economic Union // Customs business. 2014. No. 4 (in Russ.).

8. *Elistratova V.V.* Formation of the legal system of the Eurasian Economic Union // Herald of the SSLA. 2017. No. 1. P. 46–51 (in Russ.).

9. *Ershov V.V.* The Law of the Eurasian Economic Union // Russ. Justice. 2021. No. 5. P. 5–12 (in Russ.).

10. *Kasimov T.S., Stepanov R.R.* Evolution of International Investment Law // International academic bulletin. 2020. No. 6 (in Russ.).

11. *Kulikova N.I., Plotnikov A. Yu.* The Customs Union as a form of economic integration: legal aspects of the practice of the EAEU // Insurance Law. 2019. No. 1 (in Russ.).

12. *Kurbanov R.A.* Eurasian Law: textbook. M., 2021 (in Russ.).

13. *Lisitsa V.N.* International Investment Law as part of Private International Law // Law. 2008. No. 11. P. 132, 135 (in Russ.).

14. *Lisitsa V.N.* Application of the norms of investment law in the regulation of investment relations // Legislation. 2011. No. 10 (in Russ.).

15. *Farkhutdinov I.Z.* International Investment Law and Process: textbook. M., 2017 (in Russ.).

16. *Chaika K.L.* The role of common values of the Eurasian Economic Union in the formation and development of the law of the integration association // Journal of Russ. law. 2020. No. 5. P. 148–157 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЕРПЫЛЕВА Наталия Юрьевна –
доктор юридических наук, профессор,
руководитель Департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
SPIN РИНЦ: 2268-9711
ORCID: 0000-0002-3103-6917
ResearcherID: L-7370-2015

МАКСИМОВ Дмитрий Михайлович –
старший преподаватель, заместитель
руководителя Департамента правового
регулирования бизнеса факультета права
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
SPIN РИНЦ: 7351-1050
ORCID: 0000-0001-7735-7970
ResearcherID: M-3156-2015

Authors' information

ERPYLEVA Natalia Yu. –
LL.M. (University of London),
S.J.D. (Russian Academy of Civil Service),
Professor, Head of the Department of Legal
Regulation of Business, Faculty of Law, National
Research University Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

MAKSIMOV Dmitry M. –
senior lecturer, Deputy Head of the Department of
Legal Regulation of Business,
Faculty of Law, National Research University
Higher School of Economics;
20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 131–138
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 131–138

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 100-ЛЕТИЮ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© 2022 г. В. Е. Батюкова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: Batuykova@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.07.2022 г.

Аннотация. Автор анализирует развитие понятия преступления, содержащегося в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и первом Уголовном кодексе 1922 г. Рассмотрены концептуальные вопросы становления анализируемого понятия. Исследованы основные уголовно-правовые воззрения 1917–1922 г., которые повлияли на развитие уголовного законодательства; проведен анализ понятия преступления, формально определенного в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., наказуемость, виновность, противоправность, наказание, меры социальной защиты, классовая природа.

Цитирование: *Батюкова В.Е.* К 100-летию Уголовного кодекса РСФСР: ретроспективный анализ понятия преступления первых лет советской власти // Государство и право. 2022. № 12. С. 131–138.

DOI: 10.31857/S102694520023310-2

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF CRIME OF THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

© 2022 V. E. Batyukova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: Batuykova@yandex.ru

Received 21.07.2022

Abstract. The author analyzes the development of the concept of crime contained in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR of 1919 and the first Criminal Code of 1922. The conceptual issues of the formation of the analyzed concept are considered. The main criminal legal views of 1917–1922 that influenced the development of criminal legislation are investigated; the concept of crime formally defined in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR of 1919 is analyzed G. and the Criminal Code of the RSFSR 1922.

Key words: crime, public danger, Guiding principles on criminal law of the RSFSR of 1919, Criminal Code of the RSFSR of 1922, punishability, guilt, illegality, punishment, social protection measures, class nature.

For citation: *Batyukova, V.E. (2022).* To the 100th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR: a retrospective analysis of the concept of crime of the first years of Soviet power // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 131–138.

После победы Октябрьской революции возникла проблема понимания социалистического права как права нового типа, в котором находили отражение интересы господствующего класса, т.е. класса рабочих и крестьян.

На формирование такого права и уголовного в том числе, как известно, в большей степени повлияло марксистско-ленинское учение о классовом характере государства. М.Ю. Козловский по этому поводу писал: «Право рождается из непримиримого антагонизма классов; существует, пока налицо классовый строй; умирает вместе со смертью классового общества, и, значит, его нет в коммунистическом обществе»[1].

Признавая классовую природу советского уголовного права и преступления, А.А. Пионтковский отмечал: «При построении всей системы уголовного права пролетарское государство может взять целый ряд элементов из разрушенной системы буржуазного уголовного права, в частности и в области "круга преступного", но тем не менее она по своему социальному содержанию является полной диалектической противоположностью уголовному праву буржуазного государства... Пролетарское уголовное право впервые выступает защитницей интересов громадного большинства всех трудящихся. Впервые преступление приобретает действительно антисоциальный характер. Диалектически меняется и социальная роль уголовного права: из фактора реакционного, охраняющего господство уже отжившего, сыгравшего свою историческую роль класса и тем самым тормозившего развитие производительных сил общества, с момента переворота оно превращается в фактор революционный, защищая новый пришедший к господству класс...»[2].

В первые годы советской власти активно обсуждались вопросы, касавшиеся не только всей уголовной политики Советского государства, но также преступности и наказуемости деяний, их социальной сущности, кодификации уголовного законодательства[3].

В те годы многие видные научные и политические деятели высказывались о необходимости принятия пролетарского уголовного кодекса, поскольку правоприменительная практика складывалась не на положениях закона, суды руководствовались революционной совестью и пролетарским правосознанием, всячески отвергая буржуазное право вообще и уголовное в частности.

Об этом М.А. Чельцов-Бебутов писал: «Центральная советская власть не регулировала дела отправления правосудия общими законами. Были изданы отдельные немногочисленные декреты, касающиеся тех или иных преступлений, признаваемых наиболее важными. Все же остальное было предоставлено правовому творчеству новых революционных судов»[4].

А.А. Пионтковский утверждал, что «на следующий день после пролетарской революции можно только уничтожить старый уголовный кодекс, но нового создать нельзя. В момент переворота пролетариат в своем классовом правосознании может лишь иметь несколько общих уголовно-правовых положений; вся система уголовного права и "круг преступного" пролетарского государства могут выработаться и оформиться лишь в процессе пролетарской диктатуры», поэтому он полагал, что в определенный период вполне оправданным считать «свободное судебное правотворчество пролетарского суда в области уголовного права»[5].

После октябрьских событий деятельность пролетарских судов основывалась не на букве закона, а скорее носила самовольный характер, часто основываясь на инициативе местных органов по принятию нормативных правовых актов[6], поэтому к концу 1917 г. вопрос кодификации уголовного законодательства, как никогда, стоял остро. Попытка упорядочения уголовно-правовых норм в марте 1918 г. была предпринята отделом законодательных предположений и кодификации НКЮ РСФСР во главе с И.З. Штейнбергом. К марту 1918 г. на основе «не отмененных» революцией положений Уголовного уложения 1903 г. в совокупности с первыми декретами советской власти был подготовлен проект Советского уголовного уложения, а также Инструкция местным и окружным народным судьям о применении уголовных законов, которые впоследствии не были опубликованы и, соответственно, не вступили в законную силу[7].

Принятые 12 декабря 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР явились прообразом первого уголовного кодекса, в котором, по мнению многих исследователей, впервые определялась классовая природа преступления да и права вообще. В данном правовом акте были заложены принципиально новые основы уголовного права, которые впервые раскрывали классовую сущность правовых норм, поэтому основной задачей уголовного право авторы Руководящих начал 1919 г. определяли «охрану системы общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс».

Во «Введении» к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР было сформулировано классовое определение права. В июне 1921 г. в предисловии к первому изданию книги «Революционная роль права и государства» П.И. Стучка писал, что «за основу для своей работы я взял то определение права, которое мы в коллегии Нар. Ком. Юст. в 1919 г. приняли в своих руководящих началах уголовного права. Я должен сознаться, что мы тогда приняли эту формулировку довольно поспешно и больше чутьем, чем после тщательного изучения вопроса. И теперь был даже приятно поражен, когда я убедился, что это определение в общем выдерживает критику»[8].

Как известно, в ст. 5, 6 разд. III «О преступлении и наказании» Руководящих начал по уголовному праву (1919 г.) было сформулировано классовое понятие преступления:

«5) Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом.

---

[1] *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 23.

[2] *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 16.

[3] Об этом см. подр.: *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–108.

[4] *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 65.

[5] *Пионтковский А.А.* Указ. соч. С. 16, 17.

[6] См.: *Щелконогова Е.В.* Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Росс. юрид. журнал. 2016. № 3 (108). С. 127.

[7] См.: *Токарева С.Н.* Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex russica. 2019. № 10. С. 155.

[8] *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 1924. С. IX.

6) Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)»[9].

Многие исследователи считают, что это первая попытка законодателя дать материальное понятие преступления. О.Ф. Шишов писал: «Впервые в истории советского уголовного права дано материальное определение понятия преступления, раскрывающее его классовую сущность»[10]. Справедливости ради, нужно отметить, что другие исследователи заметили, что указание на материальный признак преступления можно обнаружить и в более ранних актах советского законодателя[11]. Кроме этого М.С. Строгович указывал, что «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., вполне ясно формулируя классовую природу советского уголовного права, тем не менее, давали лишь формальное определение преступления»[12], при этом цитируя лишь ст. 5 Руководящих начал по уголовному праву: «преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Однако следует согласиться, что формальный признак преступления «запрещенность законом» в данном определении отсутствует, поскольку законодатель указал лишь на «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»[13].

Такая дефиниция не позволяла определить характер и степень общественной опасности и, соответственно, отграничить преступное от не преступного, т.е. преступление от иных видов правонарушений. Несмотря на то что некоторые признаки категоризации преступлений были предусмотрены еще в Уголовном уложении 1903 г., которое предусматривало трехчленное деление преступных деяний в зависимости от тяжести налагаемых наказаний за их совершение. Первые нормативные правовые акты Советского государства, например Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г., содержали нормы, определяющие и разграничивающие преступные деяния по признаку опасности для революционной власти на:

особо опасные преступления, которые были отнесены к ведению революционных трибуналов;

и все остальные, отнесенные к ведению местных судов[14].

В Декрете о суде № 3 от 20 июля 1918 г. (ст. 1) уже упоминалось как о преступлении, так и о проступке: «на местные народные суды возлагалось рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков и некоторых иных»[15].

Тем не менее в Руководящих началах по уголовному праву не нашли отражение признаки категоризации преступлений, опасность деяния в большей степени определялась опасностью лица, его совершившего. При выборе наказания предписывалось учитывать: «а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим, в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, или в интересах личных совершающего деяние» (ст. 12). Статья 20 определяла, что «стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника».

Выделение некоторых групп преступлений определялось в большей степени их подсудностью и порядком исполнения наказания.

Давая характеристику того времени, Д.И. Курский указывал, что «преступление и наказание в новом праве получили крайне своеобразную постановку, совсем отличную от той, которую знали прежние буржуазные кодексы. Всевозможного рода уложения и уставы о наказаниях, во-первых, всегда точно определяли “состав преступления”, его основные признаки и стремились дать исчерпывающий перечень запрещенных деяний, во-вторых, они всегда скрупулезно точно определяли меру наказания. Новое уголовное право не знает ни того, ни другого»[16].

В начале 1920-х годов возникла острая необходимость принятия Уголовного кодекса, в содержание которого входили бы не только Общая часть, но и Особенная. Первые декреты советской власти не содержали четких диспозиций составов преступлений и конкретных карательных санкций. В целом декреты указывали на необходимость борьбы с теми или иными преступными деяниями, а меры наказания относили к компетенции трибуналов и народных судов.

Многие положения, содержащиеся в Руководящих началах по уголовному праву, нашли свое отражение и развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Однако разработка советского Уголовного кодекса была совершенно новым делом, поскольку впервые стояла задача создания кодекса, основанного на «социалистических правовых взглядах, на учении марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата и ставившего своей целью защиту социалистического государства рабочих и крестьян от преступных посягательств врагов социализма»[17]. Сложность процесса кодификации заключалась в том, что советский законодатель не имел предшественников и тем более не мог учесть правоприменительный опыт прошлого, поэтому опирался только на свои знания и опыт, на практику применения уголовно-правовых норм первых лет советской власти. В рассматриваемый период наметились две противоположные точки зрения: одни считали создание Уголовного кодекса РСФСР преждевременным, «не отвечающим духу трибунальской репрессии»[18]; другие требовали немедленного его принятия на основе дореволюционного уголовного законодательства (Уголовное уложение 1903 г.).

Именно поэтому в ст. 1 проекта Уголовного уложения было дано формальное определение преступления:

---

[9] См.: СУ РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.

[10] *Шишов О.Ф.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 84.

[11] См.: *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Указ. соч. С. 110.

[12] *Строгович М.С.* Реформа уголовного кодекса // Сов. право. 1926. № 1 (19). С. 53.

[13] *Булатов С.Я.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4; *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юрид. вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 27.

[14] См.: Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 15, 16.

[15] См.: там же. С. 28.

[16] *Курский Д.И.* На путях развития советского права. Статьи и речи 1919–1926. М., 1927. С. 48, 49.

[17] *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 104.

[18] Там же. С. 105.

«преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания».

В зависимости от опасности совершенных деяний анализируемый проект делил их на преступления и проступки. К преступлениям относились такие деяния, за которые предусматривалось в качестве наказания лишение свободы на срок более шести месяцев или лишение всех или некоторых политических прав. К проступкам относились такие деяния, за которые определялось наказание в виде лишения свободы не свыше шести месяцев или денежная пеня (ст. 3 Уголовного уложения).

Таким образом, общественная опасность как признак преступления в проекте, основанном на Уголовном уложении 1903 г., не принимался во внимание, учитывался формальный признак преступления – запрещенность деяния действующей уголовно-правовой нормой.

Одним из основных вопросов, обсуждаемых в процессе подготовки Уголовного кодекса, стал вопрос об основаниях уголовной ответственности. Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. устанавливали, что «при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общежития как самого преступника, так и совершенного им деяния» (ст. 11), т.е. в первую очередь устанавливалась опасность лица, а уже во вторую – опасность деяния. Проект специальной комиссии Общеконсультационного отдела Народного комиссариата юстиции конца 1920 – начала 1921 г. включал в себя положения социологической школы уголовного права. Основная идея этого проекта основывалась на том, что при оценке преступности и наказуемости деяния необходимо учитывать опасное состояние личности преступника, а не общественную опасность самого деяния. Авторы этого проекта отрицали деление преступлений в зависимости от их тяжести, обозначив, что «внешние формы осуществления деяния, степень реализации воли, формы участия в правонарушении теряют значение граней, с необходимостью определяющих тяжесть наказания и даже саму наказуемость. Оттенки умышленности, неосторожности утрачивают значение факторов, направляющих наказание по заранее определенной линии»[19]. На основании этих положений были сформулированы две статьи следующего содержания: «Лицо, опасное для существующего порядка общественных отношений, подлежит наказанию по настоящему Кодексу. Наказуемыми являются как действие, так и бездействие. Опасность лица обнаруживается наступлением последствий, вредных для общества, или деятельностью, хотя и не приводящей к результату, но свидетельствующей о возможности причинения вреда» (ст. 2, 3 Проекта 1920 г.).

Эти положения были воспроизведены с некоторыми изменениями в проекте Уголовного кодекса Наркомюста 1921 г.: «Опасность лица обнаруживается наступлением последствий, вредных для общества, или деятельностью, хотя и не приводящей к результату, но свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 4).

Первый Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие с 1 июня 1922 г., в котором определялось анализируемое понятие: «преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6).

Ранее Д.И. Курский, выступая с докладом на заседании ВЦИК, посвященном проекту Уголовного кодекса 1922 г., дал следующую оценку сформулированного понятия преступления: «Предполагаемый проект Уголовного кодекса определяет преступление так, как его должен определить Уголовный кодекс, написанный марксистами и продиктованный правосудием, которое творят рабочие и крестьяне»[20].

С момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в науке уголовного права появляются работы, посвященные изучению понятия преступления, а также определению круга преступных деяний, при этом А.А. Пионтковский писал: «Если неизбежен для установившейся диктатуры пролетариата период почти неограниченного уголовно-правового судебного правотворчества, то по мере установления новых общественных связей на основе классового господства пролетариата выкристаллизовывается постепенно круг преступного, соответствующий классовым интересам организовавшегося в государство пролетариата, вместе с тем оформляются постепенно и все остальные элементы системы уголовного права переходной эпохи»[21]. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что анализируемый Уголовный кодекс все еще содержал норму, позволяющую применять уголовный закон по аналогии. Так ст. 10 УК РСФСР была изложена в следующей редакции: «В случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса».

Следует напомнить, что противоправность деяний и их наказуемость в период с 1917 г. до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. определялась некоторыми декретами рабоче-крестьянского правительства и социалистическим правосознанием судьи, поэтому вопрос об определении преступности и наказуемости деяний оставался весьма важным[22].

Тем не менее в научной литературе того времени отмечалась важность законодательного определения преступления, в основу которого положен материальный признак. М.А. Чельцов-Бебутов отмечал, что «в отличие от формального буржуазного кодекса, определяющего преступление формально, как деяние, под страхом наказания запрещенное законом во время его совершения, советский законодатель определяет его материально, по существу, со стороны его вредности, опасности для правопорядка»[23].

Принятый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. раскрыл социальную (материальную) сущность норм. Постулат, определенный ст. 5, содержал: «Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальный защиты», т.е. уголовный закон в качестве основной своей задачи определяет защиту именно рабоче-крестьянского государства. В данной уголовно-правовой норме законодатель определяет функцию защиты от преступлений и применения наказания за их совершение. Таким образом,

[19] Цит. по: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др.* История советского уголовного права. М., 1948. С. 249.

[20] *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. 2-е изд., доп. М., 1958. С. 81.

[21] *Пионтковский А.А.* Преступление в социалистическом обществе // Сов. право. 1923. № 2 (5). С. 16, 17.

[22] См.: *Краковский К.П.* Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 157.

[23] *Чельцов-Бебутов М.А.* Указ. соч. С. 84, 85.

УК РСФСР 1922 г. формулировал два основополагающих понятия – «преступление» и «наказание».

По мнению Г.В. Швекова, «это весьма совершенное для своего времени определение по существу представляет собой центральное и наиболее важное положение кодекса в той его части, которая посвящена проблеме оснований уголовной ответственности»[24]. Впервые на законодательном уровне было установлено, что для наступления уголовной ответственности необходимо определить общественную опасность деяния, а не «опасность личности», как трактовали Руководящие начала 1919 г. Тем не менее Уголовный кодекс 1922 г. все еще содержал такие понятия, как «общественно опасные элементы», «нарушители революционного правопорядка» (ст. 5), «опасность лица» (ст. 7), «лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными» (ст. 49), что свидетельствует о влиянии теорий обосновывающих уголовную ответственность опасностью личности. Несмотря на то что УК РСФСР 1922 г. все еще содержал нормы, определяющие «опасность лица», правоприменительная практики исходила из опасности деяния. Так, например, в кассационном определении Мосгубсуда № 23-43/1923 г. суд первой инстанции осудил *А.* по ст. 10 (аналогия) и ст. 13 (покушение) за то, «что он высказал взгляд, свидетельствующий о его враждебном отношении к рабочей печати». Суд отменил приговор на следующем основании: «Какое бы ни было, “отношение” не является деянием и не может быть наказуемо в уголовном порядке»[25].

Помимо этого, в ст. 7 УК РСФСР 1922 г. устанавливалось, что «опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». Отсюда следует, что в основе уголовной ответственности лежали именно деяния, опасные для существующего строя.

Справедливости ради отметим, что положения ст. 49 УК РСФСР 1922 г., определяющие социальную опасность лица в зависимости от «связи с преступной средой в определенных местностях», правоприменительной практикой расценивалось как возможность назначения дополнительного наказания в виде высылки[26].

Следует также обратить внимание на то, что общее понятие преступления законодатель фактически наделяет двумя признаками: материальным и опосредованно формальным, однако точного указания на противоправность деяния в понятии преступления УК РСФСР 1922 г. не могло быть.

Материальный признак преступления, который раскрывает его сущность и определяет, почему то или иное деяние признается преступлением, законодатель раскрывает через дефиницию, что всякое действие или бездействие должно быть общественно опасным не для абстрактной системы охраняемых благ или интересов, а именно для рабоче-крестьянского правопорядка. Социальную вредность общественно опасного действия или бездействия законодатель того времени определяет через указание на то, что преступление угрожает основам советского строя и правопорядку. Прямое указание на то, что преступление причиняет вред охраняемым общественным отношениям, отсутствует.

Кроме этого в ст. 24 УК РСФСР 1922 г. законодатель устанавливает, что при определении меры наказания необходимо учитывать степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления.

Устанавливая характер общественной опасности преступления, законодатель того времени, с одной стороны, в Особенной части УК РСФСР, определяя значимость различных видов охраняемых общественных отношений, расположил главы, содержащие конкретные виды преступлений, в следующей последовательности:

Глава I. Государственные преступления (1. О контрреволюционных преступлениях; 2. О преступлениях против порядка управления).

Глава II. Должностные (служебные) преступления.

Глава III. Нарушение правил об отделении церкви от государства.

Глава IV. Преступления хозяйственные.

Глава V. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (1. Убийство; 2. Телесные повреждения и насилия над личностью; 3. Оставление в опасности; 4. Преступления в области половых отношений; 5. Иные посягательства на личность и ее достоинство).

Глава VI. Имущественные преступления.

Глава VII. Воинские преступления.

Глава VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок.

С другой стороны, в ст. 25 УК РСФСР законодатель закрепил, что для определения меры наказания необходимо устанавливать: «а) совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии, или в интересах чисто личных совершившего преступление; б) направлено ли преступление против государства или отдельной личности; в) совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет; г) совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых; д) совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по невежеству и несознательности; е) совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз; ж) совершено ли преступление группой (шайкой, бандой) или одним лицом; з) совершено ли преступление посредством насилия или без такового; и) обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость, или преступление совершено в состоянии запальчивости, по неосторожности, легкомыслию или под влиянием угроз и принуждения другого лица; к) совершено ли преступление взрослым, несовершеннолетним от 16–18 лет, несовершеннолетним от 14–16 лет или малолетним до 14 лет», которая, на наш взгляд, отражает характер и степень общественной опасности, определяемая законодателем того времени.

Материальный признак преступления находит отражение и в других уголовно-правовых нормах. Советский уголовный закон предоставляет право выбирать меру наказания соучастникам преступления в зависимости не только от степени их участия, но и степени опасности лица и совершенного им преступления (ст. 15 УК РСФСР 1922 г.).

Формальный признак преступления, его противоправность, законодатель определяет опосредованно через указание об опасности преступлений основам советского строя и правопорядку, т.е. порядку, охраняемому правом. Однако точного указания на то, что лицо, совершившее

---

[24] *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 161.

[25] *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 42.

[26] См.: *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 140, 141.

преступление, нарушило запрет, установленный Уголовным кодексом, в то время быть не могло, в связи с тем, что действовала норма об аналогии.

Следует отметить, что при обсуждении проектов УК РСФСР 1922 г. состоялись острые дебаты относительно нормы об аналогии. Так, например, Председатель Малого Совнаркома категорически высказался против нее: аналогия – отступление от принципа законности, путь к судебному произволу, «взрыв» Особенной части Уголовного кодекса. Среди ученых также были разногласия, например, М.М. Исаев, считал, что аналогия носит чисто технический, а не принципиальный характер[27]; А.А. Пионтковский полагал аналогию видом расширительного толкования уголовного закона; М.А. Чельцов-Бебутов и Н.В. Крыленко придавали ст. 10 УК РСФСР принципиальное значение в деле «революционизированного права»[28]. Тем не менее большинство считали, что аналогия нужна, так как за четыре года советской власти не могло сформироваться окончательное представление о всех возможных формах преступных посягательств, опасных для Советского государства.

Изданный 8 июля 1922 г. циркуляр НКЮ предписывал судам: «По общему правилу наказания и другие меры социальной защиты могут применяться судом лишь в отношении деяний, точно указанных в УК. Изъятие из этого правила допускается лишь в тех исключительных случаях, когда деяние подсудимого хотя точно и не предусмотрено Уголовным кодексом, но суд признает его явно опасным с точки зрения основ нового правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью, но не законом свергнутого правительства».

В этой связи хотелось бы напомнить о т.н. парафиновом деле (апрель 1922 г.). Суть его состояла в следующем. На таможню поступило 600 пудов парафина. За несколько дней поменялось шесть собственников парафина, а его стоимость выросла в три раза, при этом он все время находился в одном месте – таможне. Верховный трибунал должен был решить вопрос – допустима ли подобная деятельность с точки зрения действующего законодательства, и подлежат ли государственные служащие ответственности за небрежное отношение к государственному добру, за сознательное спекулятивное взвинчивание цен. Защита доказала, что имел место свободный договор и, соответственно, отсутствие состава преступления. Трибунал признал деяние опасным, направленным во вред Советскому государству. Верховный трибунал вынес обвинительный приговор в отношении всех участников, в том числе и государственных служащих. Однако вынес определение о необходимости утверждения приговора Президиумом ВЦИК. Президиум ВЦИК отметил, что ввиду отсутствия в момент совершения осужденными инкриминируемых им деяний точных законоположений в этой области, приговор Верховного трибунала отменил и дело прекратил[29].

Норма об аналогии судами применялась крайне редко, носила крайне исключительный характер, применялась при условии действительной и значительной опасности деяния[30].

Понятие преступления определялось в Уголовном кодексе РСФСР как «всякое общественно опасное действие или бездействие». Э.Я. Немировский, давая характеристику понятию преступления, писал: «С установлением революционной законности общее определение 6 ст. УК уточнялось, конкретизировалось описанием составов отдельных преступлений в особенной части Кодекса, и ныне преступным должно быть признано то, что не только соответствует ст. 6 УК, но и какой-либо из статей Кодекса или прямо, или хотя бы посредством распространения ее по аналогии. Ст. 6, как и 9 (о социалистическом правосознании) служат только точкой опоры для суда при разрешении вопроса о применимости аналогии и ст. 10»[31].

Законодательное определение преступления, содержащееся в ст. 6 УК РСФСР 1922 г., свидетельствует о том, что в него не включены такие признаки, как виновность и наказуемость, известные Уголовному кодексу РФ 1996 г., тем не менее Э.Я. Немировский писал, что «преступление представляет собой особый вид правонарушений, а именно это правонарушение наказуемое. Но наказуемость есть внешний, формальный признак...»[32]. В ст. 11 УК РСФСР 1922 г. было указано, что «наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление; или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Понятие малозначительности деяния, присущее Уголовному кодексу РФ, как известно, появилось только в 1924 г. в виде уголовно-процессуальной нормы и впервые включена в текст УК РСФСР 1926 г.

Категоризация преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. формально определялась через порядок назначения наказания и в большей степени устанавливалась, исходя из тех общественных отношений, которые ставились под охрану уголовным законом[33]. В ст. 27 было указано: «Устанавливая меру наказания, Уголовный Кодекс различает две категории преступления: а) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными; и б) все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого по суду наказания».

Таким образом, законодателем в данной уголовно-правовой норме определялся классовый подход, который проявлялся в социальной направленности и степени опасности преступлений, посягающих на установленные «рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка».

Анализ указанной уголовно-правовой нормы позволяет заключить, что к первой группе преступлений законодатель отнес такие преступления, за которые суд не может назначить наказание ниже предела, установленного санкцией статьи. Например, при совершении преступления, предусмотренного ст. 58 УК РСФСР 1922 г., законодатель санкцию определил следующим образом: «карается – высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается – лишением свободы на срок не ниже трех лет».

---

[27] См.: *Исаев М.М.* Указ. соч. С. 138.

[28] *Герцензон А.А., Гринауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др.* Указ. соч. С. 239–305.

[29] См.: там же. С. 273, 274.

[30] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Указ. соч. С. 91.

[31] *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 52.

[32] Там же. С. 50.

[33] См.: Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 57.

Ко второй группе отнесены все остальные преступления, в санкциях статей которых законодателем определяется высший, допустимый для суда предел. Например, ст. 182 УК РСФСР устанавливала: «грабеж, т.е. открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над его личностью, карается – принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года».

В соответствии с требованиями ст. 27 УК РСФСР 1922 г. законодателем определялись санкции норм Особенной части. При этом к числу опасных преступлений, за которые суд не может назначить наказание ниже предела, установленного санкцией статьи, относились не только государственные преступления, но и должностные (служебные) преступления, а также некоторые хозяйственные преступления, преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, имущественные преступления и т.д. Например, за хищение из государственных складов, вагонов, судов и других хранилищ, производившееся систематически или совершенное ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах похищенного, законодатель предусмотрел – лишение свободы на срок не ниже трех лет или высшую меру наказания (п. «з» ст. 180 УК РСФСР 1922 г.).

Давая характеристику категоризации преступлений по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., следует отметить, что первая группа преступлений определялась положительными признаками, характеризующими общественную опасность для установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка; вторая же группа преступлений определялась методом исключения[34]. Представленное деление всех преступлений на категории не отражалось в структуре Особенной части. Однако, по мнению некоторых исследователей истории уголовного права, деление Особенной части на две указанные группы преступлений подразумевалось, поскольку было связано со строением санкций уголовно-правовых норм[35].

Обращает внимание также тот факт, что в первую группу преступлений относятся два его вида: одни определяются направленностью на важный объект – основы нового правопорядка, другие по признаку, относящемуся к любому элементу или признаку состава преступления, – «наиболее опасные».

Тем не менее категории преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. выделялись в самом обобщенном виде, поэтому для применения ст. 27 УК РСФСР требовалось официальное толкование. В этой связи Верховный Суд РСФСР разъяснил, что тяжкими преступлениями признаются те, которые угрожают основам советского строя (преступления контрреволюционные, шпионаж, бандитизм, корыстные хозяйственные и должностные преступления с тяжелыми для государства последствиями)[36]. Относительно других категорий преступлений никаких разъяснений не последовало.

Принципиальной особенностью первого социалистического Уголовного кодекса явилось раскрытие материальной, т.е. социальной, сущности и назначения институтов и норм Общей части. Защита рабоче-крестьянского государства и общества от преступных посягательств объявлялась задачей УК РСФСР (ст. 5). Преступление определялось как общественно опасное действие или бездействие, опасное не для абстрактной системы благ, а для рабоче-крестьянского правопорядка.

[34] См.: *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др.* Указ. соч. С. 252.

[35] См.: там же. С. 253.

[36] См.: Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булатов С.Я.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4.
2. *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. и др.* История советского уголовного права. М., 1948. С. 239–305.
3. *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 138, 140, 141.
4. *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 23.
5. *Краковский К.П.* Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 5. С. 157.
6. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 42, 91.
7. *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. 2-е изд., доп. М., 1958. С. 81.
8. *Курский Д.И.* На путях развития советского права. Статьи и речи 1919–1926. М., 1927. С. 48, 49.
9. *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Одесса, 1924. С. 50, 52.
10. *Пионтковский А.А.* Преступление в социалистическом обществе // Сов. право. 1923. № 2 (5). С. 16, 17.
11. *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 16, 17.
12. Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 15, 16, 28, 119.
13. *Строгович М.С.* Реформа уголовного кодекса // Сов. право. 1926. № 1 (19). С. 53.
14. *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 1924. С. IX.
15. *Токарева С.Н.* Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex russica. 2019. № 10. С. 155.
16. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 57.
17. *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 65, 84, 85.
18. *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юрид. вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 27.
19. *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 106–108, 110.
20. *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 104, 105, 161.
21. *Шишов О.Ф.* Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 84.
22. *Щелконогова Е.В.* Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Росс. юрид. журнал. 2016. № 3 (108). С. 127.

REFERENCES

1. *Bulatov S. Ya.* Guiding principles on Criminal Law of the RSFSR // Pravovedenie. 1959. No. 4 (in Russ.).
2. *Gertsenzon A.A., Gringauz S.S., Durmanov N.D., etc.* History of Soviet Criminal Law. M., 1948. P. 239–305 (in Russ.).
3. *Isaev M.M.* The General part of the Criminal Law of the RSFSR. L., 1925. P. 138, 140, 141 (in Russ.).
4. *Kozlovsky M. Yu.* Proletarian revolution and Criminal Law // The Proletarian Revolution and Law. 1918. No. 1. P. 23 (in Russ.).
5. *Krakovsky K.P.* Criminal liability of Soviet civil servants for official crimes (1920s) // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. Vol. 15. No. 5. P. 157 (in Russ.).
6. *Kuznetsova N.F.* Crime and criminality. M., 1969. P. 42, 91 (in Russ.).
7. *Kursky D.I.* Selected articles and speeches. 2nd ed., add. M., 1958. P. 81 (in Russ.).
8. *Kursky D.I.* On the ways of development of Soviet law. Articles and speeches 1919–1926. M., 1927. P. 48, 49 (in Russ.).
9. *Nemirovsky E. Ya.* Soviet Criminal Law. Odessa, 1924. P. 50, 52 (in Russ.).
10. *Piontkovsky A.A.* Crime in a socialist society // Soviet law. 1923. No. 2 (5). P. 16, 17 (in Russ.).
11. *Piontkovsky A.A.* Criminal Law of the RSFSR. The General part. M., 1924. P. 16, 17 (in Russ.).
12. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M., 1953. P. 15, 16, 28, 119 (in Russ.).
13. *Strogovich M.S.* Reform of the Criminal Code // Soviet law. 1926. No. 1 (19). P. 53 (in Russ.).
14. *Stuchka P.I.* The revolutionary role of law and the state. The general doctrine of law. 3rd ed., rev. and supplemented. M., 1924. P. IX (in Russ.).
15. *Tokareva S.N.* Codification of Criminal Law in the first years of Soviet power: from continuity to independence // Lex russica. 2019. No. 10. P. 155 (in Russ.).
16. Criminal law: experience of theoretical modeling / res. ed. V.N. Kudryavtsev, S.G. Kelina. M., 1987. P. 57 (in Russ.).
17. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925. P. 65, 84, 85 (in Russ.).
18. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* The guiding principles of the beginning of 1919 as a prototype of the General part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 // Legal herald of the Kuban State University. 2019. No. 4. P. 27 (in Russ.).
19. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* Guiding principles on Criminal Law: background of development, prototype of the General part of the first Criminal Code of the RSFSR, significance (to the 100th anniversary of adoption) // Union of Criminologists and Criminologists. 2020. No. 2. P. 106–108, 110 (in Russ.).
20. *Shvekov G.V.* The first Soviet Criminal Code. M., 1970. P. 104, 105, 161 (in Russ.).
21. *Shishov O.F.* Guiding principles on criminal law of the RSFSR of 1919 – a monument of Soviet criminal law thought // Jurisprudence. 1980. No. 3. P. 84 (in Russ.).
22. *Shchelkonogova E.V.* The Soviet Criminal Code and the Criminal Code of the Russian Federation: comparative legal analysis // Russ. legal journal. 2016. No. 3 (108). P. 127 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BATYUKOVA Vera E. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 139–144
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 139–144

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

© 2022 г. В. А. Болдырев*, К. Г. Сварчевский**

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

**E-mail: vabold@mail.ru*
***E-mail: svarchewsky@yandex.ru*

Поступила в редакцию 15.03.2022 г.

Аннотация. Отмечается недооценка юридическими и когнитивными науками значимости при коллегиальном рассмотрении дела фактора индивидуального анализа материалов судьей-докладчиком и степени его влияния на принятие итогового процессуального решения. При этом одновременно не сформулирован применительно к области права тезис, согласно которому единоличное рассмотрение дел судами находится в сфере действия большинства закономерностей коллективного познания действительности. Деятельность правоприменителя, связанная с принятием решений, базируется не только на анализе законодательства и обстоятельств произошедшего, но и на их интерпретациях лицами, участвующими в деле. Это означает, что познание действительности правоприменителем является не только коллективным, но и многоэтапным, многоуровневым, опосредованным. Связь результата рассмотрения дела с субъективной оценкой произошедших событий его участниками и предложенными версиями происходившего, с одной стороны, и появление новой научной парадигмы в когнитивной нейробиологии и эпистемологии, в рамках которых познание мира рассматривается как плод коллективной деятельности, – с другой, заставляет поставить вопрос о необходимости уточнить научное и практическое понимание непосредственности судебного разбирательства, в том числе с целью уточнения статуса судьи-докладчика, иных докладчиков дел в рамках существующих процедур.

Ключевые слова: судебная практика, когнитивные науки, когнитивная психология, судья-докладчик, междисциплинарное исследование, номенклатура научных специальностей, непрофессиональные судьи, суд с участием присяжных заседателей, суд шеффенов, новации права.

Цитирование: *Болдырев В.А., Сварчевский К.Г.* Коллективное и индивидуальное познание в деятельности правоприменителя // Государство и право. 2022. № 12. С. 139–144.

DOI: 10.31857/S102694520019230-4

COLLECTIVE AND INDIVIDUAL COGNITION IN THE ACTIVITY OF A LAW ENFORCER

© 2022 V. A. Boldyrev*, K. G. Svarchevsky**

Russian State University of Justice, Moscow

**E-mail: vabold@mail.ru*
***E-mail: svarchewsky@yandex.ru*

Received 15.03.2022

Abstract. It is noted that legal and cognitive sciences underestimate the importance of the factor of individual analysis of materials by the judge-rapporteur and the degree of its influence on the adoption of the final procedural decision in the collegial consideration of the case. At the same time, the thesis has not been formulated in relation to the field of law, according to which the sole consideration of cases by the courts is within the scope of most of the laws of collective cognition of reality. The activity of the law enforcer related to decision-making is based not only on the analysis of the law and the circumstances of the incident, but also on

their interpretations by the persons involved in the case. This means that the cognition of reality by the court is not only collective, but also multi-stage, multilevel, mediated. The connection of the outcome of the case with the subjective assessment of the events by its participants and the proposed versions of what happened, on the one hand, and the emergence of a new scientific paradigm in cognitive neuroscience and epistemology, in which knowledge of the world is considered as the fruit of collective activity, – again, raises the question of the need to clarify the scientific and practical understanding of the legal principle of the immediacy of judicial proceedings, including in order to clarify the status of the judge-speaker, other speakers of cases within the framework of existing procedures.

Key words: judicial practice, cognitive sciences, cognitive psychology, judge-speaker, interdisciplinary research, nomenclature of scientific specialties, non-professional judges, trial by jury, court of sheffens, innovations of law.

For citation: *Boldyrev, V.A., Svarchevsky, K.G. (2022).* Collective and individual cognition in the activity of a law enforcer // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 139–144.

Процесс принятия решения человеком находится в поле зрения различных научных дисциплин, в число которых входят когнитивные науки. Если говорить о судебных актах, принимаемых в первой инстанции, большинство соответствующих решений есть продукт деятельности одного человека – судьи, рассматривающего дело единолично. При коллегиальном рассмотрении дела решение является результатом деятельности группы лиц – соответствующей коллегии судей, а значит, и результатом коллективного познания действительности.

Правоприменитель вынужден полагаться на внимательность, компетентность и добросовестность коллег, анализирующих распределенные материалы, чтобы справляться с потоком входящих документов. Данное суждение относится не только к деятельности коллегиального состава суда, но и к тем коллегиальным административным органам, которые сегодня существуют в соответствии с законом и назначают административные наказания (ст. 1.3.1 КоАП РФ). Именно поэтому значительная часть выводов, которые могут быть сформулированы относительно коллективного познания в судебном процессе, распространяются и на область правоприменительной деятельности органов исполнительной власти. Различные же виды и направления судопроизводства хотя и отличаются, но не настолько, чтобы не увидеть общих сложностей сочетания единоличного и коллегиального начал в рамках интегративной концепции судебного права[1].

Существующая возможность обобщения результатов наблюдений, сделанных специалистами в различных областях судопроизводства (уголовного, гражданского, арбитражного, административного и конституционного), характеризующих взаимодействие судей-профессионалов (юристов-профессионалов в составе коллегиальных административных органов), могут быть дополнены достижениями исследований закономерностей человеческой коммуникации между широкими и узкими специалистами в одной области, специалистами в разных областях, а также специалистами и неспециалистами. Возможность привлечения к участию в судопроизводстве специалистов и экспертов, обладающих особыми познаниями в областях, где суд не сведущ, и одновременная возможность участия в отправлении правосудия присяжных заседателей, т.е. граждан, не обладающих специальными познаниями (от которых требуется лишь их житейский опыт), говорит о том, что междисциплинарное изучение коллективного познания правоприменителя, могущее дать принципиально новые результаты обществу, находится лишь в начальной стадии.

Работа непрофессиональных судей, разрешающих коммерческие споры в Германии и Франции, свидетельствует о возможности использования опыта ведения предпринимательской деятельности для справедливого разрешения соответствующих споров. Привлечение обладателей специальных знаний непосредственно к отправлению правосудия, наделение таких специалистов полномочиями судьи оказывается в некоторых случаях продуктивнее назначения экспертизы[2]. Рассмотрение дела лицами, не являющимися юристами по основной своей профессии, но имеющими практику участия в близких по природе материально-правовых отношениях, если не исключает полностью, то уж точно сглаживает влияние профессиональной деформации.

Механизмы привлечения общественности к отправлению правосудия способны помочь преодолеть зацикленность на формальном соблюдении норм права в ущерб духу закона и идее гармоничного развития социума, поскольку модель «непрофессионального суда» в большей мере ориентирована на культуру и мораль[3].

Борьба с общей бедой всех правоприменительных практик в обществе, которое перенасыщено сведениями – потоком дел и информационной нагрузкой на каждого его члена, – видится нам идеей, могущей объединить профессионалов различных областей: юристов, психологов, разработчиков компьютерных программ и технических решений в стремлении сделать социум более устойчивым. Их сотрудничество может способствовать последовательному развитию социальных организмов, исключить потрясения вследствие невозможности многих членов общества справиться с потоком входящей информации.

Большая нагрузка, ложащаяся на судью, и низкая самооценка качества проделанной работы – факторы, находящиеся в неразрывной связи, формирующие высокий уровень выгорания судей[4]. С проблемой значительной нагруз-

[1] См.: *Шарипова А.Р.* Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса // Государство и право. 2021. № 7. С. 115. DOI: 10.31857/S102694520009986-5

[2] См.: *Шкалова Н.А.* Зарубежный опыт участия непрофессиональных судей в разрешении экономических дел // Государство и право. 2016. № 5. С. 112.

[3] *Панина Т.П.* Право на участие в отправлении правосудия: модели и реальность // Вестник РПА. 2021. № 3. С. 102. DOI: 10.33874/2072-9936-2021-0-3-97-103

[4] См.: *Беляева И.А., Царицецева О.П.* Особенности профессионального выгорания федеральных судей // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. С. 2.

ки, ложащейся на судей, сталкиваются судебные системы большинства развитых государств[5].

Парадоксом особого (логоцентрического) информационного мира, существующего в области юриспруденции, является недооценка значения коллективного познания в индивидуальных правоприменительных решениях и личностного фактора – роли личности докладчика – в коллегиальных актах.

Рискнем сделать два утверждения. Во-первых, в существующем потоке дел результат их коллегиального рассмотрения существенно зависит от позиции по делу докладчика. Во-вторых, результат единоличного рассмотрения любого дела является следствием коллективного познания действительности.

Недооценена значимость при коллегиальном рассмотрении дела фактора самостоятельного, индивидуального анализа материалов докладчиком, формирования сообщения коллегии присяжных заседателей, а также степень его влияния на принятие итогового процессуального решения. При этом одновременно не сформулирован применительно к области права тезис, согласно которому единоличное рассмотрение дел находится в сфере действия большинства закономерностей коллективного познания действительности.

Состоявшееся официальное признание когнитивистики как группы научных специальностей предопределяет важность сопряжения ранее накопленных ей опытным путем знаний с известными достижениями правовой науки и практики.

Докладчик дела и коллективное познание. К судебному решению как акту познания применимы критерии ложности и истинности[6]. Вынесение решений, содержащих ложные суждения, препятствуют нормальному ходу общественных отношений, а в определенных случаях может сказываться отрицательно и на авторитете суда. Именно поэтому для исключения искажений, обусловленных существованием лишних звеньев в цепи передачи информации, в российском законодательстве закреплен принцип непосредственности судебного разбирательства.

Непосредственность судебного разбирательства, устанавливаемая рядом норм законодательства (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, ч. 1 ст. 10 АПК РФ, ч. 1 ст. 240 УПК РФ) заключается в том, что судьи, занимающиеся рассмотрением и разрешением дела, должны самостоятельно и лично воспринимать доказательства, принимать участие в их исследовании, знакомиться с поступившими материалами.

Формулировки правовых норм о непосредственности судебного разбирательства позволяют относить их содержание прежде всего к деятельности суда первой инстанции.

Непосредственность судебного разбирательства на стадии кассационного и надзорного рассмотрения дела находится в противоречии с фактом существования в законодательстве фигуры судьи-докладчика (ч. 6 ст. 401^{13}, ч. 5 ст. 412^{10} УПК РФ, ч. 6 ст. 379^{5}, ч. 7 ст. 391^{10} ГПК РФ). Судья-докладчик для того и нужен, чтобы кратко изложить суть дела в первую очередь для остальных судей, участвующих в рассмотрении дела.

Незначительный опыт начинающих юристов, а также «зацикленность» доверителей на собственных интересах часто не дают понять важную истину: ситуация, попавшая на рассмотрение суда, лишь одна в череде многих.

Статус судьи-докладчика, фактически признаваемый практикой, если и обозначается в законодательстве, то оказывается снабжен крайне скудным описанием. При этом отсутствие развернутого описания того или иного явления в законодательстве не гарантировало, а иногда и наоборот – предопределяло концентрацию наибольших фактических полномочий в руках тех, кто имеет дело с документами. В нашем случае это и есть судья-докладчик.

Весьма показательно исследование судопроизводства Федерального конституционного суда ФРГ (Bundesverfassungsgerichts), которое продемонстрировало, что данный орган может справиться с потоком обрушивающихся на него дел только при разделении труда[7]. Рискнем предположить, что разделение функций познания между судьями, рассматривающими одно дело, – действительность, характерная для большинства государств.

В российской юридической науке, на наш взгляд, недостаточно оценена нагрузка на судей как фактор, являющийся совершенно посторонним для конкретного дела с вполне определенной фабулой и кругом характерных проблем. Необходимость принимать решения в условиях риска, являющегося следствием «ситуации неопределенности в совокупности с высокой нагрузкой»[8], декларируется, но исследование реальных и допустимых параметров этой нагрузки – дело будущего. Нагрузка – это фактор не только посторонний, но существенно, на наш взгляд, могущий влиять на качество рассмотрения сложных дел.

Организационные отношения, возникающие в недрах суда, связанные с назначением судьи-докладчика, параметрами его ответственности, распределением материалов дел, изучением их до заседания, нагрузкой, специализацией судей, моделями обсуждения судьями вариантов итоговых решений, из которых предстоит выбрать только один, – область, слабо затронутая российскими исследователями. Недооценка слаженности в работе коллегии судей, внутреннего распределения функций с учетом когнитивных способностей и имеющегося опыта, степени погруженности в конкретную проблему судьи-докладчика при вынесении судебного акта коллегиальным органом – такая же проблема, как отсутствие учета давления коллективного познания и коллективного сознания на процесс принятия решения судьей единолично.

Увеличение количества обрабатываемой обществом информации, специализация и уменьшение разрыва между появлением нового знания и их технической реализацией – стороны современного информационного общества[9]. Для

---

[5] См.: *Посулихина Н.С., Козырева А.Б.* Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (ч. 1) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 143. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149

[6] См.: *Корнев В.Н.* Феноменология судебного (юридического) решения // Государство и право. 2020. № 5. С. 52. DOI: 10.31857/S013207690009668-6

[7] См.: *Гиряева В.Н., Краненполь У.* Властелин процесса или лишь один из восьми? Влияние судьи-докладчика на практику судопроизводства Федерального конституционного суда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2011. № 4. С. 28; *Kranenpohl U.* Herr des Verfahrens oder nur Einer unter Acht? Der Einfluss des Berichterstatters in der Rechtsprechungspraxis des Bundesverfassungsgerichts // Zeitschrift für Rechtssoziologie. Stuttgart. 2009. H. 2. S. 135–163.

[8] *Попова Т.В., Калашникова А.С.* Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей // Психология и право. 2018. № 1. С. 5. DOI: 10.17759/psylaw.2018080109

[9] См.: *Черновицкая Ю.В.* Коллективный субъект в науке: к вопросу об ответственности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2 (56). С. 93. DOI: 10.24866/1997-2857/2021-2/87-96

коллективного субъекта познания существует риск утраты целостного видения исследуемой реальности. Данная проблема считается фундаментальной и хорошо известна науке[10].

Коллективное познание и распределенное познание не являются понятиями тождественными. Относительно распределенного познания считается, что оно осуществляется коллективно и с одновременным распределением между различными участниками процесса познания когнитивных функций, когда, например, один участник воспринимает, второй фиксирует, третий анализирует события[11].

Легальная модель коллегиального рассмотрения дел ориентирована на коллективное познание, совместную оценку обстоятельств дела с учетом содержания норм законодательства. Однако существование в нормах законодательства и его официальных разъяснениях фигуры судьи-докладчика вкупе с большой нагрузкой, ложащейся на судей, могут превратить познание коллективное в познание распределенное. В его рамках анализ материалов дела и выделение из них наиболее существенных обстоятельств ляжет на судью-докладчика, а оценка их – на всю коллегию судей.

Насколько допустимо использование элементов распределенного познания в деятельности правоприменителя, в каких случаях использование соответствующих практик с целью уменьшения нагрузки на судей является допустимым с учетом закона и деловой этики – предмет для научной дискуссии на стыке нескольких отраслей социально-гуманитарных наук и целого ряда специальностей. Впрочем, думается, распределенное познание при коллегиальном рассмотрении дел уже стало частью сегодняшней реальности.

Коллективная познавательная деятельность юридического сообщества. Наш тезис, согласно которому результат единоличного рассмотрения дела судом является следствием коллективного познания действительности, также требует отдельных пояснений с учетом новейших достижений когнитивных наук (cognitive science), под которыми понимаются междисциплинарные направления исследований, связанные с получением, преобразованием, хранением и использованием знаний[12].

Группа научных специальностей «когнитивные науки» объединяет в себе междисциплинарные исследования когнитивных процессов, междисциплинарные исследования мозга, междисциплинарные исследования языка и когнитивное моделирование.

Сознание человека, а значит, и сознание правоприменителя – явление коллективное и индивидуальное. Об этом говорят не только философы и психологи, но и нейрофизиологи. Новая эра когнитивной нейробиологии связана с разработкой объяснительных теорий человеческого разума, признающих «общинный характер знаний» (“communal nature of knowledge”) и прямую зависимость того, что мы думаем, от того, что думают другие люди[13].

Есть веские основания утверждать, что для области юриспруденции избрание учёным конкретных (статистических) методов научной работы детерминировано основными количественными параметрами ведения исследований всем научным сообществом по соответствующей специальности (широтой сектора анализируемой правовой действительности и количеством лиц, работающих в соответствующей сфере)[14]. Иными словами, коллективное познание в области юриспруденции подтверждается сведениями, носящими объективный характер. Делом ближайшего будущего является многофакторный анализ больших данных (Big Data), нашедших отражение в различных судебных постановлениях, и проверка того, насколько коллективный разум влияет на решения по конкретным делам, а также проявляет себя в актах официального толкования права и при подготовке концепций развития законодательства.

Коллективное познание – явление, существующее в настоящем, но базирующееся на прошлом. «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» (англ. *“If I have seen further it is by standing on ye sholders of Giants”*) – известная фраза из письма Исаака Ньютона, написанного Роберту Гуку в 1676 г. Для представителей современной науки вопроса о коллективном характере познания не стояло ещё три с половиной века назад.

На потенциале использования коллективного разума при вынесении судебных актов отдельно останавливается М.И. Клеандров, показывающий сложность и многогранность данного явления и одновременно подчеркивающий особую значимость такого человеческого качества, как справедливость[15]. Проблема совести и справедливости звучит в работах, посвященных проблемам отправления правосудия, всё отчетливее[16]. Моделирование и обсуждение этических последствий вынесения любого, казалось бы, совершенно законного решения в коллективе имеет ряд преимуществ, поскольку уменьшает число ментальных конструкций, самостоятельная проверка использования которых на адекватность действительности практически невозможна. Очарование собственной идеей часто играет не на руку её автору и исполнителю.

Знания, которые мы берем за основу для поисков ответов на интересующие вопросы, могут происходить из самых разных источников, не связанных с непосредственным восприятием мира: заочного диалога (переписки и публикаций), совместных публикаций научных произведений с людьми, которых никогда не видели воочию.

Судебные акты зачастую базируются на письменных позициях сторон судопроизводства. Различные приемы юридического письма и современные программно-аппаратные средства дают суду возможность выбрать оптимальную форму изложения материала, руководствуясь соображениями целесообразности и законности, учитывая конкретные обстоятельства дела.

Нередко правоприменитель, мотивируя занятую позицию, воспроизводит текст документа той стороны, в пользу

---

[10] См.: *Пружинин Б.И.* «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2 (48). С. 108. DOI: 10.24866/1997-2857/2019-2/105-110

[11] См.: *Шиповалова Л.В.* Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 182. DOI: 10.5840/dspl20192460

[12] См.: *Пономаренков В.А., Курушин С.А., Бордакова А.Г.* Когнитивная юриспруденция: пути формирования и развития // Вопросы экономики и права. 2013. № 7. С. 11.

[13] См.: *Sloman S.A., Patterson R., Barbey A.K.* Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge // Frontiers in Systems Neuroscience. 2021. October. Vol. 15. Art. 675127. P. 11. DOI: 10.3389/fnsys.2021.675127

[14] См.: *Болдырев В.А.* Дисбаланс количественного соотношения юридических исследований: причины и следствия // Журнал росс. права. 2021. Т. 25. № 8. С. 140–155. DOI: 10.12737/jrl.2021.105

[15] См.: *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034-8

[16] См.: *Цветков Ю.А.* Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней // Государство и право. 2021. № 6. С. 145. DOI: 10.31857/S102694520015061-8

которой вынесен судебный акт. Иногда он пользуется возможностью взять за основу, использовать целиком или в части проект судебного акта, предложенного одной из сторон судопроизводства в полном соответствии с установленными правилами делопроизводства. А значит, решение, принятое в ходе правоприменения единолично в условиях правомерного влияния на него позиций иных участников юридического процесса, существенно подчинено закономерностям коллективного познания.

* * *

Деятельность правоприменителя, связанная с принятием решений, базируется не только на анализе законодательства и обстоятельств происшедшего, но и на их интерпретации лицами, участвующими в деле. Это означает, что познание действительности правоприменителем является не только коллективным, но и многоэтапным, многоуровневым, опосредованным. Связь результата рассмотрения дела с субъективной оценкой происшедших событий его участниками и предложенными версиями происходившего, а также появление новой научной парадигмы в когнитивной нейробиологии и эпистемологии, в рамках которых познание мира рассматривается как плод коллективной деятельности, позволяет поставить вопрос о необходимости уточнить научное и практическое понимание легального принципа непосредственности судебного разбирательства, в том числе с целью уточнения статуса судьи-докладчика, иных докладчиков дел в рамках существующих юридических процедур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева И.А., Цариценцева О.П.* Особенности профессионального выгорания федеральных судей // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. С. 2.
2. *Болдырев В.А.* Дисбаланс количественного соотношения юридических исследований: причины и следствия // Журнал росс. права. 2021. Т. 25. № 8. С. 140–155. DOI: 10.12737/jrl.2021.105
3. *Гиряева В.Н., Краненполь У.* Властелин процесса или лишь один из восьми? Влияние судьи-докладчика на практику судопроизводства Федерального конституционного суда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2011. № 4. С. 28.
4. *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034-8
5. *Корнев В.Н.* Феноменология судебного (юридического) решения // Государство и право. 2020. № 5. С. 52. DOI: 10.31857/S013207690009668-6
6. *Панина Т.П.* Право на участие в отправлении правосудия: модели и реальность // Вестник РПА. 2021. № 3. С. 102. DOI: 10.33874/2072-9936-2021-0-3-97-103
7. *Пономаренков В.А., Курушин С.А., Бордакова А.Г.* Когнитивная юриспруденция: пути формирования и развития // Вопросы экономики и права. 2013. № 7. С. 11.
8. *Попова Т.В., Калашникова А.С.* Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей // Психология и право. 2018. № 1. С. 5. DOI: 10.17759/psylaw.2018080109
9. *Посулихина Н.С., Козырева А.Б.* Альтернативные способы разрешения споров как мера снижения нагрузки на суды: сравнительно-правовое исследование (ч. 1) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 143. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149
10. *Пружинин Б.И.* «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2 (48). С. 108. DOI: 10.24866/1997-2857/2019-2/105-110
11. *Цветков Ю.А.* Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней // Государство и право. 2021. № 6. С. 145. DOI: 10.31857/S102694520015061-8
12. *Черновицкая Ю.В.* Коллективный субъект в науке: к вопросу об ответственности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2 (56). С. 93. DOI: 10.24866/1997-2857/2021-2/87-96
13. *Шарипова А.Р.* Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса // Государство и право. 2021. № 7. С. 115. DOI: 10.31857/S102694520009986
14. *Шиповалова Л.В.* Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 182. DOI: 10.5840/dspl20192460
15. *Шкалова Н.А.* Зарубежный опыт участия непрофессиональных судей в разрешении экономических дел // Государство и право. 2016. № 5. С. 112.
16. *Kranenpohl U.* Herr des Verfahrens oder nur Einer unter Acht? Der Einfluss des Berichterstatters in der Rechtsprechungspraxis des Bundesverfassungsgerichts // Zeitschrift für Rechtssoziologie. Stuttgart. 2009. H. 2. S. 135–163.
17. *Sloman S.A., Patterson R., Barbey A.K.* Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge // Frontiers in Systems Neuroscience. 2021. October. Vol. 15. Art. 675127. P. 11. DOI: 10.3389/fnsys.2021.675127

REFERENCES

1. *Belyaeva I.A., Tsaritsentseva O.P.* Features of professional burnout of federal judges // The world of science. Pedagogy and psychology. 2019. No. 5. P. 2 (in Russ.).
2. *Boldyrev V.A.* The imbalance of the quantitative ratio of legal research: causes and consequences // Journal of Russ. law. 2021. Vol. 25. No. 8. P. 140–155. DOI: 10.12737/jrl.2021.105 (in Russ.).
3. *Giryaeva V.N., Kranenpol U.* The master of the process or just one of the eight? The influence of the judge-speaker on the practice of judicial proceedings of the Federal Constitutional Court // Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. Abstract journal. 2011. No. 4. P. 28 (in Russ.).
4. *Kleandrov M.I.* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring justice // State and Law. 2021. No. 3. P. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034-8 (in Russ.).
5. *Kornev V.N.* Phenomenology of judicial (legal) decision // State and Law. 2020. No. 5. P. 52. DOI: 10.31857/S013207690009668-6 (in Russ.).
6. *Panina T.P.* The right to participate in the administration of justice: models and reality // Vestnik RPA. 2021. No. 3. P. 102. DOI: 10.33874/2072-9936-2021-0-3-97-103 (in Russ.).
7. *Ponomarenkov V.A., Kurushin S.A., Bordakova A.G.* Cognitive jurisprudence: ways of formation and development // Issues of economics and law. 2013. No. 7. P. 11 (in Russ.).
8. *Popova T.V., Kalashnikova A.S.* Scientific and practical recommendations for the prevention of emotional burnout in judges // Psychology and law. 2018. No. 1. P. 5. DOI: 10.17759/psylaw.2018080109 (in Russ.).
9. *Posulikhina N.S., Kozyreva A.B.* Alternative dispute resolution methods as a measure to reduce the burden on the courts: comparative legal research (part 1) // Lex russica. 2021. Vol. 74.

No. 8. P. 143. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.142-149 (in Russ.).

10. *Pruzhinin B.I.* "Collective subject" in the scientific tradition (philosophical and methodological notes) // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2019. No. 2 (48). P. 108. DOI: 10.24866/1997-2857/2019-2/105-110 (in Russ.).
11. *Tsvetkov Yu. A.* Game and logical paradoxes in justice: from King Solomon to the present day // State and Law. 2021. No. 6. P. 145. DOI: 10.31857/S102694520015061-8 (in Russ.).
12. *Chernovitskaya Yu. V.* Collective subject in science: on the issue of responsibility // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2021. No. 2 (56). P. 93. DOI: 10.24866/1997-2857/2021-2/87-96 (in Russ.).
13. *Sharipova A.R.* Convergence in procedural branches of law: perspectives of judicial law and criminal procedure // State and Law. 2021. No. 7. P. 115. DOI: 10.31857/S102694520009986 (in Russ.).
14. *Shipovalova L.V.* Distributed cognition – analytics and problematization of the concept // Digital scientist: laboratory of the philosopher. 2019. Vol. 2. No. 4. P. 182. DOI: 10.5840/dspl20192460 (in Russ.).
15. *Shkalova N.A.* Foreign experience of participation of non-professional judges in the resolution of economic cases // State and Law. 2016. No. 5. P. 112 (in Russ.).
16. *Kranenpohl U.* Herr des Verfahrens oder nur Einer unter Acht? Der Einfluss des Berichterstatters in der Rechtsprechungspraxis des Bundesverfassungsgerichts // Zeitschrift für Rechtssoziologie. Stuttgart. 2009. H. 2. S. 135–163.
17. *Sloman S.A., Patterson R., Barbey A.K.* Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge // Frontiers in Systems Neuroscience. 2021. October. Vol. 15. Art. 675127. P. 11. DOI: 10.3389/fnsys.2021.675127

Сведения об авторах

БОЛДЫРЕВ Владимир Анатольевич –
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия;
197046 г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич –
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия;
197046 г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5

Authors' information

BOLDYREV Vladimir A. –
Doctor of Law, associate Professor,
Professor of the Civil Law Department of the
North-West Branch
of the Russian State University of Justice;
5 Alexandrovsky Park,
197046 Saint Petersburg, Russia

SVARCHEVSKY Konstantin G. –
PhD in Law, associate Professor, Head of the Civil
Law Department of the North-West Branch of the
Russian State University of Justice;
5 Alexandrovsky Park,
197046 Saint Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 145–151
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 145–151

ВЕЩНОЕ ПРАВО В ОТРАЖЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

© 2022 г. Л. В. Щенникова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: civil_law402@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2022 г.

Аннотация. Активный поиск закономерностей развития вещно-правовых отношений для завершения начатой модернизации Гражданского кодекса РФ делает актуальным сравнительно-правовой анализ институтов зарубежного вещного права с отечественными аналогами. Автор, основываясь на публикациях зарубежных цивилистов, представляет новый взгляд на понимание вещного права, связавший цивилистику с геометрией. Излагает результаты поиска новой сущности права собственности и периодизации её социального роста. В орбите внимания находится поиск новых решений для гражданско-правового статуса животных, приобретающего всё более самостоятельный характер по сравнению с неодушевленными объектами, а также подходы к пониманию прав на биологический материал человека. Наконец, автор высказывает мнение по поводу новых относительно возможностей развития в современных экономических реалиях таких древних вещных прав, как сервитуты и эмфитевзис.

Ключевые слова: гражданское законодательство, вещное право, ограниченные вещные права, право собственности, сервитут, эмфитевзис, добросовестность, справедливость, объекты гражданских прав.

Цитирование: *Щенникова Л. В.* Вещное право в отражении зарубежной цивилистики // Государство и право. 2022. № 12. С. 145–151.

DOI: 10.31857/S102694520020674-2

PROPERTY LAW IN THE REFLECTION OF FOREIGN CIVIL LAW

© 2022 L. V. Shchennikova

Kuban State University, Krasnodar

E-mail: civil_law402@mail.ru

Received 15.06.2022

Abstract. The active search for the regularities of the development of real-legal relations to complete the modernization of the Civil Code of the Russian Federation makes the comparative legal analysis of the institutions of foreign real law with domestic analogues relevant. The author, based on the publications of foreign civilists, presents a new look at the understanding of property law, which connected civil law with geometry. Presents the results of the search for a new essence of property rights and the periodization of its social growth. In the orbit of attention is the search for new solutions for the civil status of animals, which is becoming more and more independent in comparison with inanimate objects, as well approaches to understanding the rights to human biological material. Finally, the author expresses his opinion about new opportunities for the development of such ancient property rights as easements and emphyteusis in modern economic realities.

Key words: civil legislation, property law, limited property rights, property right, easement, emphyteusis, good faith, justice, objects of civil rights.

For citation: *Shchennikova, L.V. (2022).* Property law in the reflection of foreign Civil Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 145–151.

Париж не изменился. Плас де Вож
по-прежнему, скажу тебе, квадратна.
Река не потекла еще обратно.
Бульвар Распай по-прежнему пригож.

И.А. Бродский[1]

Вещно-правовая тематика цивилистических исследований всегда была и остается актуальной с учётом места и роли данной подотрасли в системе гражданского права. В нашей стране история цивилистической мысли о вещных правах знает разные периоды, которые характеризовались как расцветом их видового разнообразия, так и почти полным отрицанием иных возможностей помимо единого и главенствующего права государственной социалистической собственности. Конец XX в., новейшая кодификация российского гражданского законодательства позволили восстановить исконную роль вещно-правового регулирования. Новые законодательные подходы дали мощный импульс развитию отечественных исследований в области вещного права. На созданном за четверть века научном фундаменте была задумана дальнейшая модернизация гражданского законодательства, посвященного вещным правам. Однако процесс принятия созданного Проекта разд. II «Вещное право» ГК РФ затянулся на десятилетия. Создавшуюся паузу в законотворческих работах, думается, можно рассматривать как шанс для дальнейшего усовершенствования нормативного материала, в том числе с учётом теории и практики вещно-правового регулирования за рубежом. Аксиоматично, что сравнительный анализ как метод является одним из ведущих в правовых исследованиях, в том числе в области цивилистики. Однако хочу подчеркнуть, что мы изучаем зарубежный опыт как образ, созданный в стихах И.А. Бродского, как символ и возможную идею. При этом для нас важна собственная традиция гражданско-правового регулирования, которая должна быть сохранена при всех современных и последующих его модернизациях. Знакомство с исследованиями зарубежных специалистов в области вещного права позволило выделить 10 постановочных проблем, которые рассматриваются учёными в качестве значимых для нынешнего периода развития цивилистической науки. Их последовательному рассмотрению и посвящена настоящая статья.

О трудностях законотворчества и постижения этой области гражданского права. Зарубежные учёные, в частности Омар Мадлум и Николетт Батлер, на основе опыта обучения правам принадлежности имуществ в Англии и Уэльсе рассуждают об особенностях их освоения студентами и начинающими свою карьеру юристами. Они приходят к выводу, что вещное право является базовой (фундаментальной) одновременно самой трудной для постижения областью права. Фундаментальность вещного права определяется связью с самым главным объектом гражданских прав – землёй. Именно земля, констатируют авторы, есть неотъемлемая часть нашей жизни, местом, где мы живём, работаем и отдыхаем. Одновременно земля выступает коммерческим товаром и предметом разнообразных сделок. Значением земли как условием выживания человека и определяется роль той области гражданского права, которая называется вещным правом. Нормы законов о вещных правах направлены на создание, защиту и последующую передачу законных прав на землю. Базовые вещно-правовые регуляторы необходимо сделать эффективными, и здесь важная роль отводится законотворческому процессу, который достаточно трудоёмкий. Одновременно этим же фактором объясняется трудность постижения выработанных нормативных регуляторов обучающимися.

В изложении основ вещного права нельзя, как считают авторы, увлекаться историческими предпосылками или т.н. историческим фоном предмета. Здесь важны практические аспекты собственности, в том числе акты передачи, процессы передачи заявлений в земельный кадастр. Важно всегда помнить, что в любом объекте недвижимости может одновременно находиться несколько интересов, каждый из которых представлен особым вещным правом. Процесс правоприменения вещно-правовых норм предполагает анализ всей системы складывающихся на их основе имущественных отношений. Вот почему для практического освоения вещного права необходимы сочетание экспериментального и проблемного обучения, совместная работа в группе. Любой конкретный опыт предполагает на практике активное экспериментирование, рефлексивное наблюдение, а также абстрактную концептуализацию. В заключение авторы формулируют вывод о том, что трудности создания нормативного и прецедентного регулирования, а также постижения вещного права с лихвой компенсируются успехом в практической их реализации, когда всякий интерес в имуществе (особенно в земельных ресурсах) оказывается надлежащим образом защищен[2].

О новом взгляде на понятие вещного права. Этот новый взгляд на понимание вещного права в своём исследовании предложила Эвелин Рамекерс, основываясь на законодательстве стран Европейского Союза. Вопрос понятия вещного права, доказано в публикации, является самым главным, ответ на который исчерпывающим образом дать достаточно сложно. Именно этот вопрос оказался самым малоизученным в науке гражданского права. Некоторые авторы склонны преуменьшать его значение, считая границы права вещного со смежными областями достаточно размытыми и даже несуществующими. Другие (Ван Эрп) предлагают упрощенные подходы, ограничиваясь утверждением, что вещное право – это право, касающееся вещей, при этом вещи могут быть осязаемыми (вещественными) и неосязаемыми (бестелесными). В рамках данного подхода Генри Смит обосновал архитектурную модель вещей, заключив, что вещное право есть право вещей модульных. Мак Фарлей в своём подходе вещное право назвал правом на использование вещей, при этом под вещами он предложил понимать объекты, которые материально расположены в определенном месте. Теория «использования» включила в себя два важных вопроса: кто имеет право вещью пользоваться? И как это использование должно осуществляться? Третья группа учёных, в частности Лоусон и Рудден, связали вещное право с категорией интереса. По их мнению, сущность вещного права определяет и защищает вполне конкретные виды интересов. В нём (вещном праве) определяются границы интересов и фокусируется механизм защиты их держателей.

Эвелин Рамекерс поставила целью своей научной разработки предложить такую модель вещного права, которая бы соответствовала характеристикам любой национальной правовой системы. В результате эта модель получилась «трансситемной», т.е. пригодной для каждого из 28 государств – членов ЕС, ибо в ней указывается на нормы, которые должны быть частью вещного права, но содержание этих норм не раскрывается. Предложенная модель получила условное название «системный куб». В основании куба закладываются объекты вещных прав. В зависимости от правовой системы они могут быть только материальными или включать нематериальные вещи. Вторая группа кубов, образующих измерение глубины, представляет содержание вещных прав. Поэтому чем больше

[1] См.: *Бродский И.А.* Власть стихий: эссе. СПб., 2010. С. 354.

[2] См.: *Butler N., Madhloom O.* Rethinking Property Law modules: putting theory into practice // The Law Teacher. 2016. Vol. 51. No. 1–13. P. 440–452. DOI: 10.1080/03069400.2016.1201746

кубов составляют это измерение, тем более обширным является вещное право. В верхней части «системного куба» располагаются элементы, представляющие размеры времени. Эта «размерность» отличает, например, право собственности от иных вещных прав. Первая характеризуется неограниченностью во времени, а иное, например, обеспечительное право обычно ограничивается периодом времени существования основного обязательства. Система куба, по мысли автора, связывает конкретное вещное право, названное «ядром», с правовой основой, его регулирующей и названной «операционной системой». Предложив достаточно оригинальный подход к пониманию вещного права, автор смогла ответить на вопрос о том, что представляет собой европейское вещное право. И общий вывод о его состоянии оказался неутешительным, ибо в нём очевидны многочисленные пробелы, которые предстоит заполнить[3].

О новых теориях (моделях права собственности), позволяющих глубже понять его сущность. Теорий права собственности в мире было создано великое множество, однако ни одна из них с абсолютной точностью не смогла раскрыть сущность этого права, обнажив огромные потенциальные возможности его влияния на социальное развитие общества. Законодатель традиционно формально упрощенно говорит об этом праве, используя метод перечня правомочий по возможному отношению лица к вещи (объекту права). Современная научная мысль[4] исходит из иных подходов к пониманию права собственности, пытаясь понять всё разнообразие его воздействия на взаимоотношения людей в обществе. Так, в XX в. была обоснована теория «пучка прав» собственности. Основа данного подхода была заложена в трудах Уэсли Хохвельда. В картине «пучка прав» демонстрировался отход от понимания собственности как права на вещь. В центр конструкции были помещены правоотношения между людьми. В результате собственность складывалась из простых возможностей лица, например, исключать кого-либо от использования своей земли, привилегии использовать её для выращивания урожая, строительства дома, или давать право прохода обладателю сервитута, или возможность проезда пожарной машины в случае необходимости тушения пожара. Предложенная теория знаменовала отход от понимания собственности как отношения лица к вещи, провозглашая её сущность в отношениях между людьми.

В реалиях XXI в. учёные ищут альтернативу «пучку прав», предлагая модульную теорию права собственности. В её основу закладываются интересы, которые имеют лица в использовании вещей, и средства, которые закон использует для защиты этих интересов. В результате право на исключительное владение рассматривается не само по себе, а как средство достижения целей, обусловленных истинными интересами собственника. Таким образом, авторы модульного подхода провозглашают собственность средством для достижения целей использования вещей, при этом субъект наделяется свободой реализации различных стратегий для достижения своей цели. Предложенные подходы, направленные на обслуживание интересов собственников, обеспечивают использование объектов наиболее эффективным способом. «Модульный» подход, по мысли создателей, должен позволить не только видеть структуру собственности, но и постигать механизм взаимодействия её частей. Право собственности здесь выступает рабочей конструкцией, требующей вложений и инновационных подходов, позволяющих добиваться эффективного использования имущества для реализации совокупности представленных в этом имуществе интересов. И если «пучковый» подход, заключают учёные, ориентирован на свободу судебного применения, то «модульный» отдает предпочтения творчеству законодателя, направленному на учёт интересов собственников при создании правореализационных механизмов.

О праве собственности в государстве всеобщего благосостояния. Не перестает беспокоить цивилистов проблема трансформации права собственности с развитием государственности в странах мира. Совершенствование формы государства, находящее отражение в конституционном законодательстве, с очевидностью не может не оказывать влияние на правовые режимы вещей и институты прекращения права собственности в гражданском законодательстве. XX век был ознаменован рождением доктрины социальной функции собственности, которая стала знаменем конституционной реформы во многих государствах. Основные законы государств, провозглашая социальное качество своего государства, не могли не воздействовать на консервативное гражданское законодательство, в котором стали корректироваться нормы об изъятии имущества, находящегося в частной собственности, в общественных интересах. Современный этап конституционного строительства, подчёркивает в своем исследовании Луиза Аззена, профессор Института публичного права Юридического факультета Пизанского университета, выдвигает идею государства «всеобщего благосостояния», а значит, поднимает вопрос и о новых задачах, возникающих перед гражданско-правовым регулированием. Именно гражданское законодательство, подчёркивает автор, призвано обеспечить новые социальные задачи, определяемые республиканской конституцией. Сегодня социальные характеристики институту собственности придает скорее «конституционная юриспруденция», нежели цивилистика и гражданские законы. Вот почему важно обозначить с помощью гражданско-правовой науки этапы «социального пути» права собственности. Пока же на практике меры экспроприационной компенсации определяются по старым критериям, в частности, заложенным ещё Декретом 28-92 «О восстановлении города Неаполя» 1885 г. Анализ судебной практики, в том числе Европейского Суда по правам человека, приводит автора к мысли о том, что построение государства «всеобщего благосостояния» потребует смены устоявшейся за долгие годы парадигмы. На смену максимальной защиты права собственности в соответствии с незыблемым принципом его неприкосновенности приходят решения, основанные на максимальной «жертве», которую может принести собственник. И этот путь, как представляется автору, не должен быть отдан на произвол усмотрения судебных инстанций. Соотношение неприкосновенности права собственности с его осуществлением в условиях функционирования государства «всеобщего благосостояния» должно быть чётко обозначено в новейшей цивилистической теории. Луиза Аззена в своём исследовании выразила обеспокоенность по поводу дальнейшего развития диалога между Конституционным судом Италии и ЕСПЧ в части защиты права собственности. Первый оказался не склонным становиться на путь максимальных жертв со стороны собственников, наоборот, выступил с призывом к определению такого размера возмещения, которое стало бы облегчением для «экспроприированных». Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что путь социального развития современных государств как никогда раньше требует установления разумного баланса частных и публичных интересов, в том числе посредством гражданско-правового регулирования[5].

[3] См.: *Ramaekers E.* What is Property Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 37. P. 588–617.

[4] См.: *Smith Henry E.* Property Is Not Just a Bundle of Rights // Econ Journal Watch. 2011. Vol. 8. No. 3. P. 279–291.

[5] См.: *Azzena L.* Dialogo tra Corti intorno al diritto di proprietà (Dialogue between Courts about the right to property) // Revista Brasileira de Estudos Políticos. 2020. No. 120. P. 319–339. DOI: 10.9732/P.0034-7191.2020V120P319

О подходах к пониманию ограниченных вещных прав. Понятие ограниченного вещного права не является легальным, поскольку не содержится в российском гражданском законодательстве. Оно предлагается цивилистической доктриной. В частности, профессор Е.А. Суханов подчеркивает их производный от права собственности характер, ограниченные, более узкие возможности субъекта по сравнению с содержанием права собственности, а также зависимость от права собственности как основного вещного права. Российская цивилистика предлагает под ограниченным вещным правом понимать «право в том или ином ограниченном, точно определенном законом отношений использовать чужое, как правило, недвижимое имущество в своих интересах без посредства его собственника (том числе и помимо его воли)»[6]. О другом взгляде на понимание ограниченного вещного права говорит Геррит Пиенаар в своём исследовании, опирающемся на южноафриканское гражданское законодательство и складывающуюся судебную практику. В общепринятом понимании ограниченного вещного права, говорит автор, оно производно и зависимо от права собственности. Образно говоря, право собственности провозглашается «матерью» иных прав, которые в качестве бремени к нему как бы прилагаются. В данном контексте право собственности позиционируется как право абсолютное, располагаемое на вершине, а все другие права и интересы на недвижимое имущество считаются по отношению к нему нижестоящими и в принципе временными. Такая модель понимания ограниченного вещного права получила название модели «ориентации на собственность». Однако наряду с этим в цивилистике аргументирован и иной подход, представленный «фрагментированной моделью прав использования». В этой модели отсутствует иерархия прав, право собственности не провозглашается самым сильным вещным правом, правовой титул и использование вещей чаще разделены, а обеспечение может основываться, в частности, на законодательстве. Фрагментированная модель получает всё большее признание, поскольку в ней ограниченные вещные права приобретают самостоятельный правовой статус. Таким образом, в условиях совершенствования конституционного законодательства абсолютность собственника либо отвергается, замечает Пиенаар, либо рассматривается как историческое преувеличение «даже в частноправовых отношениях». К новому теоретическому подходу подтолкнула цивилистов судебная практика, в частности практика Конституционного суда Южной Африки. Судебные инстанции столкнулись с необходимостью определения баланса интересов землевладельцев-собственников и арендаторов недвижимого имущества. Возникла проблема защиты прав арендаторов жилых помещений. И судебные инстанции склонились к уравновешиванию интересов сторон. Было подчеркнуто в принятых судебных актах, что право собственности должно рассматриваться как одно из многих других конкурирующих прав, а не позиционироваться как самое абсолютное и самое сильное право. Из рассмотренной практической ситуации возник теоретический вывод, заключающийся в том, что существенной характеристикой ограниченных вещных прав является неоснованность на праве собственности, а значит, производный и зависимый характер. Напротив, за ними был признан самостоятельный характер отдельных вещных прав, которые существуют независимо от права собственности на данное недвижимое имущество. В итоге предлагается под ограниченным вещным правом понимать право в линейной реальности, основанное на двух отношениях: во-первых, между лицом и вещью, означающее, что субъект находится в непосредственном отношении к осуществлению прав на вещь без взаимодействия с собственником; во-вторых, в отношениях с третьими лицами, включая самого собственника, которые должны уважать это самостоятельное право[7].

О перспективных направлениях развития сервитутного права. В условиях существования частной собственности на землю необходимым элементом вещно-правового регулирования является институт сервитутного права. Развитие строительной индустрии, в том числе подземной, ставит на повестку дня создание новых механизмов для урегулирования отношений собственников земли над и под её поверхностью. О проблемах гражданско-правового регулирования сервитутных отношений в связи с развитием вертикальной подземной застройки в Малайзии рассуждают в своём исследовании преподаватели Университета Ютара Малайзии Наджа Инани Абдул Джалиль и Аин Хусна Мохд Аршад[8].

Глобальная урбанизация и рост населения в этой стране привели к активизации строительной деятельности по использованию городского подземного пространства. Под землей стали располагаться не только объекты функциональной инфраструктуры, включающие трубопроводы, хранилища и системы эксплуатации энергии, но и транспортные сети, а также подземные центры отдыха. Действующее законодательство Малайзии допускает возможность одновременного существования вещных прав на наземные и подземные участки. Одновременное существование прав на землю на разных уровнях создает условия для развития новой разновидности сервитутов. Однако на пути к их установлению возникают объективные трудности. Дело в том, что в отличие от действующего в Российской Федерации законодательства законодательство Малайзии допускает только добровольный путь установления сервитутов, т.е. посредством заключения соответствующего договора. Договорный характер предполагает свободу участников в установлении прав и обязанностей, а также в решении вопроса о том, заключать ли соответствующий договор. На практике владельцы поверхностных участков не спешат вести переговоры и заключать обязывающие их к установлению сервитутов соглашения. И в этих условиях значимыми являются как доктринальная проработка, так и законодательное оформление решений, направленных на свободное и эффективное урегулирование отношений между собственниками-соседями. Что касается доктринальной основы, то всё больше сторонников приобретает подход, отрицающий исключительность прав собственника недвижимого имущества. Этот подход предполагает создание «круга общения» собственников, возложение на каждого из них социальных обязательств по включению друг друга в процессы использования недвижимого имущества. Новые теоретические воззрения требуют адекватного правового оформления. Соответственно, в нормах гражданского права владельцы смежных земельных участков должны получить эффективную защиту, при этом принцип добровольности, как считают ученые, должен быть сохранен. Помочь же в стимулировании участников к заключению договоров на установление сервитутов сможет специальное законодательство о компенсациях за использование чужих земель. Таким образом, подземная разработка земель, необходимость предоставления прав доступа (сервитутов) владельцами поверхностного строя на добровольных началах диктует необходимость в современных условиях выработки целостных юридических процедур и механизмов, обеспечивающих баланс интересов сторон

[6] Гражданское право: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2005. С. 146.

[7] См.: *Pienaar G.* The effect of the original acquisition of ownership of immovable property on existing limited real rights // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2016. Vol. 18. No. 5. P. 1479–1505.

[8] См.: *Jalil N.I., Arshad A.H.* Reconciliation of Right to Easement between Surface and Stratum Owner in Underground Development in Malaysia // Journal of Legal, Ethical and Regulatory. 2019. Vol. 22. No. 3.

собственников-соседей. В противном случае, в отсутствие эффективного законодательства о сервитутах может пострадать развитие строительной индустрии застройки подземного пространства городов.

О развитии правового статуса животных. Тенденцией развития гражданского законодательства является придание особого правового статуса животным. Сегодня уже считается недостаточной констатация в отношении животных того, что они являются вещами особого рода и, соответственно, требуют гуманного к себе отношения. Законодатели ряда государств, в том числе ФРГ и Швейцарии, склонны, как подчеркивает Виза Курки – научный сотрудник Хельсинкского университета, идти по пути «всё большего восприятия моральной ценности животных»[9]. Важный практический шаг в этом направлении был сделан во Франции посредством принятия Закона от 16 февраля 2015 г. № 177, который внёс соответствующие изменения в Гражданский кодекс Франции. Животные были признаны «разумными существами, хотя и с сохранением качеств продаваемого имущества»[10]. Герон Гордильо и Лилияам Ботто выделяют этапы развития законодательства Франции в отношении статуса животных. Первый этап исследователи связывают с принятием Закона о защите животных в 1850 г., которым запрещалось жестокое с ними отношение в общественных местах. Второй берет своё начало с конца XX в., когда в 1976 г. Кодекс сельского и морского рыболовства прямо признал животных разумными существами. Наконец, начало XXI в. было ознаменовано установлением уже в кодифицированном законе для животных некоего промежуточного статуса между людьми и вещами.

Следует отметить, что в отношении правового статуса животных в цивилистической науке уже долгие годы ведутся дискуссии. Ряд авторов считают, что животные должны быть защищены от жестокости во многих отношениях, но им не должно быть предоставлено «ничего похожего на юридическую личность». Другая группа учёных, напротив, требует, чтобы статус животных как объектов права был полностью отменен. Третья группа авторов отстаивает промежуточную позицию, утверждая, что за животными возможно сохранить статус объекта прав собственности, одновременно закрепив некоторые «сопутствующие» права. Наконец, высказываются мнения о целесообразности признания животных неличными субъектами права с вытекающей из этого статуса необходимостью учёта их интересов. В любом случае очевидна тенденция адаптации правового статуса животных к принятым в обществе социальным ценностям, в связи с чем за животными всё активнее признаются качества «чувствительности, разумности, своего интереса». Новый правовой статус животных, как считает Виза Курки, должен включать в себя по крайней мере пять следующих сущностных характеристик. Во-первых, запрет на удержание и использование животных для запрещенных целей. Во-вторых, действие в их отношении правила «не навреди». В-третьих, право животных на заботу о них. В-четверых, наличие условий для проживания (жилой площади). Наконец, владелец животного обязан обладать гражданской правосубъектностью, чтобы осуществлять необходимые вещные, обязательственные и процессуальные права, а также нести обязанности. Исследователи правового статуса животных, предвосхищая его эволюцию, допускают в недалеком будущем наделение животных качествами «юридического лица без правосубъектности».

О природе прав на человеческие органы и ткани (биологический материал). Торговля и другие экономические операции, связанные с биологическим материалом человека, считаются наиболее сложными и спорными в здравоохранении. Так, предметом споров были вопросы, связанные с трансплантацией почек, донорством спермы, созданием клеточных линий. Общеизвестен спор, рассмотренный в конце XX в. Верховным судом Калифорнии между Джоном Муром и преподавателями Калифорнийского университета. Подробности этого судебного дела были описаны в исследовании Джоан М. Гилмор[11]. Джон Мур страдал редкой формой лейкемии, в связи с чем в 1976 г. в качестве очередного этапа лечения ему удалили селезёнку. Кроме того, из организма Мура по указанию врачей были изъяты образцы крови, костного мозга и других веществ. Лечащие Мура доктора, будучи врачами-исследователями, сумели культивировать изъятые у больного пациента клетки и создать на их основе клеточную линию. Изъятый биологический материал оказался необычайно богат определенными химическими веществами иммунной системы, обладающими значительным потенциалом для использования в фармацевтике. На клеточную линию врачами в 1984 г. был получен патент, и началось активное её использование в коммерческих целях. Узнав о величине доходов медиков, Мур обратился с иском в суд с требованием о признании его права собственности и на клетки, и на созданную клеточную линию. Так, перед судами различных инстанций стал непростой вопрос о возможности признания права собственности на изъятый биологический материал. В конечном счете Верховный суд отказал Муру в удовлетворении его исковых требований. Акцент при решении вопроса о праве собственности был сделан не на нормах вещного, а на нормах патентного права. Кроме того, суд отметил, что в защите нуждаются здесь частная жизнь и достоинство человека, которые никак не укладываются в «квадратную дыру собственности». Суд подчеркнул, что клеточная линия является продуктом изобретения, иначе говоря, представляет собой нечто новое, отличное от клеток Мура.

Учёные склоняются к мысли о том, что специфика биологического материала человека делает более перспективной идею не вещных, а особых (телесных) на него гражданских прав. Под телесным правом Б. Бьоркман и С.О. Ханссон предложили понимать право, регулирующее привилегии человека в отношении собственного тела[12]. Одновременно учёные аргументировали основополагающие моральные принципы реализации данных прав. Первый принцип состоит в запрете использования биологических материалов человека без его информированного согласия. Второй ставит в зависимость решение вопроса об изъятии биологического материала человека от степени получения терапевтических (лечебных) преимуществ. Третий принцип определяет баланс интересов донора и реципиента. Значительные терапевтические преимущества реципиента не должны быть получены за счёт несоразмерного вреда донору. Четвертый принцип телесных прав запрещает эксплуатацию человека при использовании биологического материала. Показательным в данном случае может быть пример с одним художником, решившим создать скульптуру, полностью состоящую из мочек ушей человека и чеков, свидетельствующих, что они были куплены за 10 долл. за штуку. Так вот,

[9] *Kurki V.* Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington. 2017. Vol. 18. No. 5. P. 1069–1090.

[10] *Gordilho H., Botteau L.* The paths towards a new legal status for animals in France // Revista de Direito Civil Contemporâneo. 2021. Vol. 27. No. 8. P. 161–178.

[11] См.: *Gilmour J.* Our Bodies: Property Rights in Human Tissue // Canadian Journal of Law and Society. 1993. Vol. 8. Iss. 2. P. 113–138. DOI: 10.1017/S0829320100003197

[12] См.: *Björkman B., Hansson S.O.* Bodily rights and property rights // Journal of Medical Ethics. 2006. Vol. 32. P. 209–214.

покупка мочек ушей у отчаянно бедных, замечают исследователи, могла бы быть иллюстрацией использования биологического материала в эксплуататорских целях. Наконец, важной составляющей правового регулирования телесных прав должна быть справедливая и эффективная система распределения взятого биологического материала для терапевтических целей среди нуждающихся пациентов.

О перспективах эмфитевтического права. Россия стоит на пороге выбора модели ограниченного вещного права, которое наряду с правом собственности явилось бы эффективным инструментом, обеспечивающим разработку сельскохозяйственных земель. Проект разд. II «Вещное право» ГК РФ предложил законодателю возродить в России эмфитевзис. Однако в отечественной цивилистической науке эта конструкция, хотя и имеющая глубокие исторические корни, не была воспринята однозначно. Вот почему оценка эмфитевтического права со стороны коллег-цивилистов из других государств представляет несомненный научный интерес. Обратимся к размышлениям Татьяны Онате, Луизы Фернанды и Франциско Тернеров, посвященным данному вещному праву и перспективам его использования в Колумбии. Колумбия расположена на северо-западе Южной Америки. Страна характеризуется здоровой диверсифицированной экономикой, занимая по экономическому показателю 4-е место в Латинской Америке. В Колумбии богатые плодородные почвы, на которых выращивают хлопок, табак, рис, кукурузу и много разных других культур. Считается вторым государством в мире производителем кофе. Но, несмотря на очевидные успехи, в Колумбии озабочены проблемой создания эффективного механизма использования сельскохозяйственных земель. По статистике, из 42 млн га сельхозземель только 7 млн признаны эффективно обрабатываемыми. И причина тому – отсутствие на эти земли реальных, т.е. вещных, прав у их владельцев. Учёные из Колумбии в своём исследовании предложили многочисленные доказательства, свидетельствующие о пользе эмфитевзиса для эффективной обработки плодородных сельскохозяйственных земель. Законодательство Колумбии не предлагает развернутого регулирования этого вещного права. Имеются лишь «лаконичные» на него ссылки, позволяющие защитить «сеятелей» на чужой земле путем признания за ними права удержания в качестве обеспечительного права. Однако именно эмфитевзис, как считают авторы публикации, способен дать уверенность субъекту в длительности пользования землей и создать условия для крупных инвестиций в развитии сельского хозяйства. Цивилисты сформулировали основные тезисы, позволяющие определить сущностные характеристики данного права для последующего законодательного оформления исследуемой конструкции.

Первый тезис состоит в констатации реального, т.е. вещного, характера эмфитевтического права. Оно признается «синтетическим обозначением» неоднородной правовой реальности», включая как возможности субъекта по отношению к недвижимости, так и систему его правовых связей с другими членами общества, в том числе её собственником. Второй тезис связан с длительностью срока эмфитевтического права. В отличие от других прав обязательственного характера, например аренды, эмфитевзис предполагает установление сроков в 30 и 40 лет. Длительный срок необходим для того, чтобы эмфитевт смог компенсировать стоимость затрат, которые понесет в связи с целевым использованием предоставленных ему в обработку земель. Третий тезис характеризует свободу эмфитевта в пользовании, которая предполагает присвоение им плодов и доходов, полученных от сельскохозяйственной деятельности. В-четвертых, на эмфитевта возлагается обязанность по изменению свойств земли в сторону улучшения. Улучшения, подчеркивают авторы, лежат в основе эмфитевзиса. Все виды аграрных разработок должны быть направлены на совершенствование сельскохозяйственного производства, включая развитие плантаций сахарного тростника, винограда, кедра, производство дренажных работ. Наконец, сущностной характеристикой эмфитевзиса, по мнению авторов, должна быть предоставленная законом возможность передачи его по наследству. Таким образом, колумбийскими учёными эмфитевзис охарактеризован как полезное и эффективное для использования в сельском хозяйстве ограниченное вещное право, требующее своего закрепления в действующем гражданском законодательстве страны, обладающей богатыми плодородными почвами[13].

Об одном из аспектов понимания добросовестности и справедливости. Оценочные категории добросовестности и справедливости для действующего гражданского законодательства в Российской Федерации стали основополагающими результатами проведённой модернизации. Активно развивается и практика их применения российскими судами. В связи с этим может представлять интерес дело, рассмотренное судами Великобритании и связанное с разделом общей собственности, возникшей между сожителями. Итак, стороны начали отношения в 1980 г., купив для совместного проживания дом. Госпожа Джонс оплатила депозит и счета, а гражданин Кернотт регулярно давал ей деньги и сделал значительные улучшения в доме. Их отношения закончились в 1993 г., но попытка продать дом не удалась. Джонс продолжала проживать в доме, оплачивая все связанные с домом расходы, а Кернотт купил себе новый дом. Так продолжалось до 2006 г., когда Кернотт инициировал судебный процесс по делу о праве собственности на дом. Суд первой инстанции признал истца владельцем 10% дома. Большинство членов апелляционного суда постановили, что собственность должна быть разделена поровну. Верховный суд восстановил постановление суда первой инстанции. В своем решении Верховный суд опирался на оценочные категории добросовестности и справедливости. Суд посчитал необходимой степенью проявления добросовестности цели и первоначальный замысел, с каким лицо вступало в отношения, иными словами, изначальное намерение при покупке дома. Эти намерения, как подчеркнул суд, могут быть как очевидно выраженными, так и подразумеваемыми. Таким образом, вывод о вполне конкретных имущественных правах на дом необходимо было сделать исходя из выявленных намерений, которых на самом деле у сторон могло и не быть. Изученные факты привели большинство судей к выводу о том, что возможно вменить сторонам намерения разделить между сторонами дом в пропорции 90:10. Помимо добросовестности суды применили в данном деле и другой нравственный критерий, посчитав, что именно такой подход к определению пропорции долей в данном конкретном случае следует считать справедливым. Рассмотренный пример ещё раз подтверждает истину, которую И.А. Покровский выразил словами: «высокий нравственный и умственный ценз судьи». Таким образом, при всех иногда принципиальных отличиях национального законодательства это требование, предъявляемое к судьям, должно носить неизменно интернациональный характер.

* * *

Завершая сопоставительный анализ, можно заключить, что зарубежная цивилистика так же, как и отечественная, находится в постоянном поиске новых теоретических моделей

[13] См.: *Oñate T., Fernanda L., Francisco T.* By the law of emphyteusis: defense of a useful limited right // Rev. Boliv. de Derecho. 2018. No. 25. P. 320–341.

категориального вещно-правового аппарата. Интересен взгляд на вещное право, связавший цивилистику с геометрией. Любопытны результаты поисков новой сущности права собственности и периодизации её социального роста. Не лишен смысла вывод о самостоятельности ограниченных вещных прав в их сопоставлении с правом собственности, традиционно позиционируемым в качестве права сильного, находящегося на вершине иерархической лестницы. Нельзя не приветствовать поиск новых решений для гражданско-правового статуса животных, который всё более приобретает самостоятельный, по сравнению с неодушевленными объектами, характер. Вызывает одобрение подход к правам на биологический материал человека, которые рассматриваются как права особого рода, не подпадающие под режим права собственности и требующие для своей реализации создания целой системы нравственных принципов. Наконец, подтверждает зарубежная цивилистика и тенденцию активного развития в новых экономических условиях таких «древнейших» вещных прав, как сервитуты и эмфитевзис. Таким образом, проведенное исследование является ещё одним доказательством ключевой роли метода сравнительного анализа в познании закономерностей развития гражданско-правовой материи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродский И.А.* Власть стихий: эссе. СПб., 2010. С. 354.
2. Гражданское право: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2005. С. 146.
3. *Azzena L.* Dialogo tra Corti intorno al diritto di proprietà (Dialogue between Courts about the right to property) // Revista Brasileira de Estudos Políticos. 2020. No. 120. P. 319–339. DOI: 10.9732/P.0034-7191.2020V120P319
4. *Björkman B., Hansson S.O.* Bodily rights and property rights // Journal of Medical Ethics. 2006. Vol. 32. P. 209–214.
5. *Butler N., Madhloom O.* Rethinking Property Law modules: putting theory into practice // The Law Teacher. 2016. Vol. 51. No. 1–13. P. 440–452. DOI: 10.1080/03069400.2016.1201746
6. *Gilmour J.* Our Bodies: Property Rights in Human Tissue // Canadian Journal of Law and Society. 1993. Vol. 8. Iss. 2. P. 113–138. DOI: 10.1017/S0829320100003197
7. *Gordilho H., Botteau L.* The paths towards a new legal status for animals in France // Revista de Direito Civil Contemporâneo. 2021. Vol. 27. No. 8. P. 161–178.
8. *Jalil N.I., Arshad A.H.* Reconciliation of Right to Easement between Surface and Stratum Owner in Underground Development in Malaysia // Journal of Legal, Ethical and Regulatory. 2019. Vol. 22. No. 3.
9. *Kurki V.* Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington. 2017. Vol. 18. No. 5. P. 1069–1090.
10. *Oñate T., Fernanda L., Francisco T.* By the law of emphyteusis: defense of a useful limited right // Rev. Boliv. de Derecho. 2018. No. 25. P. 320–341.
11. *Pienaar G.* The effect of the original acquisition of ownership of immovable property on existing limited real rights // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2016. Vol. 18. No. 5. P. 1479–1505.
12. *Ramaekers E.* What is Property Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 37. P. 588–617.
13. *Smith Henry E.* Property Is Not Just a Bundle of Rights // Econ Journal Watch. 2011. Vol. 8. No. 3. P. 279–291.

REFERENCES

1. *Brodsky I.A.* The power of the elements: an essay. SPb., 2010. P. 354 (in Russ.).
2. Civil Law: in 4 vols. Vol. 2 / res. ed. E.A. Sukhanov. M., 2005. P. 146 (in Russ.).
3. *Azzena L.* Dialogo tra Corti intorno al diritto di proprietà (Dialogue between Courts about the right to property) // Revista Brasileira de Estudos Políticos. 2020. No. 120. P. 319–339. DOI: 10.9732/P.0034-7191.2020V120P319
4. *Björkman B., Hansson S.O.* Bodily rights and property rights // Journal of Medical Ethics. 2006. Vol. 32. P. 209–214.
5. *Butler N., Madhloom O.* Rethinking Property Law modules: putting theory into practice // The Law Teacher. 2016. Vol. 51. No. 1–13. P. 440–452. DOI: 10.1080/03069400.2016.1201746
6. *Gilmour J.* Our Bodies: Property Rights in Human Tissue // Canadian Journal of Law and Society. 1993. Vol. 8. Iss. 2. P. 113–138. DOI: 10.1017/S0829320100003197
7. *Gordilho H., Botteau L.* The paths towards a new legal status for animals in France // Revista de Direito Civil Contemporâneo. 2021. Vol. 27. No. 8. P. 161–178.
8. *Jalil N.I., Arshad A.H.* Reconciliation of Right to Easement between Surface and Stratum Owner in Underground Development in Malaysia // Journal of Legal, Ethical and Regulatory. 2019. Vol. 22. No. 3.
9. *Kurki V.* Animals, slaves, and corporations: analyzing legal thinghood // German law journal. Lexington. 2017. Vol. 18. No. 5. P. 1069–1090.
10. *Oñate T., Fernanda L., Francisco T.* By the law of emphyteusis: defense of a useful limited right // Rev. Boliv. de Derecho. 2018. No. 25. P. 320–341.
11. *Pienaar G.* The effect of the original acquisition of ownership of immovable property on existing limited real rights // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2016. Vol. 18. No. 5. P. 1479–1505.
12. *Ramaekers E.* What is Property Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 37. P. 588–617.
13. *Smith Henry E.* Property Is Not Just a Bundle of Rights // Econ Journal Watch. 2011. Vol. 8. No. 3. P. 279–291.

Сведения об авторе

ЩЕННИКОВА Лариса Владимировна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета;
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
ORCID: 0000-0002-1972-2287

Authors' information

SHCHENNIKOVA Larisa V. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Civil Law, Kuban State University;
149 Stavropolskaya str., 350040 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 152–157
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 152–157

ОСОБЕННОСТИ ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ

© 2022 г. А. В. Пушкина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.08.2022 г.

Аннотация. В статье определяется, что решения собраний в соответствии с законодательством нельзя рассматривать в качестве вида сделки, они являются самостоятельным типом правомерных действий, нацеленных на правовой результат (юридических актов). Вместе с тем возможно использование к ним норм о сделках по аналогии. Законодательство о решениях собраний развивалось постепенно. Сначала появилось специальное регулирование отдельных их видов, в 2013 г. в Гражданский кодекс РФ были включены нормы о решениях собраний. Тем не менее при их коллизии применяться должны специальные нормы, и это особенно важно при оспаривании решений собраний. Нормы Гражданского кодекса РФ в этом случае применяются, только если это не противоречит специальному регулированию.

Ключевые слова: решения собраний, недействительность, ничтожность, оспоримость, сделка, аналогия закона, правовая природа, гражданско-правовое сообщество, юридические факты, кворум.

Цитирование: *Пушкина А.В.* Особенности оспаривания решений собраний // Государство и право. 2022. № 12. С. 152–157.

DOI: 10.31857/S102694520023462-9

FEATURES OF CHALLENGING DECISIONS OF MEETINGS

© 2022 A. V. Pushkina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: ann-pushkina@yandex.ru

Received 15.08.2022

Abstract. The article defines that the decisions of meetings in accordance with the legislation cannot be considered as a type of transaction, they are an independent type of lawful actions aimed at a legal result (legal acts). At the same time, it is possible to apply rules on transactions by analogy to them. Legislation on the decisions of assemblies developed gradually. First, a special regulation of their individual types appeared, in 2013 the Civil Code of the Russian Federation included rules on decisions of meetings. Nevertheless, when they conflict, special rules must be applied, and this is especially important when challenging the decisions of meetings. The norms of the Civil Code of the Russian Federation in this case are applied only if this does not contradict special regulation.

Key words: decisions of meetings, invalidity, nullity, voidability, transaction, analogy of law, legal nature, civil law community, legal facts, quorum.

For citation: *Pushkina, A.V. (2022).* Features of challenging decisions of meetings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 152–157.

Правовая природа решений собраний вызывает дискуссии в научном сообществе. Правомерен вопрос: можно ли рассматривать решения собраний как один из типов сделок или они являются самостоятельным видом юридических фактов? Даже после того, как в 2013 г. в Гражданский кодекс РФ была включена гл. 9[1] «Решения собраний», у некоторых учёных оставались сомнения относительно ответа на данный вопрос. Ответ на него имеет большое практическое значение. Ведь если решения собраний являются видом сделок, то к ним можно напрямую применять общие нормы о сделках и их недействительности. Если же решения собраний являются самостоятельным типом юридических фактов, то нормы о сделках не имеют к ним отношения, и их можно применять только с использованием механизма аналогии закона.

До введения Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ[1] в Гражданский кодекс РФ гл. 9[1] большинство исследователей относили решения собраний к числу сделок. Например, в 2005 г. такого рода позицию высказывала Н.В. Козлова[2], в 2010 г. Т.В. Летута отмечала востребованность применения норм о сделках к решениям собраний[3]. Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева в 2012 г. также рассматривали решения объединений лиц как вид многосторонней сделки[4].

На первый взгляд введение в Гражданский кодекс РФ гл. 9[1] «Решения собраний» свидетельствовало о том, что их отграничили от сделок. Действительно, после принятия Федерального закона № 100-ФЗ распространенной стала позиция, согласно которой решение собраний является иным юридическим фактом, чем сделка. Подобную точку зрения высказывали В.В. Витрянский[5], В.К. Андреев[6], Ю.С. Харитонова[7], В.А. Лаптев[8].

Однако, по мнению других исследователей[9], после вступления в силу Федерального закона № 100-ФЗ проблема определения сущности решений собраний только усложнилась. К.И. Труханов[10], анализируя гл. 9[1], делает заключение, что решения собраний по-прежнему относятся к числу сделок. Особой разновидностью сделок считают решения собраний И.М. Шевченко[11], А.А. Клячин[12].

А. Громов и А. Егоров, анализируя новеллы ГК РФ о решениях собраний, полагают, что, поскольку решения собраний являются волевым действием участников гражданско-правового сообщества, им свойственны признаки сделок, и отмечают: «Учитывая это, к примеру, господствующее мнение немецкой доктрины признает решение одним из видов сделки»[13]. Но даже учёные, которые считают решения собраний сделкой, расходятся во мнении, к какому виду она относится: односторонней, многосторонней или к особому виду сделок.

Существует неопределенность и в вопросе о статусе гражданско-правового сообщества. Данное понятие появилось в эпоху реформирования гражданского законодательства и находится пока в стадии формирования. В соответствии с Гражданским кодексом РФ не любое собрание граждан может считаться гражданско-правовым сообществом, а только такое, о котором прямо сказано в законе, что его решения порождают гражданско-правовые последствия. Так, А.А. Сироткина негативно оценивает расширительное толкование гл. 9[1] ГК РФ, в соответствии с которым делаются попытки применения данных норм «к решениям родительских собраний, собраний наследников и членов общественных организаций»[14]. Об этом также пишет А.И. Бибиков[15].

В то же время перечень гражданско-правовых сообществ, наделенных правом принимать решения, имеющие юридические последствия, в соответствии со ст. 181[1] ГК РФ является открытым. Приведены несколько их примеров: сообщества участников юридического лица, сособственников, кредиторов при банкротстве. К сообществам участников юридического лица относится не только общее

---

[1] См.: Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2327.

[2] «Решение общего собрания двух и более учредителей о создании юридического лица можно квалифицировать как многостороннюю корпоративную сделку» (см.: *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005).

[3] См.: *Летута Т.В.* Некоторые аспекты оспаривания решений общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 7. С. 30–34.

[4] «Поскольку решение состоит из нескольких волеизъявлений, направленных на вызывание соответствующих их содержанию правовых последствий, оно не может быть не чем иным, как многосторонней сделкой» (см.: *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 30–50).

[5] См.: *Витрянский В.* Новеллы о сделках и решениях собраний // Хозяйство и право. 2016. № 1 (Приложение). С. 3–48.

[6] См.: *Андреев В.К.* Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3. С. 63–72.

[7] См.: *Харитонова Ю.С.* Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 24–26.

[8] Поддерживая данный подход, В.А. Лаптев отмечает, что «стирание грани между решениями собраний и сделками неизбежно нарушит единообразие судебной практики при разрешении корпоративных споров и споров, вытекающих из обязательственных отношений» (см.: *Лаптев В.А.* Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30–37).

[9] Так, А.Я. Рыженков пишет: «Вместе с тем ни ст. 181.1, ни вся глава 9.1 в целом не привнесли никакой принципиальной новизны в интерпретацию правовой природы и юридического значения решений собраний, и прежде всего не дали ответа на вопрос: если решения собраний действительно являются отдельным видом юридических фактов в гражданско-правовых отношениях, то в чем заключаются их существенные отличия от сделок?» (см.: *Рыженков А.Я.* Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62–66).

[10] См.: *Труханов К.И.* Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125–134.

[11] См.: *Шевченко И.М.* О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66–78.

[12] См.: *Клячин А.А.* Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2015. № 4. С. 60–67.

[13] *Громов А., Егоров А.* Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М., 2014. С. 129.

[14] *Сироткина А.А.* Решения собраний в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Судья. 2015. № 10. С. 26–31.

[15] Представляется верной точка зрения А.И. Бибикова, который полагает. что «любые... собрания лиц, не связанных гражданско-правовыми отношениями друг с другом или иным общим для них лицом (например, то же родительское собрание), даже предусмотренные законом (например, собрание работников организации – ст. 399 Трудового кодекса РФ, общее собрание членов РАН – ст. 11 ФЗ от 27.09.2013 № 253-ФЗ и др.), гражданско-правовыми сообществами не являются, и правила гл. 9.1 ГК РФ к ним применяться не могут» (см.: *Бибиков А.И.* Решения собраний как гражданско-правовой акт // Евразийская адвокатура. 2015 № 5. С. 32).

собрание, но и совет директоров, а также другие коллегиальные органы. Что касается сообществ сособственников, то более детальную регламентацию имеют решения собраний собственников помещений в многоквартирном доме или нежилом здании и решения собраний участников общей долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения. Законодательное регулирование получили также решения общего собрания владельцев облигаций[16] и иных сообществ.

В п. 103 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 под гражданско-правовым сообществом понимается определенная группа лиц, наделенная «полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений»[17].

Несмотря на то что Гражданский кодекс РФ не перечисляет все сообщества, решения которых могут иметь правовые последствия, необходимо прямое указание конкретного нормативного правового акта[18] на данное обстоятельство. В любой момент может быть принят нормативный правовой акт, придающий юридическую силу решениям иных видов гражданско-правовых сообществ. Специальный федеральный закон, регулирующий правовой режим решений собраний конкретного гражданско-правового сообщества, имеет приоритет перед общими нормами гл. 9^1 ГК РФ и подлежит применению в случае их коллизии.

Для того чтобы определиться в правовой природе решений собраний, прежде всего следует установить, какие категории субъектов правомочны принимать в них участие. Лиц, решения собраний которых подпадают под регулирование гл. 9^1 ГК РФ, можно разбить на две группы. Во-первых, это участники коллегиального органа юридического лица; во-вторых, члены иного гражданско-правового сообщества, решение которых имеет юридическую силу согласно закону. Некоторые исследователи полагают, что правовая природа решений этих двух видов собраний различна. Ведь когда решение принимает, например, Общее собрание какого-либо ООО, таким образом выражается воля юридического лица, складываются корпоративные правоотношения. Если же принимает решение, например, Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме, то оно выражает волю участников гражданско-правового сообщества, которое не является правосубъектным образованием. В данном случае правоотношения чаще всего квалифицируют как обязательственные.

Г.В. Цепов полагает, что «собрания участников неправосубъектных образований и собрания членов коллегиальных органов корпорации – разные правовые явления»[19]. Он рассматривает решение собраний первой из обозначенных групп лиц как акт корпорации (чаще всего сделку), а решения собраний второй группы считает многосторонними сделками между участниками гражданско-правового сообщества. С точки зрения Г.В. Цепова, введение единой категории «гражданско-правовое сообщество» для коллегиальных органов юридических лиц и неправосубъектных образований ведет к противоречиям. Но в то же время появление данной категории позволило установить особое правовое регулирование для решений собраний, потребность в котором назрела.

Представляется, что наиболее взвешенной среди многообразия точек зрения о правовой природе решения собрания является позиция, выраженная А.В. Ткачом следующим образом: «В системе юридических фактов решение собрания относится к числу юридических актов наряду со сделками, но сделкой не является»[20]. Это явствует и из места гл. 9^1 в системе Гражданского кодекса РФ, такая позиция отражена в Концепции развития гражданского законодательства[21], сформулировавшей основные идеи реформы.

Действительно, в решении собраний происходит не согласование воль его участников, как в сделке, а подчинение меньшинства воле большинства. Из данной особенности следует и специфика обжалования решений собраний. Поскольку правила Гражданского кодекса РФ об этом лаконичны и появились только в 2013 г., некоторые исследователи[22] считают возможным применять к решениям собраний нормы о сделках (гл. 9 ГК РФ) по аналогии. Это будет справедливее, чем применять к решениям собраний положения гл. 9 ГК РФ напрямую, рассматривая их в качестве разновидности сделок.

Однако другие авторы оценивают степень специфики решений собраний выше и полагают, что применение к ним норм о сделках возможно было лишь на первоначальном этапе формирования законодательства о данном виде юридического факта, который для Российской Федерации уже в прошлом[23].

В гл. 9^1 ГК РФ выделены два вида недействительности решений собраний – оспоримые и ничтожные, как и у сделок. Как отмечает Д.И. Степанов, «первоначальные версии двух базовых корпоративных законов исходили

---

[16] См.: ст. 29^8 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

[17] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[18] К нормативным правовым актам, регулирующим право гражданско-правового сообщества принимать решения, имеющие юридические последствия, относятся, в частности: Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; гл. 6 Жилищного кодекса РФ; Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

[19] *Цепов Г.В.* Дискуссионные вопросы ничтожности решений собраний участников хозяйственных обществ // Юрист. 2019. № 9. С. 36–40.

[20] *Ткач А.В.* Решение собрания как юридический факт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 102–107.

[21] См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

[22] См., напр.: *Громов А., Егоров А.* Указ. соч. С. 130, *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Указ. соч.

[23] Так, А.А. Кузнецов пишет: «Россия прошла практически тот же исторический путь, что и упомянутые иностранные правопорядки, для которых при отсутствии специального регулирования также на первом этапе (XIX в. – начало XX в.) было характерно обращение к аналогии с недействительностью сделок, затем установление общего иска об оспаривании решений, а потом и полноценное выделение норм о недействительности решений» (см.: *Кузнецов А.А.* Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сб. ст. к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А.А. Кузнецов. М., 2020. С. 199–271).

только из оспоримости решений собраний хозяйственных обществ»[24]. На возможность признания решения не имеющим юридической силы независимо от того, было оно оспорено кем-либо из участников или нет, впервые было указано в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 4, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 2 апреля 1997 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах"» (ныне утратило силу), затем данное понятие использовалось в п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда 2003 г. с таким же названием[25].

А.А. Маковская определяет его так: «Решение общего собрания акционеров, не имеющее юридической силы,– это... решение, которое формально было принято, но юридически не существовало и не существует, поскольку в нем не выражена воля»[26]. Если проводить аналогию со сделками, то решение, не имеющее юридической силы, можно расценивать как незаключённую или ничтожную сделку[27].

Принято считать, что договор считается незаключенным, если не согласовано хотя бы одно из существенных его условий. А последствиями незаключенности выступает возврат полученного по такой сделке по правилам о неосновательном обогащении. А.А. Кузнецов[28] полагает, что смыслом введения понятия «решения, не имеющего юридической силы» в упомянутых постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ было именно сделать возможным признавать решения несуществующими. Однако в силу неразработанности в доктрине данной категории под «решением, не имеющим юридической силы» стали вскоре понимать ничтожное, а не несуществующее решение. После введения гл. 9^1 в Гражданский кодекс РФ была законодательно закреплена возможность использования термина «ничтожность» по отношению к решениям собраний, и необходимость в применении понятия «решение, не имеющее юридической силы» отпала.

Допускается предъявление исков о признании недействительным не только оспоримого, но и ничтожного решения собрания, хотя ничтожное решение считается недействительным вне зависимости от признания его таковым судом. Применительно к сделкам изначально такого рода иски суды считали невозможными, но затем они вошли в практику. Теперь это стало использоваться и для решений собраний.

Гражданский кодекс РФ ограничивает круг лиц, имеющих право подавать исковое заявление об оспаривании решения собрания. Это может сделать только участник соответствующего гражданско-правового сообщества, не принимавший участия в голосовании либо голосовавший против принятия оспариваемого решения, а также лицо, чьё волеизъявление при голосовании было искажено.

При оспаривании решения иным субъектом, интересы которого нарушаются (например, ТСЖ, ассоциация ТСЖ, управляющая компания, арендаторы и наниматели), сложилась судебная практика по отказу в принятии такого искового заявления[29]. Однако, если решением собрания нарушаются права неопределенного круга лиц[30], с заявлением о его оспаривании могут обратиться орган жилищного надзора[31] или контроля, а также прокурор[32].

Однако в п. 106 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 содержится иное разъяснение: споры по требованиям о признании недействительным решения собрания подлежат разрешению судом «по заявлению любого лица, имеющего охраняемый законом интерес в таком признании». Данная позиция представляется более корректной, но во избежание разночтений можно было бы внести соответствующие изменения и в Гражданский кодекс РФ.

В.В. Степанов[33], анализируя судебную практику, определяет лиц, чаще всего привлекаемых в качестве ответчиков по искам об оспаривании решений собраний. К ним относятся инициаторы собраний, председатель, секретарь, члены счётной комиссии собрания, управляющие организации, в редких случаях – участники собрания. Представляется, что членов собрания имеет смысл привлекать в качестве ответчиков только в случае, когда их было менее 10 человек. В более крупных сообществах это может усложнить процесс.

Для обжалования решений собраний Гражданский кодекс РФ устанавливает сокращенный срок исковой давности – 6 месяцев с момента, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении своего права принятым решением. Если суд определит, что голосование истца не могло повлиять на его результаты и (или) решение почти не затронуло его права, то следует отказать в признании решения собрания недействительным.

Собрание может происходить в очной форме, дистанционно (например, с использованием видеоконференцсвязи) и заочно (обычно путём голосования по электронной почте). Для того чтобы решение было правомочным, необходим кворум (по общему правилу – не менее 50% от общего числа

---

[24] *Степанов Д.И.* Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М., 2021.

[25] См.: постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах"» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

[26] *Маковская А.А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 351–385.

[27] См.: Д.О. Тузов отмечает: «Закон содержит в рассматриваемой области весьма путаные и двусмысленные формулировки, не позволяющие ни установить, когда именно имеет место недействительность, а когда «незаключенность», ни понять, в чем состоит с юридической точки зрения разница между ними» (см.: *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007).

[28] См.: *Кузнецов А.А.* Указ. соч.

[29] См.: Информационное письмо Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах практики рассмотрения дел об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах» (утв. президиумом Свердловского областного суда 19.12.2018 г.).

[30] О.Н. Шеменева подчёркивает, что «представить информацию указанным органам и должностным лицам вправе любое лицо. В том числе и то, которому было отказано в принятии его искового заявления по причине того, что самостоятельным правом оспаривания решений общих собраний оно не обладает» (см.: *Шеменева О.Н.* Юридический интерес как предпосылка права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 45–48).

[31] См., напр.: Апелляционное определение Липецкого областного суда от 24.09.2018 г. по делу № 33-3302/2018.

[32] См., напр.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 13.03.2019 г. по делу № 33-3217/2019.

[33] См.: *Степанов В.В.* Особенности субъектного состава спора о недействительности решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 13–18.

участников соответствующего гражданско-правового сообщества – п. 1 ст. 181^2 ГК РФ). Указанное правило представляется не совсем корректным. Ведь один участник может иметь 50% голосов, а другой – один голос. Необходимо считать для определения кворума не число участников, а количество голосов, которыми он обладает при принятии решения.

Правила, предусмотренные специальным законодательством, совершеннее. Так, в п. 3 ст. 45 ЖК РФ предусмотрено, что собрание имеет кворум, «если в нем приняли участие собственники помещений в данном доме или их представители, обладающие более чем пятьюдесятью процентами голосов от общего числа голосов». Как отмечалось выше, к решениям общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме будут применяться специальные правила Жилищного кодекса РФ, но могут быть и иные гражданско-правовые сообщества, участники которых обладают разным количеством голосов, к которым придётся применять приведенные выше правила Гражданского кодекса РФ об определении кворума.

В Гражданском кодексе РФ не закреплены последствия недействительности решения собраний. Д.Н. Кархалев предполагает, что в данном случае «возможно применение правил о реституции (кондикции), когда в результате принятия незаконного решения собраний происходит утрата имущества участника или имущества самого сообщества (организации), причем без заключения сделок на основании этого незаконного решения»[34]. Например, в практике арбитражных судов встречаются случаи применения последствий недействительности решения собрания в виде признания недействительным соответствующего решения Инспекции ФНС, на основании которого в Единый государственный реестр юридических лиц была внесена запись о регистрации нового участника общества[35].

Хотя ст. 12 ГК РФ и относит признание недействительным решения собрания к способам защиты гражданских прав, нередко этого недостаточно для защиты прав участника гражданско-правового сообщества. Ведь на основании решения собрания может быть заключена сделка, принят другой акт органа юридического лица, выпущены эмиссионные ценные бумаги, внесены изменения в устав организации, виндицировано имущество и т.п. В таком случае для защиты прав участника гражданско-правового сообщества, помимо предъявления иска о признании недействительным решения собрания, необходимо заявить дополнительные требования соответствующего характера.

* * *

Таким образом, решение собраний является правомерным действием, разновидностью юридического акта наряду со сделками, административными актами и судебными решениями. Представляется, что применение к решениям собраний правил о сделках по аналогии в некоторых ситуациях допустимо, хотя усмотрение суда при этом не должно быть беспредельным. Признание недействительным решения собраний нередко является действенным способом защиты гражданских прав. Однако иногда могут потребоваться дополнительные правовые средства для восстановления прав лица, нарушенных решением собрания.

[34] *Кархалев Д.Н.* Признание решений собраний недействительными // Росс. юстиция. 2017. № 3. С. 8–10.

[35] См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2021 г. № Ф06-31622/2018 по делу № А55-29188/2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев В.К.* Решения собраний // Цивилист. 2013. № 3. С. 63–72.
2. *Бибиков А.И.* Решения собраний как гражданско-правовой акт // Евразийская адвокатура. 2015. № 5. С. 32.
3. *Витрянский В.* Новеллы о сделках и решениях собраний // Хозяйство и право. 2016. № 1 (Приложение). С. 3–48.
4. *Громов А., Егоров А.* Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М., 2014. С. 129, 130.
5. *Кархалев Д.Н.* Признание решений собраний недействительными // Росс. юстиция. 2017. № 3. С. 8–10.
6. *Клячин А.А.* Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2015. № 4. С. 60–67.
7. *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005.
8. *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 30–50.
9. *Кузнецов А.А.* Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сб. ст. к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А.А. Кузнецов. М., 2020. С. 199–271.
10. *Лаптев В.А.* Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30–37.
11. *Летута Т.В.* Некоторые аспекты оспаривания решений общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 7. С. 30–34.
12. *Маковская А.А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 351–385.
13. *Рыженков А.Я.* Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62–66.
14. *Сироткина А.А.* Решения собраний в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Судья. 2015. № 10. С. 26–31.
15. *Степанов В.В.* Особенности субъектного состава спора о недействительности решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 13–18.
16. *Степанов Д.И.* Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М., 2021.
17. *Ткач А.В.* Решение собрания как юридический факт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 102–107.
18. *Труханов К.И.* Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125–134.
19. *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007.
20. *Харитонова Ю.С.* Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 24–26.
21. *Цепов Г.В.* Дискуссионные вопросы ничтожности решений собраний участников хозяйственных обществ // Юрист. 2019. № 9. С. 36–40.
22. *Шевченко И.М.* О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66–78.

23. *Шеменева О.Н.* Юридический интерес как предпосылка права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 45–48.

REFERENCES

1. *Andreev V.K.* Decisions of meetings // Tsivilist. 2013. No. 3. P. 63–72 (in Russ.).
2. *Bibikov A.I.* Decisions of meetings as a civil law act // Eurasian Advocacy. 2015. No. 5. P. 32 (in Russ.).
3. *Vitryansky V.* Short stories about transactions and decisions of meetings // Economy and law. 2016. No. 1 (Appendix). P. 3–48 (in Russ.).
4. *Gromov A., Egorov A.* Practical commentary on the first and second blocks of amendments to the Civil Code of the Russian Federation. The most significant amendments. M., 2014. P. 129, 130 (in Russ.).
5. *Karkhalev D.N.* Recognition of decisions of meetings as invalid // Russ. justice. 2017. No. 3. P. 8–10 (in Russ.).
6. *Klyachin A.A.* The decision of the meeting as a legal fact in corporate law // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2015. No. 4. P. 60–67 (in Russ.).
7. *Kozlova N.V.* Legal personality of a legal entity. M., 2005 (in Russ.).
8. *Krasheninnikov E.A., Baigusheva Yu. V.* Unilateral and multilateral transactions // Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 7. P. 30–50 (in Russ.).
9. *Kuznetsov A.A.* Challenging decisions of general meetings of participants (shareholders) // Corporate law in anticipation of changes: collection of Articles to the 20th anniversary of the Law on LLC / res. ed. A.A. Kuznetsov. M., 2020. P. 199–271 (in Russ.).
10. *Laptev V.A.* Decisions of meetings and transactions: legal regime and differences // Lawyer. 2016. No. 2. P. 30–37 (in Russ.).
11. *Letuta T.V.* Some aspects of challenging decisions of the general meeting of shareholders // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. No. 7. P. 30–34 (in Russ.).
12. *Makovskaya A.A.* Legal consequences of invalidity of decisions of the General Meeting of Shareholders and the Board of Directors of the joint-stock company // Invalidity in Civil Law: problems, trends, practice: collection of articles / res. ed. M.A. Rozhkova. M., 2006. P. 351–385 (in Russ.).
13. *Ryzhenkov A. Ya.* Decisions of meetings as a legal fact in business law // Journal of Business and Corporate Law. 2021. No. 1. P. 62–66 (in Russ.).
14. *Sirotkina A.A.* Decisions of meetings in explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application by courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Judge. 2015. No. 10. P. 26–31 (in Russ.).
15. *Stepanov V.V.* Features of the subject composition of the dispute on the invalidity of decisions of general meetings of owners of premises in an apartment building // Arbitration and civil process. 2020. No. 7. P. 13–18 (in Russ.).
16. *Stepanov D.I.* Invalidity of corporate decisions: articles on problematic issues. M., 2021 (in Russ.).
17. *Tkach A.V.* The decision of the assembly as a legal fact // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 7. P. 102–107 (in Russ.).
18. *Trukhanov K.I.* Decisions of assemblies – a new category in the Civil Code of the Russian Federation // Law. 2013. No. 10. P. 125–134 (in Russ.).
19. *Tuzov D.O.* The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition. M., 2007 (in Russ.).
20. *Kharitonova Yu. S.* Invalidity of decisions of meetings and transactions: points of intersection // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 5. P. 24–26 (in Russ.).
21. *Tsepov G.V.* Debatable issues of the nullity of decisions of meetings of participants of business companies // Lawyer. 2019. No. 9. P. 36–40 (in Russ.).
22. *Shevchenko I.M.* On some issues of challenging decisions of creditors' meetings in bankruptcy cases // Law. 2020. No. 9. P. 66–78 (in Russ.).
23. *Shemeneva O.N.* Legal interest as a prerequisite for the right to appeal to the court with an application to challenge decisions of general meetings of owners of residential premises // Family and Housing Law. 2021. No. 6. P. 45–48 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПУШКИНА Анна Викторовна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PUSHKINA Anna V. –
PhD in Law, senior research, Procedural Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 158–163
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 158–163

ЗАЩИТА ПРАВА ПЕДАГОГА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

© 2022 г. Л. В. Борисова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.07.2022 г.

Аннотация. В статье обозначены проблемы, для решения которых, с точки зрения автора, необходим поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов в сфере защиты права педагога на частную жизнь.
Показана негативная сторона размещения профилей преподавателей вузов и их оценки студентами и иными лицами на сайтах отзывов в сети Интернет. Доказано, что комплексным решением этой проблемы и защиты права на неприкосновенность частной жизни преподавателей могла бы быть деанонимизация пользователей в сети Интернет, позволяющая по запросу компетентных органов установить пользователя, который совершил незаконные действия на сайте.
Особое внимание уделено проблеме поиска сбалансированности и универсальности требований к такому элементу индивидуального облика педагога, как его одежда. Отмечена необходимость проработки вопроса о распространении требований Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в отношении общего внешнего облика педагогов в сфере дошкольного, начального, основного, среднего общего образования.

Ключевые слова: педагог, учитель, преподаватель, защита, частная жизнь, индивидуальный облик, персональные данные, сайт отзывов, Интернет.

Цитирование: *Борисова Л. В.* Защита права педагога на частную жизнь: поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов // Государство и право. 2022. № 12. С. 158–163.

DOI: 10.31857/S102694520023463-0

PROTECTING OF THE TEACHER'S RIGHT TO PRIVATE LIFE: SEARCH FOR THE OPTIMAL BALANCE OF PERSONAL AND PUBLIC INTEREST

© 2022 L. V. Borisova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Received 27.07.2022

Abstract. The article outlines the problems, for the solution of which, from the point of view of the author, it is necessary to search for the optimal balance of personal and public interests in the field of protecting the teacher's right to private life.
The negative side of posting profiles of university professors and their evaluation by students and other persons on review sites on the Internet is shown. It is proved that a comprehensive solution to this problem and the protection of the right to privacy of teachers could be the deanonymization of users on the Internet, which allows, at the request of the competent authorities, to identify the user who committed illegal actions on the site.
Particular attention is paid to the problem of finding a balance and universality of requirements for such an element of the teacher's individual image as his clothes. The need to study the issue of disseminating the requirements of the Federal Law "On the protection of children from information harmful to their health and development" in relation to the general appearance of teachers in the field of preschool, primary, basic, secondary general education was noted.

Key words: pedagogue, teacher, lecturer, protection, private life, individual appearance, personal data, review site, Internet.

For citation: *Borisova, L.V. (2022).* Protection of the teacher's right to private life: search for the optimal balance of personal and public interests // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 158–163.

Педагог – профессия уникальная. Она требует от ее носителя не только прочности знаний, чувства социальной ответственности, самообладания и выдержки, но и моральной чистоты, т.е. соответствия определенному нравственному идеалу, который общество готово воплотить в своих детях. Как отметил педагог-гуманист Я.А. Коменский, педагог должен быть «в одежде – образцом красоты, в деятельности – примером бодрости и трудолюбия, в поведении – скромности и благонравия, в речах – искусства разговора и молчания», то есть быть идеалом нравственности, причем не только в общественной, но в частной жизни»[1].

Несомненно, учитывая место и функции педагога не только в обучении, но и в воспитании подрастающего поколения, российское общество всегда предъявляло высокие требования к его профессиональным и личностным качествам, нравственной культуре и внешнему облику. Однако ослабевший с 1990-х годов престиж данной профессии не восстановлен и не соответствует ее социальной значимости. Общественный деятель И. Волынец по этому поводу справедливо заметила, что в России профессия педагога низкооплачиваема, непривлекательна и даже опасна: его могут избить, на него можно пожаловаться или уволить за фото, «которое кому-то из родителей показалось фривольным»[2].

Так, в Интернете обсуждаются получившие широкий общественный резонанс случаи увольнения учителей российских школ за размещение на своих страничках в социальных сетях фото в купальнике или халате[3], за видео для соцсети TikTok[4], покупку в магазине бюстгальтера[5] или совмещение работы учителя с работой фитнес-тренера или модели и др.[6]

Личная жизнь педагогов нередко обсуждается и на т.н. сайтах отзывов о преподавателях высших учебных заведений: Мой препод[7], Профессор Рейтинг[8], Студзона[9] и др., на которых студенты и иные пользователи оставляют свои анонимные оценки и комментарии, зачастую оскорбительные. Хотя, как указывают их создатели, основная цель сайтов – повышение качества образования и оптимизации учебного процесса. На практике в большинстве случаев оценки носят явно предвзятый характер и используются для безнаказанного сведения личных счетов. В результате имеет место конфликт между требованиями общества к педагогу согласно высоким стандартам нравственности и его правом на частную жизнь, которая, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, включает в себя область жизнедеятельности, имеющую отношение только к отдельному лицу и не подлежащую контролю со стороны государства и общества[10].

Экспертным сообществом высказываются различные, зачастую противоположные точки зрения об уровне требований к педагогу вне его профессиональной деятельности. Многие представители этой профессии, выступая в защиту частной жизни, утверждают, что «педагоги – тоже люди» и вправе самостоятельно определять границы своего поведения в частной жизни с точки зрения личного мировоззрения, воспитания и морали[11].

Тем не менее представители Министерства просвещения РФ обратили внимание на необходимость «соотнесения педагогами каждого своего действия, касающегося личной жизни, с тем, что на него будут смотреть его подопечные»[12]. В связи с этим Минпросвещения России совместно с Общероссийским профсоюзом образования было подготовлено и 20 августа 2019 г. принято Примерное положение о нормах профессиональной этики педагогических работников[13], в котором особое место отведено защите неприкосновенности их частной жизни, но в то же время рекомендовано воздержание от размещения в сети Интернет, в местах, доступных для детей, информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (п/п. «ж» п. 3).

Учитывая особый статус педагогических работников, принятие соответствующих норм является важным шагом на пути установления оптимального соотношения интересов общества и поведения педагогических работников в доступных для детей местах в сети Интернет и их частной жизни.

В судебной практике имеются случаи привлечения к ответственности педагогов за размещение на своих страницах в социальной сети в открытом доступе фотографий или ссылок на видео порнографического содержания, с нецензурной лексикой, пропагандой алкогольных напитков или наркотических средств и др.

---

[1] *Чечет В.В.* Педагогика в афоризмах и изречениях. 3-е изд., перераб. и доп. Минск, 2013. С. 76.

[2] Увольнение учителя спортивной школы. URL: https://mfc74.ru/bankrotstvo/uvolnenie-uchitelya-sportivnoj-shkoly.html (дата обращения: 06.07.2022).

[3] См.: *Шлёнская К.* Учительница лишилась работы из-за фото в купальнике. URL: https://medialeaks.ru/2503xsh-uchitelnitsa-iz-barnaula/ (дата обращения: 05.07.2022).

[4] См.: *Лялин Р.* «Мое фото в халате приравняли к интиму». Учительница в Петербурге уволилась из школы после скандала из-за ее роликов в TikTok // Комсомольская правда, Санкт-Петербург. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/27251/4382155/ (дата обращения: 06.07.2022).

[5] См.: *Балоян А.* Разъяренные родители потребовали уволить учительницу за покупку бюстгальтеров. URL: https://www.woman.ru/news/v-ulyanovske-roditeli-potrebovali-uvolit-uchitelnicu-za-pokupku-byustgalterov-id478533/ (дата обращения: 06.07.2022).

[6] См.: *Чернова Е.* Тебя уволят за твой Инстаграм! Имеют ли право учителя вести личные соцсети? URL: https://www.woman.ru/psycho/tebya-uvolyat-za-tvoi-instagram-imeyut-li-pravo-uchitelya-vesti-lichnye-socseti-id664730/ (дата обращения: 07.07.2022).

[7] См.: URL: https://myprepod.ru/

[8] Ресурс недоступен.

[9] См.: https://studzona.com/teacher

[10] См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 г. № 15-П; определения: от 16.07.2013 г. № 1217-О, от 22.12.2015 г. № 2906-О.

[11] См.: *Сомова О.* Интернет-этика для учителей // Ставропольские ведомости. URL: http://st-vedomosti.ru/content/интернет-этика-для-учителей (дата обращения: 07.07.2022).

[12] Минпросвещения: педагоги имеют право на личную жизнь. URL: https://tass.ru (дата обращения: 07.07.2022).

[13] См.: URL: https://docs.cntd.ru/document/561100358 (дата обращения: 08.07.2022).

Так, например, Московский городской суд признал законным увольнение из школы педагога дополнительного образования на основании п. 8. ч. 1 ст. 81 ТК РФ за размещение в сети Интернет при отсутствии пароля доступа своих фотографий откровенного содержания, на которых присутствовали элементы насилия в виде плетки, оружия, а также элементы нацистской символики и порнографии[14]. По другому аналогичному делу суд расценил действия по размещению учителем истории в открытом доступе в сети Интернет своих фото с оголенным торсом, спиртными напитками в руках и оружием как совершение аморального поступка, способного сформировать у своих учеников и обучающихся иных образовательных организаций пример недостойного поведения[15].

Очевидно, оправданность указанного ограничения и вмешательства в частную жизнь педагогов вызвана настоятельной потребностью общества в охране интересов несовершеннолетних детей, которые склонны впитывать все тонкости поведения учителя. И все же, как представляется, действующее законодательство и нормы профессиональной этики педагогов позволяют решить далеко не все проблемы, в которых важно установить оптимальное соотношение интересов общества в лице образовательных организаций, обучающихся детей, их законных представителей и т.д. и педагога в такой сугубо частной сфере, как личная жизнь. Как прозорливо отметил профессор Н.М. Коршунов, надлежащая защита прав и свобод человека может быть достигнута только наиболее оптимальным, т.е. благоприятным, соотношением частных и публичных интересов, когда они в полной мере находят свою защиту, но при этом в своей реализации не вредят друг другу[16].

Обозначенное оптимальное соотношение частных и общественных интересов рассмотрим на примере защиты права на частную жизнь, включающего защиту персональных данных, изображения, чести и достоинства и др., преподавателей вузов и учителей общеобразовательных организаций (школ) в двух аспектах.

Первый аспект, где, по нашему мнению, необходимо определить такое оптимальное соотношение, связан с размещением профилей и оценкой студентами и иными лицами преподавателей вузов на сайтах отзывов в сети Интернет.

В практике отечественного образования студент долгое время рассматривался как объект обучения и его участие в оценке профессиональных качеств преподавателей не допускалось. Первая анкета, содержащая перечень профессиональных и личных качеств преподавателя, подлежащих оценке, была принята Минвузом в 1987 г. Но, поскольку анкетирование проводилось анонимно, в научных дискурсах тех лет обсуждались этические моменты такой оценки. Критически оценивалось то, что студент дает оценку преподавателя анонимно, а это приучает его к «кулуарному обсуждению качеств преподавателя, к сплетням»[17].

Сегодня в России аналогично опыту зарубежных государств, например США, где система оценки качества преподавания широко применяется с 1920-х годов[18], анонимная оценка студентами преподавателей на соответствующих сайтах отзывов является неотъемлемой частью студенческой жизни. По мнению экспертов, применение подобных оценок призвано выполнить три основные функции: информационную – сбор информации о качестве преподавания, мониторинг удовлетворенности услугой потребителя; мотивационную – стимулирование преподавателей качественно готовиться к занятиям и доносить материал; стимулирующую – использование результатов оценивания в системе надбавок к заработной плате преподавателей[19].

Разумеется, система менеджмента качества образования предполагает обратную связь со студентами и доведение до общественности объективной информации о качестве оказываемых образовательных услуг. Тем не менее многие сайты отзывов, несмотря на декларируемые функции, по факту их не выполняют и служат отрицательной цели. Изображения и персональные данные (имя, фамилия, отчество, место работы, должность) размещаются на таких сайтах помимо воли преподавателей. Комментарии анонимных авторов в их адрес нередко содержат нецензурные высказывания и оскорбления на почве расовой или национальной принадлежности, раскрывают сведения о семейной жизни и др., что нарушает неприкосновенность частной жизни данных педагогов, а также, как указано в одном из определений Верховного Суда РФ, «право жить уединенно, не привлекая к себе нежелательного внимания»[20].

Следует, однако, отметить, что действующее законодательство содержит определенные способы, позволяющие защитить частную жизнь преподавателей от соответствующих неправомерных действий. Например, возможно привлечение нарушителей к административной (ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ) или уголовной ответственности (ст. 128^1 «Клевета» УК РФ). В досудебном порядке преподаватель вправе обратиться к администратору (владельцу) сайта отзывов с требованием удалить его профиль, а в случае отказа – в суд с гражданским иском о возложении на сайт обязанности прекратить обработку персональных данных, удалить профиль и даже компенсировать моральный вред, в том числе за отказ от добровольного удовлетворения требований.

В 2019 г. аналогичное дело рассматривалось Верховным Судом РФ, который в определении от 12 ноября 2019 г. № 14-КГ19-15[21] указал на ошибки судов при рассмотрении дел данной категории и обратил внимание на необходимость поиска баланса между двумя конкурирующими между собой правами: правом на распространение информации на сайтах отзывов и правом на защиту частной жизни граждан. С этой целью Верховный Суд РФ предложил перечень критериев, которые, как представляется, с целью обеспечения единства

[14] См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 04.03.2019 г. по делу № 33–8271/2019 // Сайт Мосгорсуда // https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 07.07.2022).

[15] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2019 г. № 33–10251/2019 // Там же.

[16] См.: *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 21.

[17] *Ягудина Л.Р.* Оценка преподавателей студентами как инструмент обеспечения качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 7. С. 262–276.

[18] См.: *Подымова Т.* Могут ли студенты судить о работе преподавателей? URL: https://pandia.ru/text/78/519/35636.php (дата обращения: 12.07.2022).

[19] См.: *Ягудина Л.Р.* Указ. соч. С. 265, 266.

[20] См.: Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2019 г. № 14-КГ19-15 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12112019-n-14-kg19-15-2-279418/ (дата обращения: 12.07.2022).

[21] См.: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12112019-n-14-kg19-15-2-279418/ (дата обращения: 12.07.2022).

судебной практики следовало бы обозначить на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ:

1) общественная потребность в обсуждении распространяемой на сайте отзывов информации. Как следует из определения № 14-КГ19-15, обязанность проверки качества оказываемых образовательных услуг не исключает потребности общества в обсуждении этих вопросов, включая сбор отзывов о преподавателях и опубликование этих сведений. Между тем объем информации, включая персональные данные, способ получения и распространения этой информации должны быть соотнесены с правом преподавателя на защиту частной жизни;

2) общественный интерес в обсуждении деятельности конкретного преподавателя – является ли он публичной фигурой. В этом случае, согласно разъяснению Верховного Суда РФ, следует иметь в виду, что «публичным лицом являются лица, занимающие государственную или муниципальную должность, играющие существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области»[22];

3) содержание, форма и последствия опубликованных сведений – может ли лицо надлежащим образом отреагировать на поступивший отзыв;

4) способ получения информации и ее достоверность. Здесь важно отметить, что владельцы (администраторы) сайтов отзывов, размещая персональные данные преподавателей, как правило, ссылаются на положение абз. 2 п. 1 ст. 152^2 ГК РФ и исходят из того, что если такие данные взяты из общедоступных источников (как правило это сайты вузов, в которых они работают), то для их обработки не требуется согласия субъекта этих данных. Однако, как разъяснил Верховный Суд РФ, факт получения персональных данных из открытых источников еще не означает, что их можно свободно использовать. Сбор, обработка или использование персональных данных или публикация соответствующих материалов должны быть соотнесены с правом на защиту частной жизни граждан[23].

Владельцы (администраторы) сайтов отзывов, не зарегистрированных как средства массовой информации, также ссылаются на отсутствие у них обязанности модерировать комментарии и отвечать за их достоверность. По их мнению, ответственность за размещение на сайте «порочащей» информации должен нести автор комментария, а сайт может только удалить соответствующую информацию, если обяжет суд[24].

На наш взгляд, в идеальном случае сайты отзывов, не зарегистрированные как СМИ, следовало обязать проводить проверку достоверности размещаемой информации и модерировать ее на предмет нарушений действующего законодательства, аналогично обязанности журналистов, предусмотренной в ст. 49 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»[25]. Однако зачастую эти сайты создаются гражданами единолично с некоммерческой целью. Создатель сайта отзывов может находиться за рубежом, а сам сайт – на серверах за пределами территории Российской Федерации. Исходя из этого, обязать владельцев (модераторов) таких сайтов проверять поступающую информацию, на наш взгляд, проблематично. В то же время, поскольку рассматриваемый вопрос является частным случаем более общей проблемы – анонимности действий пользователей в сети Интернет и, как следствие, их безнаказанности и вседозволенности, комплексным решением этой проблемы и защиты права на неприкосновенность частной жизни преподавателей вузов могла бы быть деанонимизация пользователей в сети Интернет, позволяющая по запросу компетентных органов установить пользователя, который совершил незаконные действия на сайте.

Подобная практика применяется во многих зарубежных странах. Так, в Китае операторы связи используют технологию распознавания лиц при идентификации всех звонящих или входящих в сеть Интернет граждан. Эти данные сопоставляются с удостоверением их личности и хранятся в отдельной базе данных[26].

В Южной Корее при регистрации на интернет-ресурсах с посещаемостью более 100 тыс. чел. в день необходимо указывать свои реальные имя и номер удостоверения личности[27].

В Бразилии анонимность запрещена ст. 5 Конституции и рассматривается как гарантия защиты неприкосновенности частной жизни и способ злоупотребления свободой выражения мнения.

Запрет на использование «анонимайзеров», позволяющих скрыть реальный IPN-адрес пользователя, предусмотрен законодательством таких государств, как Эфиопия, Иран[28], Казахстан и др.

В России принимаемые в последнее десятилетние нормативные правовые акты также последовательно ограничивают возможности анонимного использования сети Интернет, а все большее число экспертов высказываются за ограничение технической анонимности и введение для каждого пользователя интернет-паспорта[29].

Курс на ограничение анонимности обозначен в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, который, по мнению Президента РФ В.В. Путина, позволит минимизировать «безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в сети Интернет»[30].

На решении этой задачи следует, на наш взгляд, сфокусировать дальнейшее правовое регулирование вопроса анонимности пользователей в сети Интернет, поскольку существующая поддержка антиправовых анонимных пользователей и предоставление открытого доступа к непроверенной, нарушающей частную жизнь информации *приводит,*

---

[22] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Росс. газ. 2015. 30 июня.

[23] См.: Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2019 г. № 14-КГ19-15.

[24] См.: *Мирошкина Е.* Можно ли заставить сайт удалить негативный отзыв о компании // Тинькофф Журнал. URL: https://journal.tinkoff.ru/omg/udoli/ (дата обращения: 17.07.2022).

[25] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300.

[26] См.: Почему анонимность в Китае больше невозможна. URL: https://news.rambler.ru/other/42988885-pochemu-anonimnost-v-kitae-bolshe-nevozmozhna/ (дата обращения: 20.07.2022).

[27] См.: В Южной Корее запретили анонимность, youtube.com запретил закачку южнокорейским пользователям. URL: https://habr.com/ru/post/57259/?mobile=no (дата обращения: 19.07.2022).

[28] См.: Интернет-цензура в Иране. URL: https://medium.com/@faq.africa.asia.team/интернет-цензура-в-иране-73f8454518de (дата обращения: 19.07.2022).

[29] См.: Анонимность в интернете: что это и почему многие против? URL: https://zen.yandex.ru/media/kubmedia/anonimnost-v-internete-chto-eto-i-pochemu-mnogie-protiv-5cb341a2456a7000b3a1b475 (дата обращения: 20.07.2022).

[30] См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

на наш взгляд, к нарушению баланса частных и общественных интересов в рассматриваемой ситуации.

Второй аспект, где, как представляется, необходим поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов, связан с защитой права учителей школ на индивидуальный облик. В российском законодательстве это право прямо не закреплено, но в правовой доктрине и судебной практике рассматривается как смежное с правом на частную жизнь нематериальное благо[31].

По общему правилу формирование индивидуального облика является прерогативой его обладателя. В то же время, признавая особый статус педагогических работников в обществе, ст. 47 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об образовании в Российской Федерации»[32] предусматривает возможность установления к такому элементу индивидуального облика педагога, как его одежда, требований на уровне локальных нормативных актов организаций, осуществляющих образовательную деятельность, а также в нормах профессиональной этики педагогических работников.

Преобладающее число образовательных организаций используют данную возможность и нередко прописывают требования к одежде педагогов излишне детализированно. Например, согласно Положению о внешнем виде учителя МАОУ «Таганская средняя общеобразовательная школа» муниципального района «Улетовский район» Забайкальского края[33], учитель обязан носить украшения только в классическом стиле, недопустимы яркие и блестящие украшения, даже в жару педагогу непозволительно быть без колготок, и др.

Строгие правила дресс-кода для учителей действуют в ряде образовательных организаций Оренбургской области, в соответствии с которыми педагогу разрешено носить не больше одного кольца на руке, туфли на каблуке высотой, не превышающей 10 см, только аккуратно уложенные волосы и т.д.[34]

На наш взгляд, избыточная нормативная детализация требований к внешнему виду педагога не отвечает основной задаче – оградить обучающихся от негативного влияния, она может спровоцировать злоупотребления и неправильные трактовки этих правил вплоть до сведения личных счетов, а также просто отставание от текущих тенденций моды, что особенно актуально для молодых педагогов.

Одновременно с этим рассматриваемые требования не должны быть излишне обобщенными. Например, остается неясной предусмотренная п/п. «е» п. 3 Положения профессиональной этики педагогов рекомендация «придерживаться внешнего вида, соответствующего задачам реализуемой образовательной программы». Данное правило понятно, предположим, по отношению к учителю физической культуры, но каким должен быть внешний вид учителя истории или права?

Кроме того, как отмечалось ранее, п/п. «ж» п. 3 Положения профессиональной этики педагогов рекомендует воздерживаться от размещения в сети Интернет, в местах, доступных для детей, информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Поскольку общение педагога с обучающими детьми происходит и в невербальной сфере: жестами, позой, мимикой, внешним видом, включая одежду и др., полагаем необходимой проработку вопроса о распространении требований ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в отношении общего внешнего облика педагогов в сфере дошкольного, начального, основного, среднего общего образования. Реализация данной идеи востребована в российском обществе. Так, в одной из школ г. Ростова-на-Дону родители потребовали уволить из школы педагога-мужчину, который демонстрировал ученикам на уроках свой французский маникюр, накрашенные глаза, ресницы и тональный крем на лице[35], по сути, своим внешним обликом пропагандировал нетрадиционные семейные ценности и сексуальные отношения, что запрещено п/п. 4 ч. 2 ст. 5 Федерального закона о защите детей от информации.

Следует заметить, что в России большинство экспертов не поддерживают использование таких оценочных критериев для введения законодательных ограничений[36]. Хотя, как представляется, комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений вполне могли бы применить их на практике, а в спорных ситуациях это мог бы решать суд. В любом случае рассматриваемый вопрос требует урегулирования, чтобы, с одной стороны, это не влияло на жизнь детей, а с другой – не нарушало право на частную жизнь педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимность в интернете: что это и почему многие против? URL: https://zen.yandex.ru/media/kubmedia/anonimnost-v-internete-chto-eto-i-pochemu-mnogie-protiv-5cb341a2456a7000b3a1b475 (дата обращения: 20.07.2022).
2. *Балоян А.* Разъяренные родители потребовали уволить учительницу за покупку бюстгальтеров. URL: https://www.woman.ru/news/v-ulyanovske-roditeli-potrebovali-uvolit-uchitelnicu-za-pokupku-byustgalterov-id478533/ (дата обращения: 06.07.2022).
3. В Южной Корее запретили анонимность, youtube.com запретил закачку южнокорейским пользователям. URL: https://habr.com/ru/post/57259/?mobile=no (дата обращения: 19.07.2022).
4. Интернет-цензура в Иране. URL: https://medium.com/@faq.africa.asia.team/интернет-цензура-в-иране-73f8454518de (дата обращения: 19.07.2022).
5. Как регулируется внешний вид учителя, если в школе нет соответствующего документа? URL: https://pravoved.ru/question/1931804/ (дата обращения: 24.07.2022).
6. *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 21.
7. *Лялин Р.* «Мое фото в халате приравняли к интиму». Учительница в Петербурге уволилась из школы после скандала из-за

[31] См.: *Малеина М.Н.* Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 24–33; Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 г. по делу «Реклос и Давурлис (Reklos and Davourlis) против Греции» (жалоба № 1234/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 5.

[32] См.: СЗ РФ.2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

[33] См.: Образовательный портал Забайкальского края // https://www.zabedu.ru/files/org/271/56b1c9ac45a4d.pdf (дата обращения: 24.07.2022).

[34] См.: Как регулируется внешний вид учителя, если в школе нет соответствующего документа? URL: https://pravoved.ru/question/1931804/ (дата обращения: 24.07.2022).

[35] См.: Ростовчанки требуют уволить мужчину-учителя с «тональником» и маникюром. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2234101/ (дата обращения: 24.07.2022).

[36] См.: Требования к поведению и внешнему виду: ханжество или необходимость. URL: https://zen.yandex.ru/media/activityedu/trebovaniia-k-povedeniiu-i-vneshnemu-vidu-hanjestvo-ili-neobhodimost-5d8a28924e057700b1d6d083 (дата обращения: 24.07.2022).

ее роликов в TikTok // Комсомольская правда, Санкт-Петербург. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/27251/4382155/ (дата обращения: 06.07.2022).

8. *Малеина М.Н.* Право обучающегося и преподавателя на индивидуальный облик // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 24–33.
9. *Мирошкина Е.* Можно ли заставить сайт удалить негативный отзыв о компании // Тинькофф Журнал. URL: https://journal.tinkoff.ru/omg/udoli/ (дата обращения: 17.07.2022).
10. *Подымова Т.* Могут ли студенты судить о работе преподавателей? URL: https://pandia.ru/text/78/519/35636.php (дата обращения: 12.07.2022).
11. Почему анонимность в Китае больше невозможна. URL: https://news.rambler.ru/other/42988885-pochemu-anonimnost-v-kitae-bolshe-nevozmozhna/ (дата обращения: 20.07.2022).
12. Ростовчанки требуют уволить мужчину-учителя с «тональником» и маникюром. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2234101/ (дата обращения: 24.07.2022).
13. *Сомова О.* Интернет-этика для учителей // Ставропольские ведомости. URL: http://st-vedomosti.ru/content/интернет-этика-для-учителей (дата обращения: 07.07.2022).
14. Требования к поведению и внешнему виду: ханжество или необходимость. URL: https://zen.yandex.ru/media/activityedu/trebovaniia-k-povedeniiu-i-vneshnemu-vidu-hanjestvo-ili-neobhodimost-5d8a28924e057700b1d6d083 (дата обращения: 24.07.2022).
15. *Чернова Е.* Тебя уволят за твой Инстаграм! Имеют ли право учителя вести личные соцсети? URL: https://www.woman.ru/psycho/tebya-uvolyat-za-tvoi-instagram-imeyut-li-pravo-uchitelya-vesti-lichnye-socseti-id664730/ (дата обращения: 07.07.2022).
16. *Чечет В.В.* Педагогика в афоризмах и изречениях. 3-е изд., перераб. и доп. Минск, 2013. С. 76.
17. *Шлёнская К.* Учительница лишилась работы из-за фото в купальнике. URL: https://medialeaks.ru/2503xsh-uchitelnitsa-iz-barnaula/ (дата обращения: 05.07.2022).
18. *Ягудина Л.Р.* Оценка преподавателей студентами как инструмент обеспечения качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 7. С. 262–276.

REFERENCES

1. Anonymity on the Internet: what is it and why are many against it? URL: https://zen.yandex.ru/media/kubmedia/anonimnost-v-internete-chto-eto-i-pochemu-mnogie-protiv-5cb341a2456a7000b3a1b475 (accessed: 20.07.2022) (in Russ.).
2. *Baloyan A.* Enraged parents demanded to dismiss the teacher for buying bras. URL: https://www.woman.ru/news/v-ulyanovske-roditeli-potrebovali-uvolit-uchitelnicu-za-pokupku-byustgalterov-id478533/ (accessed: 06.07.2022) (in Russ.).
3. Anonymity has been banned in South Korea, youtube.com banned the download to South Korean users. URL: https://habr.com/ru/post/57259/?mobile=no (accessed: 19.07.2022) (in Russ.).
4. Internet censorship in Iran. URL: https://medium.com/@faq.africa.asia.team/интернет-цензура-в-иране-73f8454518de (accessed: 19.07.2022) (in Russ.).
5. How is the appearance of a teacher regulated if there is no corresponding document in the school? URL: https://pravoved.ru/question/1931804 / (accessed: 24.07.2022) (in Russ.).
6. *Korshunov N.M.* Convergence of private and public law: problems of theory and practice. M., 2011. P. 21.
7. *Lyalin R.* "My photo in a bathrobe was equated to intimacy". A teacher in St. Petersburg quit school after a scandal because of her videos in TikTok // Komsomolskaya Pravda, St. Petersburg. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/27251/4382155/ (accessed: 06.07.2022) (in Russ.).
8. *Maleina M.N.* The right of a student and teacher to an individual appearance // Lex russica. 2019. No. 3 (148). P. 24–33 (in Russ.).
9. *Miroshkina E.* Is it possible to force a website to delete a negative review about the company // Tinkoff Magazine. URL: https://journal.tinkoff.ru/omg/udoli/ (accessed: 17.07.2022) (in Russ.).
10. *Podymova T.* Can students judge the work of teachers? URL: https://pandia.ru/text/78/519/35636.php (accessed: 12.07.2022) (in Russ.).
11. Why anonymity is no longer possible in China. URL: https://news.rambler.ru/other/42988885-pochemu-anonimnost-v-kitae-bolshe-nevozmozhna/ (accessed: 20.07.2022) (in Russ.).
12. Rostov women demand to dismiss a male teacher with a "tonalnik" and a manicure. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2234101/ (accessed: 24.07.2022) (in Russ.).
13. *Somova O.* Internet ethics for teachers // Stavropol vedomosti. URL: http://st-vedomosti.ru/content/интернет-этика-для-учителей (accessed: 07.07.2022) (in Russ.).
14. Requirements for behavior and appearance: hypocrisy or necessity. URL: https://zen.yandex.ru/media/activityedu/trebovaniia-k-povedeniiu-i-vneshnemu-vidu-hanjestvo-ili-neobhodimost-5d8a28924e057700b1d6d083 (accessed: 24.07.2022) (in Russ.).
15. *Chernova E.* You will be fired for your Instagram! Do teachers have the right to run personal social networks? URL: https://www.woman.ru/psycho/tebya-uvolyat-za-tvoi-instagram-imeyut-li-pravo-uchitelya-vesti-lichnye-socseti-id664730/ (accessed: 07.07.2022) (in Russ.).
16. *Chechet V.V.* Pedagogy in aphorisms and sayings. 3rd ed., reprint. and add. Minsk, 2013. P. 76 (in Russ.).
17. *Shlenskaya K.* The teacher lost her job because of a photo in a swimsuit. URL: https://medialeaks.ru/2503xsh-uchitelnitsa-iz-barnaula/ (accessed: 05.07.2022) (in Russ.).
18. *Yagudina L.R.* Evaluation of teachers by students as a tool for ensuring the quality of education // Siberian Pedagogical Journal. 2011. No. 7. P. 262–276 (in Russ.).

Сведения об авторе

БОРИСОВА Лилия Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BORISOVA Liliya V. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Sector of Procedural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 164–168
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 164–168

РЕШЕНИЕ СУДА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2022 г. К. А. Лебедь

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: konst.leb@gmail.com

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.

Аннотация. В статье определяется решение суда как часть системы гражданского процессуального права. Предпринята попытка выделить элементы (признаки) решения, способы связи между ними, аргументировать целостность решения как основу одноимённого процессуального правового института. Выводы предопределены использованием традиционных для гражданского процесса специфических методов познания правовых институтов. Комплексный анализ процессуальных норм о судебном решении может способствовать пониманию сущности этого важнейшего судебного акта.

Ключевые слова: решение суда, гражданское процессуальное право, система гражданского процесса.

Цитирование: *Лебедь К.А.* Решение суда в системе гражданского процессуального права // Государство и право. 2022. № 12. С. 164–168.

DOI: 10.31857/S102694520023311-3

COURT DECISION IN THE SYSTEM OF CIVIL PROCEDURAL LAW

© 2022 K. A. Lebed

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: konst.leb@gmail.com

Received 10.06.2022

Abstract. The article defines the court's decision as part of the system of Civil Procedural Law. An attempt is made to identify the elements (signs) of the decision, the ways of communication between them, to argue the integrity of the decision as the basis of the procedural legal institution of the same name. The conclusions are predetermined by the use of specific methods of cognition of legal institutions traditional for the civil process. A comprehensive analysis of procedural rules on a court decision can contribute to understanding the essence of this most important judicial act.

Key words: court decision, Civil Procedural Law, the system of civil procedure.

For citation: *Lebed, K.A. (2022).* Court decision it the system of Civil Procedural Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 164–168.

В число теоретических проблем входят и судебные решения в системе гражданского процессуального права. Решение этой проблемы будет способствовать повышению качества выносимых судебных решений (правоприменительной деятельности) и улучшению гражданского процессуального законодательства в целом.

Сложившаяся система процессуального законодательства вызывает сомнения в правильности подхода законодателя к выстраиванию процессуальных отношений.

Наряду с этими сомнениями решение суда остаётся важнейшим институтом гражданского процесса как целостной системы, исследование которого, очевидно, может принести пользу науке и поспособствовать совершенствованию судебной деятельности.

Значение решения выражается в том, что оно предлагает ученым не одно, а несколько допустимых вариантов изучения решения, из которых специалист может выбрать наиболее близкий ему. Ошибки, допускаемые

неспециалистами, – неразличение видов решений в процессуальных отраслях, смешение требований, предъявляемых к решению, непонимание места и роли решения для формирования единообразной судебной практики и др.

Решение суда, являясь институтом гражданского процессуального права, состоит из определенных норм, которые образуют единое упорядоченное содержание (структуру института решения), систему элементов решения.

Так же как право является неотъемлемой частью всей общественной системы, так и решение суда является неотделимой от процессуального права частью. Решение предстаёт в качестве составного элемента гражданского, арбитражного, административного, уголовного и конституционного судопроизводств. Особенно важно учитывать природу судебного решения и его роль в правоприменительной деятельности, в деле защиты прав граждан и организаций, в достижении целей осуществления правосудия.

Институт решения суда безусловно входит в такое сообщество (систему) процессуальных норм, регулирующих производство в суде, которое является более высоким структурным подразделением гражданского процессуального права. При этом, на наш взгляд, решение суда входит в такую подотрасль (подсистему) гражданского процессуального права, как исковое производство.

Решение суда как правовой институт вместе с доказательствами, иском и иными правовыми блоками есть часть процессуального права. Вместе они образуют отрасль процессуального права в целом и отдельные отрасли (гражданское процессуальное право, арбитражное процессуальное право и др.), приобретая свою специфику в этих отраслях.

Структура института решения суда сложная, в связи с чем может возникнуть технико-процессуальный вопрос: является ли решение суда институтом общей или особенной части гражданского процесса?

Как определил С.С. Алексеев, правовые институты подразделяются по отраслям права и как главные структурные подразделения отрасли имеют строго определённую отраслевую принадлежность.

Перед тем как перейти непосредственно к системе процессуальных норм о судебном решении, сделаем оговорку о том, что проблемы системы права (отраслей права) разрабатывались рядом известных правоведов (С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Д.А. Керимов, А.М. Ларин, С.В. Поленина, И.С. Самощенко, Н.А. Чечина, А.Ф. Шебанов, В.М. Шерстюк, М.К. Юков и др.). Сформулированные автором настоящей статьи выводы основываются в основном на работах указанных учёных.

Обособление правовых норм, составляющих институт судебного решения, обусловлено особенностями процессуальных правоотношений. На определенном уровне развития гражданского процессуального права в рамках этой отрасли сформировался ряд правовых институтов, в том числе решение суда.

В связи с этим нельзя не отметить, что место института, особенно сложного, не всегда можно определить однозначно. Так, например, в работе проф. С.С. Алексеева о структуре советского права сначала указывается, что правовой институт – это такая общность норм-предписаний, которая является элементом следующего подразделения – отрасли права, а после отмечается, что институт приговора входит в структурное подразделение норм, регулирующих производство в суде первой инстанции[1]. Основные нормы о решении суда в гражданском процессе также размещены в разделе, посвященном производству в суде первой инстанции.

Поскольку правовые нормы формируют отрасль права через институты, можно сказать, что решение суда является одним из элементов отрасли процессуального права.

Рассмотрим, из каких процессуальных юридических норм складывается институт судебного решения.

Решение суда есть один из множества институтов правовой системы. Оно является институтом правового строения в части процессуального права. С нашей точки зрения, институт решения суда – своего рода подсистема гражданского процессуального права. Решение суда как правовой институт в первую очередь направлен на урегулирование той части процессуальных правоотношений, которая связана с получением вывода суда по существу спора. Но при этом, поскольку решение суда является частью системы процессуального права, оно взаимодействует с иными институтами гражданского процессуального права. В конечном счете основные институты гражданского процессуального права применяются для того, чтобы осуществилось правосудие, – было вынесено законное и обоснованное решение. Основными институты гражданского процессуального права названы условно, поскольку процессуальное законодательство содержит и такие институты, которые не направлены сами по себе на вынесение законного и обоснованного решения, хотя и выполняют сходную с решением задачу по защите права. Например, институт приказного производства (гл. 11 ГПК РФ).

Среди таких институтов можно привести в качестве наиболее распространенных примеров: представительство в суде, подведомственность, судебные расходы, процессуальные сроки, доказательства, иск, способы проверки решения как гарантии его правосудности, а также виды производств (упрощенное и др.). Можно согласиться с суждением о том, что «доказательства всегда были и остаются центральным правовым институтом российского гражданского процесса»[2]. В науке рассмотрены также «понятия, составляющие институт стороны в гражданском процессе»[3]. Мировое соглашение неоднократно упоминается как процессуально-правовой институт[4], судебное представительство[5], судебное поручение[6]. В некоторых публикациях указывается, что институтом процессуального права является регрессное взыскание[7].

---

[1] См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 119, 149.

[2] *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: избранное. М., 2019. С. 159.

[3] *Михайлова Е.В.* Стороны в гражданском процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Самара, 2005. С. 5.

[4] См.: *Смагина Е.С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе. М., 2021.

[5] См.: *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право. М., 2017; Участие адвоката в цивилистическом процессе: учеб. пособие для магистрантов / под ред. Н.А. Чудиновской. М., 2020.

[6] См.: Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2017.

[7] См.: Решение Суда Евразийского экономического союза от 27.04.2021 г. № СЕ-1-2/5-21-КС // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза // http://courteurasian.org.27.04.2021.

В судебной практике в числе процессуально-правовых институтов называют обеспечение иска[8].

В юридической литературе иногда относят к процессуальным институтам понятия, выделение которых в отдельный институт права может вызвать споры. Так, отдельные авторы трактуют цену иска как процессуальный институт, приводя при этом определение цены иска как «стоимостное (денежное) выражение предмета спора...»[9]. Полагаем, что формулирование понятия ещё не означает, что оно может составлять основу правового института. Необходимо выделить связанную совокупность норм, относящихся к данному процессуальному явлению.

Представляется, что действие института гражданского процессуального права возможны лишь тогда, когда все традиционные процессуальные нормы этого института применяются в широкой и полной, признанной учеными и практиками мере. Институт включает в себя совершение целого ряда последовательных действий, которые и складываются в единую сложную совокупность норм.

На этом же основании трудно согласиться с тем, что отказ в принятии искового заявления является процессуально-правовым институтом, как на это указано в постановлении президиума Совета судей РФ от 14 апреля 2016 г. № 502 «Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки в арбитражных судах»[10].

Для процессуального правового института характерным должно быть юридическое единство, которое применительно к судебному решению можно именовать процессуальным единством. Единство процессуальных правил выражается в том, что как общие, так и специальные нормы регламентируют процессуальные действия по принятию и изготовлению решения суда и направлены на достижение конкретной цели – защиты права посредством вынесения судебного решения.

К общим нормам можно отнести такие, которые, будучи сформулированными для решения как такового, не ограничиваются распространением на один основной для института подраздел процессуального кодекса. Среди общих – правила о принятии решения суда (ст. 194 ГПК РФ), о том, что решение суда должно быть законным и обоснованным (ст. 195 ГПК РФ), о разрешаемых при принятии решения суда вопросах (ст. 196 ГПК РФ), об изложении решения суда (ст. 197 ГПК РФ) и др. Иногда сходные по содержанию и целям нормы могут находиться не только в разных главах, но и в разных частях процессуальных кодексов. Требования, предъявляемые к решению арбитражного суда, помещены в ч. 4 ст. 15 АПК РФ. В данной статье упоминается требование мотивированности, сущность которого вызывает научные споры.

На применение некоторых процессуальных норм прямо указывается в отдельных главах Гражданского процессуального кодекса РФ (например, в гл. 39 «Производство в суде апелляционной инстанции»), отдельные нормы могут быть использованы по аналогии.

В то же время положение ст. 209 ГПК РФ, согласно которому решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование, относится именно к решению суда. Постановления судов апелляционной и кассационной инстанции, например, вступают в законную силу со дня их принятия (ч. 5 ст. 329, ч. 6 ст. 390[1] ГПК РФ).

Решение суда, говоря об основной совокупности процессуальных норм, закрепляется не просто как глава процессуального кодекса, как многие правовые институты.

Реализация правового процессуального института невозможна без участия основных элементов на практике. Например, если решение суда не содержит в себе объективных и субъективных мотивов, то правовой институт становится неполноценным, не способным выполнить те задачи, которые на него возложены законодателем. Это традиционные объективные и субъективные мотивы судебного решения.

Анализируя мотивы судебного решения, следует отметить, что, в отличие от устоявшихся в науке и практике таких понятий, как «норма права» (применение закона) и «установление фактов» (обстоятельств по делу), мотивы упоминаются в разных контекстах судебной практики, легально не определены и понимаются специалистами также по-разному. В связи с этим элементы процессуального правового института решения могут быть условно классифицированы как урегулированные достаточно ясно и как используемые в процессуальном законе с однозначным смыслом.

Указание на мотивированность решения суда входит в понимание того решения, которое воплощает сущность правосудия. Отказ «от вынесения мотивированного решения по делу» законодателем «изменяет сущность правосудия и значительно ограничивает или избавляет гражданское процессуальное право от многих принципов, положенных в основу правосудия»[11].

Слово «мотивированность» (решения), как и «мотивы», также может употребляться в разных значениях. Под мотивированностью можно понимать как вообще указание на все основания решения как такового, так и на присутствие в процессуальном документе той части, которая традиционно именуется мотивировочной. Помимо этого, наличие в решении мотивов как элемента, представляющего вывод (объяснение) в результате применения нормы права к установленным по делу фактам, позволяет рассмотреть решение как правоприменительный механизм по конкретному делу, урегулированный нормами судебного решения как института.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ приведён пример того, как в наследственном деле «суд не учёл, что проживание наследника в принадлежавшем наследодателю жилом помещении... может свидетельствовать о фактическом принятии наследства независимо от наличия или отсутствия регистрации наследника по месту жительства.., при этом в нарушение пункта 2 части 4 статьи 198 ГПК РФ суды не указали мотивов, по которым они отвергли представленную истцом справку о проживании совместно с наследодателем»[12].

В связи со сказанным в отношении мотивированности и мотивов представляется несоответствующим признакам

[8] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2016 г. по делу № 33-5567/2016; Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 26.11.2019 г. по делу № 33-2401/2019.

[9] Большой юридический словарь. М., 2009.

[10] Документ в официальных источниках опубликован не был.

[11] *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 69.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 г. № 5-КГ21-90-К2 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 г.

целостности и устойчивости института решения освобождение судей от составления мотивированных решений по рассмотренным ими делам. Отсутствие в совокупности норм, определяющих содержание судебного решения как процессуального документа, обязательного требования мотивированности может подорвать доверие к такому правовому институту, как решение суда.

Наряду с тем, что институт решения суда исторически складывался и осмысливался в рамках гражданского судопроизводства, нельзя не отметить межотраслевой признак судебного решения. Межотраслевой характер института судебного решения предопределяется тем, что, как следует из опыта формирования отраслей процессуального права, какие бы отрасли в процессуальной сфере ни были сформированы, во многих правопорядках развитых государств решение суда находят важнейшим институтом.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ, в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и в Кодексе административного судопроизводства РФ основная часть норм о решении содержится соответственно в гл. 16, 20 и 15. По сути, закрепленные в этих подразделах процессуальные нормы, являясь однородными, сохраняют, тем не менее, специфику в отдельном судопроизводстве, обусловленную характером спорных правоотношений.

Следующий признак решения суда как правового института заключается в том, что составляющие этот институт процессуальные нормы органично входят в саму систему гражданского процессуального права, подчиняются общей логике изложения норм в общей и специальной части. Данный признак может выступать в качестве общего и для других процессуальных правовых институтов, не только для решения суда. Правильный порядок изложения процессуальных норм о решении, внутренняя согласованность обеспечивают не только целостность самого решения, но и «органическое единство системы гражданского процессуального права»[13].

Единство элементного состава решения суда как правового института проявляется во взаимосвязи норм о решении, в последовательном, логически верном их изложении в точно определённом месте процессуального закона. Добавление в правовой институт разнородных элементов способно поставить под сомнение его целостность.

Например, положения об индексации присужденной денежной суммы (ст. 208 ГПК РФ) можно было бы вынести за пределы главы о решении суда, предположительно в гл. 15 ГПК РФ, поскольку уже после вынесения решения суд осуществляет процессуальные действия по рассмотрению отдельного заявления взыскателя. При этом суд может в случае необходимости вызвать в судебное заседание лиц, участвующих в деле. Таким образом, порядок индексации присужденных денежных сумм относится скорее к институту судебного разбирательства.

В то же время отсутствие органически связанных норм в одном месте (в одной главе) также может повлечь противоречия. Речь идёт о ст. 193 «Объявление решения суда» ГПК РФ, которая находится в главе о судебном разбирательстве. Было бы логичным размещение указанной статьи в гл. 16 ГПК РФ после статьи «Принятие решения суда».

Растворение однородных элементов в рамках института также не способствует однозначному пониманию ряда связанных друг с другом норм. Представляется, что нормы об исполнении решения суда (ст. 203, 204–207 ГПК РФ и др.) можно было бы обособить в отдельный параграф в рамках гл. 15 ГПК РФ.

Нормы о судебном решении не претерпевают в настоящее время существенных изменений. Имеющиеся законодательные новеллы связаны в основном с тем, что у судов появилось больше возможностей применять новые электронные технологии, в частности изготавливать решения в форме электронных документов. Обращает на себя внимание положение ст. 197 ГПК РФ о том, что при «выполнении решения в форме электронного документа дополнительно выполняется экземпляр данного решения на бумажном носителе». Представляется, что в данном случае современные технические возможности не используются в полной мере, что и отражается в данной формулировке. Как представляется, можно разрешить судам изготавливать решение в электронной форме в качестве отдельного процессуального документа, без дополнительного изготовления на бумажном носителе. Увеличение количества изготавливаемых процессуальных документов в электронном виде не только делает более эффективным применение института судебного решения, но и ускоряет гражданский процесс в целом.

* * *

Таким образом, представляется возможным определить процессуальный правовой институт решения суда в гражданском процессе как основанную на общих юридических началах целостную совокупность процессуальных норм, которая характеризуется сложным содержанием, основанным на единстве общих и специальных норм о судебном решении, которые направлены на достижение главной цели – вынесение акта правосудия, посредством которого получают защиту прав и охраняемых законом интересов лица, участвующие в деле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 119, 149.
2. Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2017.
3. *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право. М., 2017.
4. *Михайлова Е.В.* Стороны в гражданском процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Самара, 2005. С. 5.
5. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: избранное. М., 2019. С. 159.
6. *Смагина Е.С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе. М., 2021.
7. Участие адвоката в цивилистическом процессе: учеб. пособие для магистрантов / под ред. Н.А. Чудиновской. М., 2020.
8. *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 69, 170.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* The structure of Soviet law. M., 1975. P. 119, 149 (in Russ.).
2. Civil procedure: textbook / ed. V.V. Yarkov. M., 2017 (in Russ.).
3. *Zelentsov A.B., Yastrebov O.A.* Judicial Administrative Law. M., 2017 (in Russ.).

[13] *Шерстюк В.М.* Указ. соч. С. 170.

4. *Mikhailova E.V.* Parties in civil proceedings of the Russian Federation: textbook. Samara, 2005. P. 5 (in Russ.).

5. *Reshetnikova I.V.* Reflecting on judicial proceedings: selected. M., 2019. P. 159 (in Russ.).

6. *Smagina E.S.* State participation in the modern civil procedure. M., 2021 (in Russ.).

7. Participation of a lawyer in the civil procedure: studies handbook for undergraduates / ed. by N.A. Chudinovskaya. M., 2020 (in Russ.).

8. *Sherstyuk V.M.* Theoretical problems of the development of Civil Procedural, Arbitration Procedural Law and enforcement proceedings in the Russian Federation. M., 2021. P. 69, 170 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕБЕДЬ Константин Александрович –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LEBED Konstantin A. –
PhD in Law, senior researcher, Procedural Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 169–172
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 169–172

СВЯЗЬ УСЛОВНОГО И БЕЗУСЛОВНОГО В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРАВА В ВОСТОЧНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ

© 2022 г. Г. Н. Уткин

Российская академия наук, г. Москва

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема связи безусловного и условного в характеристике права восточных обществ. Обосновывается, что ее решение способствует осмыслению тех черт, которые объединяют восточные правовые культуры, несмотря на уникальность характерных для них доминант духовности, ментальных идей и ценностей. Кроме того, доказывается, что именно особенностями связи условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах объясняется то, почему в современных условиях это право оказывается способным существовать и функционировать в условиях, с одной стороны, сохранения традиционных ценностей и норм, с другой – обновления системы юридического права и рецепции отдельных образцов западной правовой культуры.

Ключевые слова: безусловное, условное, восточные правовые культуры, обычное право, правовая культура, рецепция права.

Цитирование: *Уткин Г.Н.* Связь условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах // Государство и право. 2022. № 12. С. 169–172.

DOI: 10.31857/S102694520023312-4

RELATIONSHIP OF CONDITIONAL AND UNCONDITIONAL IN THE CHARACTERISTIC OF LAW IN EASTERN LEGAL CULTURES

© 2022 G. N. Utkin

Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Received 19.01.2021

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between the unconditional and conditional in the characteristics of the law of Eastern societies. It is proved that its solution contributes to understanding the features that unite Eastern legal cultures, despite the uniqueness of their dominant spirituality, mental ideas and values. In addition, it is proved that the peculiarities of the relationship between conditional and unconditional in the nature of law in Eastern legal cultures explain why in modern conditions this right is able to exist and function in conditions of, on the one hand, the preservation of traditional values and norms, on the other hand, the renewal of the system of legal law and the reception of individual samples of Western legal culture.

Key words: unconditional, conditional, Eastern legal cultures, customary law, legal culture, legal reception.

For citation: *Utkin, G.N. (2022).* Relationship of conditional and unconditional in the characteristic of law in Eastern legal cultures // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 169–172.

Научные понятия «условное» и «безусловное» не только значимы для содержательной интерпретации универсальных свойств права, но и позволяют охарактеризовать его в культурном аспекте в отличие от права других цивилизационных типов. Особенно ценной эта возможность оказывается там, где речь идет о праве, формирующемся и развивающемся в контексте восточных правовых культур, поскольку ему в отличие от западного права, к сожалению, не всегда уделяется должное внимание.

Право является частью правовой культуры общества и воплощает в себе опыт его правовой жизни, поэтому базовые характеристики права определяются спецификой правового менталитета народа, свойственными ему архетипами, ценностями и установками. Вместе с тем восточные правовые культуры с ментальной точки зрения не являются единым образованием, каждая характеризуется специфическими доминантами духовности и несет в себе особенные идеи и установки.

Для правовой культуры Китая характерны в первую очередь традиционность, ритуализированность и моральность, а к идеям, играющим в правосознании системообразующую роль, относятся «ли», «дэ» и «бао». Специфика правовой культуры индийского общества определена тем, что традиционные для Индии религиозные направления – индуизм и буддизм – делают доминантами духовности космизм, мистицизм и синтетизм. Основными идеями, приобретающими значение системообразующих, в индийской правовой культуре становятся идеи «рита», «дхарма» и «данда». Мусульманская правовая культура характеризуется религиозностью и рационализмом, а ее системообразующими идеями являются «кияс», «иджтихад» и «теклид»[1].

Принимая во внимание несовпадение доминант духовности и базовых идей разных восточных правовых культур, в характеристике права в контексте названных культур в его отличие от западного права целесообразно обратиться не непосредственно к правосознанию различных восточных народов, а к специфике духовности восточного общества как таковой, к тому, что отличает ее от духовности западного общества.

Особенности связи условного и безусловного в характеристике права в контексте восточных правовых культур определены социальной организацией восточного общества, наиболее существенными отличительными чертами которой выступают традиционализм, коллективизм (общинность), а также противопоставление должного и сущего.

Говоря об особенностях восточной правовой культуры, ее исследователи прежде всего акцентируют внимание на том, что ее своеобразие проявляется в приверженности традициям. Данная черта характерна для китайской, японской, индийской правовых культур, а также для исламской правовой культуры, получившей распространение отнюдь не только в странах, живущих по шариату.

Китай и Япония сумели долгое время сохранять приверженность традиции. Индия, находясь под британским влиянием, уже в XIX в. переняла ряд институтов европейского права, однако при этом до сих пор ее правовая культура продолжает оставаться традиционной. Исламская правовая культура, сохраняя приверженность религиозным традициям, активно изменялась под влиянием современных требований, однако лишь в том, что не связано с основополагающими религиозными предписаниями, лежащими в основе мусульманского права.

В восточных культурах в силу их традиционности право никогда не противопоставляется другим социальным регуляторам, оно рассматривается в качестве составляющей системы социального регулирования, при этом в данной системе ему отводится далеко не ведущая роль. Например, «соционормативная традиционная культура Индии не отрицает права как такового», но при этом «индийский образ жизни определялся и определяется не законом, а дхармой (требованием религиозно-морального долга)»[2]. «Правовая жизнь в мусульманских государствах принимает... форму шариата, представляющего собой конгломерат всего многообразия социальных норм поведения»[3].

Как следствие, для социальной практики оказывается характерной синтетичность множества элементов, отсутствие четкой границы между правовыми нормами и нормами других социальных регуляторов. Одни и те же базовые идеи лежат в основе организации и правовой жизни, и любых других областей общественной жизни. В этом плане показательным, например, является то, что парадигмами правовой культуры Китая являются «традиционность норм права, санкционированность права этическими соображениями, приравнивание преступления к этико-политическому отклонению»[4].

Право безусловно настолько, насколько оно является частью культурной традиции: лишь сохраняя связь со своими религиозно-нравственными основаниями, органично сочетаясь с другими социальными регуляторами, оно выступает непреложным, общеобязательным, неоспоримым. В этой связи правосознанием дифференцируются обычное (основанное на традиции) и юридическое (исходящее от государства) право.

Безусловному как традиционному противопоставляется не только то, что связано с любыми инновациями, но и вообще все то, что является временным, преходящим (в силу связи с определенным историческим контекстом, проявлениями субъективизма или по другим причинам). Как следствие, юридическое право (и вместе с тем все то, что им определяется) рассматривается в качестве условного, и в этом состоит принципиальное отличие его восприятия от восприятия обычного права, неотделимого от религии и морали.

Условное в действующем праве фактически отождествляется с неопределенным и случайным, и в силу этого не просто оказывается нейтрально окрашенным, а осуждается как юристами, так и самим обществом: в отличие от безусловного оно не может быть источником стабильности, предсказуемости и, кроме того, не способно консервировать существующие нормы и отношения, обеспечивать поддержание традиций и их воспроизводство, и это лишает условное ценности, делает избыточным для правовой жизни общества.

Условными признаются государственно-властные установления, лишенные непосредственной связи с той религиозно-нравственной основой, которая характерна для культуры конкретного общества. Как следствие, складывается традиция восприятия норм писаного права в качестве инструментов, применение которых оправданно лишь в тех случаях, когда религиозные и моральные нормы, а также неразрывно связанные с ними нормы обычного права, оказываются не способными привести к правильному решению.

Условными предстают любые правоприменительные, в том числе судебные, решения, и этим во многом объясняется

[1] *Малахов В. П.* Философия права. М.; Екатеринбург, 2002. С. 389–450.

[2] *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты. М., 2013. С. 163.

[3] *Малахов В.П.* Указ. соч. С. 402.

[4] Там же. С. 392.

то, что правосудие не приобретает того ценностного смысла, который придается ему в западной правовой культуре. Обращение в суд не рассматривается в качестве социально одобряемого способа разрешения спора, ему неизменно противопоставляется «подлинный» суд, оценивающий поступки человека отнюдь не с точки зрения норм позитивного права.

Специфическое восприятие юридического права, правотворческих и правоприменительных решений в восточных правовых культурах связано не только с их традиционализмом, но и со свойственным для них противопоставлением должного и сущего. Веления «земной» власти как части мира сущего изначально воспринимаются как несовершенные, и потому не возникает оснований для придания им ценностного смысла. «Земной» суд, принадлежащий миру сущего, традиционно противопоставляется «божественному» суду, относящемуся к миру «должного».

Легитимность нормативных юридических установлений и правоприменительных решений опирается на иррациональные аргументы, важнейшим из которых является божественный источник той власти, от которой они исходят. При этом предполагается, что справедливость и норм позитивного права, и их применения обеспечивается тем, что они складываются под влиянием божественных велений свыше, как результат действия сверхъестественных сил. И именно то, что условное решение, таким образом, фактически выступает «проводником» безусловной воли, позволяет примириться с его условностью, принять его в качестве обязательного и неоспоримого.

То, что социальная организация восточного общества является общинной, обусловливает признание безусловности тех моментов, которые выступают в праве выражением общезначимых ценностей, связаны с реализацией публичного интереса. При этом все, что связано с человеком и индивидуализирует его в правовом смысле, рассматривается в качестве условного: с одной стороны, обусловленного, с другой – в силу этого временного, преходящего.

Тому условному, что характеризует человека в правовом смысле, противопоставляется духовная сущность человека и его духовные потребности. Так, например, в мусульманской правовой культуре безусловность духовных потребностей человека связывается с тем, что они признаются «почвой для духовного роста и совершенствования индивида, а это и является основной целью существования человечества»[5], при этом одновременно возникают предпосылки для того, чтобы считать западную систему мышления, основанную на материальных ценностях, «неполноценной и ущербной, так как в ней отрицается или по крайней мере не учитывается духовная и моральная сущность человека»[6].

Свобода в том значении, которое ей придается в западноевропейской политико-правовой мысли, не рассматривается в качестве неотъемлемого свойства человека. Противопоставление «должного» и «сущего» предопределяет признание того, что подлинной, безусловной является духовная свобода, в то время как возможность свободы в любом другом смысле условна. В этом смысле показательным является то, что японским интеллектуалам, столкнувшимся во второй половине XIX в. с теми интерпретациями свободы, которые были характерны для английской политико-правовой мысли, понадобились два десятилетия на их осмысление. И в то же время «в целом, большинство японских лидеров осталось при убеждении, что... “свобода”, восхваляемая английскими теоретиками вроде Дж.С. Милля или Олбейни де Фонбланка, не является такой уж благотворной силой. Они отмечали привлекательность свободы, но сохраняли подозрение, что она подрывает добродетели, которые больше подходят для народа и для поддержания порядка внутри местных и национальных сообществ»[7].

Характерный для восточных обществ подход к решению проблемы свободы согласуется с признанием того, что человек не является источником права и все, связанное с его функционированием в правовом поле, основано на внешних факторах, ими обусловливается. Интересы и воля самого индивида не принимаются во внимание, при этом им не просто не придается значение безусловного, они вообще не рассматриваются в качестве элементов, способных что-либо обусловливать. Предполагается, что поскольку человек все равно не способен управлять своей жизнью, то и принимать во внимание его интересы, потребности, притязания бессмысленно. В этом смысле показательным является то, что распространенным символом жизни человека в восточных культурах является человек в лодке без весел: его судьба всецело зависит от течения реки, и поэтому весла ему не нужны.

Общинная солидарность не совместима с плюрализмом поведения, личная инициатива исключается из числа тех свойств, которые значимы для человека в качестве необходимых условий его успешного функционирования в правовом пространстве. Отсюда проистекают не только фатализм, вера в неспособность человека повлиять на собственную судьбу, но и отказ от признания возможности влиять на право в более глобальном масштабе и, как следствие, неактуальность проблем гражданственности, гражданского общества, демократии – по крайней мере в их постановке.

Приданием безусловному в праве ценностного смысла во многом объясняется то, что базовые характеристики права в контексте восточных правовых культур сохраняются на протяжении всей истории их развития. При этом признание права, не являющегося частью культурной традиции, условным, объясняет, почему в ситуации сохранения традиционности правовой культуры возможными оказываются обновление системы юридического права и рецепция отдельных положений западного права, почему традиционное и юридическое право оказываются способными существовать в одном территориальном и временном пространстве. Именно поэтому, например, мусульманское право в целом (за исключением областей, связанных с регулированием «личного статуса» и уголовно-правовых отношений) сочетается с заимствованными европейскими образцами при условии, что их применение не выходит за рамки «исключенных интересов» как одного из «указателей Фикха».

Показательно, что влияние с XIX в. европейских правовых традиций на правовую культуру ряда исламских государств приводит к рецепции правовых положений, которые становятся частью правовой культуры, от которой невозможно отказаться. При этом в качестве основного препятствия для обновления права называется не несовместимость новаций с религиозной основой мусульманского права, а «узкие и отсталые представления верующих, находящихся в плену догматизма.., приписывание атрибутов святости и вечности тому, что является всего лишь ограниченными, несовершенными толкованиями людей»[8]. Фактором, обусловливающим значительность отрицательных последствий влияния

[5] *Сабери А.* Ислам и права человека // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 3. С. 26.

[6] Там же. С. 27.

[7] *Хаулэнд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М.; Челябинск, 2020. С. 146.

[8] *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 230.

религиозного догматизма, признается то, что, в отличие от носителей светской идеологии, не совместимой с исламом, «верующие-догматики обычно производят впечатление людей, от которых исходит аура религиозной легитимности»[9].

Ситуация не меняется принципиальным образом, в том числе и в эпоху глобализации, и в силу принципиальной совместимости в правовой системе современного Китая, Японии, Индии, мусульманских государств традиционной правовой культуры как безусловного с юридическими новациями, возникающими под влиянием западной правовой культуры, как условным, отдельные изменения позитивного права, основанной на нем практики, а также правовой культуры не оказывают фатального влияния на правовую жизнь. В этой связи вряд ли можно согласиться с тем, что происходящие изменения, несмотря на то что они «затрагивают отдельные составляющие элементы материальной правовой культуры», приводят «тем не менее, в конечном итоге... к снижению степени целостности и устойчивости национальных правовых систем, что позволяет оценить последствия воздействия глобализационных процессов на развитие восточных правовых культур в первую очередь как отрицательные»[10].

Совместимость традиционной правовой культуры с реципируемыми на уровне юридического права образцами оказывается принципиально значимой в современных условиях, когда следование генетически связанным с установками и ценностями западной правовой культуры принципам и нормам, получающим закрепление в международном праве, декларируется в качестве «цивилизованности» государства и становится условием его признания.

Анализ действующего права государств с восточной правовой культурой показывает, что применение многих принципов и норм международного права оказывается возможным именно в силу того, что придание им значения условных становится основанием их интерпретации с учетом культурных традиций конкретного общества. В этом плане показательным, например, является то, какую интерпретацию получают во Всеобщей исламской декларации прав человека 1981 г. и Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. принципы, провозглашенные во Всеобщей декларации прав человека, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.[11]

* * *

Завершая рассмотрение проблемы связи условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах, можно утверждать, что ее анализ открывает множество новых возможностей для осмысления тех черт, которые объединяют названные культуры, несмотря на уникальность характерных для них ментальных оснований. В рамках настоящей статьи можно затронуть лишь отдельные аспекты сформулированной проблемы. В то же время ее глубокий анализ способен стать ключом к пониманию процессов, характеризующих как наиболее общие исторические закономерности становления и развития восточных правовых культур, так и перспективы их развития в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Братусева О.Н.* Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17.
2. *Дураев Т.А., Тюменева Н.В.* Права человека в международных исламских документах // Вестник СГЮА. 2018. № 3. С. 73–80.
3. *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии. Инновационные и традиционные черты. М., 2013. С. 163.
4. *Малахов В.П.* Философия права. М.; Екатеринбург, 2002. С. 389–450.
5. *Сабери А.* Ислам и права человека // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 3. С. 26, 27.
6. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 230, 231.
7. *Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М.; Челябинск, 2020. С. 146.

REFERENCES

1. *Bratuseva O.N.* Legal cultures in the conditions of globalization: abstract ... PhD in Law. M., 2009. P. 17 (in Russ.).
2. *Duraev T.A., Tyumeneva N.V.* Human rights in international Islamic documents // Herald of the SSYA. 2018. No. 3. P. 73–80 (in Russ.).
3. *Krasheninnikova N.A.* Legal culture of modern India. Innovative and traditional features. M., 2013. P. 163 (in Russ.).
4. *Malakhov V.P.* Philosophy of Law. M.; Ekaterinburg, 2002. P. 389–450 (in Russ.).
5. *Saberi A.* Islam and human rights // Herald of the RUDN. Ser.: International Relations. 2008. No. 3. P. 26, 27 (in Russ.).
6. *Khatami M.* Islam, dialogue and civil society. M., 2001. P. 230, 231 (in Russ.).
7. *Howland D.* Translation from the West: the formation of political language and political thought in Japan of the XIX century. M.; Chelyabinsk, 2020. P. 146 (in Russ.).

Сведения об авторе

УТКИН Григорий Николаевич –
кандидат юридических наук, советник вице-президента Российской академии наук;
119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 14

Authors' information

UTKIN Grigory N. –
PhD in Law, adviser to the Vice-President of the Russian Academy of Sciences;
14 Leninsky ave., 119991 Moscow, Russia

[9] *Хатами М.* Указ. соч. С. 231.

[10] *Братусева О.Н.* Правовые культуры в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17.

[11] См. подр.: *Дураев Т.А., Тюменева Н.В.* Права человека в международных исламских документах // Вестник СГЮА. 2018. № 3. С. 73–80.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 173–185
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 173–185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИНАМИЗМ И СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ДИАЛЕКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАУКИ, ПРАКТИКИ, ТЕХНИКИ (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»)

© 2022 г. В. М. Баранов[1, *], Н. В. Кроткова[2, **], М. В. Баранова[3, *]**

[1]Нижегородская академия МВД России
[2]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[3]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

[*]E-mail: baranov_prof@bk.ru
[**]E-mail: krotkova2012@yandex.ru
[***]E-mail: qazxsw1232007@yaandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2022 г.

Аннотация. XXIV Международный научно-практический форум «Юртехнетика» предоставил возможность для эффективного сотрудничества широкого спектра представителей юридической науки и практики. Современные доктринальные подходы к сущности, значению, проблемному полю процесса и результата изменений в законодательстве нашли креативное преломление в ходе дискуссии. Осмысление техники и технологии трансформации законодательства как целостного феномена особенно актуально в связи с интенсивным ростом объема национального законодательства, активной юридизацией бытия социума, появлением новых сфер применения сил человека. Системный анализ доктринальных, технико-юридических, практических аспектов модернизации законодательства призван стать основой формирования значимых предложений по совершенствованию правотворческого процесса, гармонизации его результатов, минимизации правотворческих ошибок и их влияния на правоинтерпретационную и правореализационную деятельность.

Ключевые слова: изменения в законодательстве, модернизация, трансформация закона, эволюция законодательства, юридическая техника, технология в законодательстве, законодательные органы, юридическая практика, генезис права, субъекты изменений законодательства, мониторинг законодательной деятельности.

Цитирование: *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185.

DOI: 10.31857/S102694520023457-3

DYNAMISM AND STABILITY OF LEGISLATION: DIALECTICS OF FUNCTIONING OF SCIENCE, PRACTICE, TECHNOLOGY (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the topic “Changes in legislation (doctrine, practice, technique)”)

© 2022 V. M. Baranov[1, *], N. V. Krotkova[2, **], M. V. Baranova[3, *]**

[1]Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[3]Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

[*]E-mail: baranov_prof@bk.ru
[**]E-mail: krotkova2012@yandex.ru
[***]E-mail: qazxsw1232007@yaandex.ru

Received 20.10.2022

Abstract. The XXIV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" provided an opportunity for effective cooperation between a wide range of representatives of legal science and practice. Modern doctrinal approaches to the essence, meaning, problem field of the process and the result of changes in legislation found creative refraction during the discussion. Comprehension of the technique and technology of transformation of legislation as an integral phenomenon is especially relevant in connection with the intensive growth of the volume of national legislation, the active legitimization of the existence of society, the emergence of new spheres of application of human forces. A systematic analysis of the doctrinal, technical, legal, and practical aspects of the modernization of legislation is intended to become the basis for the formation of significant proposals for improving the law-making process, harmonizing its results, minimizing law-making errors and their impact on legal interpretation and legal implementation activities.

Key words: changes in legislation, modernization, transformation, legal technique, technology, legislative bodies, legislation, doctrine, legal practice, genesis of law, evolution of legislation, subjects of legislative changes, monitoring of legislative activity.

For citation: *Baranov, V.M., Krotkova, N.V., Baranova, M.V. (2022).* Dynamism and stability of legislation: dialectics of functioning of science, practice, technology (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Changes in legislation (doctrine, practice, technique)") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 173–185.

21–24 сентября 2022 г. в Нижнем Новгороде прошел XXIV Международный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (далее – Форум). Мероприятие явилось результатом творческой совместной работы Нижегородской академии МВД России, Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Университет Лобачевского) и Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (НИНПЦ «Юридическая техника»).

Пленарное заседание конференции традиционно открыл инициатор форума «Юртехнетика» ***д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент НИНПЦ «Юридическая техника» В.М. Баранов***. Он отметил, что в этом году Форум объединил рекордное количество участников – 339 человек[1]. О высоком уровне мероприятия свидетельствует участие 11 заслуженных деятелей науки РФ; 10 заслуженных юристов РФ; 5 заслуженных работников высшей школы РФ; 8 почетных работников высшего профессионального образования РФ.

Россия была представлена 39 научными центрами[2]. Широкий географический охват участников и приток молодых исследователей подчеркивают особую значимость научной школы совершенствования техники правотворчества, демонстрируют актуальность доктринальных тематических исследований для обогащения юриспруденции, повышения эффективности юридической практики, позитивной трансформации национального законодательства.

Касаясь содержательных проблем темы Форума, В.М. Баранов кратко обозначил некоторые из них.

Выдвинута доктринальная позиция, согласно которой изменения в законодательстве и изменения в праве – не одно и то же: эти категории не совпадают друг с другом (Л.Б. Еськина и др.). Более того, по убеждению сторонников этого мнения, не ясно, какие из принятых поправок в Конституцию РФ в итоге народ воспримет. Иными словами, далеко не все изменения законодательства в принципе «перерастают» в право. Этот методологического уровня вопрос, надеюсь, подвергнется на Форуме обсуждению. Я всегда выступал против резкого противопоставления «права» и «закона». Мне не ясно, как изменение в 2020 г. текста Конституции РФ может не модернизировать право в целом?

При обсуждении поправок в Конституцию РФ в 2020 г. было много предложений об изменении ее преамбулы. Преамбула Основного Закона государства оказалась нетронутой. Как известно, в научных публикациях самого разного уровня СМИ вносится огромное число предложений по изменению Конституции.

Желательно проводить специальные экспертизы по предельно конкретному вопросу: нельзя ли некоторые предложения об изменении Конституции РФ «внедрить» в ее преамбулу? Так или иначе проблема эта назрела, и Конституционному Суду РФ при интерпретации гл. 9 Конституции РФ необходимо определенно установить, можно ли вносить изменения в преамбулу Основного Закона государства, или ее правовой статус аналогичен неизменяемым первой и второй главам.

Давно назрела законодательная норма (в слабом варианте рекомендация), согласно которой в каждую сессию Государственная Дума обязана принимать не менее 40% базовых законов от общего числа принимаемых документов. Десятилетиями критикуется практика «засилья» законов об изменении ранее принятых актов, но все остается по-прежнему. Как законодательно «сломать» эту практику бесконечного многоразового «латания» нормативных правовых актов? Важно иметь правовой действенный механизм защиты от точечных, не системных законодательных изменений. Требуется также разработка технологий ранней диагностики изменения законодательства.

[1] Среди которых 102 доктора наук, профессора; 140 кандидатов наук, доцентов; 33 преподавателя вузов; 49 практических работников; 128 правоведов из системы МВД России; 59 молодых начинающих исследователей; 13 иностранных участников (из Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, а также Монголии и США).

[2] Барнаул, Белгород, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Курск, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Симферополь, Смоленск, Сочи, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Тольятти, Тула, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Ярославль, Республика Дагестан, Республика Хакасия.

Завершая вступительное эссе, В.М. Баранов объявил тему XXV форума (20–23 сентября 2023 г.). Предметом обсуждения станет тема «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности».

С приветственными словами к участникам Форума обратились: ***С.В. Кабышев*** – Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, канд. юрид. наук; ***Г.Г. Ткаченко*** – врио начальника Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции; ***Е.В. Загайнова*** – ректор Университета Лобачевского, член-корр. РАН, д-р мед. наук; ***Е.В. Ильгова*** – ректор СГЮА, канд. юрид. наук, доц.

В порядке научно-методического эксперимента и своеобразного культурологического введения участникам Форума была предложена тематическая литературно-музыкальная пауза: студент юридического факультета Университета Лобачевского ***Ю.И. Чишкин*** под неординарное музыкальное сопровождение прочитал серию стихотворений о течении жизненного времени, изменении спектра прав и свобод человека, бренности властвования, вечного функционирования законодательных памятников.

Серию докладов пленарного заседания открыл ***д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, зав. кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Международного фонда поддержки правовых инициатив, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (Губкинский Университет), главный ученый секретарь ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ И.М. Мацкевич***. Он констатировал, что тенденции в развитии системы научной аттестации в России прямо и непосредственно связаны с деятельностью Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ (далее – ВАК).

Сейчас идет апробация новой номенклатуры научных специальностей. Для юристов это имеет важное значение, поскольку в юридической науке произошло не механическое сокращение научных специальностей (с 15 до 5), а их объединение в междисциплинарные научные направления. При этом новая номенклатура научных специальностей коррелирует с нормативными изменениями по минимальному числу членов диссертационных советов (далее – диссовет). Если раньше это было 19 ученых, то сейчас – 11. В то же время число штатных докторов наук организации по той научной специальности, по которой действует диссовет, осталось прежним – 5. Имеется возможность кооптировать в состав диссовета кандидатов наук, что делать применительно к юриспруденции необходимо с чрезвычайной осторожностью (не надо забывать, что они будут голосовать за докторские диссертации, формально сами их не подготовив).

Прошло непродолжительное время, поэтому общая оценка изменений, разумеется, преждевременна. Тем не менее можно утверждать, что, с одной стороны, руководители организаций в новые диссоветы стали включать действительно ученых, которые знают свое дело и активно участвуют в научной жизни, избавляясь (в хорошем понимании этого слова) от некоторого балласта, а с другой – многие организации получили возможность открыть диссоветы по тем научным специальностям, по которым у них диссоветов не было.

Все это дает больше возможностей для успешной работы, в том числе для молодых ученых.

Важное значение имеет работа по ранжированию научных журналов, список которых определен приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 12 декабря 2016 г. № 1586 (т.н. перечень ВАК). Поскольку ведущие (американские) базы данных научного цитирования и стоящие за ними руководители коммерческих медийных корпораций приняли политическое решение об отказе в предоставлении информации и соответствующих услуг российским ученым, ВАК, наконец, получила возможность привести в порядок собственные научные журналы (попутно отметим, что в перечень ВАК входят несколько журналов из стран СНГ). В результате проведенного ранжирования, основанного на количественных показателях и качественной (экспертной) оценке экспертов ВАК, все журналы из перечня ВАК поделены на категории: К1, К2, К3. Установлено заранее определенное соотношение числа журналов по этим категориям: К1 – 25%, К2 – 50%, К3 – 25%. Понятно, что в К1 входят наиболее значимые и известные научные журналы, в К2 – журналы, которые немного до этого уровня не дотягивают, и в К3 – журналы, главным редакторам которых следовало бы подумать о существенном улучшении своей работы.

Работа по практическому использованию ранжирования отечественных научных журналов будет заключаться в оценках научной активности членов диссоветов, а также в правилах публикации своих статей соискателями, выходящими на защиту докторской и кандидатской диссертаций (апробация результатов исследования). Например, публикации в журналах К1 скорее всего станут обязательными для тех кандидатов наук, которые претендуют на вхождение в члены диссовета без докторской степени.

Работа по повышению эффективности применения наукометрических показателей будет продолжена и не только применительно к журналам.

В заключение И.М. Мацкевич напомнил, что научная аттестация необходима для продолжения подготовки научно-педагогических работников, т.е. для воспроизводства ученых-юристов. В этой связи нельзя не заметить наметившуюся тенденцию: за последний год на защиту диссертаций стало выходить все больше практических работников, а среди них – большое число действующих судей. В этом нет ничего плохого, но в науке из всего числа защищающихся соискателей остаются работать единицы, в том числе поэтому средний возраст ученых-юристов в целом по стране остается необоснованно предельно высоким – 65 и более лет.

Доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Р.А. Ромашов в своем докладе подверг анализу юридическую технику изменений законодательства в системе «живого права» современной России.

Он особо обратил внимание на то, что юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе российского «живого права» включает три основных инструмента: преобразование аутентичного конституционного текста в рамках традиционной парламентской деятельности в сфере принятия и изменения федеральных конституционных законов; внесение текстуальных изменений в гл. 3–8, посредством которых осуществляется смысловая коррекция законодательных положений гл. 1, 2, которые объявлены текстуально неизменными; внесение смысловых изменений в конституционный текст путем его интерпретации Конституционным Судом РФ. Во всех случаях «живое» конституционное законодательство как нормативная система находится в зависимости от государства, которое

продолжает выступать по отношению к нему в качестве владетельного суверена.

Доктор юрид. наук, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (РГУП) (г. Санкт-Петербург) М.Г. Смирнова в своем докладе обратилась к проблеме трансформации социальных притязаний как доминирующему фактору изменения российского законодательства. Она отметила, что социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Они оказывают прямое влияние на юридическое регулирование общественных отношений. Социальные притязания выполняют значимую роль в формировании права, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений. Основными формами институционализации социальных притязаний выступают нормативный правовой акт и, соответственно, все изменения к нему.

Социальные притязания динамичны, находятся под воздействием различных факторов, которые объективно формируют социальные притязания, определяют их содержание, объясняют причины их многообразия, а также влияют на их последующую трансформацию.

Именно трансформация социальных притязаний выступает доминирующим фактором изменений российского законодательства.

Доклад ***д-ра юрид. наук, канд. культурологии, проф., почетного работника высшего профессионального образования РФ, профессора кафедры теории и истории государства и права, заместителя декана по научной работе юридического факультета Университета Лобачевского, вице-президента НИНПЦ «Юридическая техника» М.В. Барановой*** был посвящен анализу конфликта интересов субъектов рекламной деятельности и технико-юридическим особенностям его преодоления в перманентно трансформирующемся законодательстве Российской Федерации.

По мнению М.В. Барановой, конфликт интересов затрагивает всех субъектов рекламной деятельности: рекламодателя, рекламопроизводителя, рекламораспространителя, рекламопотребителя, потребителя объекта рекламирования и рекламорегулятора. Специфика оснований конфликтной составляющей коммуникации субъектов рекламной деятельности заключена в различии их базовых целей и интересов. Постоянная трансформация рекламного законодательства, рост объема нормативных установлений замедляют процесс освоения сущности властных велений рекламным сообществом, представителями юридической практики. Технико-юридические дефекты правовой регламентации и проблема гармонизации новых нормативных установлений с действующим комплексным рекламным законодательством – основа для противоречий в правоприменении.

Анализ показывает, что возможный путь преодоления проблем коммуникации «право – реклама» контролирующие государственные органы видят в официальном нормативном толковании, перемежающемся с перманентными нормотворческими инновациями. Суждение представителей рекламной сферы о действующем рекламном законодательстве весьма поверхностно. При отсутствии четкой иерархии контролирующих органов с продуманной компетенцией возникает восприятие рекламной сферы как привлекательной «площадки для творчества», что порождает искаженную оценку этого сложного, финансовоемкого бизнеса, требующего профессионализма и органичной интеграции в значимых элементах государства и социума.

Поиск действенных путей минимизации неизбежных конфликтов видится в построении продуманной коммуникации субъектов рекламной деятельности в условиях системного преобразования законодательства, обусловленного учетом реальных потребностей и проблем сферы рекламного бизнеса. Особой актуальностью в этой связи обладают многоуровневый мониторинг действующего рекламного законодательства, баланс идей контроля и защиты прав субъектов рекламной деятельности, выработка границ допустимости правового вмешательства в рекламную сферу, четкая иерархизация и гармонизация властных и невластных регуляторов сферы рекламы.

Доктор юрид. наук, доц., первый заместитель начальника Омской академии (по учебной работе) МВД России М.С. Десятов раскрыл специфику негласного правоприменения, предложил свое видение нормативных юридических предпосылок и перспектив этого специфического процесса.

Негласное правоприменение представляет собой особую форму реализации норм права, выраженную в волевой деятельности специально уполномоченных субъектов в условиях, ограничивающих круг участников возникающих правоотношений. В этом контексте требуют научного внимания и осмысления: а) вопросы формирования и развития правосознания лиц, вовлеченных в оперативно-розыскной процесс; б) сущность, правовая природа и пределы правоприменительного усмотрения сотрудников и руководителей оперативно-розыскных органов; в) значение и перспективы использования актов правоприменения, возникающих в рамках оперативно-розыскного процесса. В рамках выступления озвучены основные результаты исследования обозначенных вопросов, предложены перспективные пути решения отдельных проблем негласного правоприменения.

Профессор В.М. Баранов представил доклад на тему *«Изменение законодательства как социальная травма»*. Юридическая наука и практика не могут игнорировать достаточно серьезные доктринальные наработки философии, социологии, истории, психологии, культурологии о природе «общества травмы», «травмированном и травмирующем субъекте». Теорию дефектов законотворчества и законодательства желательно дополнить еще одной характеристикой – «травмирующее правотворчество», «травмирующий законодатель», «закон как травма». Травматичное законодательство – результат правового антитворчества. Травматичный закон – акт, содержание и форма которого:

деформируют экономические, социально-политические, духовно-культурные отношения, деструктивно воздействует на общество либо его институты;

существенно нарушают (либо разрушают) привычный уклад жизни значительного числа граждан;

резко усиливают чувства незащищенности и неопределенности будущего, культивируются чувства страха, тревоги, растерянности (законодательство о монетизации льгот, повышение пенсионного возраста, увеличение количества законодательных актов временного характера);

вызывают рост уровня социально-политического и иного недовольства, локальных или массовых протестов, повышают не только протестную активность, но и «вербуют» протестантов, выступают катализатором появления оппозиционного лидера, которого сейчас в России нет;

формируют коллективную эмоцию (присущую нескольким ныне живущим поколениям) разочарования и обмана (декреты ВЦИК и СНК 1917–1918 гг. о национализации собственности и денежных средств, «Закон о трех колосках»

от 07.08.1932 г., Соглашение о создании СНГ от 08.12.1991 г., приватизационное законодательство);

подрывают национальное единство, разлагают социальное партнерство (стенограмма заседания Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 г. о территориальном споре между Чечней и Ингушетией);

парализуют правовую активность, тормозят развитие инновационных общественных отношений.

Законодатель призван сводить к минимуму принятие юридических норм, травмирующих субъектов, добиваться минимального урона, ущерба для свободы и достоинства граждан. При этом необходимо понимать, что в любом государстве в определенные периоды его функционирования необходимо принятие травматичных нормативных правовых актов (законов военного времени, юридических норм, регламентирующих ограничения и запреты при чрезвычайных ситуациях природного, техногенного, медико-биологического характера).

Обсуждение проблем изменения законодательства продолжилось на «круглых столах».

Доктор юрид. наук, проф., проректор по научной работе СГЮА С.А. Белоусов посвятил свое выступление проблемным аспектам преодоления состояний дисбаланса в российском праве посредством системной и выверенной правотворческой деятельности, опирающейся на современные достижения отечественной юридической доктрины и юридической техники.

Он акцентировал внимание на том, что в сопоставлении дисбаланса и сбалансированности системы российского законодательства предпочтение всегда отдается последней, и разбалансированность чаще воспринимается с отрицательным значением, хотя в то же время понятно, что систему законодательства нельзя полностью избавить от дисбаланса. Порой он играет роль катализатора ее развития и достижения сбалансированности. Ясно и другое: неуравновешенность системы законодательства, ее неустойчивость и разнокачественность различных уровней и элементов негативно влияют на эффективность механизма правового регулирования, на формирование порой противоположной практики применения нормативных правовых актов, а в конечном счете на состояние законности и правопорядка, а также обеспеченности прав и свобод человека и гражданина, на возможность эффективно защищать права и интересы.

Ранее в юридической литературе неоднократно указывалось, как, например, опережающее правотворчество субъектов Российской Федерации ведет к нарушению почти всех функциональных, в первую очередь координационных, связей в системе законодательства, к коллизиям и другим негативным ее состояниям, поэтому юридическая наука призвана обнаружить пути и выработать технико-юридические способы и методы преодоления подобных и иных дисбалансовых состояний системы законодательства. Таковые весьма разнообразны. В их числе, по мнению С.А. Белоусова, ведущую роль следует отводить специализации и унификации законодательства, реализация которых субъектами правотворчества в диалектическом единстве и взаимосвязи способна привести к необходимому равновесному состоянию нормативно-правовой материи. Результатом взаимодействия процессов специализации и унификации служит обеспечение эффективного правового регулирования, при этом они могут осуществляться последовательно; параллельно друг другу; с одинаковой степенью интенсивности или при главенствующей роли одной из них.

Подводя итог своему выступлению, С.А. Белоусов подчеркнул то обстоятельство, что специализация и унификация законодательства как парные процессы, протекающие в нем, в качестве своего объекта имеют именно систему нормативных правовых актов, форм внешнего выражения права, и подменять указанные процессы дифференциацией и интеграцией содержания права и правового регулирования недопустимо.

Неординарный подход к пониманию изменений представил ***д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, профессор департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права НИУ ВШЭ В.Б. Исаков***, отметивший, что создание новых законов и внесение в них изменений – два разных способа движения законодательства, обеспечивающие его динамизм и связи с жизнью. По мере становления правовой системы, основанной на Конституции РФ, количество новых «системообразующих» законов уменьшалось и увеличивалось количество законов об изменениях в действующее законодательство. Эта тенденция убедительно подтверждается статистикой правовых баз данных с 1993 г. по настоящее время.

Вместе с тем в процедуре внесения изменений в законодательство есть немало проблем содержательного и технико-юридического характера. Во-первых, изменения подчас разрушают первоначальную концепцию закона. В Государственной Думе существует практика, когда «поправками» депутаты изменяют концепцию внесенного законопроекта на стадии второго и даже третьего чтения. Регламентом для подобных случаев предусмотрен возврат в первое чтение, но эти нормы соблюдаются не всегда.

Во-вторых, распространена практика внесения изменений в изменения, что чрезвычайно затрудняет кодификацию принимаемых законов. Собрать из подобных фрагментов действующую редакцию закона без компьютера практически невозможно.

В-третьих, поправки «вклеиваются» в находящиеся на последних стадиях посторонние законы. В результате образуются разношерстные по содержанию законы, которые депутаты сами иронически называют «братскими могилами».

К счастью, в 1990-е годы удалось убедить законодателей отказаться от практики внесения изменений в объеме полной новой редакции закона, что заводило кодификацию этих актов в тупик, поскольку обе редакции закона (и старая, и новая) юридически оставались действующими.

Рассмотрение изменений законодательства с позиций юридического источниковедения и технологического подхода к изучению носителей государственно-правовой информации нашло отражение в докладе *«Доктринальный анализ в юридическом источниковедении: понимание, методика проведения, использование результатов при изменении законодательства»* ***д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, главного научного сотрудника управления научных исследований, профессора кафедры теории государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева С.В. Кодана***. Он представил понимание доктринального анализа как исследовательской конструкции изучения источников познания государства и права. В авторском определении доктринальный анализ источников познания государства и права выступает как вид аналитических практик в юридическом источниковедении и представляет собой совокупность взаимосвязанных, взаимообусловленных и выстроенных в определенную технологическую схему методологических приемов и технологических алгоритмов изучения явлений, процессов, действий и результатов, связанных с местом и ролью

доктрины в юридической сфере жизнедеятельности общества. С.В. Кодан показал место и роль доктринального анализа в изучении доктрины в организации государственной власти и управления, законодательной и правоприменительной деятельности, источников и форм права, юридической практике, а также научных исследованиях.

О проблеме изменений в законодательстве в контексте теории умного регулирования рассказала ***д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета М.Л. Давыдова***. В рамках доклада она выделила два этапа проработки изменений. Первый, концептуальный, этап требует обоснования необходимости внесения корректировок в существующее регулирование, включая не только формальный анализ (правовая экспертиза таких законопроектов, как правило, ограничивается подтверждением их непротиворечия действующему законодательству), но и полноценную оценку регулирующего воздействия. Второй этап включает синхронизацию предлагаемых изменений с существующими правовыми нормами – как содержательную, так и стилистическую. Чтобы преодолеть устойчивую тенденцию к усложнению языка закона, с каждыми последующими изменениями целесообразны разработка и использование в законопроектной деятельности компьютерной программы для оценки уровня языковой сложности текста. В качестве критериев качества изменений в законодательстве предложено выделять два: неизбежность изменений (вносить, только когда без этого невозможно обойтись) и целостность системы законодательства, которая должна сохраняться при их внесении.

Доктор юрид. наук, доц., директор НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, руководитель НОЦ «Государственно-правовая политика современной России» В.В. Трофимов, исследуя специфику динамики законодательства, проявляющуюся в изменениях, проводимых всеми субъектами правотворчества, фиксирует биполярность последствий нормативных нововведений. Вполне убедительный ответ на вопросы: почему право меняется так быстро; почему законодатель не способен серьезно ограничить себя в том, чтобы не менять по многу раз один и тот же закон? – может предложить, по мнению В.В. Трофимова, многофакторный подход в праве, о котором высказывались и высказываются зарубежные (А. Нашиц, Г. Дж. Берман и др.) и отечественные (Т.И. Ойзерман, С.В. Поленина и др.) авторы.

Оригинальное видение интереса как первопричины правообразования и доминанты изменений законодательства нашло отражение в докладе ***д-ра юрид. наук, проф., профессора кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя В.И. Червонюка***. Проведенный авторский анализ за период с 2017 по 2021 г. принятых федеральных законов свидетельствует о том, что удельный вес вновь принятых законов не превышает 4%. Выступающий сформулировал ряд положений, имеющих методологическое значение для практического решения рассматриваемой проблемы: 1) содержательные изменения в законе связаны с изменяющимся содержанием правообразующего интереса; 2) изменения (содержательные) в законе при том условии, что содержание интереса (его предмет, субъектный состав и др.) остается неизменным, означает неправовое (необоснованное) изменение закона; 3) внесение изменений в ранее принятый закон при условии неизменности интереса означает, что в момент принятия закона имели место первоначальные пробелы; 4) многообразие юридических форм выражения интереса означает, что отсутствие необходимого для урегулирования возникшей ситуации нормативного предписания не является пробелом в позитивном праве.

Обращаясь к функциональной характеристике современного государства, ***д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя Г.М. Лановая*** обратила внимание на то, что в современных условиях, характеризующихся ускорением темпов развития общественных отношений, в функционировании государства акцент постепенно смещается с деятельности, связанной с выяснения существа актуальных проблем и определения способов их решения, на прогнозирование перспектив развития объектов государственно-властного воздействия, возможных в этой связи негативных тенденций, планирование и реализацию конкретных мер для их предупреждения или устранения. В рассматриваемой ситуации законодательство перестает быть востребованным в качестве инструмента консервации наиболее целесообразных отношений, его основными функциями становятся декларирование и адаптация, повышается значимость идеологической функции, законодательство существенно усложняется.

Углубляя проблематику политико-правового прогнозирования, ***д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета А.И. Овчинников*** раскрыл эпистемологические и логико-методологические аспекты прогнозирования права, указав на необходимость выхода за рамки механицизма и детерминизма, который присущ как диалектико-материалистической, так и цивилизационной концепции. По его мнению, более корректной будет социоконструктивистская парадигма правовой реальности, учитывающая осознанность и свободу воли каждой человеческой личности, обращающая внимание на роль коммуникативных практик в основании социума, а также на влияние дискурсивных практик формирования права. Перспективным представляется постепенный процесс созидательного государственно-правового строительства с учетом политико-правовых традиций с опорой на современные методы социального конструктивизма.

К анализу факторов обратился и ***д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева А.С. Шабуров***. Важнейшим фактором, порождающим изменения в законодательстве, с его точки зрения, являются новейшие положения юридической науки. Один из таковых – новая юридическая конструкция «циклический правовой массив». Введение его в юридическую науку и законодательную практику привело к изменению как системы права, так и содержания ее элементов. Примером может служить правовой циклический массив как юридическая конструкция, используемая при правовой регламентации отношений системы образования.

Культура правотворчества предстала перед слушателями как фактор эффективности законодательных изменений в докладе ***д-ра юрид. наук, проф., заслуженного работника высшей школы РФ, зав. кафедрой теории права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина О.И. Цыбулевской*** и ***д-ра юрид. наук, доц., зав. кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина Т.В. Милушевой***. Проблема законодательных изменений была рассмотрена в контексте культорологического подхода к правотворчеству. Подчеркивается, что культура правотворчества имеет смешанную социально-правовую природу. Культура правотворчества

формируется под воздействием общей культуры, являясь при этом частью правовой культуры. Диалектическое соотношение феномена правовой культуры и культуры правотворчества раскрывает процесс их взаимного перехода, в котором посредством интеллектуально-творческого постижения объективной реальности рождаются новые смыслы права. Использование потенциала данного методологического подхода и арсенала различных практик юридической техники позволяет наметить пути повышения эффективности законодательных изменений.

Доктор юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета С.Н. Махина остановилась на вопросе эволюции современной межкультурной коммуникации как факторе изменения и национального, и международного законодательства. В частности, она подчеркнула, что усложнившееся на фоне текущих геополитических потрясений взаимодействие различных культурно-дифференцированных сообществ и государств требует разработки принципиально новых организационно-правовых коммуникативных подходов. С.Н. Махина полагает весьма своевременным начало комплексной работы по поиску универсальных концептов базовых правовых категорий и конструкций российскими и зарубежными правоведами в целях их перспективного закрепления.

В докладе ***канд. юрид. наук, доц., заместителя директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь В.А. Шаршуна*** нашли отражение новые возможности для систематизации законодательства, обусловленные цифровизацией. Докладчик конкретизировал вопросы современного состояния и оптимизации нормативного правового массива Республики Беларусь, указал, что важной задачей является обеспечение постоянного мониторинга нормативного правового массива на предмет его сбалансированности и оптимальности, недопущения избыточности правового регулирования, выявления устаревших правовых норм. Особое значение в решении этих задач принадлежит государственным информационно-правовым ресурсам, а также разрабатываемой в настоящее время автоматизированной информационной системе «Нормотворчество».

В сообщении на тему *«Роль юридической доктрины в изменениях законодательства зарубежных стран»* ***д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории права и сравнительного правоведения МГИМО А.А. Малиновский*** отметил, что юридическую доктрину следует воспринимать в качестве первоисточника большинства изменений в законодательстве. Любая идея правовой реформы, концепция законопроекта, научная дефиниция юридического термина первоначально формулируются в доктрине, вооружившись которой, законодатель вносит научно обоснованные изменения в соответствующие законодательные акты. При этом в целом ряде зарубежных стран верховенство самой доктрины в системе источников права закрепляется на законодательном уровне.

Теория эволюции права и законодательства легла в основу доклада ***д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, зав. кафедрой теории и истории государства и права Московского университета им. А.С. Грибоедова В.В. Оксамытного***. Он особо подчеркнул, что развитие законодательства в системе нормативно-правового регулирования общества, находясь в тесной связи с изменениями в позитивном праве, далеко не всегда следует в его фарватере, оно способно как идти на опережение, так и основательно отставать в своей эволюции. Соответственно, обращено внимание на проблемные аспекты понимания законодательства и его трактовки в юридической теории и практике, критерии и показатели результативности законов, а также на дискуссионные аспекты соотношения системы законодательства, системы права и правовой системы.

В своем выступлении ***д-р юрид. наук, доц., профессор кафедры теории государства и права СГЮА, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета С.Ю. Суменков*** указал на изменения в корреляции общего и специального законодательства. По его мнению, соотношение специального и общего нормативного материала дуалистично и обусловлено происходящими изменениями, имеющими как объективный, так и субъективный характер. С одной стороны, происходящие изменения трансформируют соотношение общего и специального законодательства; с другой – изменение в количестве и качестве специальных предписаний влечет изменение законодательства, в том числе и восприятия того, что же является общим, а что – специальным. Важное значение имеет гармонизация общего и специального закона, что более чем значимо в контексте различного рода изменений.

В докладе *«Развитие системы конвенциональных правовых ценностей как фактор изменения законодательства»* ***д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя А.И. Клименко*** отметил, что изменение соотношения классовых сил в обществе обусловливает динамику развития всей системы конвенциональных правовых ценностей в процессе публичного правового дискурса, влечет изменения в правовой политике государства и законодательстве. Необходимость соответствовать содержательным – ценностным – основаниям права порождает соответствующие изменения нормативной системы права. Только в этом случае последняя воспринимается как легитимная релевантная конфигурации интересов и потребностей социальных акторов (прежде всего классовых интересов).

Свое выступление на тему *«Совершенствование действующего законодательства России как средство формирования его нового облика»* ***д-р юрид. наук, проф. Л.А. Морозова*** посвятила переосмыслению роли изменений и дополнений, вносимых в последние годы в действующее российское законодательство, подчеркнув, что они обладают определенными особенностями и обусловлены конкретными закономерностями в развитии права России. Среди такого рода закономерностей были названы: усиление публичного характера изменений; повышение их социальной ориентированности; направленность на обеспечение безопасности личности, общества и государства; влияние процессов цифровизации на изменение облика законодательства в России.

Кандидат юрид. наук, доц., доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Университета Лобачевского О.Б. Купцова заострила внимание на том, что сегодня активно осуществляются процессы правового развития, предопределяющие формирование комплексов наднормативного системного характера, использование иного структурирования нормативного материала. В этом отношении технико-юридические константы получают свое новое содержательное наполнение, отражая реалии поступательного развития общества в рамках научно-технического прогресса. Топические основания права должны найти отражение в основных направлениях изменения законодательства.

В докладе *«Генезис модели человека в праве в эпоху Нового времени: методологические возможности и ограничения*

в контексте утверждения классической рациональности» ***канд. юрид. наук, доц., докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь В.И. Павлов*** раскрыл процесс формирования новоевропейской модели субъекта права с методологических позиций. Ученый проанализировал влияние общефилософских методов рационализма и эмпиризма, в целом концепции рациональности на разработку гуманистической модели правового субъекта, указал недостатки новоевропейской модели субъекта права. В качестве отдельного положения рассмотрел альтернативные варианты формирования антропологии права, в частности византийскую концепцию правового человека.

Доктор юрид. наук, доц., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ (г. Пермь) С.Б. Поляков в своем сообщении показал изменение законодательства судебным правотворчеством contra legem, создающим правовую неопределенность, и создающее правовую определенность судебное правотворчество при выявлении в решении дел дефектов законодательства. Для отличия одного от другого необходим структурный анализ норм права, содержащихся в законодательстве, на основе которого сформулированы виды судебного правотворчества, не противоречащего, а дополняющего законодательство в соответствии с содержащимися в нем принципами и нормами. Основанием законного судебного правотворчества является аргументация в судебном акте дефекта законодательства. Обоснованы условия не противоречащей закону конкретизации законодательства судами.

Доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист Республики Армения, зав. кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета А.С. Гамбарян провел доктринальный и сравнительно-правовой анализ государственно-правовой практики развития права contra legem. При развитии права contra legem имеется законодательное регулирование, но, несмотря на это, правоприменительный орган, исходя из определенных правомерных целей, принимает решение вопреки законодательно закрепленному правилу.

Понятие «правоприменение contra legem», в частности, встречается в судебной правоприменительной практике, воплощаясь в действия суда против (вопреки) закона, которые направлены на реализацию правомерных целей и ценностей (например, сохранение государственности), в то время как формулировка «правотворчество contra legem» характеризует действия против (вопреки) закона, совершенные законодательным органом в своей правотворческой деятельности. Правоприменение contra legem также встречается в правоприменительной практике органов исполнительной власти. А.С. Гамбарян утверждает, что правоприменение contra legem и extra legem имеют определенные сходства, поэтому с целью их разграничения предлагает различать жесткий и мягкий виды правоприменения contra legem.

В докладе на тему *«Правотворческая политика и модернизация законотворчества»* ***д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета А.П. Мазуренко*** предложил понимать под такой модернизацией процесс непрерывного обновления, актуализации идей и планов законотворчества, позволяющий более мобильно связывать законодательную деятельность с социально-экономическими, политическими, правовыми и духовными потребностями общества, сделать законотворчество и правотворчество в целом более гибкими и адекватными вызовам времени.

Доктор юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета В.Ю. Туранин в своем докладе раскрыл политические предпосылки изменений в российском законодательстве. Особо он подчеркнул важность и своевременность поправок в действующие российские нормативные правовые акты, связанные с осуществлением специальной военной операции, которые были приняты в первой половине 2022 г. Мораторий на плановые проверки малого и среднего бизнеса, а также на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов, введение параллельного импорта, кредитные каникулы для предпринимателей – это лишь некоторые жизненно необходимые меры, направленные на укрепление суверенитета страны в сложившихся непростых условиях, позволившие стимулировать отечественную экономику, минимизировать негативное воздействие внешних санкций, а также сохранить политическую стабильность внутри России.

Трансформация конституционных установлений нашла отражение в ярких выступлениях видных представителей науки конституционного права.

В докладе *«Парадоксы конституционных реформ»* ***д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ, профессора кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета Т.Д. Зражевской*** проанализированы противоречия, которые возникли в тексте Конституции РФ как результат внесения поправки 2020 года. Охватывая одним Законом о поправке разные по смыслу и назначению статьи, данная реформа привела к некоторому нарушению внутренней согласованности этого важнейшего нормативного акта как по формальным юридико-техническим признакам, так и по содержанию. Парадоксы содержательного характера наиболее ярко проявились в поправках к тексту гл. 3, из которых большая часть была посвящена социальным правам и культурной идентичности граждан, но не федеративному устройству; в создании внеисторических традиций института пожизненных сенаторов; в централизации власти и отказе от принципа субсидиарности в условиях провозглашения демократического федеративного правового государства.

В докладе *«Изменение законодательства и конституционная футурология»* ***д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, профессор Тольяттинского государственного университета Н.А. Боброва*** подчеркнула, что если каждая норма права несет в себе некую программу, правовой алгоритм развития будущего, то в нормах конституционного, в частности избирательного, права такой программный алгоритм заложен вдвойне, поскольку на их основе формируются и функционируют те самые органы власти, которые принимают законы и другие нормативно-правовые акты.

Свое видение значимых факторов, влияющих на совершенствование законодательства, представила ***д-р юрид. наук, доц., профессор кафедры конституционного права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева С.Э. Либанова***, подчеркнув, что только наличие развитого гражданского общества, конституционная институализация которого возможна на основе предлагаемой ей демократии, позволит ему активно развиваться и осуществлять эффективный профессионально-правовой общественный надзор за деятельностью органов системы публичной власти. Этот аспект рассматривается С.Э. Либановой как реальная возможность создания правового государства, способного эффективно обеспечивать реализацию конституционных ценностей, основанных на культурном коде народов России.

Живой интерес аудитории вызвало системное осмысление законодательного обеспечения суверенитета государств на постсоветском пространстве, основанное на изучении специфики Конституции Республики Таджикистан. ***Доктор юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института философии и права Академии наук Республики Таджикистан З. Дж. Маджид-зода*** акцентировал внимание на нормах-принципах, лежащих в основе Конституции РТ, обеспечивающих сочетание сильной президентской власти и реально работающих институтов гражданского общества с эффективными механизмами народного волеизъявления.

Историко-правовому аспекту проблемы изменения законодательства была посвящена серия докладов.

Кандидат пед. наук, доц., доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Московского университета им. А.С. Грибоедова В.П. Пономарева обратилась к началу XX в., когда бурно развивающиеся общественные отношения привели к смене культурных парадигм русского модернизма в сфере права. Прослеживая соответствующие изменения в понимании права как явления цивилизации и культуры на примере психологической теории права Л.И. Петражицкого и его учеников (в частности, проф. Г.К. Гинса), автор приходит к выводу, что модернизм как качественно новая интерпретация научного знания был нацелен на поиск определенности и незыблемых оснований в законодательстве.

Доктор юрид. наук, доц., заслуженный работник высшей школы РФ, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России Т.Е. Грязнова, раскрывая взгляд отечественных юристов конца XIX – начала XX в. на изменение права, акцентировала внимание на том, что основные тенденции права (сокращение чрезвычайного законодательства, расширение сферы правового регулирования, формирование новых отраслей, изменение характера права, расширение его регулятивной функции и др.) формируются под воздействием целого ряда объективных и субъективных факторов, а также условий. Данные сравнительного правоведения, по мнению юристов, открывают возможность научного прогнозирования перспектив эволюции права и осознанного выбора направления развития национальных правовых систем.

Доктор юрид. наук, проф., и.о. зав. кафедрой судебной и прокурорской деятельности, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Университета Лобачевского Н.И. Биюшкина подвергла анализу эволюцию нормативно-правового регулирования федеративных отношений в Советском государстве[3]. Она сконцентрировала внимание на том, что в начале 1920-х годов ярко проявились два взаимоисключающих начала в организации и регулировании федеративных отношений: формализация социалистического многосоставного государства; стремление к интернационализации коммунистической идеи и власти в межконтинентальном масштабе. К середине 1930-х годов побеждает первая линия в пользу юридизации, строительства федеративного социалистического государства в фашистском, нацистском капиталистическом окружении, поскольку иллюзии, связанные с мировым революционным процессом, в руководстве Советского государства были исчерпаны.

Генезис советских правовых норм о федеративном устройстве[4] рассмотрел ***канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Университета Лобачевского Ф.С. Сосенков***, пришедший к выводу, что федерация стала компромиссом между идеальным с точки зрения марксистского учения унитарным государством и сепаратистскими устремлениями многих российских национальных окраин.

Яркими участниками дискуссии о специфике трансформации законодательства на разных исторических этапах развития Российского государства стали ***М.М. Яковлев, Л.Ю. Варенцова, Г.Н. Крижановская***.

В докладе *«Техника анализа текстов Торы и послесинайское правотворчество как элементы модификации иудейской правовой системы в современном компаративистском дискурсе»* ***д-р юрид. наук, доц., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Университета Лобачевского, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета Е.В. Калинина*** отметила, что трансформации современных правовых систем требуют не только анализа развития международного правотворчества и национального законодательства, но и компаративной ретроспективы динамики процессов, сформировавших действующее представление о праве в целом.

Анализ широкого спектра нормативных правовых актов, подвергшихся модернизации, позволил ряду участников Форума предложить слушателям оригинальные выводы, дать интересные доктринальные предложения.

В своем сообщении ***канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России А.В. Червяковский*** проанализировал федеральные законы и указы Президента РФ за последние 12 лет, внесшие изменения в федеральное законодательство, регулирующее порядок доступа к правовой информации. Особое внимание было уделено указам Президента РФ, которые фактически определили сложившуюся систему официального опубликования нормативных правовых актов в Российской Федерации. А.В. Червяковский более подробно остановился на содержании Указа Президента РФ от 3 марта 2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru)», предусматривающего, в частности, создание и функционирование базы данных нормативных правовых актов с внесенными в них изменениями.

К исследованию серии законопроектов обратился коллектив авторов в составе ***д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ, почетного сотрудника МВД России, профессора Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ В.П. Сальникова, д-ра юрид. наук, проф., профессора Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ С.И. Захарцева*** и ***д-ра юрид. наук, проф., главного научного сотрудника, и.о. первого заместителя директора Института государства и права РАН Е.В. Виноградовой***. Итогом анализа явилось предложение называть акты, внесенные в парламент, не рассматриваемые в течение нескольких лет, а затем принятых практически без замечаний, «дормантскими». В основу термина была взята классическая французская литература, где часто встречается слово

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43043.

[4] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43043.

“dormant” и переводится как «спящий», а также учтен классический для всей юриспруденции латинский язык, в котором “dormientes” переводится как «спящие».

В обсуждение специфики и значения мониторинга законодательства, принципов и ценностей, лежащих в основе процессов трансформации, активно включились ***М.Ю. Гутман, Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, С.П. Хаитов (Республика Таджикистан), Е.А. Брылева, С.А. Денисов***.

Доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России В.А. Толстик рассмотрел проблему обоснованности изменения законодательства. Отмечая особую актуальность проблемы противодействия необоснованному изменению законодательства, для эффективной реализации этого процесса было предложено: во-первых, определить и нормативно закрепить основания обоснованного изменения норм права; во-вторых, осуществить комплекс мер, сдерживающих необоснованную активность законодателя. В их числе выделены меры, направленные на совершенствование законодательства в части минимизации оснований, явно или имплицитно побуждающих субъекта правотворчества к внесению изменений в действующее законодательство, и меры, направленные на ограничение правотворческой активности самого нормотворца.

Кандидат юрид. наук, заместитель начальника управления правовой экспертизы и мониторинга законодательства и правоприменения Государственно-правового департамента губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, старший преподаватель кафедры конституционного права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева А.В. Блещик посвятил доклад анализу подходов к проведению правовой экспертизы т.н. изменяющих правовых актов (актов, направленных на внесение изменений). Отмечается, что при сохранении набора экспертных процедур объем и качество их в отношении изменяющих правовых актов и их проектов может заметно отличаться. В частности, при проведении правовой экспертизы проекта изменяющего акта может не проводиться проверка корректности его формы, поскольку она следует за формой первичного акта; в усеченном формате может проводиться проверка правотворческой компетенции принимающего органа.

Доктор юрид. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права М.Д. Фоминская обратилась к религиозным основаниям изменения законодательства. Свидетельством однозначной позиции государства в отношении религиозных ценностей стала поправка о вере в Бога в Конституцию РФ в 2020 г. Большую роль в правотворческом процессе играет признание религиозных объединений институтами гражданского общества, что способствует трансляции инициатив традиционных конфессий, оглашению их законных интересов и представлений в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Кандидат юрид. наук, доц., профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России А.В. Парфенов в своем выступлении отметил, что помимо динамики общественных отношений научному сообществу и субъектам правотворчества в обязательном порядке следует учитывать интересы, присущие целому ряду субъектов. Противоречия и конкуренция между ними на практике выступают одной из основных причин, обусловливающей частые, нередко необоснованные, изменения нормативных правовых актов.

Проблема неопределенности формулировок юридико-технических критериев, которыми может пользоваться законодатель при внесении изменений, вводящих аппаратно-программный автоматизм правового регулирования, нашла отражение в докладе ***канд. юрид. наук, доц., доцента кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС при Президенте РФ П.В. Васильева***.

Взаимосвязь судебной практики и изменения законодательства получила освещение в цикле докладов видных специалистов.

Доктор юрид. наук, судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке) Н.А. Колоколов, раскрывая роль судебной практики в изменении законодательства, анализирует конкретные примеры из области судоговорения, доказывает, что писаный текст закона – не более чем своего рода «полуфабрикат», регулятивному потенциалу которого еще только предстоит раскрыться в будущем. Подтверждением или, наоборот, опровержением качественных характеристик «свежеиспеченного» закона является только текущая судебная практика. В числе многих прочих форм правоприменения переоценить ее роль невозможно, ибо она есть одна из основных форм констатации разумности (неразумности) направления в развитии общества, которого в своей политике придерживается законодатель. В подавляющем большинстве случаев судебная практика – смесь права позитивного и конкретного временного формата морали, которая, помимо этого, является базой модернизации большинства законодательных основ в любом государстве.

Советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ М.В. Скляренко представила свои рассуждения об исключительной значимости судебных решений высших судов Российской Федерации в упорядочивании судебной практики. Докладчик обосновывает свое мнение особенностью архитектуры российского правосознания, в основе которого лежит общепризнанное всенародное требование к «освящению» норм реального права институтами высших органов государственной власти: Президентом РФ, палатами Федерального Собрания РФ, а равно практикой применения этих норм высшими судебными инстанциями: Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ.

В докладе *«Судебные правовые позиции как средство формирования “правильной” судебно-следственной практики в уголовном судопроизводстве России»* ***д-ра юрид. наук, проф., профессора кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Н.Н. Ковтуна*** на обсуждение поставлен вопрос о роли в правовом регулировании судебных правовых позиций, формируемых посредством толковательных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и судебных прецедентов – эталонов применения права.

Судебная практика как источник и средство изменения законодательства подверглась анализу в выступлении ***д-ра юрид. наук, доц., профессора кафедры правосудия Пензенского государственного университета П.А. Гука***. Право законодательной инициативы предоставлено и высшим судебным органам, которые создают судебную практику, ориентируя нижестоящие суды на единообразное применение норм законодательства, формируют правовые позиции, направленные на преодоление пробелов, юридических неточностей в законодательстве. Механизм использования судебной практики субъектами законодательной инициативы для внесения изменений в законодательство на основе правовых позиций еще недостаточно востребован, требует дальнейшего развития и совершенствования.

В дискуссии о доктринальной специфике взаимосвязи судебной практики и изменений законодательства приняли активное участие ***М.А. Соколова*** и ***В.М. Большакова***.

Ключевым вопросам изменения законодательства, регулирующего различные аспекты деятельности правоохранительных органов, были посвящены доклады ***А.П. Стоцкого*** (изменение законодательства, регулирующего деятельность музеев, исторических экспозиций и комнат истории в системе МВД России), ***А.Г. Супрунова*** (основные тенденции и перспективы совершенствования образовательного процесса в образовательных организациях МВД России), ***А.С. Лизунова*** (официальное предостережение, исходящее от органов внутренних дел), ***К.И. Воронкова*** (идея о создании специальной Службы пробации в структуре ФСИН России).

Отраслевые аспекты изменения законодательства были широко представлены в рамках докладов.

Доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, эксперт ВАК Министерства науки и высшего образования РФ по праву Б.Я. Гаврилов продемонстрировал ключевые позиции современной правовой доктрины и правоприменителя относительно феномена уголовного проступка в системе российского законодательства. Законопроект, предусматривающий введение в Уголовный кодекс РФ уголовного проступка, предлагает отнести к этому составу 112 составов преступлений небольшой и средней тяжести, включая 53 состава преступлений в сфере экономики.

Необходимость принятия данного законопроекта (в числе других причин) обусловлена высоким уровнем криминализации российского общества, ибо в начале 2000-х годов ежегодно к уголовной ответственности привлекалось 1.5 млн граждан, к 2010 г. их число сократилось до 1 млн и в 2021 г. составило 720.6 тыс. граждан. Такое положение вещей негативно сказывается на ресоциализации граждан после отбытия ими уголовного наказания и в целом на состоянии российского общества.

Доктор юрид. наук, проф., декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета С.В. Шевелева в своем докладе осветила проблемы, с которыми может столкнуться правоприменитель при реализации ст. 171^5 «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)» УК РФ, введенной в уголовный закон в 2021 г. Она также отметила некоторые технико-юридические погрешности, имеющие место в диспозиции данной нормы.

Изменениям уголовного законодательства России в сфере охраны интересов внешней экономической деятельности посвятил свое выступление ***д-р юрид. наук, доц., начальник Ростовского юридического института МВД России К.А. Плясов***. «В действующем уголовном законе России, – отметил он, – не закреплено отдельной главы, объединяющей нормы об ответственности за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, но, несмотря на это, в науке и практике сложилось несколько подходов относительно выделения норм об ответственности за преступные посягательства в исследуемой области. При этом развитие норм об ответственности за их совершение прошло через несколько этапов, способствующих повышению эффективности противодействия такого рода преступлениям, что позволило выделить основные тенденции трансформации как самих внешнеэкономических отношений, так и уголовно-правовых запретов за посягательства на них».

В докладе ***канд. юрид. наук, доц., доцента кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Университета Лобачевского С.С. Тихоновой*** дан анализ действующего нормативного регулирования порядка разработки и оформления концепций законопроектов и перспектив его совершенствования с учетом опыта государств – членов ЕАЭС в целях устранения его бессистемности, противоречивости, пробельности и санкционной необеспеченности.

В выступлении на тему *«Мораторий на текущие изменения уголовного законодательства: pro et contra»* ***профессоров кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета – д-ра юрид. наук, доц. А.И. Ситниковой*** и ***д-ра юрид. наук, проф. Г.В. Назаренко*** показаны законодательно-текстологические средства повышения качества и эффективности уголовного закона, необходимые для разработки нового Уголовного кодекса РФ. Как необходимый фактор поддержания стабильности правоприменения авторы предложили введение долговременного моратория на изменения нового уголовного закона.

Выступление ***канд. юрид. наук, доц., и.о. декана юридического факультета Университета Лобачевского Е.Е. Черных*** было посвящено технико-юридическим особенностям изменений законодательства об уголовной ответственности за профессиональную преступность медицинских работников. Обозначены группы профессиональных преступлений, которые совершаются медицинскими работниками, и вопросы применения норм об ответственности за данные деяния. Критически рассмотрены основные изменения, вносимые в Уголовный кодекс РФ по указанному вопросу. Продемонстрирована дефектность некоторых бланкетных и отсылочных норм уголовного законодательства.

В анализ проблемы концептуального единства изменений в уголовно-процессуальном законодательстве погрузился ***д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета А.А. Тарасов***.

С позиций концептуальной целостности оценивается крупный пакет изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодексе РФ в июне 2007 г. и направленных на укрепление независимости следственного аппарата и процессуальной самостоятельности следователя. Концептуально ошибочным здесь оказалось полное отмежевание деятельности прокурора от формулирования и обоснования обвинения, которое именно прокурор по окончании предварительного следствия направляет в суд и поддерживает в суде. Практика вынуждена была исправлять этот законодательный просчет фактическим привлечением прокурора к участию в предварительном следствии по инициативе самих следователей вне процессуальных форм.

Кандидат юрид. наук, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России А.В. Курсаев в своем докладе рассмотрел изменения в уголовном законодательстве и правоприменительной практике о применении сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Он отметил, что правомерность их применения должна оцениваться не только на соответствие Уголовному кодексу РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление), но и положениям Федерального закона «О полиции», который в этом случае приобретает черты бланкетного правового акта.

Отдельные аспекты уголовно-правовой проблематики конкретизировались в репликах участников: ***С.В. Власова*** (перспективы изменения порядка выдвижения обвинения

по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности), ***А.Ю. Афанасьев*** (закономерности изменений уголовно-процессуального закона).

В выступлении ***канд. экон. наук, заместителя начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе), полковника полиции О.Л. Морозова*** особое внимание было уделено экономическим факторам изменения законодательства (технологиям рационального выбора). В частности, он указал, что до сравнительно недавнего времени (примерно до половины XX в.) экономику следовало рассматривать как сложную систему, продукт единства и борьбы противоположностей – собственно экономики (деятельность по удовлетворению потребностей людей) и хрематистики (деятельности по извлечению прибыли). В настоящее же время система должна перейти в качественно новое состояние путем устранения посредников между человеком и его потребностями (снятие излишнего отчуждения) и возвращения экономики к своему исходному смыслу.

Кандидат юрид. наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН Е.В. Скурко раскрыла основные проблемы совершенствования систематизации законодательства в России на примере дискуссии о «хозяйственном кодексе». Дебаты вокруг необходимости создания хозяйственного кодекса в отечественном праве имеют вековую историю. С учетом того, что «правопреемником» хозяйственного права СССР позиционирует себя «предпринимательское право» современной России, вопрос в разрезе систематизации законодательства в части, касающейся хозяйственного (предпринимательского) права, можно сформулировать следующим образом: а) следует ли признать необходимость создания хозяйственного кодекса с учетом современных обстоятельств в принципе? б) в случае наличия такой необходимости, каков критерий соответствующей типологии: по основанию целей действий (предпринимательская либо непредпринимательская деятельность – в рамках гражданского права); по основанию масштаба и (или) содержания деятельности (различение правовых режимов для малого, среднего, крупного бизнеса либо форм хозяйствования); по основанию формы собственности (частная, государственная и др.)?

Кандидат юрид. наук, докторант кафедры административного права и процесса Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) М.В. Дегтярев дал свое видение перспективы инновационных публично-правовых режимов и нетипичных регуляторных технологий в надзорной деятельности. Идея новейших (передовых, сверхтехнологичных) надзорных технологий – это идеи синтеза: 1) поиска путей повышения качеств реализации текущих надзорных процессов и достижения текущих и перспективных надзорных целей и задач; 2) внедрения новейших цифровых и иных технологических решений для унификации, стандартизации, цифровизации и автоматизации надзорных процессов, одновременно обеспечения их повышенной гибкости и адаптируемости; 3) воплощения концепта доминирующе упреждающего, а не исправительно-карательного надзора; 4) «машинизации» надзора за участниками финансового рынка в рамках сложных модальностей гибридизированного риск-ориентированного, клиент-ориентированного и итеративно-адаптируемого надзора, датацентричного подхода, механизмов обеспечения кибербезопасности.

С докладом *«Совершенствование законодательства Российской Федерации о государственных работах»*, посвященным недостаткам регулирования государственных работ (как инструмента госуправления), выступил ***д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры административного права и процесса Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) И.В. Понкин.*** «Понятийно-терминологическая путаница с понятиями “государственная услуга”, “услуга за государственный счет”, “государственная функция”, “публичная функция”, “публично значимая функция”, “государственная работа” и др., – отметил он, – объективно предопределяет существенные сложности в госуправлении. Госработы – один из инструментариев госуправления, недооцененный, непроясненный и недостаточно урегулированный».

Доктор юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ С.В. Игнатьева обратилась к тенденциям развития современного российского финансового законодательства в условиях санкционной политики. Она подчеркнула, что угроза санкций есть один из ключевых рисковых аспектов для ведения предпринимательской деятельности, указала на необходимость внесения изменений в российское законодательство в части установления административной и уголовной ответственности за несоблюдение мер ограничительного характера, введенных Российской Федерацией.

Доктор юрид. наук, канд. филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Транспортное право» Юридического института Российского университета транспорта, научный руководитель направления «Транспортная безопасность» Научно-экспертного совета Центра исследования проблем безопасности РАН А.И. Землин обратился к проблематике развития правовой основы применения транспортных средств с автоматизированной системой вождения на дорогах общего пользования[5]. Докладчик акцентировал внимание на том, что недостаточная разработанность правовой основы является важным фактором, оказывающим негативное влияние на внедрение инновационного транспорта, предложил авторские дефиниции, легализация которых, по его мнению, позволит осуществить научно обоснованную классификацию высокоавтоматизированных транспортных средств, закрепить правовой статус участников правоотношений, связанных с их эксплуатацией.

Развитие вопросов транспортного права прозвучало в репликах ***М.А. Матвеевой*** и ***Е.В. Гоц***.

Трибуна молодого ученого была реализована в виде научно-патриотического интенсива для начинающих исследователей **«Школа противодействия экстремизму»**, проводимого при поддержке гранта Росмолодежь. Открыл работу третьего дня Форума ***д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ В.М. Баранов***, указав важный вектор вовлечения молодежи в научные исследования и социально полезную деятельность. Посыл спикера сводился к тому, что сегодня молодежь решает широкий круг общенациональных задач, связанных с динамичным развитием экономики России, укреплением отечественного научного потенциала. Ввиду этого такой фундаментальный подход, как коммуникация состоявшихся ученых, практиков и молодых исследователей, в высшей степени оправдан.

Начало работы дискуссионной площадки по противодействию экстремизму, в том числе посредством законотворческой деятельности, было положено выступлением ***д-ра юрид. наук, проф., директора Нижегородского филиала***

[5] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-20334 «Правовые средства обеспечения безопасности использования беспилотных автомобилей в мегаполисе». URL: https://rscf.ru/project/22-28-20334/

Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ А.В. Петрянина, который остановился на концептуальных основах противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Доктор юрид. наук, доц., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России А.Г. Репьев предпринял попытку привлечь внимание участников Форума к тенденциям законодательного изменения порядка отбывания наказания за экстремистскую деятельность с учетом гендерной специфики правового статуса личности.

Поистине оживленный интерес участников мероприятия вызвало выступление на тему *«Отдельные направления профилактики экстремизма в молодежной среде»* ***канд. юрид. наук, доц., заместителя начальника кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России Ю.А. Лапуновой***. Основная идея сводилась к тезису, что вовлеченность и активная позиция молодежи в рамках профилактики и недопущения экстремистских проявлений на всех уровнях ускорит реализацию принимаемых государством мер.

Дальнейшее развитие идей спикеров Форума получило в выступлении на тему *«Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму»* ***д-ра юрид. наук, проф., профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России Н.Э. Мартыненко***. В рамках образовавшейся дискуссии автор проиллюстрировал идею организаторов Форума о всестороннем рассмотрении темы противодействия экстремизму с позиции науки, культуры, что позволит участникам подготовить практико-ориентированные проекты по патриотическому воспитанию, формированию духовно-нравственных ориентиров, бескорыстной активной гражданской позиции у молодежи.

В рамках Конкурса проектных работ молодежи «Школа противодействия экстремизму» ***канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России Г.Г. Саркисян*** поделился опытом проектной деятельности, осветил особенности подготовки и реализации грантового проекта. Завершился третий день Форума выступлением молодых ученых, подведением итогов конкурса проектов и определением победителей.

Креативное видение проблематики изменения законодательства в современных реалиях представили: ***А.М. Архипов, П.В. Ремизов, М.М. Яковлев, Н.И. Кузнецова, М.В. Балалаева, О.В. Лазарева, Р.З. Рувинский, А.Р. Лавреньтьев, А.А. Никифорова, Е.А. Петрова***.

Яркими участниками дискуссии проявили себя ***Н.Ю. Кирюшина, В.А. Илюхина, В.В. Шаханов, М.В. Велмэн (США), Н.Н. Трусов, Е.В. Саунина***.

* * *

Подводя итоги, ***проф. В.М. Баранов*** отметил продуктивную работу Форума и выразил надежду на эффективное перспективное сотрудничество участников мероприятия.

Сведения об авторах

БАРАНОВ Владимир Михайлович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

БАРАНОВА Марина Владимировна –
доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603022 г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23

Authors' information

BARANOV Vladimir M. –
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of Scientific Activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center "Legal Technology"; 3 Ankudinovskoe highway, 603950 Nizhny Novgorod, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD of Law, leading researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

BARANOVA Marina V. –
Doctor of Law, PhD (Cultural Study), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; 23 Gagarin ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 186–192
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 186–192

ИМПЕРИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА (К 100-летию образования СССР)

© 2022 г. Н. С. Нижник[1, *], Л. А. Нудненко[2, **]

[1]Санкт-Петербургский университет МВД России
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: n.nishnik@bk.ru*
***E-mail: nudnenko@rambler.ru*

Поступила в редакцию 16.05.2022 г.

Аннотация. В статье представлен обзор докладов участников XIX Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)», которая состоялась 28–29 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России.
В очном и заочном формате в конференции приняли участие 313 исследователей – ученых и практиков; 227 молодых исследователей. 28 апреля 2022 г. в научном собрании участвовали граждане Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана, Литвы, Зимбабве, Конго; ученые и практические работники Российской Федерации из 52 городов, из 123 образовательных организаций и организаций, осуществляющих практическую юридическую деятельность. 29 апреля 2022 г. в секции молодых исследователей приняли участие 227 исследователей – граждане России, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Сан-Томе и Принсипи; из 24 российских городов, 40 образовательных организаций. 147 докладчиков представили результаты своих исследований в очном формате.
Важное значение участниками конференции было придано вопросам, касающимся природы имперского государства и определения черт империи в государстве советского типа; идеям и концепциям организации управления в многонациональных государствах; проблемам устройства федеративных государств и специфике федеративных отношений в СССР.

Ключевые слова: государство, суверенитет, территория, империя, федерация, субъект федерации, Россия, СССР.

Цитирование: *Нижник Н.С., Нудненко Л.А.* Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) // Государство и право. 2022. № 12. С. 186–192.

DOI: 10.31857/S102694520023313-5

EMPIRE AND FEDERATION AS FORMS OF SOCIAL ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF RETROSPECTIVE AND THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS (To the 100th anniversary of the formation of the USSR)

© 2022 N. S. Nizhnik[1, *], L. A. Nudnenko[2, **]

[1]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

**E-mail: n.nishnik@bk.ru*
***E-mail: nudnenko@rambler.ru*

Received 16.05.2022

Abstract. The article presents an overview of the reports of the participants of the XIX International Scientific and Theoretical Conference "State and Law: evolution, current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)", which took place on April 28–29, 2022 at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
313 researchers – scientists and practitioners; 227 young researchers took part in the conference in full-time and part-time format. On April 28, 2022, the scientific meeting was attended by citizens of Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan, Lithuania, Zimbabwe, Congo; scientists and practitioners of the Russian Federation from 52 cities, 123 educational organizations and organizations engaged in practical legal activities. April 29, 2022 the section of young researchers was attended by 227 researchers – citizens of Russia, Belarus, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Sao Tome and Principe; from 24 Russian cities, 40 educational organizations. 147 speakers presented the results of their research in a face-to-face format.
The participants of the conference attached serious importance to issues concerning the nature of the imperial state and the definition of the features of empire in a Soviet-type state; ideas and concepts of the organization of governance in multinational states; problems of the structure of federal states and the specifics of federal relations in the USSR.

Key words: state, sovereignty, territory, empire, federation, federal subject, Russia, USSR.

For citation: *Nizhnik, N.S., Nudnenko, L.A. (2022).* Empire and federation as forms of social organization in the context of retrospective and theoretical and legal analysis (To the 100th anniversary of the formation of the USSR) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 186–192.

Одним из важных направлений обсуждения эволюции государства и права на XIX Международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России 28–29 апреля 2022 г., были проблемы, касающиеся сущности империи как особого государственно-правового образования, становления и существования империи на различных этапах отечественной истории. В круг обсуждаемых проблем были внесены следующие: социо-юридический феномен управления имперским государством; империя как субъект легитимного применения государственного принуждения; нормативно-правовые основания организации и функционирования государственных органов как элемента механизма имперского государства.

На конференции было подчеркнуто, что термин «империя» (как в научном обороте, так и в политическом) часто используется с отрицательными коннотациями. Упоминание об имперских амбициях в международном диалоге, как правило, имеет негативный контекст, указывающий на попытку использовать чужие средства для достижения собственных целей.

Насколько данный подход оправдан при анализе российской имперской государственности, попытался определить ***С.П. Федоренко***, ***доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, канд. юрид. наук***, осуществивший исследование на тему ***«Трансформация Российской имперской государственности в проект "СССР": геополитический аспект»***.

С.П. Федоренко констатировал, что Россия с момента начала «собирания Земли Русской» на протяжении столетий формировалась как особый тип государственности, особый вид империи. Характерной чертой российской империи было включение в ее состав народов с сохранением их культурной идентичности. Под критерии имперской государственности, по мнению исследователя, подпадают и многие характеристики советской страны. Советский Союз фактически представлял собой советскую империю, опиравшийся именно на те скрепы, которые были созданы в период существования Российской Империи.

После распада СССР конфигурация мира существенно изменилась: поменялась расстановка геополитических сил и коалиций, изменилось количество значимых правовых систем, изменилась мировая экономика и произошла трансформация в иных сферах общественных отношений. Появилось нефункциональное СНГ, длящиеся конфликты на постсоветском пространстве, продолжение которых находит свое выражение в событиях, происходящих ныне на Украине.

Вместо включения России в политическую и экономическую европейскую систему страны Запада использовали постсоветское пространство для реализации своих интересов, опираясь на британскую колониальную методику. К ней добавились и высокие технологии, способные в будущем обеспечить тотальный контроль над населением планеты.

Тенденции развития крупнейших цифровых компаний показывают, что разворачивается борьба за контроль над новым миром – виртуальным. В этих процессах государство начинает утрачивать контроль над обществом, а возможности осуществлять его приобретают те, кто способен контролировать информационный ресурс. В глобальном пространстве начинается борьба за основной ресурс – информацию и возможности манипулирования человеком и обществом. Это направление ярко подчеркивают имперские амбиции США в геополитическом пространстве, возрождающиеся имперские амбиции Китая в контексте борьбы за мировое влияние. Эти процессы убедительно свидетельствуют о том, что изучение имперской государственности не утратило своей актуальности: формирование и функционирование имперских институтов имеют ряд особенностей, но сущность и их фундаментальные основания остаются неизменными.

Рассуждая об имперской природе Советского Союза и современной России, ***П.А. Марченя***, ***заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета им. В.Я. Кикотя, канд. ист. наук, доц.***, отметил, что наряду с ожесточенной мировой гибридной войной, которую ведет против России коллективный Запад, внутри самой Российской Федерации идет гражданская гибридная война. И изнутри, и внешне война ведется за историческую идентичность, за цивилизационный суверенитет, за будущее не только России, но и иных государств. Главный

конфликт глобальной современности – это столкновение империй, которое в результате расширения НАТО на Восток оказалось сосредоточено главным образом на постсоветских территориях. Многие жители СССР после отказа, сознательного либо вынужденного, от аффилиации с Советской империей фактически оказались в условиях утраты гражданской, да и всякой прочей, социальной идентичности, цивилизационными маргиналами, обреченными на долгое «смутное время».

Советский Союз П.А. Марченя рассматривает как империю, выделяя наличие у него признаков империи, таких как сакральность верховной власти де-факто (неважно, как она называлась де-юре); патернализм; доминирование идеи Служения; полиэтничность, этнокультурная гетерогенность и разноукладность; наднациональный характер; иерархизм территориально-организационных отношений внутри и связей с соседями вне; территориальный и культурный гегемонизм и экспансионизм (подвиг «удержания территорий» и «культурных вершин»); масштабность (значимость освоенных пространств и ресурсов – величина, переходящая в «величие»); стремление к мировому лидерству, к всемирности, всечеловеческому универсализму...

Исследователь подчеркивает, что история убедительно доказала, что раздававшиеся на рубеже тысячелетий призывы к полному и окончательному отказу России от «имперских амбиций» были призывами к ее геополитическому и цивилизационному суициду, попытками отдать ее «на поток и разграбление» геополитическим «партнерам». При этом из объективной всеобщей истории империи никуда не делись, и без России со всеми ее колоссальными евразийскими ресурсами, интегрирующей / реинтегрирующей постсоветскую территорию, пространство будет просто поделено другими империями.

Вопросы, касающиеся реализации в СССР идей о федеративном устройстве государства, стали предметом специального исследования различных ученых.

Так, ***С.А. Денисов**, **доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), канд. юрид. наук, доц.***, акцентировал внимание на закреплении принципа федерализма в Конституции СССР 1977 г., которое исследователь назвал имитацией федерализма.

СССР, по утверждению С.А. Денисова, имел все признаки административной империи, в которой вся власть (финансовая, политическая, духовная) была сконцентрирована у бюрократии центра. Провинции управлялись через назначаемых правящей группой центра наместников. Стремление к самостоятельности провинций рассматривалось как инакомыслие и подавлялось с помощью норм уголовного законодательства.

Имитацию федерации исследователь понимает как создание видимости наличия этого института в стране. Конституция СССР 1977 г. была, по мнению С.А. Денисова, актом, нормы которой реализованы не были. В СССР существовали две системы норм государственного права (одна закреплялась в конституционном акте, а другая – в аппаратных обычаях и секретных нормах, издаваемых аппаратом КПСС), которые противоречили друг другу.

На социально-экономические аспекты асимметричности федеративного государства обратил внимание ***Г.А. Скипский**, **доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), канд. ист. наук, доц.***

Многие асимметричные федеративные государства создавались именно в ходе объединения ранее сложившихся устойчивых этнокультурных общностей, одна из которых неизбежно, в силу ряда исторических причин, становилась государствообразующей основой для асимметричного федеративного государства. И СССР, и Российскую Федерацию Г.А. Скипский считает асимметричными федеративными государствами. В них всегда будет существовать проблема урегулирования межнациональных отношений, которая периодически будет проверять на прочность единство союзного государства.

Асимметричный тип федеративного государства в Советском Союзе был изначально предопределен целым комплексом факторов, которые сложились задолго до революции 1917 г. Прежде всего это неравномерность распределения населения по территории страны, которая была обусловлена колонизационным характером процессов становления и развития централизованного Русского государства в XV–XVII вв.

Полунатуральный характер хозяйства крестьян – подавляющего большинства населения страны накануне Октября 1917 г. был трансформирован очередной волной экономической колонизации в СССР, когда происходило массовое переселение трудовых ресурсов из европейской части России в районы Севера, Сибири, Дальнего Востока. В течение 30-х годов, а также в послевоенный период, вплоть до начала перестройки, оно было запланировано государством и правящей партией.

В Российской Федерации сохраняются угрозы сепаратизма, исходящие прежде всего от этнократических элит национальных республик, большинство из которых находятся в неблагоприятном социально-экономическом положении и являются дотационными субъектами Федерации. Асимметричный характер современного федеративного Российского государства во многом воспроизводит те же проблемы, с которыми сталкивалось руководство СССР. Попытки решить социальные и экономические проблемы дополнительными траншами из федерального бюджета приводят лишь к нарастанию противостояния регионов-доноров и регионов-реципиентов.

Решение проблемы сепаратизма, по мнению Г.А. Скипского, возможно только при отказе от монетаристской модели развития российской экономики, творческой переработки опыта плановой советской экономики, которая заключается в комплексном развитии социальной и экономической инфраструктуры каждого российского региона, что придаст импульс процессам реиндустриализации и укрепления экономической самодостаточности большинства субъектов Российской Федерации. При этом необходимо возрождение системы реальных социальных льгот, застрахованных от инфляции, прежде всего для граждан, проживающих в Сибири, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере. Что касается более благополучных субъектов Федерации, им необходимо заниматься в первую очередь модернизацией промышленного производства и восстановлением сельского хозяйства при полной поддержке со стороны как местной, так и федеральной власти.

Проблемам асимметричной и симметричной федерации в конституционно-правовом измерении посвящено исследование ***Л.В. Карнаушенко**, **начальника кафедры теории и истории государства и права Краснодарского университета МВД России, д-ра ист. наук, проф.***

Симметричные федерации, по утверждению Л.В. Карнаушенко, по своей природе являются более стабильными

благодаря равенству всех субъектов. Однако именно это является их «ахиллесовой пятой», сдерживает их развитие. Поэтому вполне закономерно, что в настоящее время не существует классических по своей природе симметричных федеративных государств.

Асимметричные федерации характеризуются различными правами субъектов федерации, их фактическим неравенством, вариативностью в политических, административных, экономических сферах, различным статусом по отношению к друг другу, особенностями взаимодействия с высшими органами власти. Именно асимметричный федерализм позволяет предоставить больше возможностей регионам, в частности политической автономии, и таким образом предотвратить сецессионистские движения.

Определение перспектив развития современного российского федерализма стало предметом исследования ***Н.С. Грудинина**, **доцента кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, канд. юрид. наук, доц.***

Анализируя эволюцию российского постсоветского федерализма, докладчик отметил, что вектор развития на централизацию системы органов государственной власти в Российской Федерации, избранный политическим руководством страны, является оправданным, а также способствует поддержанию территориальной целостности Российской Федерации. Однако указанный вектор, вероятно, должен в большей степени относиться к организации политико-правового пространства Российской Федерации, а в социально-экономической сфере субъекты Федерации должны получить большую степень финансово-экономической самостоятельности по сравнению с существующей.

Н.С. Грудинин полагает, что подлинный федерализм – это не только известный баланс в распределении властно-политических полномочий между центром и регионами, но и финансово-бюджетный баланс в отношениях между федеральным центром и субъектами Федерации. В настоящее время большая часть финансовых и налоговых поступлений концентрируется в федеральном центре, а оттуда, в свою очередь, поступает в субъекты Федерации в виде бюджетного финансирования и целевых государственных программ. Такой подход не способствует достаточной финансовой самостоятельности субъектов Федерации. С другой стороны, он содействует точечному решению финансово-экономических проблем последних: деньги выделяются под конкретные цели (проекты), и тем самым вероятность их нецелевого расходования минимизируется. Вместе с этим было бы целесообразно укрепить финансово-экономическую базу субъектов Федерации за счет перераспределения НДФЛ: 70% данного налога должны зачисляться в бюджет Российской Федерации, а 30% – в бюджеты субъектов Федерации. Такая схема также позволит скорректировать финансово-экономическую асимметрию субъектов Федерации.

Еще одной существенной проблемой современного российского федерализма Н.С. Грудинин считает недостаточную проработанность объективных критериев для определения степени централизации-децентрализации федеративных отношений. Чтобы правильно определить оптимальную конфигурацию взаимоотношений между федеральным центром и субъектами Федерации, необходимо учитывать: анализ конституционных норм, которые касаются вопросов разграничения предметов ведения федерального центра и субъектов Федерации; экономическую статистику, отражающую соотношение средств, перераспределяемых через федеральный бюджет, и общий объем поступлений в бюджеты органов власти всех уровней; мнение населения субъектов Федерации.

Определяющим в федеративных отношениях является распределение объема прав, обязанностей и ответственности между федеральным центром и каждым из субъектов Федерации. Федеральный центр распространяет свое влияние на процессы политического развития субъектов Федерации, отчасти сдерживая их самостоятельность. Российская Федерация должна искать пути и способы децентрализации системы государственного управления, но такие, которые не нарушали бы принцип единства системы органов государственной власти. Федерализм не должен перетекать в сепаратизм и вседозволенность, которые грозят возможным распадом единого государства. Федеративное государство – это единое государство с четким представлением о системном взаимодействии разных уровней власти в интересах граждан.

Нуждается в реформировании и судебная система Российской Федерации. Суть реформ в этой области не должна сводиться к дальнейшей централизации судебной власти, а должна стремиться к введению в порядок функционирования российских судов различного уровня элементов децентрализации и дебюрократизации. Судьи при осуществлении правосудия должны руководствоваться исключительно законом (исключительно единым и равным), а любое административное вмешательство со стороны вышестоящих судебных инстанций в деятельность суда должно быть исключено. При этом правоприменительная практика должна формироваться в том числе за счет решений верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов.

Федеративное устройство стран Европы стало предметом исследований ***Э.Р. Черновой**, **доцента кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, канд. юрид. наук**.*

Преимущество федерализма, полагает Э.Р. Чернова, состоит в том, что он создает условия для компромисса различных интересов в финансово-экономической, политической и культурной сферах. Разграничивая компетенции центральных и местных органов власти, он предоставляет членам федерации значительную самостоятельность. Одновременно, защищая регионы от произвола центра, федерализм позволяет сохранить в рамках единого государства исторически сложившееся многообразие и своеобразие культур и традиций. Наличие в федеративном государстве двух уровней государственной власти предполагает как сотрудничество, так и подчинение («соглашение» в органах государственной власти), поскольку принятие решений центральными органами власти осуществляется при участии субъектов федерации.

Исследование траекторий формирования и развития федеральных территорий осуществила ***Е.А. Макарова**, **доцент кафедры истории государства и права Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, канд. ист. наук, доц.***

Траекториями развития федеральных территорий Е.А. Макарова назвала:

1) создание т.н. исторических федеральных территорий, целью которых выступала необходимость прямого управления из федерального центра отдельными плохо освоенными или спорными территориями при реализации государственного строительства в федеративных государствах.

Такое развитие предполагало последующий переход значительной части таких территорий под контроль определенного субъекта федерации или создание на их основе самостоятельного субъекта федерации;

2) создание федеральных территорий специального назначения, посредством которых из состава территории субъекта федерации выделяются специальные территории и федеральные округа для осуществления специальных полномочий (прежде всего столицы федерации). Такое развитие нередко осуществлялось как обратный процесс историческому формированию федеральных территорий (трансформации в самостоятельные субъекты федерации). Причины и правовые формы реализации столичных территорий в ретроспективе различны;

3) создание т.н. заморских территорий, выражающееся в присоединении или трансформации конституционно-правового статуса удаленных зависимых (внешних, «заморских») территорий в целях сохранения контроля над внешними территориями, сохраняющими высокую степень автономности и многочисленные признаки государственно-подобных образований, нередко претендующими на признание независимости и превращение в полноценные субъекты международного права;

4) создание неинтегрированных, отдаленных, в том числе островных, территорий. Создание на таких территориях полноценных субъектов федерации с собственными налогами и комплексной системой органов всех ветвей региональной власти зачастую нецелесообразно и затратно. Нередко на таких территориях политические процессы идут не в унисон с общегосударственными, что затрудняет выстраивание вертикали власти. В этом случае именно федеральное правительство организует управление такими территориями;

5) преобразование территорий, являвшихся прежде неотъемлемой частью субъекта федерации, в территории прямого федерального подчинения, связанное со стратегическими целями государства. Выделение такого сегмента политико-территориальной структуры обусловлено обеспечением и обслуживанием разнообразных федеральных интересов для формирования комплекса условий создания и реализации особых приоритетных видов социально-экономической и инновационной деятельности.

Примером реализации данного типа федерально-территориальной единицы является созданная Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ первая в Российской Федерации федеральная территория «Сириус»[1]. Создание «Сириуса» иллюстрирует траекторию создания федеральных территорий стратегической направленности. Однако в Российской Федерации существуют и иные территориальные образования с особым статусом, т.е. особо охраняемые территории, например Арктическая зона, находящаяся под российской юрисдикцией. В границах современного Российского государства также есть охраняемые территории особого экологического значения (озеро Байкал, Кавказские Минеральные Воды), которые имеют определенные особенности в управлении и в перспективе могут получить статус федеральной территории. Перспективы появления новых федеральных территорий формируют потребность в создании модельного законодательства в этой сфере. Однако, возможно и целесообразно и «точечное» правовое регулирование статуса такого рода образований, так как траектории создания таких территорий имеют существенные различия и в целях, и в содержании.

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I), ст. 8583.

Модель «буферного» государства стала предметом анализа ***И.В. Старикова***, ***доцента кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета, канд. ист. наук***.

И.В. Стариков дал характеристику использования модели «буферного» государства в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции на примере Дальневосточной республики.

В годы Гражданской войны Советская Россия оказалась в кольце враждебного внешнего окружения. Принимая решение об интервенции, государства Антанты преследовали прежде всего цель ослабления России, по возможности её расчленения и в итоге низведения до положения второстепенной европейской державы. Исходя из оценки внутренних взаимоотношений интервентов, советское правительство осуществляло гибкую внешнюю политику, основными задачами которой было расколоть антисоветскую коалицию, прорвать экономическую и политическую блокаду. Для решения поставленных задач применялись различные меры, включая образование «буферных» государств, расположенных между РСФСР и принимавшими участие в военной интервенции странами. Так, с целью противодействия вторжению Польши с 27 февраля по 19 июля 1919 г. существовала Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел). Этот опыт впоследствии был успешно применён в создании Дальневосточной республики (ДВР) и Карельской трудовой коммуны (КТК).

История Дальневосточной республики – пример развития в экстремальных условиях отдельного региона, накопившего некоторый опыт строительства демократической правовой государственности. ДВР создавалась для решения стратегических задач России: на первый план выходила антивоенная составляющая, в соответствии с которой риск возникновения международных конфликтов мог быть снижен. В связи с обострением международной обстановки в последние десятилетия для России проблема «буферных» зон вновь стала актуальной, а потому опыт их образования в годы Гражданской войны вполне может быть востребован.

Идейно-теоретические основы федеративных отношений стали предметом исследования ***А.В. Головинова***, ***доцента кафедры конституционного и международного права юридического института Алтайского государственного университета (г. Барнаул), канд. филос. наук, доц.***, который акцентировал внимание на парадигме альянса областей в концепции федерализма сибирских регионалистов.

Генеральной линией политико-правового учения сибирских регионалистов (областников) А.В. Головинов считает идейное благоговение перед парадигмой областности, провинциальности и федерализма. При этом мировоззрение основоположников движения сибирских областников вовсе не замыкалось на местных вопросах. Сибирские общественные деятели – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин органично усваивали и приспосабливали западные доктринальные положения к собственной философско-правовой системе взглядов. Фундамент политико-правового учения Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина составили доминанты классической немецкой философии – гегельянство и кантианство, идейные основы философии французского просвещения, онтологические и логико-эпистемологические представления европейских гуманистов и даже материализм К. Маркса в симфонии с положениями философии права русского народничества.

В гуманистической философско-правовой мысли идеологов движения сибирских областников государство

вообще понималось как некий альянс равноправных областей, имеющих собственные провинциальные интересы. Однако местные потребности локальных обществ они не отделяли от общегосударственных нужд. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин полагали, что федерализм выступает наиболее органически пригодной формой территориального устройства нашего Отечества. Именно такая конструкция позволяет учитывать все разнообразие жизненных интересов каждой провинциальной территории. По сути, витальность будущего Российской Империи провинциальные мыслители видели в самой природе отечественного «исполинного» государства, которому имманентно присущ федерализм и автономизм. Обеспечение единого и в то же время многообразного отечественного государства, по учению идеологов областничества, возможно в оптимально сбалансированной федерации.

Попытку определить место территорий казачьих войск Российской Империи в советской модели государственного устройства предприняла ***Т.К. Махрова, профессор кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), д-р ист. наук, доц.***

Т.К. Махрова констатировала, что к моменту распада Российской Империи в состав вооруженных сил государства входили 11 казачьих войск. Часть из них исторически возникла как стихийное объединение вольных и беглых людей, а часть – была сформирована непосредственно государством. В социальной структуре российского общества казачество занимало свою нишу «военно-земледельческого сословия», всегда ценило свою самобытную идентичность и традиции, а иногда пыталось позиционироваться и как особый этнос. По старшинству (официально закрепленному времени возникновения) и по численности населения и территории выделялись войска Донское и Оренбургское. Казачьи войска получали особые права на пользование государственными землями.

После установления советской власти для координации возможных совместных действий оренбургские казаки приняли решение о вхождении в формирующийся в Екатеринодаре союз Донского, Терского и Кубанского казачества и создания с этими войсками «единой федеративной единицы – казачьей общины».

Однако советская власть видела опасность идеи казачьей автономии, признания за казаками каких-либо земельных прав в отношении исторических войсковых территорий. Уже в ходе Гражданской войны началось разрушение территориальных границ бывших казачьих войск Российской Империи. Декрет Совнаркома от 1 июня 1918 г. «Об организации управления казачьими областями» признал казачьи войска отдельными административными единицами местных советских объединений, декларировал намерение регламентировать порядок несения казаками военной службы с учетом накопленного сословием опыта и специфики традиционного для казаков образа жизни. Трудовому казачеству предоставлялось право организовать управление в форме войсковых или областных, районных или окружных, станичных или поселковых советов и делегировать своих представителей в состав созданной при ВЦИК казачьей секции. Декрет предписывал приступить к формированию казачьих частей Красной армии.

Однако в казачьих районах к моменту опубликования Декрета уже шла Гражданская война. До казаков эта информация своевременно не доходила, а местный партийно-советский актив не хотел терпеть казачью автономию, да и само сословие тоже.

В период экономического районирования на Урале многоземельные казачьи районы с пустующими землями начали активно заселять переселенцами из других губерний, из Украины и Белоруссии. Т.К. Махрова сформулировала вывод о том, что с помощью административно-территориальных преобразований предприняли попытку решить давнюю проблему пограничных территорий и целенаправленно разобщали казачье население, которое не должно было быть «обособлено и объединено».

После кратковременной кампании по «советизации казачества» начался новый этап репрессий – уже под лозунгом раскулачивания. К началу 30-х годов считавшиеся когда-то войсковыми земли были поделены между областями, районами РСФСР или вошли в состав других республик. Принадлежность к казачеству стала достаточным основанием для ареста и депортации. В 1930–1931 гг. репрессиям подверглись более 300 тыс. казаков – жителей Северного Кавказа, Уральской области, Кубани; более 30 тыс. казаков Урала, Сибири и Дальнего Востока бежали в Китай. Выделение районов с компактным казачьим населением не только в автономные образования в рамках создаваемой федерации, но даже и в отдельные административные единицы было признано принципиально недопустимым, прежде всего с точки зрения классового подхода, распространенного на сферу государственного строительства. Идеям казачьей автономии в Советском государстве реализоваться было не суждено.

Опыт СССР в осмыслении форм интеграции современных государств был исследован ***Е.М. Крупеня, профессором кафедры теории и истории государства и права института права и управления Московского городского педагогического университета, д-ром юрид. наук, доц.***, которая акцентировала внимание на опыте СССР в осмыслении форм интеграции государств на примере Союзного государства России и Беларуси.

Е.М. Крупеня считает, что Союз Беларуси и России – один из примеров межгосударственных объединений, в числе которых Содружество Независимых Государств, Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Европейский Союз, Организация американских государств, Африканский союз, Лига арабских государств и др.

Межгосударственные объединения отличаются тем, что: 1) правовую основу объединения составляет договор между государствами; 2) телеологически такое объединение ориентировано на интеграцию, т.е. на сплочение, объединение различных ресурсов общественных и государственных систем (экономических, внутриполитических, социальных, культурных, гуманитарных и др.); 3) стратегическая цель такого объединения объясняет презентацию международному сообществу нового актора международной политики и международного права.

Анализ федеративных отношений и отношений субъектов межгосударственных объединений должен осуществляться с учетом стремления государств к сохранению собственной суверенности, полагают ***О.И. Цыбулевская, зав. кафедрой теории права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (г. Саратов), д-р юрид. наук, проф.,*** и ***Т.В. Милушева, зав. кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (г. Саратов), д-р юрид. наук, доц.***, которые охарактеризовали суверенитет в контексте трансформации признаков государства.

Исследователи считают, что идея абсолютности суверенитета не отвечает сложившимся геополитическим

реалиям. В мире нет ничего абсолютного, это в полной мере относится и к государствам, которые никогда не были абсолютно суверенными и автономными, и к обществам, которые никогда не были полностью оторванными друг от друга. Подобное явление по самой сути немыслимо уже в силу того, что суверенитет одного государства ограничен суверенитетом других государств.

В современных условиях суверенитет из узкосодержательного феномена, характеризующего незыблемость, верховенство и независимость государственной власти на определенной территории, трансформируется в явление, охватывающее широкое социальное пространство. Жизнеспособность государства связана с процессом смещения акцентов в содержании государственного суверенитета с силового на социальный. Данный процесс заключается в усилиях государства и, следовательно, его суверенитета, направленных на формирование условий и гарантий достойной жизни граждан, реализацию и защиту права человека, а также ответственное поведение государства за проводимую внутреннюю и внешнюю политику, обеспечение безопасности, собственные действия и бездействие.

Трансформация признаков государства в условиях современных реалий, подчеркнули О.И. Цыбулевская и Т.В. Милушева, оказывает влияние на содержательные аспекты суверенитета. В свою очередь, суверенитет представляется интегральным свойством государства, в котором находят выражение его основные признаки. В условиях глобализационных процессов свобода действий государств сокращается, что, однако не свидетельствует об утрате суверенитета. Напротив, наднациональное регулирование расширяет взаимные возможности государств влиять на социальные процессы и в этом смысле даже укрепляет национальный суверенитет.

Проблема суверенитета в федеративном государстве стала предметом исследований ***О.В. Фроловой***, ***доцента кафедры военно-политической работы Военной академии связи им. С.М. Буденного (г. Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доц.***, и ***В.В. Фролова***, ***зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ (г. Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доц.***

Исследователи полагают, что теория ограниченного суверенитета используется как благовидный предлог для вторжения одного государства на территорию другого. Суверенитет нельзя рассматривать как некую абсолютную категорию в отрыве от социально-правовой, социально-экономической и социально-культурной реальности. «Сила суверенитета» определяется различными показателями, в том числе: 1) эффективностью государственного управления (наличием бюрократизации и коррупции); 2) мощью вооруженных сил и правоохранительных органов; 3) эффективностью системы образования, воспитания, государственного информирования и пропаганды; 4) степенью поддержки государственной политики со стороны населения; уровнем развития демократии, возможностью индивидуальной и коллективной защиты прав; гармонизацией публичных и частных интересов.

Для суверенитета многонациональных государств важен такой показатель, как взаимное уважение различных этносов, гармонизация их интересов на федеральном и региональном уровне, наличие возможностей для их инициативы в различных сферах.

* * *

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции была оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о становлении и развитии государственно-правовой системы Советской России, о закономерностях и особенностях организации и функционировании имперских и федеративных государств, о специфике внутригосударственного устройства СССР.

Сведения об авторах

НИЖНИК Надежда Степановна –
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета МВД России;
198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

НУДНЕНКО Лидия Алексеевна –
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей профессиональной школы РФ, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119606 г. Москва, проспект Вернадского, д. 84, корп. 1

Authors' information

NIZHNIK Nadezhda S. –
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
1 Pilyutov Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

NUDNENKO Lydia A. –
Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher a Professional School of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
84, bld. 1 Vernadsky ave., 119606 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 193–196
STATE AND LAW, 2022, No. 12, pp. 193–196

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ВОССОЕДИНЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ ПОСРЕДСТВОМ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

© 2022 г. Ю. Н. Туганов

Российская таможенная академия, Московская область, г. Люберцы

E-mail: yurij-tuganov@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.09.2022 г.

Аннотация. Рецензируемая монография «Доказывание в правосудии Российской Федерации» посвящена одному из наиболее дискуссионных разделов юридической науки – теории доказывания. В работе исследованы закономерности, связанные с доказыванием при праворегулировании (уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, арбитражно-процессуальным и административно-процессуальным доказыванием). В рецензии обращено внимание на не безуспешную попытку немногочисленного авторского коллектива воссоединения юридической науки и практики посредством комплексного праворегулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, наука, право, юриспруденция, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, конституционное судопроизводство, правосудие, доказывание в уголовном процессе, доказывание в гражданском процессе, доказывание в арбитражном процессе, доказывание в административном процессе, комплексное праворегулирование.

Цитирование: *Туганов Ю.Н.* О воссоединении юридической науки и практики посредством комплексного праворегулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 12. С. 193–196.

DOI: 10.31857/S102694520023315-7

ON THE REUNIFICATION OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE THROUGH COMPREHENSIVE LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION[2]

© 2022 Yu. N. Tuganov

Russian Customs Academy, Moscow Region, Lyubertsy

E-mail: yurij-tuganov@yandex.ru

Received 28.09.2022

Abstract. The reviewed monograph "Proving in the justice of the Russian Federation" is devoted to one of the most controversial sections of legal science – the theory of proof. The paper investigates the regularities associated with proving during legal regulation (criminal procedural, civil procedural, arbitration procedural and administrative procedural proving). The review draws attention to the unsuccessful attempt of a small team of authors to reunite legal science and practice through comprehensive legal regulation in the Russian Federation.

Key words: Russian Federation, science, law, jurisprudence, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, constitutional proceedings, justice, proving in criminal proceedings, proving in civil proceedings, proving in arbitration proceedings, proving in administrative proceedings, comprehensive legal regulation.

[1] См.: *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М.: ПРОСПЕКТ, 2022. – 448 с. (Рецензенты: С.Л. Никонович, А.Р. Белкин, В.В. Мельник, Н.В. Кроткова).

[2] See: *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation. 6th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M.: PROSPECT, 2022. – 448 pp. (Reviewers: S.L. Nikonovich, A.R. Belkin, V.V. Melnik, N.V. Krotkova).

For citation: *Tuganov, Yu. N. (2022).* On the reunification of legal science and practice through comprehensive legal regulation in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 193–196.

Монография «Доказывание в правосудии Российской Федерации» олицетворяет собой пример гармонизации юридической науки и правоприменительной практики. По сути, предлагается новая методология преодоления разрыва между правоведением как отраслью знаний и наличным юридическим опытом комплексного праворегулирования[3] в Российской Федерации, нарабатываемым, как правило, управомоченными должностными лицами правоприменительных, в том числе и правоохранительных, органов[4].

Авторским коллективом правильно отмечена зависимость теоретических разработок в сфере праворегулирования (касающегося всех четырех разновидностей процессуального доказывания: уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального и административно-процессуального) от законодательства. В частности, речь о приказе Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»[5]. В соответствии с этим подзаконным нормативным правовым актом право как разновидность социальных и гуманитарных наук дифференцировано на пять научных специальностей: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»; 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»; 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки»; 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»; 5.1.5. «Международно-правовые науки». Приведенные положения приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 учтены и при структуризации монографии.

Раздел I «Основные положения» включает гл. 1 «Сущность доказывания в правосудии» с пятью параграфами (с. 44–67), где принадлежность доказывания как вида деятельности исключительно к правосудию обосновывается ссылкой на ст. 118 Конституции РФ, согласно которой правосудие осуществляется только судом, а судебная власть – посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Именно в перечисленных видах судопроизводств осуществляется процессуальное доказывание (с. 49). В основе процессуального доказывания находится теория познания (гносеология) (с. 49–56). Вне процессуального доказывания находится деятельность Конституционного Суда РФ, который согласно Федеральному конституционному закону от 12 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[6] рассматривает исключительно «вопросы права», т.е. соответствие отдельных нормативных правовых актов Конституции РФ. В этой связи для деятельности Конституционного Суда РФ в рецензируемой монографии предложен термин «процессуальное производство» (с. 59–65). Представляются обоснованными суждения о включении в процессуальное доказывание деятельности управомоченных государственных органов исключительно в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г. Деятельность тех же органов в соответствии с Федеральным законом от 20 февраля 2015 г. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», как и деятельность в соответствии с Федеральным конституционным законом от 12 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, определяется как «процессуальное производство». В данном разделе монографии авторы фокусируют внимание на несовершенстве Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации», рассуждая, что «недопустимо отождествление терминов “административно-процессуальное доказывание” и “административное судопроизводство”». По их мнению, административно-процессуальное судопроизводство в Российской Федерации следовало бы урегулировать в ином нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к Федеральному закону, например в Административно-процессуальном кодексе РФ[7]. В таком случае не потребовалось бы включать положения об административно-процессуальном доказывании в Федеральный закон от 20 февраля 2015 г. (с. 67).

Раздел II «Доказывание в уголовном процессе» состоит из четырех глав (с. 68–187).

В гл. 2 «Доказывание в уголовном процессе» на основе анализа научной юридической литературы сформулировано принципиально важное суждение: развитие уголовно-процессуальной науки относительно уголовно-процессуального доказывания развивалось поэтапно: «от теории доказательств.., минуя теорию доказательств и доказывание.., к теории доказывания в уголовном процессе...» (с. 76, 77). Особую значимость (если не главную) представляют результаты научных изысканий относительно определения понятия «доказательство» через исчерпывающий перечень существенных признаков этого понятия, при соблюдении правил формальной логики.

Определение понятия «доказательство» через пять существенных признаков «[любые фактические данные (сведения); сведения, имеющие значение для уголовного дела; сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом; сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом; сведения, имеющие определенный процессуальный носитель] позволяет идентифицировать его в системе иных понятий теории доказывания» (с. 153). Именно данная научная разработка позволила авторам монографии обосновать статус для всех видов доказательств в уголовном процессе: показания подозреваемого; показания обвиняемого; показания

[3] Представляются убедительными аргументы В.Н. Галузо об использовании термина «правоприменение» в качестве альтернативы термину «правоприменение» (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* О правоприменении как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Междунар. журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5–8).

[4] О таковых подробнее см.: *Галузо В.Н.* Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование). М., 2022.

[5] См.: Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru, 06.04.2021.

[6] См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

[7] См., напр., об этом: *Туганов Ю.Н., Аулов В.К.* Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21–25.

подсудимого; показания потерпевшего; показания свидетеля; заключение эксперта; заключение специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных действий; протоколы судебных действий; иные документы (с. 155–182). Приведенные результаты применены авторами в последующих разделах монографии (III–V).

Раздел III «Доказывание в гражданском процессе» включает две главы: гл. 6 «Теория доказывания в гражданском процессе» и гл. 7 «Доказательства в гражданском процессе» (с. 197–212). Понятие «доказательство» в гражданском процессе с учетом положений ст. 55 ГПК РФ также определено посредством выделения пяти существенных признаков: «это: любые сведения о фактах; сведения, имеющие значение для гражданского дела; сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом; сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом; сведения, имеющие определенный процессуальный носитель» (с. 202). Соответственно, обоснован статус для всех видов доказательств в гражданском процессе посредством выделенных пяти существенных признаков: объяснения сторон и третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключение эксперта.

Раздел IV «Доказывание в арбитражном процессе» состоит из двух глав: гл. 8 «Теория доказывания в арбитражном процессе» и гл. 9 «Доказательства в арбитражном процессе» (с. 223–235). В данном разделе нельзя не обратить внимание на представленный динамизм арбитражного процессуального законодательства в Российской Федерации: «Так, впервые в Российской Федерации арбитражное процессуальное законодательство было кодифицировано в 1992 г., когда был принят Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ-1). В соответствии с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации № 2447/1–1 от 5 марта 1992 г. данный нормативный правовой акт введен в действие с 15 апреля 1992 г. В 1995 г. был принят второй по счету Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ-2). Данный нормативный правовой акт введен в действие с 1 июля 1995 г. И наконец, в 2002 г. был принят третий по счету Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ-3). АПК РФ-3 введен в действие с 1 сентября 2002 г.» (с. 220). Иными словами, правомерным для правового обоснования будет использование аббревиатуры «АПК РФ-3», на что практически не обращается внимание в юридической литературе. Понятие «доказательство» в арбитражном процессе с учетом положений ст. 64 АПК РФ-3 также определено посредством выделения пяти существенных признаков: «это: сведения о фактах; это сведения, имеющие значение для дела; это сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом; сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом; сведения, имеющие определенный процессуальный носитель» (с. 225). Соответственно, обоснован статус для всех видов доказательств в арбитражном процессе посредством выделенных пяти существенных признаков: письменные доказательства; вещественные доказательства; объяснения лиц, участвующих в деле; заключение эксперта; консультация специалиста; показания свидетеля; аудио- и видеозаписи; иные документы и материалы.

Раздел V «Доказывание в административном процессе» включает две главы: гл. 10 «Теория доказывания в административном процессе» и гл. 11 «Доказательства в административном процессе» (с. 249–261). В данном разделе нельзя не обратить внимание на смелое и уверенное использование в монографии новой аббревиатуры[8] кодифицированного Федерального закона – Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г. – КРФоАП. Есть основания предполагать, что предлагаемый юридико-технический прием сокращения названия КоАП РФ может устояться в научном обороте, и новый акроним, возможно, будет использоваться наряду с ныне используемым сокращением.

В частности, авторы книги пишут: «Ныне в Российской Федерации (с 1 июля 2002 г.) действует Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КРФоАП) (с последующими недопустимо многочисленными изменениями и дополнениями – несколько тысяч)» (с. 245); «Особенность КРФоАП, как федерального закона, в том, что это нормативный правовой акт, специально предназначенный для регулирования доказывания. В соответствии с правилами комплексного правоприменения все иные нормативные правовые акты с равной юридической силой не могут противоречить КРФоАП» (с. 247).

Понятие «доказательство» в административном процессе с учетом положений ч. 1 ст. 26.2 КРФоАП также определено посредством выделения пяти существенных признаков: «это любые фактические данные; это сведения, имеющие значение для дел об административных правонарушениях; это сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом; это сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом; это сведения, имеющие определенный процессуальный носитель» (с. 252). Соответственно, обоснован статус для всех видов доказательств в административном процессе посредством выделенных пяти существенных признаков: протокол об административном правонарушении; объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; показание потерпевшего; показание свидетеля; заключение эксперта; иные документы; показания специальных технических средств; вещественные доказательства.

В разд. II–V авторы рецензируемой работы впервые в виде нонпарели использовали результаты правоприменительной практики (первоначально решения Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ) (с. 104, 143, 154, 155, 175, 206, 211, 225–227, 229, 247, 248, 252, 253).

В рубрикаторе ***«Заключение»*** сформулированы основные выводы (всего 43), конкретизирующие содержание соответствующих пяти разделов (с. 262–269).

О значительном теоретическом фундаменте исследования свидетельствует то, что авторы критически проанализировали и использовали 893 публикации по избранной теме исследования (с. 270–315).

* * *

Таким образом, авторскому коллективу (В.Н. Галузо, Н.А. Канафину и В.М. Редкоусу) в полной мере удалось результаты научных изысканий применить на практике и тем самым воссоединить юридическую науку с практикой правоохранительных органов при доказывании.

Именно поэтому монография «Доказывание в правосудии Российской Федерации» может быть полезна фактически всякому юристу: «предназначена для преподавателей,

[8] См. подр.: *Галузо В.Н.* Об аббревиации в Российской Федерации (юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10. С. 90–94.

аспирантов (адъюнктов), обучающихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность в соответствии с Федеральным законом “Об образовании в Российской Федерации” от 21 декабря 2012 г., а также для правоприменителей, осуществляющих процессуальную деятельность (судей, прокуроров, управомоченных должностных лиц органов предварительного следствия и органов дознания, а также заинтересованных представителей всех неправоохранительных органов)» (с. 4).

Пожеланием авторскому коллективу будет лишь продолжение новаторского подхода в исследовании наиболее сложных закономерностей при доказывании правоохранительными органами Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галузо В.Н.* О праворегулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Междунар. журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5–8.
2. *Галузо В.Н.* Об аббревиации в Российской Федерации (юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10. С. 90–94.
3. *Галузо В.Н.* Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование). М., 2022.
4. *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 4, 44–187, 197–212, 223–235, 247–315.
5. *Туганов Ю.Н., Аулов В.К.* Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21–25.

REFERENCES

1. *Galuzo V.N.* On legal regulation as an alternative to law enforcement in the Russian Federation // International journal of Constitutional and State Law. 2022. No. 1. P. 5–8 (in Russ.).
2. *Galuzo V.N.* On abbreviation in the Russian Federation (legal aspect) // Law and the State: Theory and Practice. 2020. No. 10. P. 90–94 (in Russ.).
3. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement in the Russian Federation (historical and legal research). M., 2022 (in Russ.).
4. *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation. 6th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2022. P. 4, 44–187, 197–212, 223–235, 247–315 (in Russ.).
5. *Tuganov Yu. N., Aulov V.K.* Drafts of the new Code of the Russian Federation on Administrative offenses: a brief overview of approaches // Law in the Armed Forces – Military-legal review. 2020. No. 7 (276). P. 21–25 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТУГАНОВ Юрий Николаевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор Российской таможенной академии;
140015 Московская область, г. Люберцы,
Комсомольский проспект, д. 4

Authors’ information

TUGANOV Yuri N. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Professor of the Russian Customs Academy;
4 Komsomolsky ave., 140015 Moscow Region,
Lyubertsy, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 12, с. 197–207
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 197–207

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» В 2022 ГОДУ

Авакьян С.А. Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства	№ 6	13–22
Агамиров К.В. Общетеоретические основы юридического прогнозирования	№ 6	23–31
Виноградова Е.В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности	№ 4	7–12
Головин А.Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции	№ 1	34–45
Добрынин Н.М. Российский федерализм: онтологическая состоятельность модели государственного устройства как фактор солидаризации народа в условиях «необъявленной» экономической войны со стороны «коллективного Запада»	№ 8	21–33
Клеандров М.И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право-и нормонарушения	№ 10	7–17
Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть	№ 1	7–18
Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть (Окончание)	№ 3	7–18
Клеандров М.И. О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях	№ 2	44–56
Клеандров М.И. Факторы субъективного свойства, влияющие на справедливость выносимых судьями решений	№ 5	7–19
Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам – 95 лет	№ 2	7–27
Кожевников В.В. Государственно-правовой режим как элемент формы государства	№ 8	34–46
Кравец И.А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты	№ 1	19–33
Краснов М.А. Пути расширения президентской компетенции	№ 11	22–33
Кудрявцев В.Н. Свобода научного творчества	№ 2	28–36
Малько А.В., Костенко М.А. Юридическая техника и юридическая технология: комплексный характер взаимодействия	№ 7	22–29
Малько А.В., Трофимов В.В., Гурьев В.В. Конкуренция и кооперация интересов в правовой политике и праве	№ 11	34–46
Миклашевич П.П. О знаковом решении Конституционного Суда Республики Беларусь об исторической памяти	№ 6	7–12
Миклашевич П.П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок	№ 11	7–21
Президентом Российской академии наук избран академик РАН Геннадий Яковлевич Красников	№ 9	–
Рагимов И., Абдуллаев Ч., Джафаров А., Самедова Ш., Аликперов Х. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? (Размышления над книгой А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»	№ 12	7–26
Светланов А.Г. Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности	№ 2	37–43
Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л., Николаев В.Е. Основные направления совершенствования правового регулирования дистанционных форм работы субъектов государственной системы научной аттестации	№ 3	31–40
Тихомиров Ю.А. Субъекты и их интересы в правовом пространстве	№ 7	7–21
Черепанов В.А. О сменяемости лиц, замещающих президентскую должность: опыт научного осмысления	№ 3	19–30
Эбзеев Б.С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире	№ 8	7–20

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Савенков А.Н. Служение науке (К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе)	№ 9	9–21

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Беседа с действительным членом Российской академии наук, ректором Московской государственной юридической академии О.Е. Кутафиным	№ 2	63–65
Зорькин В.Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества	№ 2	77–88
«Нам нужна новая Конституция» Интервью главного редактора журнала А.И. Ковлера с А.И. Лукьяновым, Председателем Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной реформе	№ 2	57–62
Хабриева Т.Я. Российская Конституция и эволюция федеративных отношений	№ 2	66–76

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, проф., доктора юрид. наук В.А. Туманова журналу «Государство и право»	№ 2	89–92
Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук М.В. Баглай отвечает на вопросы журнала «Государство и право»	№ 2	93–95

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Бочкарёв С.А. Постправо и его социально-психологический портрет	№ 5	20–32
Керимов Д.А. Методологические функции философии права	№ 2	96–102
Корнев В.Н., Кононенко В.И. Право, правоприменение и юридическая герменевтика	№ 1	54–63
Левченков А.И., Глазков В.А. Нравственное государство: реальность и перспективы	№ 4	13–20
Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права	№ 2	103–117
Степаненко Р.Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований	№ 1	64–74
Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы	№ 11	47–54
Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права	№ 1	46–53

АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

Жуков В.Н. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное и германский национал-социализм	№ 4	21–34

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Жуков В.И., Савенков Д.А. Институционализация социологии уголовного права в истории и теории юридической науки	№ 2	118–139

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

Жуков В.И. Суицид в парадигме социальной аддикции и психологии права	№ 1	75–82

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Пибаев И.А. Автономия религиозных организаций и свобода вероисповедания в условиях распространения COVID-19 (опыт России и Италии)	№ 12	27–37

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Бурмагин С.В., Барабанов П.К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства	№ 12	45–53
Виноградова Е.В., Михайлова Е.В. Формирование правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации	№ 1	83–90
Генеральный прокурор Российской Федерации отвечает на вопросы журнала «Государство и право»	№ 2	149–153
Лепёшин Д.А., Даутия Т.В. Отдельные аспекты правоприменительной практики принятия предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 144^1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации	№ 6	41–47
Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы	№ 1	91–97
Михайлова Е.В. О правовой природе, принципах и правовом положении участников судебной примирительной процедуры	№ 10	18–30

Михайлова Е.В. Субъекты цивилистического процесса: современный подход № 6 32–40

Михайлова Е.В. Суд и нотариат: перспективы онтологического единства № 12 38–44

Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В.Ф. Яковлев отвечает на вопросы журнала «Государство и право» № 2 154–161

Строгович М.С. Судебная этика, ее предмет и сущность № 2 140–148

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Будник Р.А. Право на ремикс: идеи и оригинальные формы музыкального творчества № 8 47–62

Васильев А.А., Гройсман С. Правовая доктрина как источник права в России и Болгарии: сравнительные аспекты № 7 30–39

Егоров А.В. Интеграционная сущность современного права и его компаративный потенциал № 10 31–41

Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции № 2 162–174

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Авдеев Д.А. Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки) № 9 47–56

Александров А.И., Богатырев Д.К. Истина философии и идея права: проблема единства № 9 22–30

Алексеев С.С. Несколько мыслей о нашей юридической науке № 2 175–179

Баранов В.М., Лаврентьев А.Р., Трусов Н.А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент № 1 110–119

Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве № 6 57–67

Василевич Г.А., Шидловский А.В. Нюрнберг – Приговор во имя Мира № 8 63–68

Васильев П.В. Правовое регулирование: проблемы понимания № 11 79–84

Виноградова Е.В. Конституционное Собрание Российской Федерации. Нераскрытый потенциал учредительной власти № 9 31–36

Выдрин И.В. Евразийство как конституционно-правовой проект развития России (статья-рецензия на монографию Ю.И. Скуратова «Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2021. – 439 с.») № 5 47–54

Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право») № 12 59–67

Гаврилов В.В., Коробеев А.И. Фундаментальное исследование Нюрнбергского процесса Заметки на полях (статья-рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. – 760 с.») № 4 35–41

Грачёва Ю.В., Есаков Г.А. Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») № 4 42–46

Данилевская И.Л. К вопросу о Конституционном Собрании № 9 37–46

Добрынин Н.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и дальнейшая эволюция муниципального управления в России: на пути от субсидиарности к «демократическому централизму»? № 5 33–46

Добрынин Н.М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка: посильные суждения о современной интерпретации «вечных конституционных идеалов» № 11 68–78

Иванов Н.Г. Уголовный кодекс Российской Федерации как воплощение трансцендентности в союзе с Übermensch (Приглашение к откровенному разговору) № 3 53–60

Ипатов В.Д. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 8 69–70

Керимов А.Д. Нравственность, государство, капитализм: размышления о теории нравственного государства С.Н. Бабурина № 1 98–109

Корсаков К.В., Руденко В.Н. Переосмысляя Нюрнберг (размышления после прочтения монографии А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») № 10 42–50

Костенников М.В., Куракин А.В. К вопросу о соотношении и эффективной реализации государственных и социальных услуг № 3 41–52

Лисицын-Светланов А.Г. Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) № 7 40–45

Луньков А.С. Эволюция принципа верховенства права в истории цивилизации
А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. № 12 68–70

Мамитова Н.В. Нравственные ценности конституционализма: историческая ретроспектива и современная реальность (Рассуждения о теории нравственного государства С.Н. Бабурина) № 10 63–70

Миклашевич П.П. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 7 46–48

Осипов М.Ю. О единстве и дифференциации юридической науки в Российской Федерации № 6 48–56

Плигин В.Н. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 12 54–58

Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? № 3 61–69

Руденко В.Н., Фишман Л.Г. От права войны и мира к принципам Нюрнберга
А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. № 11 60–67

Ручкина Г.Ф., Попова А.В. К вопросу о содержании дефиниции «финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности» № 11 85–98

Соболевская Ю.В. Реквием по Левиафану. Правоведы присоединяются? № 8 73–82

Соколова М.А. Надотрасль как новый элемент системы права № 12 71–77

Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) № 10 51–62

Хомчик В.В. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 7 49–51

Цветков Ю.А. Проблемы уголовно-правовых наук в контексте объединения научных специальностей (Памяти В.В. Лунеева) № 10 71–83

Чуйченко К.А. Субъективные заметки (по страницам монографии А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») № 11 55–59

Шкляревский А.Н. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 8 71–72

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Хижняк В.С. Трудовая миграция и человеческий капитал в условиях глобализации: проблемы конституционно-правовой политики № 9 57–65

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Колотова Н.В. Состояние экономики как фактор осуществления социальных прав № 6 79–88

Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней № 6 68–78

Лукашева Е.А. Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека № 2 187–193

Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества № 9 66–74

Пресняков М.В. Субъективные публичные права и проблема определенности правового статуса личности № 7 52–62

Скобликов П.А. Охрана прав потерпевших: актуальное содержание нормы, закрепленной в ст. 52 Конституции РФ № 3 70–78

Чхиквадзе В.М. Личность и государство: взаимная ответственность № 2 180–186

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Турищева Н.Ю. Территориальная избирательная комиссия федеральной территории «Сириус» как публичный орган с особым статусом № 4 47–55

Чеботарев Г.Н. Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов № 1 120–129

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовые аспекты предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации	№ 11	99–105
Габов А.В. Мораторий в российском гражданском праве: природа, особенности применения и перспективы развития регулирования	№ 4	56–78
Габов А.В. Мораторий в российском гражданском праве: природа, особенности применения и перспективы развития регулирования (Окончание)	№ 5	55–67
Габов А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность	№ 2	211–226
Габов А.В., Лаптев В.А. Неустойка (пеня) в случае просрочки исполнения обязательств поставщика в Законе о контрактной системе: особенности регулирования	№ 12	78–85
Габов А.В., Лаптев В.А. Правовая природа и пределы применения неустойки в комиссионных правоотношениях в области военно-технического сотрудничества	№ 9	75–83
Ефимов А.В. Функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права	№ 6	89–96
Ефимова Л.Г. Технический прогресс и отдельные проблемы гражданского права	№ 10	84–92
Клеандров М.И. О необходимости радикальной модернизации российского предпринимательского права	№ 7	63–69
Лаптев В.В. Некоторые проблемы предпринимательского (хозяйственного) права	№ 2	200–210
Свиридова Е.А. NFT токены в контексте авторских прав на произведения	№ 8	83–92
Толстой Ю.К. Совершенствование гражданского законодательства	№ 2	194–199

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Забрамная Е.Ю. Безвиновная ответственность в трудовом праве: теоретический аспект	№ 7	70–79
Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений	№ 1	130–142

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: титул природы в головном акте экологического законодательства	№ 11	106–113
Игнатьева И.А. Понятийный аппарат экологического права в работах О.И. Крассова (К юбилею ученого)	№ 12	86–91
Колбасов О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект)	№ 2	227–234
Хорошавин А.В. Проблемы правового регулирования, препятствующие построению эффективной системы утилизации отходов в Российской Федерации	№ 10	93–99
Шапоренко С.И. Правовые проблемы охраны бессточных пересыхающих водоемов на примере Туралинских озер Дагестана	№ 5	68–76

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аликперов Х.Д. Бинарная сингулярность причин индивидуального преступного поведения	№ 1	143–157
Генрих Н.В. Криминализация и международные отношения	№ 11	114–122
Дамаскин О.В., *Красинский В.В.* Возвращение террористов и их родственников из зон вооруженных конфликтов: гуманитарные, уголовно-правовые, процессуальные и криминологические аспекты	№ 5	77–88
Карабанова Е.Н. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних	№ 10	100–107
Овчаров А.В. Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения нарушений в сфере ограничения конкуренции	№ 4	79–89
Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда	№ 9	84–93
Скобликов П.А. Принцип максимальной терпимости в уголовной политике: на примере характерного законопроекта	№ 8	93–102
Якимов А.Ю. Вопросы гармонизации норм, устанавливающих административную и уголовную ответственность за нарушения в области дорожного движения	№ 8	103–110

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Гришковец А.А. Система административного права: актуальная трактовка — № 12 — 92–98

Евдокимов А.С., Комаров С.А., Сергун П.П. Административно-правовые аспекты развития риск-ориентированного подхода в Российской Федерации на основе зарубежной практики — № 10 — 116–128

Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность — № 4 — 90–102

Кобзарь-Фролова М.Н., Сморчкова Л.Н. Административно-правовое регулирование отношений в условиях эпидемий и распространения вирусных инфекций: проблемы и перспективы развития — № 11 — 123–130

Сморчкова Л.Н. Административно-правовое обеспечение «зеленой» экономики в России — № 4 — 103–110

Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Административное принуждение в антимонопольной сфере: вопросы правовой политики — № 10 — 108–115

Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации — № 12 — 99–105

ВОЕННОЕ ПРАВО

Бодаевский В.П. Действие российского уголовного закона относительно воинских преступлений в пространстве — № 7 — 80–89

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Газизуллин Р.И. Междисциплинарный подход в исследованиях социально-правовой ответственности бизнеса: методологические проблемы — № 4 — 111–120

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Запольский С.В., Субочев В.В. Инвестиции в инновации как основа финансовой безопасности государства: мировой опыт и политико-правовая стратегия Российской Федерации — № 3 — 79–88

Лаптев В.А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе — № 7 — 90–101

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Запольский С.В., Васянина Е.Л. Обязательство – ключевая категория теории финансового права — № 8 — 111–120

Кикавец В.В. Правовая форма финансового обеспечения публичных закупок — № 3 — 89–98

Тарасенко О.А. Перспективная модель организации саморегулирования на банковском рынке — № 11 — 131–138

Тосунян Г.А. Защита банковской деятельности: уголовно-правовой аспект — № 2 — 235–242

Шохин С.О., Кудряшова Е.В. Документы стратегического планирования как источники финансового права — № 1 — 158–167

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Игнатьева И.А. Возобновляемая энергетика в сельском хозяйстве: специфика и вопросы правового регулирования — № 6 — 97–108

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Кобзарь-Фролова М.Н., Васянина Е.Л. Алиментный фонд как правовая защита детей, оставшихся без содержания (финансово-правовой аспект) — № 6 — 122–130

Летова Н.В. Защита имущественных прав детей в случае приобретения жилого помещения за счет средств материнского капитала — № 8 — 121–128

Летова Н.В. Материнский капитал как разновидность социальной поддержки семей с детьми: проблемы правоприменения и пути решения — № 5 — 96–103

Летова Н.В. Семейное насилие как негативное социальное явление современного общества — № 12 — 106–111

Летова Н.В. Тенденции развития законодательства о банкротстве супругов: проблемы и перспективы — № 3 — 99–107

ПРАВО И МЕДИЦИНА

Лапаева В.В. Биоэтический комитет как институт социального контроля за технологическими инновациями в медицине: правовой анализ — № 4 — 121–134

Трощкая А.А., Храмова Т.М. «Принудительный» иммунный ответ: проблемы вакцинации от COVID-19 № 5 89–95

Троицкая А.А., Храмова Т.М. «Принудительный» иммунный ответ: проблемы вакцинации от COVID-19 (Окончание) № 6 109–121

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? № 10 141–154

Жуков В.И., Раттур М.В. Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития № 10 129–140

Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права № 9 94–104

Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире № 5 104–114

Солдаткина О.Л. Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики № 12 112–118

Талапина Э.В. Гендерное равенство в условиях цифровизации: европейский правовой опыт № 5 115–123

Троян Н.А., Бойченко И.С. Информационно-правовое обеспечение формирования системы публичной власти в России: проблемы и приоритеты № 3 117–126

Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach № 1 168–178

Neznamov A.V. Impact of the concept of “technoscience” on the genesis features of the legal regulation of artificial intelligence and robotics technology № 3 108–116

Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation № 11 139–147

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЮРИСТЫ РОССИИ

Зайцев В.В. В.Ф. Яковлев: ученый, опередивший время № 7 102–109

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Жуков В.Н. Э. Фромм: европейская культура и германский национал-социализм № 9 105–121

Кабышев В.Т. Анализ психологии власти в работах конституционалистов советского и постсоветского этапов развития России № 9 122–127

Кабышев В.Т. Вопросы психологии власти в работах русских государствоведов конца XIX – начала XX в. № 8 129–135

Никандров А.В. Развитие концепции Советского государства в 1930-е годы: коррекция марксизма или новая теория государства? № 7 110–121

К НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Голунский С.А. Об учебной дисциплине «Прокурорский надзор в СССР» № 2 243–248

Топорнин Б.Н. Правовая реформа и развитие высшего юридического образования в России № 2 249–264

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бутрим И.И., Чучаев А.И. Истоки международного гуманитарного права № 6 131–141

Вылегжанин А.Н., Иванов Д.В. Понятия «народ», «нация», «человечество» в международном праве № 10 163–175

Дементьев А.А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA № 1 179–187

Ермакова Е.П. «Солнечные» споры: может ли выход Италии из Договора к Энергетической хартии привести к его краху? № 3 150–163

Жудро И.С. Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств № 9 128–139

Жудро И.С., Редникова Т.В. Арктика: устойчивое развитие региона и обеспечение национальной безопасности № 3 127–137

Карташкин В.А. Устарело ли международное право: мифы и реальность № 8 136–146

Кораблева С.Ю. Справедливость правосудия: опыт Международного уголовного суда и его значение для развития национальных систем уголовной юстиции № 4 135–142

Коровин Е.А. Об общепризнанных нормах международного права № 2 273–278

Крылов Н.Б., Шинкарецкая Г.Г. Положение юридических лиц в процессе космической деятельности № 10 155–162

Кудашкин В.В. Актуальные правовые вопросы инвестиций в области военно-технического сотрудничества № 11 148–154

Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р., Насырова Е.В. Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом № 10 176–183

Трайнин А.Н. Закон о защите мира № 2 265–272

Чайка К.Л. Международные суды: эволюция компетенции и влияние на поддержание международного правопорядка № 3 138–149

В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С., Рустамбеков И.Р. Реформа международного частного права в Республике Узбекистан № 7 132–145

Юлдошев Р.Р. Становление и развитие юридической науки, института ученых степеней и подготовки кадров в Республике Таджикистан № 7 122–131

В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М. Категории иностранных инвестиций и иностранного инвестора в национальном законодательстве и международных договорах государств – членов Евразийского экономического союза № 12 119–130

Инамова Е.А., Семикина С.А., Юсупова А.Н. Судебная политика России и Казахстана: экологические споры и нормативно-правоприменительные механизмы их разрешения № 4 143–153

ЗА РУБЕЖОМ

Абросимова Е.А. Некоторые особенности торгового и договорного права стран Латинской Америки № 10 184–192

Автономов А.С. Институт сертификата акции по праву Нидерландов № 4 154–165

Васильева Т.А. Пандемия COVID-19 как катализатор виртуализации парламентской деятельности № 5 124–131

Ермаков Д.Н., Ду Сюецзин, Сыманюк Н.В. Система наказаний в Китайской Народной Республике, не связанных с лишением свободы № 11 165–173

Ермакова Е.П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств (“e-discovery”) № 11 155–164

Жарова А.К. Правовая модель борьбы с информацией, не соответствующей действительности, в Интернете (на примере Австралии) № 6 142–151

Нгуен Нгок Киен, Тью Ван Хунг. Развитие и совершенствование системы наказаний в контексте уголовного законодательства Вьетнама № 8 156–166

Черкасов А.И. Проблема взаимодействия органов публичной власти различных уровней в условиях борьбы с пандемией COVID-19 в федеративных государствах № 5 132–141

Чехарина В.И. Право на аборт в период пандемии COVID-19 в зарубежных странах: диверсификация подходов № 8 147–155

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Батюкова В.Е. К 100-летию Уголовного кодекса РСФСР: ретроспективный анализ понятия преступления первых лет советской власти № 12 131–138

Бельский К.С. Бюджетная реформа Александра II и развитие института бюджетного права во второй половин XIX – начале XX в. № 3 186–192

Бельский К.С. Захват власти в России большевиками в Октябре 1917 г. Политика «военного коммунизма» как особый сбор дани с русского (российского) крестьянства № 9 140–149

Бельский К.С. Эмиссионное право в системе финансового права и денежная реформа С.Ю. Витте в 1895–1897 гг. № 6 168–175

Берлявский Л.Г. Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя (1917 – вторая половина 1930-х годов): обзор исследований № 1 188–202

Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю. Правовое регулирование порядка выдачи преступников по законодательству Российской Империи начала XX века № 7 146–154

Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Чибисова Е.И. Политико-правовые регуляторы интервенции Антанты на Русском Севере № 5 142–152

Краковский К.П. «Забытый» юридический вуз: Институт красной профессуры советского строительства и права (1931–1938 гг.) № 3 173–185

Чучаев А.И. Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия) № 6 152–167

Шкаревский Д.Н. Органы советской пенитенциарной (лагерной) юстиции (1930–1950-е гг.) № 11 174–181

Шульженко Ю.Л. Истоки парламентаризма в России № 3 164–172

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Ахунзянова Ф.Т. Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы № 7 168–172

Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Коллективное и индивидуальное познание в деятельности правоприменителя № 12 139–144

Борисова Л.В. Защита права педагога на частную жизнь: поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов № 12 158–163

Борисова Л.В. Расширение сети государственных юридических бюро для защиты прав социально незащищенных граждан: за или против? № 6 180–184

Вельяминов Г.М. Россия – единая и неделимая № 1 203–206

Галустьян О.А., Соломатина А.Г. Новые формы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве № 4 166–170

Гунич С.В. К вопросу становления парламентско-президентской республики в России № 5 153–157

Иванова Е.С. К вопросу о правовом регулировании искусственного интеллекта в Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) № 11 202–206

Каграманов А.К. Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности № 11 182–186

Коваль В.Н. Влияние инновационных технологий на развитие гражданских правоотношений № 6 176–179

Крамской В.В. Конструкции «инфирмитивное право», «секундарное право», «потестативное право» в контексте новой классификации субъективных прав № 11 187–191

Ксенофонтова Д.С. Основные направления модернизации правового института алиментирования № 11 197–201

Латыпова Н.С. Перспективы формирования правовых (судебных) доктрин: опыт США и возможности рецепции № 7 162–167

Лебедь К.А. Решение суда в системе гражданского процессуального права № 12 164–168

Ломакина Л.А. Судебная защита трудовых прав граждан при увольнении по собственному желанию № 10 193–198

Лушников А.М., Чуча С.Ю., Смирнов Д.А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода № 7 155–161

Никурадзе Н.О. Удаленное правосудие по уголовным делам сквозь призму зарубежного опыта № 7 173–177

Овчинникова Ю.С. Отступное как способ прекращения обязательства: новые тенденции № 9 167–173

Осавелюк Е.А. Об учете принципов международного права в формировании внешней политики Российской Федерации № 3 193–198

Пермиловский М.С. Об экосистемном подходе к развитию Арктики в связи с новейшим инвестиционным регулированием № 9 156–161

Пушкина А.В. Защита прав должника при обеспечительной передаче правового титула № 9 162–166

Пушкина А.В. Особенности оспаривания решений собраний № 12 152–157

Рябцева Е.В. Влияние пандемии на развитие правосудия по уголовным делам № 5 158–164

Соловяненко Н.И. Осуществление прав физических и юридических лиц в области использования электронных подписей как условие доверия в цифровой среде № 11 192–196

Туранин В.Ю. Государство, общество и личность как субъекты реализации национальных интересов № 8 167–172

Уткин Г.Н. Связь условного и безусловного в характеристике права в восточных правовых культурах № 12 169–172

Щенникова Л.В. Вещное право в отражении зарубежной цивилистики № 12 145–151

Эйюбова М.Ю. Основы международно-правовой ответственности за ущерб, причиненный военными преступлениями № 4 171–175

Эриашвили Н.Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации № 9 150–155

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алешкова И.А., Алферова Е.В., Анциферов Н.В. Обзор международной научной конференции «Принципы конституционного права как правовые регуляторы современной жизни и развития» № 7 178–183

Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») № 12 173–185

Варламова Н.В., Васильева Т.А. Европейский конституционализм: разновекторные тенденции (Всероссийская научная конференция с международным участием) № 10 205–214

Васильева Т.А., Колотова Н.В. Диаспоры и государства происхождения: правовые механизмы взаимодействия (Всероссийская научная конференция с международным участием) № 10 199–204

Каплунов А.И., Ухов В.Ю. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права № 9 174–186

Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века № 5 165–180

Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В. Правовая культура и государственно-правовая жизнь общества № 8 173–189

Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (К 100-летию образования СССР) № 12 186–192

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Айриян Э.В. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 6 190–191

Амосов С.М. Погружение в глубины правосудия
М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость № 4 176–178

Бабурин С.Н., Голик Ю.В. А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира № 6 185–189

Бабурин С.Н., Кожокарь И.П. Н.А. Власенко. Современное российское государство. Очерки № 3 204–207

Брежнев О.В. Конституционное правосудие в исторической ретроспективе
История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 9. История конституционного правосудия в России / В.А. Кряжков, М.А. Митюков № 9 187–190

Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости
М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость № 8 190–194

Капустин А.Я., Каламкарян Р.А. Новационное видение современного международного территориального права как целостной системы права
В.А. Батырь. Международное территориальное право № 10 215–217

Керимов А.Д. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для бакалавриата / отв. ред. В.В. Невинский № 4 183–184

Корякин В.М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование № 1 207–210

Левакин И.В. О развитии правовой науки и ее методологии
А.А. Малиновский. История и методология юридической науки: учебное пособие № 8 195–198

Липчанская М.А. Новая монография по конституционному праву
Л.А. Нудненко. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия № 5 185–187

Лысенко О.Л. О значимости перевода Кодекса Юстиниана на русский язык: взгляд историка права № 6 192–195

Макаренко В.П. Упущенная возможность?...
Ю.М. Батурин. Союз (не)возможный. Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991 № 7 188–191

Нудненко Л.А. Д.Р. Салихов. Протестные отношения в конституционном праве: от теории к практике конституционно-правового регулирования № 11 207–209

Редкоус В.М. Теоретическое обоснование правоохраны в Российской Федерации: состояние и перспективы развития № 5 188–192

Туганов Ю.Н. О воссоединении юридической науки и практики посредством комплексного праворегулирования в Российской Федерации № 12 193–196

Фоков А.П. Правосудие и справедливость
М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость № 4 179–182

Фролова Е.А. В.С. Груздев. Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты № 5 181–184

Хомчик В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки № 3 199–203

Честнов И.Л. Новое исследование по антропологии права
В.И. Павлов. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования № 7 184–187

Khramova, T.M., Troitskaya, A.A. History of court and justice in Russia: in 9 vols /res. eds. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 9. History of constitutional justice in Russia / V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov № 9 191–194

НЕНАУЧНАЯ СТРАНИЧКА

Из воспоминаний Г.Х. Шахназарова № 2 279–289

ПЕРСОНАЛИИ

Сырых В.М., Агамиров К.В. Олег Юрьевич Рыбаков – ученый-правовед и философ права № 5 193–194

НЕКРОЛОГ

Савенков А.Н. Институт государства и права РАН с глубоким прискорбием сообщает о кончине выдающегося советского и российского ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата Государственной премии Российской Федерации Виктора Васильевича Лунеева № 1 211–212

Савенков А.Н. Ушел из жизни выдающийся советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Виктор Дмитриевич Перевалов № 1 213–214

IN MEMORIAM

Трофимов В.В., Иванова Н.А. Памяти Николая Антоновича Придворова (09.01.1935–30.08.2022) № 10 218–219

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01
Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА
40.04.01
Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА
40.06.01
Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).